

КАЗАНСКИЙ (ПРИВОЛЖСКИЙ) ФЕДЕРАЛЬНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ»

М.А. Сапронова

АРАБО-МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР
история, география, общество

Учебное пособие

КАЗАНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
2013

УДК 94(61):94(53)(075.8)

ББК 63.3(0)6я73

С 19

*Печатается по рекомендации
Ученого совета Института международных отношений
Казанского (Приволжского) федерального университета
в рамках реализации Федеральной целевой программы
по подготовке специалистов с углубленным знанием
истории и культуры ислама*

Рецензенты:

канд. ист. наук, доц. кафедры теории и истории международных отношений
Российского университета дружбы народов **Е.М. Савичева;**

канд. ист. наук, старший научный сотрудник Центра арабских и исламских
исследований Института востоковедения РАН **В.Б. Долгов**

Сапронова М.А.

С 19 **Арабо-мусульманский мир: история, география, общество:** учеб. пособие / М.А.Сапронова. – Казань: Казан. ун-т, 2013. – 360 с.

ISBN 978-5-00019-161-3

Работа представляет собой комплексное исследование, где на основе большого фактологического и информационного материала последовательно рассматриваются особенности географии арабского региона, его экономического и социального развития, этноконфессиональной структуры населения, а также анализируется динамика исторического процесса в XX в. Учебное пособие предназначено для студентов востоковедных вузов и факультетов, изучающих арабский язык, историю и культуру арабо-мусульманского мира, а также будет полезно всем, кто интересуется современными проблемами Арабского Востока.

УДК 94(61):94(53)(075.8)

ББК 63.3(0)6я73

ISBN 978-5-00019-161-3

© Сапронова М.А., 2013

© Казанский университет, 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. ФИЗИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ АРАБСКИХ СТРАН.....	7
1.1. Географическое единство региона и субрегионы арабского мира	7
Африканская зона арабского мира	8
Восточносредиземноморская зона	9
Аравийская зона	10
1.2. Особенности физико-географических и климатических условий	11
Пустыни	11
Моря, заливы, проливы.....	15
Реки и другие источники пресной воды	18
Горы	25
1.3. Природные ресурсы	31
1.4. Нефтяные и газовые месторождения зоны Персидского залива.....	33
Нефтяные и газовые месторождения-гиганты	33
Специфика социально-экономической и политической модернизации аравийских монархий	36
1.5. «Водный вопрос» в межарабских отношениях.....	41
Водный вопрос в иордано-сирийских и иордано-израильских отношениях.....	44
Водный вопрос в сирийско-иракских отношениях	46
Водный вопрос в ливано-израильских отношениях	47
Водный вопрос в палестино-израильских отношениях.....	49
«Водная» безопасность Египта.....	52
Вопросы для самоконтроля	56
Примеры контрольных заданий.....	57
Литература по 1 главе	57
2. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ АРАБСКИХ СТРАН.....	59
2.1. Особенности экономического развития арабских стран.....	59
2.2. Сельское хозяйство и промышленность.....	69
2.3. Вопросы экологии и проблема защиты окружающей среды	74
Проблема деградации земельных ресурсов, изменения климата ..	76

Стратегия арабских стран в решении экологических проблем.	
Государственные планы и программы по сохранению окружающей среды	79
2.4. Интеграционные процессы на субрегиональном уровне	85
Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива	85
Совет арабского сотрудничества	92
Союз арабского Магриба	94
Сотрудничество САМ и Европейского Союза. Союз для Средиземноморья	103
2.5. Арабские страны в мировой экономике и процессе глобализации	107
Вопросы для самоконтроля	115
Примеры контрольных заданий	116
Литература по 2 главе	117
3. СОВРЕМЕННОЕ РАЗВИТИЕ АРАБСКОГО ОБЩЕСТВА	120
3.1. Общая характеристика народонаселения арабских стран	120
3.2. Этническая структура населения	127
«Берберский вопрос» в странах Магриба	137
Иракский Курдистан и проблема Киркука	147
Этническое многообразие и политические проблемы Судана	156
Этноконфессиональная ситуация в Сирии	163
3.3. Конфессиональная неоднородность арабского мира.	
Конфликтность арабского региона	166
Исламский конфессионализм	171
Ближневосточные христиане	180
Христианская община в Египте	182
Проблема трансформации конфессиональной системы государственного устройства в Ливане	189
Шиитская проблема в Ираке	205
Конфликтность региона	219
3.4. Миграционные процессы в арабском регионе	221
Вопросы для самоконтроля	234
Примеры контрольных заданий	235
Ситуационный анализ (<i>пример</i>) Развитие ситуации в Ираке (<i>сценарий ситуационного анализа</i>)	236
Литература по 3 главе	238
4. ДИНАМИКА ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ АРАБСКОГО МИРА В XX в.	241

4.1. Достижение политической независимости и развитие арабского мира после Второй мировой войны	241
Создание Лиги арабских государств и ее деятельность в 1950-е гг.	244
Первая арабо-израильская война 1948 г. Создание Иорданского Хашимитского королевства.....	246
Революция 1952 г. в Египте.....	251
Провозглашение независимости Туниса и Марокко. Дустуровский и марокканский социализм	255
Суэцкий кризис 1956 г. и его последствия	262
Создание Багдадского пакта. Революция 1958 г. в Ираке	265
4.2. Становление государственности и укрепление политической независимости в 1960-е гг. Арабский национализм и социализм....	270
Национально-освободительная борьбы алжирского народа за независимость. Смена власти в 1965 г.	272
Реформы короля Саудовской Аравии Фейсала. Создание Организации Исламской Конференции (ОИК).....	278
Палестинское движение сопротивления и создание Организации освобождения Палестины.....	281
Революция 1969 г. в Ливии	283
4.3. Развитие арабского мира в 1970-1980-е гг.: прагматизм в политике, противоречия, конфликты	285
«Исправительное движение» в Сирии. Приход к власти Хафиза Асада	287
Война 1973 г. и ее последствия. Заключение мирного договора между Египтом и Израилем	289
Переход к «прямой демократии» в Ливии. «Джамахиризация» страны	292
Гражданская война в Ливане 1975–1989 гг.. Израильская агрессия в Ливан	295
Ирано-иракская война 1980-1988 гг.....	299
Палестинская интифада и провозглашение Палестинского государства. Начало арабо-израильских переговоров в Мадриде.....	302
«Жасминовая революция» в Тунисе 1987 г.	306
Интеграционные процессы в арабском мире.....	312
4.4. Арабский мир после краха биполярной системы. Эпоха глобализации и демократизации.....	317
Кувейтский кризис 1991 г.....	319

Объединение Йемена. Гражданская война между Севером и Югом	321
Государственный переворот в Алжире 1992 г. и его последствия	325
Военная операция США против Ирака. Становление новой иракской государственности	327
Военная операция Израиля в Ливане. Усиление политической роли Хизбаллы	330
Кризис переговорного процесса в палестино-израильском урегулировании. Приход к власти в секторе Газа ХАМАС	333
4.5. Генезис «арабских революций» 2011 г.	338
Мотивы социального взрыва	338
Общие черты социального взрыва	344
Роль внешнего фактора	347
Вопросы для самоконтроля	353
Примеры контрольных заданий	354
Литература по 4 главе	358

1. ФИЗИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ АРАБСКИХ СТРАН

1.1. Географическое единство региона и субрегионы арабского мира

Арабский регион (Арабский Восток) – территории, занимаемые суверенными государствами и простирающиеся от Персидского залива через районы Юго-Западной Азии и Северной Африки до Атлантического побережья. Здесь расположены 18 суверенных государств, а также: Палестинская национальная автономия (ПНА), проблемные территории Западной Сахары, спорные территории Сеуты и Мелильи, окончательный статус которых не определен.

Площадь региона – примерно 10% территории мира (более 14 млн км²), где проживает около 500 млн человек, что составляет ок. 6% мирового населения. При этом 70% территории арабских государств находится в Африке, где проживает 75% арабского населения.

Арабский регион:

- характеризуется крайне выгодным географическим и военно-стратегическим положением: это контактная зона трех частей света;

- омывается многими морями и другими водными артериями (Средиземным, Красным, Каспийским морями, Персидским заливом, Суэцким каналом и др.);

- геологическое строение региона определило его уникальность – колоссальную нефтегазоносность: здесь сосредоточено около 70% разведанных запасов нефти всего мира и более 20% газа;

- большинство стран расположены в условиях сухих субтропиков или тропических пустынь, в регионе расположена самая большая зона песчаных пустынь в северном полушарии. В связи с этим здесь исторически зародились уникальные приемы рационального водопользования и ирригации;

- резкий дефицит земельных и лесных ресурсов.

Страны региона существенно различаются как по экономическому потенциалу, так и по уровню развития, характеризующемуся, в частности, показателем ВВП на душу населения. В целом по региону доля населения, чей годовой доход меньше 1000 долл., – 21%, от 1000 до 2500 – 62%, до 10 000 – 15%. Особняком стоит группа нефтедобы-

вающих стран Персидского залива, где этот показатель сопоставим с индустриальными государствами Европы (от 15 000 долл. и выше).

Уровень инфляции в целом в арабских странах находится на приемлемом уровне 3% в год за исключением Йемена (15%) и Судана (12%).

До середины XX в. международное значение стран региона определялось прежде всего их выгодным экономическим и военно-стратегическим положением с достаточно развитой инфраструктурой, созданной в колониальные времена. Исключительно важное значение имел Суэцкий канал. После Второй мировой войны, когда в мире резко возросло потребление технических видов топлива, значение арабских стран еще более возросло благодаря наличию гигантских запасов углеводородов. Высокое качество продукта, низкие издержки добычи и транспортировки превратили этот регион в мировую кладовую энергоносителей и химического сырья.

Арабские страны очень разные: среди них есть большие и малые, богатые и бедные, абсолютные монархии и парламентские республики, густонаселенные и малочисленные. С точки зрения глубины цивилизационного фундамента арабский регион можно разделить на три субрегиона: Африканскую зону арабского мира, Восточносредиземноморскую и Аравийскую. У каждой из этих зон своя судьба, но при этом первые две в чем-то ближе друг к другу, а крупнейшая из арабских стран, Египет (население которой перевалило за 80 млн человек), сближает эти зоны между собой, т.к. принадлежит одновременно к обеим.

Африканская зона арабского мира

Африканскую зону арабского мира часто именуют сводным термином Магриб (Запад) – так арабы называли территории, лежащие к западу от Египта. Это Алжир, Тунис, Марокко, Ливия, Мавритания. К этой же зоне принадлежит Судан и Египет (иногда включают Сомали и Джибути).

Группа современных арабских государств Африки в историко-цивилизационном плане является прямым наследником арабского мира времен халифата, хотя некоторые из них (Египет, Ливия) уходят корнями в глубь истории. Все они позже оказались в различной степени вассальной зависимости от европейских держав. Политическую независимость получили в середине XX в.

Несмотря на то, что все арабские страны Африки очень разные, прослеживаются определенные закономерности, например, Мавритания и Судан граничат с неарабским миром Африки, поэтому здесь заметна доля негроидных общностей, что проявляется в значительной экономической отсталости этих стран и сильных сепаратистских тенденциях. Что же касается других арабских стран Северной Африки, то практически все они в свое время «проводили эксперименты» в духе марксистского социализма с упором на тотальную национализацию экономики. Эти принципы были сопряжены с соответствующими действиями во внутренней политике – однопартийностью, сильным президентским правлением. Из пяти арабских стран Африки 3 в свое время избрали такого рода эксперименты (Египет, Ливия, Алжир). К ним можно было бы добавить и Судан, если бы не кратковременность этого периода, не давшая ему проявить себя в полную силу (социалистические идеи были крайне популярны в Тунисе и Марокко).

Арабские страны Африки мало участвовали в войнах (Египет потерпел ряд неудач в войне с Израилем; Ливия предпринимала несколько военных экспедиций в Чаде; Марокко вело боевые действия против ПОЛИСАРИО; много лет идут боевые действия в Судане). Большинство этих военных кампаний были маломасштабными и даже в случае их неудачи не слишком сказались на соответствующих странах и их политике. В общем, это вполне согласуется с аналогичной незначительной ролью военных действий на всем африканском континенте с его этнополитической пестротой.

Восточносредиземноморская зона

Восточносредиземноморская зона арабского мира (Машрик): Сирия, Ливан, Иордания, Ирак и Палестинская национальная автономия (ПНА).

Арабы восточносредиземноморской зоны пришли сюда из Аравии в VII в., причем до их прихода эта земля уже много тысячелетий интенсивно осваивалась земледельцами, была едва ли не центром мировой цивилизации, во всяком случае наиболее древней ее частью. Иными словами, цивилизационный фундамент этого региона был наиболее мощным и плодоносным, а навыки земледелия и ремесла уходили корнями в глубь многих тысячелетий.

Две из этих стран – Ирак и Сирия – сравнительно крупные, сильные, даже агрессивные государства, если иметь в виду господствовавшие в них на протяжении десятилетий политические режимы. Две другие – Ливан и Иордания – государства небольшие.

Ввиду важности геополитического положения этого региона он с самых древних времен находился на пересечении торговых путей. Арабские страны этого региона испытывали и продолжают испытывать сильное внешнее воздействие (в частности, распространение на этот регион мандатной системы Лиги Наций, по итогам которой были созданы два государства – Ирак и Иордания). Эта зона – самая конфликтная зона арабского мира.

Аравийская зона

Аравийская зона арабского мира – это нефтяные монархии: Саудовская Аравия, Кувейт, Бахрейн, Катар, Оман, Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ) и лишенная нефти единственная на Аравийском полуострове республика – Йемен. Этот регион – древние места обитания арабов и иных семитских этнических групп, причем в силу природных условий они в основном были пригодны лишь для кочевой жизни бедуинов, с редкими и небольшими земледельческими оазисами типа Мекки.

Еще сравнительно недавно отсталой периферией арабского региона были аравийские монархии, где отсутствовало государственное устройство (Саудовская Аравия возникла только в 1932 г. после объединения аравийских племен Ибн Саудом). Наиболее передовой зоной арабского мира считалась восточносредиземноморская с Ливаном, Сирией и Египтом в качестве экономических и политических лидеров, а страны Магриба стояли посередине. В настоящее время расстановка субрегионов изменилась. Подавляющее большинство этих стран так или иначе зависит от нефти и нефтедолларов, что отличает мир арабов от остальных регионов.

Провозглашая в конституции страну частью арабского мира, политическую солидарность, однако, арабы не демонстрируют. Единственная проблема, которая по-прежнему объединяет арабский мир, – это палестинские беженцы и противостояние с Израилем.

1.2. Особенности физико-географических и климатических условий

Пустыни

В целом, географические и климатические условия арабских стран достаточно разнообразны. Однако в арабской зоне располагается самая большая зона песчаных пустынь в Северном полушарии. Засушливый или полузасушливый климат распространен на 89% площади, занимаемой арабским миром, при этом на 69% территории количество осадков не превышает 100 мм в год. И только на 11% территории существуют благоприятные условия для проживания и деятельности.

Сухость климата и очень скудная растительность – общая черта пустынь. Описанное многими путешественниками однообразие пустынного ландшафта происходит как раз из-за отсутствия растительности. Однако это не означает, что все пустыни одинаковы. Среди пустынных ландшафтов можно выделить следующие типы:

– песчаные пустыни (эрги) лежат в низинах, в них осаждается песок, выветриваемый с пространств, расположенных выше. Ветер формирует здесь дюны, которые иногда достигают нескольких десятков метров в высоту. При постоянных направлениях ветра образуются барханы. Эрги могут состоять из песков разного цвета: от голубовато-белого до красно-оранжевого;

– галечные пустыни (реги), которые лежат выше песчаных. Это плоские земли, как правило, без растительности, если земля покрыта галькой, или со скупой растительностью, если поверхность песочно-галечная (типичным примером песчано-галечной пустыни является Неджд);

– глинистые (сериры);

– щебнистые пустыни (хамада)

Самая крупная пустыня – Сахара – занимает весь юг Алжира, восток и юг Марокко, юго-запад Туниса. Общая площадь пустыни по разным оценкам колеблется от 8547 до 9100 тыс. км². Большая часть Сахары находится на высоте от 200 до 500 м над уровнем моря и не только лишена каких-либо поверхностных источников воды, но и почти не имеет хорошо развитого растительного покрова. В центральной части Сахары расположении наиболее крупные горные массивы – нагорья Ахаггар и Тибести.

Сахара – одна из самых жарких пустынь в мире. Максимальная температура наблюдается в низинах (Айн-Салах): днем температура достигает отметки 60°C, ночью 40°C. Осадков в Сахаре выпадает в среднем менее 50 мм в год. Иногда дождей не бывает несколько лет подряд, но случаются и наводнения, град и даже снег (в декабре 1967 г. из-за сильных снегопадов район Лагуат у подножья Сахарского Атласа несколько дней был отрезан от внешнего мира, когда высота снежного покрова достигла 80 мм). В Сахаре очень высок уровень испарения. Средний показатель относительной влажности находится на уровне 2,5%, что представляет собой самое низкое значение на Земле. Поэтому Сахару называют и самым сухим местом на нашей планете.

В Алжире Сахара занимает 86% территории, поэтому более 90% населения этой страны сосредоточено на севере вдоль средиземноморского побережья. Это основной сельскохозяйственный район Алжира. В природном и хозяйственном отношениях Алжир можно разделить на два крупных, резко отличных друг от друга региона: зеленый, плодородный, густонаселенный и освоенный север и жаркая, бесплодная и почти безлюдная Сахара, богатая нефтью и газом.

Влияние Атлантического океана на Марокко делает его климат более разнообразным. Здесь выделяют уже пять экономических районов: атлантический Запад – главный аграрно-промышленный район страны; атлантический Северо-Запад – основной район товарного земледелия с центрами обрабатывающей промышленности; среди-

земноморский Север – аграрный район с развитой добычей железной руды; полупустынный Восток – аграрный отсталый район с горно-промышленным узлом; пустынный дальний Юг – слабо освоенная в хозяйственном отношении территория с кочевым скотоводством и оазисным земледелием.

Ливийская пустыня площадью около 2 млн км² занимает северо-западную часть Судана, 2/3 Египта, в пределах Ливии раскинулась на юго-востоке страны на площади более 1,5 млн км².

Ливийская пустыня покрыта сыпучими дюнами высотой более 300 м и находится на высоте 400–500 м над уровнем моря. Имеет ряд тектонических впадин, лежащих ниже уровня моря, где грунтовые воды выходят на поверхность, давая жизнь оазисам. Ливию называют страной пустынь. Между населенными частями Ливии протянулись огромные безжизненные пространства. Так, заселенная восточная оконечность Триполитании отделена от заселенной западной Киренаики 650-километровой полосой пустынь и полупустынь. От Триполи до ближайших оазисов Феццана – 450 км сплошь необитаемой территории. В Ливийской пустыне выпадает менее 25 мм осадков (однако под песками археологи находят остатки многочисленных поселений, которые говорят о том, что конце III – начале II тысячелетия до н.э. Ливия была одной из наиболее развитых сельскохозяйственных стран). Сейчас все оседлое земледельческое население сосредоточено в оазисах, где уровень грунтовых вод близок к поверхности. Там выращивают финиковую пальму и различные садовые, огородные и полевые культуры. В целом, в Ливии только 8% всей территории страны пригодно для хозяйственного использования.

Ливия – одно из самых жарких мест на земле (13 сентября 1922 г. в 42 км от Триполи было зафиксировано 58°C). Есть районы, где осадков не выпадает по 10–15 лет. Бичом страны являются «гибли» (т.н. «южный ветер»), известный в Европе как «сирокко». Дуют гибли не более 15–20 дней в году, но несут громадные массы раскаленного песка и воздуха.

Аравийская пустыня занимает 1/5 территории Египта, большую часть Синайского и Аравийского полуостровов, ее площадь составляет около 222,5 тыс. км². Недра аравийской пустыни богаты не только минералами и полезными ископаемыми, но и подземными грунтовыми водами. Особую группу грунтовых вод образуют горячие сернистые источники, характерные для областей вулканического происхождения.

Аравийская пустыня крайне разнообразна, условно она делится на 3 части: Дахна («красная», «багряная»), которая занимает территорию от Неджда до Хадрамаута, от Йемена до Омана. Это обширное море песка, известное под названием Руб-аль-Хали («пустая четверть»). Местные арабы называют ее просто «ар-Рималь» («пески»). Эта «Великая южная пустыня Аравии» до недавнего времени представлялась в виде наиболее таинственной области, которую в XIX в. исследовал немецкий путешественник фон Вреде и обнаружил там огромные пропасти в песках. Площадь Руб-аль-Хали около 650 тыс. км², длина – 1300 км, ширина – 500 км. Эта часть пустыни известна очень резкими колебаниями температуры в течение суток. Ночью (особенно в декабре и январе) температура опускается до 2°С, иногда случаются заморозки, от которых сильно страдают местные кочевники. Днем столбик термометра поднимается до 45°С.

Другая часть Аравийской пустыни – Нефуд – простирается к северу от горной области Джебель-Шаммара (площадь около 100 тыс. км²) и представляет собой беспорядочное сочетание песчаных гор, холмов, хребтов, местами достигающих 100 м. Здесь также имеются ямы, некоторые из которых очень крупные: 450–500 м в диаметре и глубиной от 30 до 80 м. Третью часть пустыни именуют Харра (горячая), она занимает площадь от Юго-Восточного Хаурана до Мекки. По определению средневековых арабских ученых «Харра – земля, имеющая черные, растрескавшиеся камни, как будто она обожжена огнем». Образовалась эта часть пустыни в результате вулканических явлений – это лавовые острова, лавовые поля, острые камни, по которым не могут ходить даже верблюды.

Нубийская пустыня занимает северо-восточную часть Судана. Здесь присутствуют различного типа пустынные поверхности: каменные, глинистые, галечниковые, песчаные.

Сирийская пустыня – наиболее незначительная по площади и занимает восточную часть Сирии.

Характерной чертой пространств с пустынным типом климата является скупой растительный покров. При снижении осадков пространственная полупустынная растительность исчезает.

В период дождей появляется любимая пища верблюдов – гада – красноватый, до полутора метров высотой кустарник с мясистыми зелеными листьями. Основной тип растительности в оазисах – финиковая пальма – дерево достаточно неприхотливое, и каждое приносит до 60–70 кг фиников в год. Чтобы рациональнее использовать оро-

шаемую площадь, под сенью пальмы часто высаживают невысокие абрикосовые деревья. Еще ниже – не первом ярусе – овощи. Однако содержание таких плантаций требует огромных усилий человека.

Моря, заливы, проливы

Азиатские берега арабских стран омываются водами Средиземного, Красного и Аравийского морей, Персидского и Оманского заливов, а африканских берегов достигают воды Атлантического океана, Средиземного и Красного морей, а также их заливов и проливов.

Средиземное море располагается между Европой, Африкой и Азией. На северо-востоке проливом Дарданеллы оно соединяется с Мраморным морем и далее проливом Босфор – с Черным морем; на юго-востоке Суэцким каналом – с Красным морем. Море имеет один выход в Атлантический океан – Гибралтарский пролив. Моря бассейна Средиземного моря омывают берега 22 государств, среди которых 7 арабских (Сирия, Ливан, Египет, Ливия, Тунис, Алжир, Марокко).

Климат Средиземного моря определяется его положением в субтропическом поясе и выделяется в самостоятельный средиземноморский тип климата, характеризующийся мягкой зимой и жарким сухим летом. Зимой над морем устанавливается ложбина пониженного давления атмосферы, что определяет неустойчивую погоду с частыми штормами и обильными осадками; холодные северные ветры понижают температуру воздуха. Летом большую часть Средиземного моря охватывает гребень Азорского антициклона, что определяет преобладание ясной погоды с небольшой облачностью и малым количеством осадков. В летние месяцы наблюдаются сухие туманы и пыльная мгла, выносимая из Африки южным ветром сирокко.

Средиземное море самое значимое как по величине (его площадь составляет около 2500 тыс км²), так и по той роли, которую оно играло в истории европейских цивилизаций и арабских государств.

Побережье Средиземного моря издавна было плотно заселено и отличалось высоким уровнем хозяйственного развития (особенно страны, расположенные по его северному побережью). В сельском хозяйстве средиземноморских стран выделяется производство цитрусовых (около 1/3 мирового сбора), хлопка, масличных. В системе международных торгово-экономических связей Средиземное море занимает особое положение: находясь на стыке трех частей света, оно является важным транспортным путем, по которому проходят морские связи Европы с Азией и Северной Африкой. Особенно велика роль Средиземного моря в перевозках нефти. Средиземное море – важный «нефтяной» путь между Западной Европой и Ближним Востоком. Порты Средиземного моря связаны трубопроводами как со странами Западной Европы, так и с месторождениями нефти Ближнего Востока и Северной Африки. Велики также перевозки различных видов сырья, металлических руд и бокситов, сельскохозяйственных продуктов по Суэцкому каналу, через который проходят связи Западной Европы с Азией и Австралией.

На побережье Средиземного моря созданы многочисленные промышленные предприятия. На сырье, доставляемом морем, развивалась химическая и металлургическая промышленность.

Рыболовство в Средиземном море по сравнению с другими бассейнами Атлантического океана имеет второстепенное значение. Ин-

дустриализация побережья, рост городов, развитие рекреационных зон ведут к интенсивному загрязнению прибрежной полосы.

Красное море (Аравийский залив) омывает берега Египта, Иордании, Йемена, Саудовской Аравии, Судана и представляет собой самую обособленную часть Индийского океана. Площадь моря – 450 тыс. км². На севере моря располагаются два залива: Суэцкий и Акабский.

Красное море необычайно теплое до самого дна, т.к. мелководный порог Баб-эль-Мандебского пролива преграждает доступ холодным водам океанских глубин. Узкое сообщение с океаном, отсутствие притоков, малое количество осадков, огромное испарение от высокой температуры воздуха и солнечных лучей – все это делает Красное море одним из самых соленых на земле.

По качеству и разнообразию кораллов, морской флоры и фауны Красному морю нет равных в Северном полушарии. Туристический бум, охвативший египетское побережье Красного моря, в значительной степени связан именно с уникальным и невероятно богатым подводным миром этого тропического моря, популяризацией подводного плавания.

Аравийское море (арабское название «Бахр аль-Хинд» – «Индийское море») – обширное водное пространство на северо-западе

индийского океана между аравийским полуостровом на западе и полуостровом Индостан на востоке. Площадь составляет 4832 тыс. км².

В Аравийское море впадает крупная река Инд. Берега высокие, скалистые, местами низменные дельтовые; изрезаны бухтами и заливами. Наиболее крупные заливы: Аденский на западе (соединяется Бабэль-Мандебским проливом с Красным морем), Оманский на северо-западе (соединяется Ормузским проливом с Персидским заливом – важнейшим в обеспечении жизнедеятельности прибрежных государств), Кач и Камбейский на северо-востоке.

Реки и другие источники пресной воды

Для хозяйственной деятельности населения арабских стран особенно велико значение береговых равнин. Они и протекавшие по ним реки способствовали в прошлом установлению торговых отношений и культурных связей между отдельными районами субрегионов. Удобные для возделывания равнины интенсивно освоены и заселены. На их сравнительно небольшой площади проживает значительная часть населения региона.

Поверхностные воды в арабских странах являются редким даром природы. В арабском регионе очень мало непересыхающих рек и мест,

пригодных для земледелия, которое использует в основном искусственное орошение. Во всей Северной Африке только в Марокко есть несколько постоянных рек, на которых построены гидроэлектростанции.

По территории Египта и Судана протекает Нил – самая длинная река в Африке и вторая по величине на земном шаре (6671 км) с бассейном в 2867 тыс. км², что составляет 1/10 часть всего африканского континента. При впадении в Средиземное море Нил образует крупнейшую дельту площадью около 24 тыс. км² с большим количеством рукавов и мелких озер. Истоки Нила долгое время оставались неизвестными¹ и были обнаружены только в XIX в. Река, несущая жизнь Египту, образуется при слиянии Белого и Голубого Нила у города Хартум. Белый Нил – результат связанных друг с другом водных систем: великих африканских озер и рек Эфиопского нагорья. Он начинается у озера Виктория гигантским грохочущим водопадом. Спустившись с Центрального Африканского нагорья, Белый Нил под названием Бахр-эль-Джебель разливается в Южном Судане по обширной плоской равнине, где разбивается на множество рукавов и озер, образуя зону болот, длиной 500 и шириной до 800 км. Несмотря на многочисленные крупные притоки, Нил теряет здесь много воды в результате испарений. В сухой сезон этот район превращается в гигантское болото. Далее он сливается с Голубым Нилом, который под названием Аббай вытекает из озера Тана (Эфиопское нагорье с высокими горными массивами, над которыми ливнями проливаются муссоны, идущие с Индийского океана) и через 20 км низвергается одним из красивейших в мире водопадов – Тизизат (Тис-Эсат) – «Ревущий огонь» (в мириадах брызг здесь постоянная радуга). Первые 600 км Голубой Нил течет как горная река, затем становится спокойнее. В сухой сезон в месте слияния с Белым Нилом его можно перейти вброд.

Голубой Нил содержит минеральные смеси, Белый Нил – продукты разложения органических масс. От соединения этих частиц и образовался за тысячелетия десятиметровый слой нильского ила (аллювий) – неистощимый источник плодородия.

Сток воды в Ниле колеблется из года в год. Во время половодья уровень воды в реке поднимается в среднем на 1–2 метра, а в годы

¹ Это нашло отражение в древнем названии Аур, что означало «скрытая река», т.е. с неизвестными истоками. Эти истоки рождали много различных фантастических предположений. Так, во II в. н.э. Птолемей высказал мнение, что Нил начинается слиянием двух рек, вытекающих из озер в Лунных горах.

особенно сильных наводнений – на несколько десятков метров. Поэтому Нил приносил и продолжает приносить много бедствий в период паводков. В настоящее время их разрушительную силу сдерживает отчасти высотная Асуанская плотина, построенная в районе нильских порогов. Периоды дождей в верховьях Голубого Нила совпадают с нильскими паводками. Поэтому причиной разливов, которые несут плодородие полям жителей Египта, следует считать Голубой Нил. Количество воды в нем в период с августа по сентябрь возрастает в 40 раз. Половодье может длиться около трех месяцев, затем в течение 8 месяцев вода постепенно спадает.

Основными источниками снабжения водой всего Арабского Машрика являются 3 реки постоянного стока: Евфрат, Тигр и Иордан, а также главный приток Иордана – река Ярмук.

Евфрат – самая крупная река в Западной Азии – берет свое начало на высоте 2570 м в Верхней Армении, в 36 км на север от Эрзерума. Все течение Евфрата имеет 2769 км, из которых 2200 приходится на арабскую территорию. Глубина реки от 2 до 5 м и до 7 м в момент

таяния снегов на плоскогорье. Ширина около 12 м, но в момент половодья достигает 2 км; подача воды – 2000 м² в секунду.

Более половины пути река протекает в Ираке, а своим средним течением на протяжении 680 км принадлежит Сирии. В нижнем течении Евфрат двумя рукавами сливается с Тигром. Слившиеся реки образуют мощный поток, который получил название Шатт-эль-араб.

Благоприятные природные условия берегов Евфрата привели к тому, что примерно с IV тыс. до н. э. здесь зародились первые цивилизации Шумера. Многие важные города древности расположены по берегам или неподалеку от реки, в том числе Ниппур, Шуруппак, Урук, Ур, Эриду. В долинах реки возникли центры более поздних империй – Вавилон и Ассирии. На берегах Евфрата в 680 г. произошло сражение у города Кербела, во время которого имам Хусейн, внук пророка Мухаммеда, вместе с семьей и сподвижниками принял мученическую смерть.

В Библии река называется «Прат» и является одной из четырех рек, вытекающих из Эдемского сада. От этого слова, на иврите обозначающего «поток» или «разрывать», вероятно, произошло название Евфрат.

В настоящее время ведутся споры по поводу прав на использование вод этой реки между Турцией, Ираком и Сирией.

Река Тигр выходит из Армянского Тавра на высоте 1070 м. Пространство, разделяющее его в этом месте от Евфрата – всего 20 км. Около Гурны он соединяется с Евфратом и течет вместе с ним до Персидского залива. Длина Тигра от истоков до Шатт-эль-Араба – 2000 км, длина Шатт-эль-Араба – 150 км. Глубина Тигра 3–7 м, ширина (в Багдаде) – 250 м. Подача воды – 5000 м² в секунду.

Половодье в долине Двуречья наступает во время таяния снегов в горах и весенних дождей. Из-за отсутствия естественного стока разливы рек достигают иногда огромной силы и носят чрезвычайно разрушительный характер. Тигр и Евфрат выносят большое количество взвешенного материала, который отлагается в нижнем течении. Прибрежная низменность Персидского залива – результат заполнения его северной части наносами рек. От главных рек отходят древние оросительные каналы, сейчас частично заброшенные. В настоящее время на Месопотамской низменности создаются новые оросительные сооружения.

Иордан – самый важный речной бассейн в Палестине. На своем пути он образует 3 озера: Хуле (Семахонитское), Генисаретское и Мертвое море – и имеет 252 км длины. Иордан выходит из Каф-Аутара (в горах Гермона на высоте 2860 м) и впадает в Мертвое море, не имеющее стока в океан.

Получая питание с высокого, обильно орошаемого массива, а также из пресных озер, через которые протекает, Иордан имеет постоянный водоток и более полноводен, чем другие реки Арабского Машрика. Это – главный источник воды в засушливых районах.

Долина Иордана по количеству минеральных и горячих источников является самой богатой долиной в мире. В Уади-Зерка-Майна имеется 10 серных источников, которые в изобилии бьют из-под земли с температурой 70°C, известные с самой древности. Есть много железных источников с температурой 60°C. Мертвое море богато самыми разнообразными химическими элементами (особенно кальцием, натрием, магнием, бромом и др.).

Побережье Мертвого моря – самый низкий участок земной поверхности (на 420 м ниже уровня моря и продолжает снижаться). Из-за высокого содержания соли в озере не может жить рыба или какие-либо другие организмы. Этот факт дал озеру его название. Мертвое море представляет собой замкнутый бассейн длиной 76 км и шириной 17 км в аридной зоне на границе между Иорданией и Израилем. В прошлом потери воды на испарение в этом озере компенсировались притоком пресной воды из бассейна реки Иордан, объем которого достигал 1,6 км³ в год. Уровень Мертвого моря тогда стабилизировался на отметке 393 м ниже уровня моря. Начиная с 1950-х гг. ирригационное строительство в бассейне реки Иордан и отвод ее стока на нужды орошения привели к сокращению притока воды в Мертвое море почти до 1 км³ в год. В настоящее время уровень озера находит-

ся на отметке 403 м ниже уровня моря и, согласно прогнозам, будет в дальнейшем понижаться на 0,5 м ежегодно. Для восстановления прежнего уровня Мертвого моря в Израиле разработан проект его пополнения за счет вод Средиземного моря, при этом существующий между двумя акваториями перепад высот в 400 метров планируется использовать для выработки гидроэнергии.

Вода в Мертвом море обладает лечебными свойствами, которые используются для процедур в сети отелей, расположенных на побережье. Эта вода является также сырьем для двух больших комбинатов, производящих из нее калийную соль.

Еще одно богатство озера – асфальт, который здесь добывали с давних времен и которым еще финикийцы и римляне смолили свои корабли. Мертвое море – одно из немногих в мире месторождений природного асфальта.

Главный приток Иордана – река Ярмук. Из 60-километрового русла реки 8 км находится внутри Сирии и около 46 км приходится на иордано-израильскую границу.

Другие реки в арабском мире менее значительны и неравномерно рассредоточены по различным странам. С западных склонов Ливана к морю стекает не менее 10 рек, но только две из них имеют постоянный водоток.

Гидрографическая сеть арабских стран включает Суэцкий канал, который был прорыт более четырех тысяч лет назад и соединил Нил с Красным морем. По нему шли суда, груженные пряностями и золотом, драгоценными камнями и тканями. Многие поздние правители страны сохраняли его в хорошем состоянии, понимая важность этого пути из Азии в Африку и Европу. Багдадский халиф Мансур, завоевав Египет, в 776 г. приказал закрыть канал. Наполеон вскоре после оккупации Египта серьезно увлекся идеей строительства канала как важного пути в Азию, чтобы сокрушить Британскую империю в Индии. Но единственное, что сделал Бонапарт, – организовал большое строительство в Суэце, рассчитывая превратить его во французскую крепость.

В настоящее время Суэцкий канал имеет важное мировое экономическое значение, обслуживает внешнеэкономические связи всех стран мира. Длина канала – 161 км, ширина – от 120 до 318 м; ежедневно по каналу проходит более 50 судов.

Важное значение для аридных зон арабских стран имеют подземные воды. Большие запасы грунтовых вод есть в районах Красного и Аравийского морей в местах разломов скальных пород и в осадочных породах в руслах вади. Например, у подножия Оманских гор в недрах долины аль-Батина расположен крупнейший водоносный горизонт Омана. Его длина – 250 км, ширина в центре – 25 км. Вода скапливается в тонких пластах гальки и песка.

Значительные запасы грунтовых вод имеются и в Ливии. Они подаются на поверхность с помощью обычных колодцев (несколько десятков тысяч), артезианских скважин (90 тыс.), естественных выходов – источников (3 тыс.). В 1990-е гг. в Ливии осуществлялся грандиозный проект – строительство «Великой искусственной реки» – громадного водовода, перебрасывающего с юго-запада к средиземноморскому побережью страны подземные воды Сахары. Были введены в эксплуатацию две линии этого проекта: 1900 км – участок Серир – Бенгази – Сирт, по которому объем воды, подающейся через трубы диаметром 2 метра, составляет 27 тыс. м³ в день; 1000 км – участок Хун – Бени Валид – Триполи, по которому объем воды, подающейся по трубам диаметром 4 м, составляет 40 тыс. м³ в день.

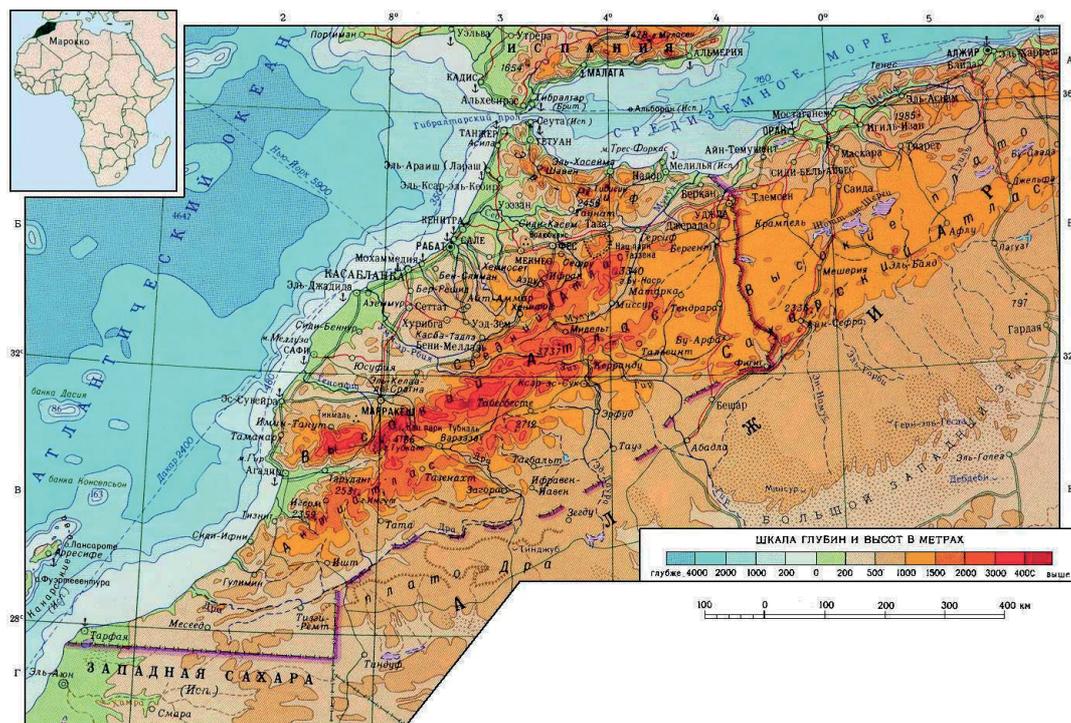
Обнаруженные на юго-западе страны (на глубине 300 метров в пустыне Сахара) громадные запасы подземных вод дают возможность ежегодно добывать и доставлять в приморские города Ливии до 5 млрд м³.

Горы

В арабском мире есть страны, где преобладают горные местности.

Атласские горы в географической литературе получили название Атласской физико-географической области. Это большая горная система на северо-западе Африки, тянущаяся от атлантического побережья Марокко через Алжир до берегов Туниса. Поэтому эти три страны обладают географическим единством, обусловленным этой горной системой. Длина хребтов 2 400 км. Наивысшая точка – гора Тубкаль (4 167 м), находится на юго-западе Марокко; наивысшая точка в Алжире – гора Шелия (2328 м); наивысшая точка в Тунисе – гора Шамби (1590 м).

Система Атласа состоит из большой горной цепи Высокого Атласа, тянущегося с юго-запада на северо-восток, где он разветвляется на Средний Атлас, идущий в направлении на северо-восток, и плоскогорий Анти-Атласа, устремляющихся к юго-западу. За исключением западной части Марокко и восточной части Туниса в Северной Африке мало низменных равнин, преобладают возвышенные равнины и плато, окруженные горами. Свыше половины территории Северной Африки находится на высоте более 800 м над уровнем моря.

Горы Атласа четко отделяют средиземноморское и атлантическое побережье от пустыни Сахара, обеспечивая географическое единство североафриканским странам, объединенным термином «Магриб». Эта характерная особенность рельефа имела решающее значение для судеб Северной Африки. Территория, пригодная для жизни составляет огромную ленту, длиной около 3000 км, а шириной не более 150 км. Поэтому здесь не могло быть географического центра, к которому тяготели бы различные провинции: они были изолированы друг от друга. Реки, которые часть года «текут всухую», служили плохими путями сообщения, и их экономическое значение было крайне невелико. Дважды в истории Магриба (первый раз во II в. до н.э., второй – в XI в. н.э.) берберы были близки к тому, чтобы осуществить объединение Магриба собственными силами. Но обе попытки были парализованы: одна – вторжением Рима, вторая – арабскими завоеваниями. Был сделан вывод, что Северная Африка «поражена врожденной неспособностью к независимости», ввиду того, что над местным населением «довлеет проклятие географических условий».

Географическая расчлененность территории на отдельные автономные области, с одной стороны, препятствовала на протяжении многих веков ее политическому единству, но с другой – благоприятствовала образованию самобытных групп населения – берберов (в частности в Кабилии и Оресе), способствовала партикуляризму, сохраняла сильные контрасты и обуславливала борьбу между кочевниками

и оседлыми жителями, между приморскими и пустынными районами, между городом и сельской местностью, формируя специфическую политическую культуру властвования. Консолидация оседлых жителей на открытых равнинах способствовала упрочению власти, без труда добивавшейся подчинения. Эти равнины составляли «биляд аль-махзен» (область, находящаяся под властью правительства). Однако власть правительства не распространялась на непроходимые горы – «биляд ас-сиба» (страна львов, область мятежа), население которых успешно сопротивлялось любым вторжениям и завоеваниям.

Исторически эта территория как часть средиземноморского ареала, являющегося уникальным геополитическим и социоисторическим пространством, где встречались многие народы и культуры, всегда подвергалась сильному воздействию извне, а порой разделяла судьбы чуждых ей цивилизаций. Поэтому можно было бы предположить, что ее население разнородно и неустойчиво по своему составу. На самом деле как раз наоборот. Сменявшие одна другую чужеземные цивилизации были для берберов, по выражению Ш.-А. Жюльена, как бы «различными одеяниями, под которыми он сохранял в неприкосновенности свое тело и душу». В этой связи важно отметить, что при соприкосновении с берберским населением ислам также приобрел целый ряд характерных особенностей, так что вполне оправданно говорить о «магрибском исламе».

Горы Ливана и Антиливана протянулись параллельно берегу моря на 200 км. Отдельные вершины превышают 3000 м. Самая высокая точка массива – гора Карнат-эс-Сауда – достигает в высоту 3089 м. Климат в горном массиве Ливан разнообразный – от субтропического на нижних склонах до умеренного в горах.

Параллельно массиву Ливан на небольшом расстоянии от него расположен горный массив Антиливан, который принадлежит Ливану своим западным склоном, т.к. по гребню Антилавана проходит граница Ливана с Сирией, где склоны носят название Джебель-аш-Шарки. Вершины Антиливана несколько ниже, чем Ливана, самая высокая из них – 2659 м. Ливан от Антиливана отделяет долина Бекаа. На склонах растут дубы и сосны. Кроме того, на высоких склонах Ливанского хребта остались последние уцелевшие рощи знаменитого ливанского кедра. Как известно, финикийцы использовали эту древесину для постройки флота, торговали ей со своими соседями по Леванту. Правители этой земли заботились о том, чтобы рощи не вырубались до конца и постоянно засаживались новыми саженцами, по-

этому вплоть до конца XVI в. покрытые лесом площади были довольно значительными.

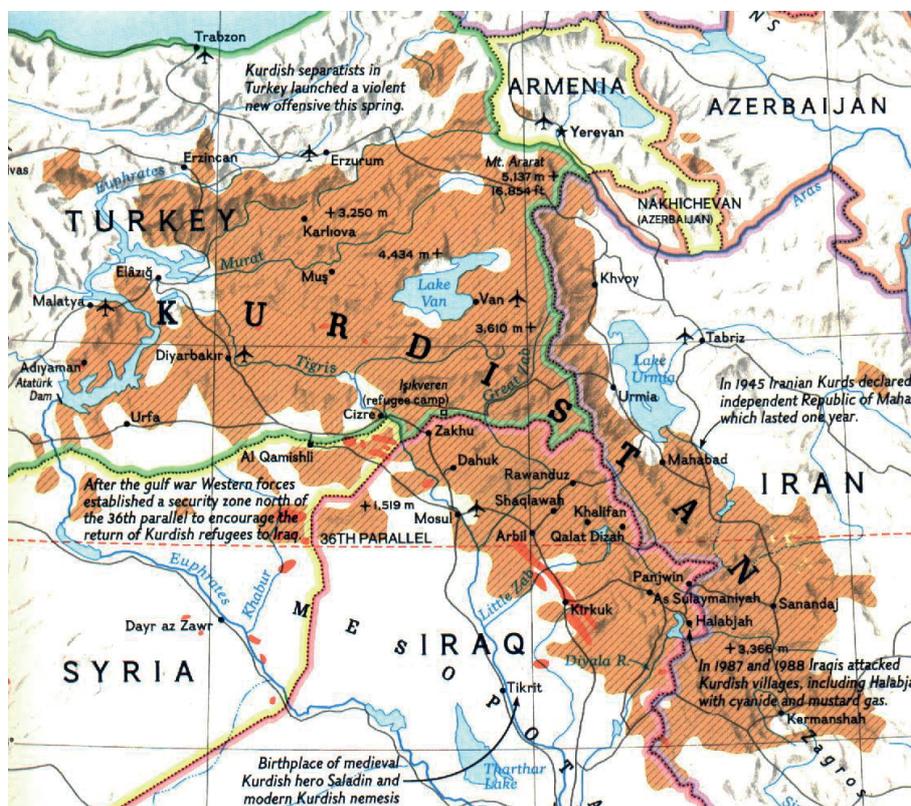
По территории Ливана вдоль моря тянется прибрежная равнина, небольшая по ширине, огражденная с другой стороны стеной Ливанского хребта. В целом ряде мест отроги хребта врезаются прямо в море, расчленяя приморскую равнину на отдельные участки. Такой рельеф местности способствовал возникновению небольших приморских городов-поселений, первое упоминание о которых восходит к началу V тыс. до н.э. Наследниками этих поселений стали рожденные в III тыс. до н.э. на базе ханаанской культуры прославленные финикийские города-государства: Библ, Сидон, Тир.

Ко времени арабского завоевания (640 г.) в труднодоступных Ливанских горах обосновались преследуемые господствующей византийской церковью раскольники (поборники несторианства, монофизиты-яковиты, монофелиты). В VII в. в Ливанские горы потянулись исламские сектанты.

В результате на территории современного Ливана сложилась такая ситуация, при которой одна и та же этническая общность – ливанские арабы, пользующаяся одной и той же диалектальной формой

арабского литературного языка, образовала множество религиозных общин.

Горы Восточный Тавр и Загрос (горы Курдистана) – горная система на Малоазиатском нагорье, часть Альпийско-Гималайского складчатого пояса длиной около 1600 км и шириной до 200 км.

Горный район в Ираке расположен к востоку от долины реки Тигр. Северные горы представляют собой отроги Восточного Тавра, а северо-восточные – Загроса. Для них характерны зубчатые гребни со снежными вершинами, каменистые склоны и очень глубокие ущелья.

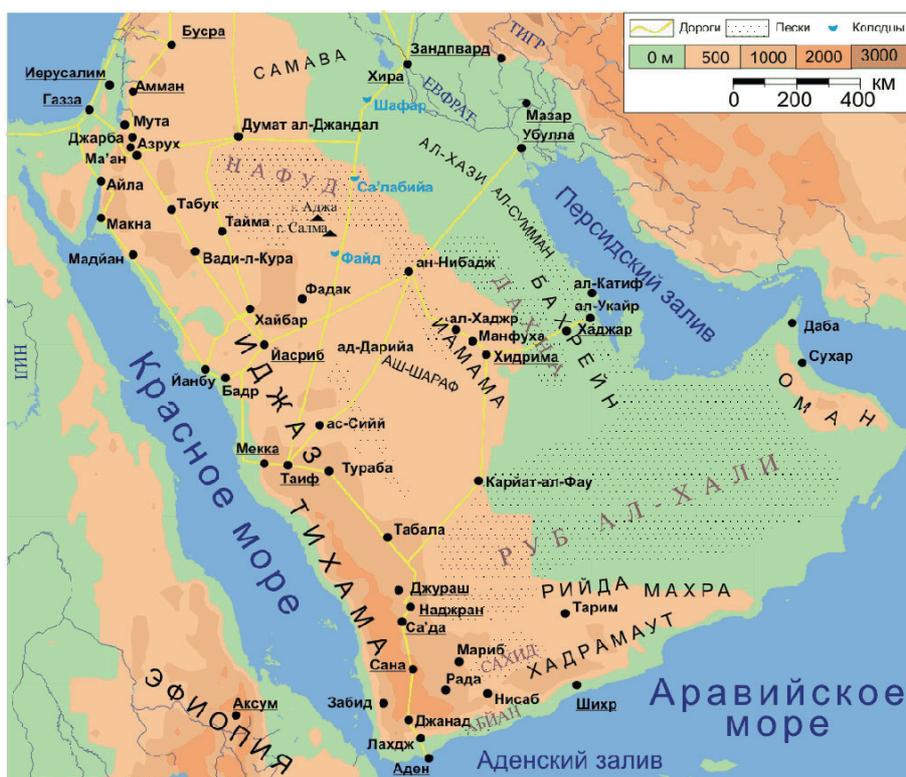
Поверхность этого района постепенно повышается от долины Тигра к северо-востоку от 500 до 2000 м. Отдельные горные массивы поднимаются выше 2000 м над уровнем моря, а вершины в пограничной зоне – выше 3000 м над уровнем моря. Здесь на границе с Ираном находится высочайшая безымянная вершина страны – 3607 м над уровнем моря.

Складчатые горы с крутыми склонами и часто пенепленизированными гребнями вытянуты параллельно иракско-турецкой и иракско-иранской границам. Они сложены известняками, гипсами, мергелями и песчаниками и глубоко расчленены многочисленными водотоками бассейна Тигра. Особенно выделяется ущелье Равандуз с горным пе-

ревалом Шинек. По этому ущелью проходит дорога, соединяющая Ирак с Ираном.

Эти характерные черты физической географии данного региона сыграли важную роль в этногенезе и последующем развитии курдского народа, особенно на ранних его стадиях. Горы как место постоянного обитания курдского этноса стали естественной крепостью, спасавшей его от истребления и ассимиляции во время нашествий, войн и внутренних смут, происходивших на этом перекрестке Западной Азии в течение многих столетий. Как главный природный фактор Курдистана горы определили и хозяйственную деятельность, и своеобразную социальную организацию традиционного курдского общества, основанную на родо-племенных отношениях.

Аравийский полуостров замкнут в виде треугольника тремя горными цепями. Две из них тянутся с севера на юг, расходясь одна в юго-западном, а другая – в юго-восточном направлении. Первая есть продолжение гор Ливана и Антиливана и простирается под именем Хиджазских и Йеменских гор от Синайского полуострова вдоль всего берега Красного моря до самого Баб-эль-Мандебского пролива. Непосредственно прибрежная низкая ее полоса называется Тихама.

Горный хребет Хиджаз («преграда», «барьер») и его продолжение на юге (хребет Асир) лежат между заливом Акаба и Йеменской Республикой и отделяет Тихаму от центрального плоскогорья Саудовской Аравии.

Высота гор различна: в северной части в среднем она составляет 1500 м, в южной части не превышает 800–1000 м. Но южнее Мекки высота резко возрастает, достигая в области Асир 3000 м. Некоторые вершины зимой покрываются снегом.

Песчаные бугры у подножия горы Шарр в северном Хиджазе носят название Гоз-эль-Ганнан, что в переводе означает «жалобные». Пески, переувлажненные ветром, издают звуки, похожие на звучание арфы. По старинному арабскому преданию они исходят из душ неверных, которые были поглощены песками в наказание за их неверие в учение пророка Мухаммеда.

Йеменские горы – самые высокие в Аравии – расположены на юго-западе аравийского полуострова. Их длина – 500 км., а вершина этих гор Эн-Наби-Шаиб достигает высоты 3600 метров. Западный склон круто обрывается в сторону Красного моря, а восточный понижается полого в сторону пустыни Руб-эль-Хали.

Хадрамаут – гористая южная часть Аравии на побережье Аденского залива. Горы высотой более 2000 м террасами спускаются к морю и прорезаны плодородными долинами с хорошим орошением, покрыты полями и садами.

1.3. Природные ресурсы

На севере Африки расположен крупнейший нефтегазоносный бассейн (165 месторождений нефти), который принято называть Сахарским или Алжиро-Ливийским. Его протяженность с запада на восток – около 2 тыс км. Продуктивность скважин очень высокая и достигает в Ливии в среднем 350 т, а в алжире – 160 т в сутки. Важный фактор низкой себестоимости этой нефти – расположение нефтяных скважин на достаточно небольшом (300–700 км) расстоянии от Средиземного моря, что объясняет высокую конкурентоспособность сахарской нефти на мировом рынке. По качеству ливийская нефть – лучшая в мире (содержание серы – до 1%).

На территории Алжира расположено крупнейшее газовое месторождение Хасси-Р'Мель, которое имеет запасы порядка 2,3 трлн м³ и

относится к категории месторождений-гигантов. Это месторождение обеспечивает основную добычу природного газа не только в Алжире, но и во всем бассейне. Газ отсюда поступает в средиземноморские порты Арзев и Скикда, где производится его сжижение и экспорт во Францию, Великобританию, Бельгию, ФРГ, Испанию. Здесь берет свое начало трассредиземноморский газопровод Алжир – Италия.

На территории Ливии расположено гигантское нефтяное месторождение Серир, запасы которого оцениваются в 1,5–1,8 млрд т. В Ливии в порту Марса-эль-Бурейка построен один из крупнейших в мире заводов по сжижению газа.

Кроме нефти и газа арабские страны располагают месторождениями и других полезных ископаемых, прежде всего фосфатов и фосфоритов.

Вдоль района Атласских гор располагается крупнейший в мире фосфоритоносный пояс, простирающийся вдоль южных склонов Атласа через территорию Марокко, Алжира и Туниса. Марокко занимает первое место в мире по запасам фосфоритов (составляют более 17 млрд т), по добыче – третье (после США и Китая). В стране имеются и разрабатываются также месторождения многих других полезных ископаемых: железных и марганцевых руд, кобальта, никеля, меди, золота, серебра, свинца и цинка и др. Есть месторождения угля, но добыча на них прекращена. Планируется наладить извлечение урана из полупродуктов переработки фосфоритов. Открыто несколько мелких месторождений нефти и газа, и активно ведутся геологоразведочные работы для наращивания запасов углеводородного сырья. Выявлены ресурсы олова и вольфрама.

Добыча фосфоритов в Марокко в основном осуществляется на трех крупнейших рудниках: Хурибга (разрабатывает одноименное месторождение), Юссуфия и Бен-Герир (разрабатывают западную часть месторождения Гантур).

Крупными ресурсами фосфатных руд обладают также Ирак (5,3% от общемирового уровня) и Египет (5,1%).

Среди прочих полезных ископаемых, пригодных для масштабных разработок, следует отметить весьма скромные по мировым масштабам запасы железной руды. Тем не менее она является главным богатством Мавритании (доказанные запасы 185 млн т). Горнорудное производство имеет важное значение в экономике страны, его часть в валовом национальном продукте составляет 12% и на его долю приходится более 50% экспорта за 2005 г. Наиболее важным по-

лезным ископаемым является железо: так из общей стоимости экспорта за 1967 г. на долю железных руд и концентратов приходилось 92,6%. К остальным полезным ископаемым Мавритании относятся медь, золото, цемент, гипс, соль и нефть.

Есть залежи железной руды в Алжире, Египте, Марокко и Тунисе. Медь и марганец добываются в Иордании, Мавритании, Марокко, Омане, Саудовской Аравии, Судане. Запасы свинца обнаружены в Марокко, Омане, Саудовской Аравии, Тунисе. Добычей золота занимаются Йемен, Мавритания, Оман, Судан.

Большое значение на мировом рынке имеет иракская сера. На долю этого государства до последних военных действий приходилось более 1% ее мировой добычи. Сера производится также в Сирии при переработке нефти.

В Египте также сосредоточены существенные запасы цементного сырья (известняки, глины, мергели). Крупные месторождения фосфоритов есть на побережье Красного моря, в долине Нила, оазисе Харга. Всемирной известностью пользуются асуанские граниты и другие строительные материалы. В дельте Нила находятся месторождения поваренной и каменной соли, соды, гипса, титана и других полезных ископаемых. В недрах Египта имеются промышленные запасы асбеста, барита, талька, плавикового шпата.

В Саудовской Аравии обнаружено 14 минералов, запасы которых считаются достаточными для промышленной разработки, в частности медь, серебро, золото, природная соль. Масштабны объемы залегания стеклосодержащего песчаника, используемого для 11 видов продукции от обычного стеклянного полотна и стеклотары до фибрегласса, широко применяемого в электронном и телекоммуникационном оборудовании.

1.4. Нефтяные и газовые месторождения зоны Персидского залива

Нефтяные и газовые месторождения-гиганты

Именно нефтяное богатство во многом предопределяет и геополитическое положение зоны Персидского залива на карте Азии и мира в целом. В настоящее время Персидский залив – самый богатый нефтеносный район мира: здесь залегает более 44% всех мировых

разведанных запасов нефти (что составляет 60% запасов нефти стран-ОПЕК) и около 30% природного газа. Наиболее значительными достоверными запасами нефти обладает Саудовская Аравия, которая занимает 1 место в мире по добыче.

В коммерческую добычу арабские страны включились в разное время. Впервые в регионе эксплуатация нефтяных месторождений началась в 1927 г. на территории Ирака, в 1933 г. нефть стали добывать на Бахрейне, а в 1936 – в Саудовской Аравии. Эти страны были первыми нефтеэкспортерами в регионе, а по объему добычи нефти первое место среди них занимал Ирак. В 1950-е гг. основными поставщиками нефти становятся Кувейт и Саудовская Аравия; в начале 1970-х гг. стали действовать нефтепромыслы в Омане и ОАЭ.

Месторождение	Страна	Начальные запасы (млрд т)
Гавар	Саудовская Аравия	11,9
Ага-Джари	Иран	10,0
Большой Бурган	Кувейт	9,3
Сафания	Саудовская Аравия	3,5
Киркук	Ирак	3,0
Румайла	Ирак	2,8
Раудатайн	Кувейт	2,0
Абкайк	Саудовская Аравия	1,6
Гечсаран	Иран	1,5
Марун	Иран	1,4
Ферейдун-Марджан	Иран, Саудовская Аравия	1,3
Ахваз	Иран	1,2
Катиф	Саудовская Аравия	1,2
Биби-Хакиме	Иран	1,1
Зубайр	Ирак	1,0
Даммам	Саудовская Аравия	0,8
Берри	Саудовская Аравия	0,8
Хурсания	Саудовская Аравия	0,8
Абу-Хадрия	Саудовская Аравия	0,8
Вафра	Кувейт	0,7
Мурбан	ОАЭ	0,6
Духан	Иран	0,6
Месджеде-Салейман	Иран	0,5
Бу-Хаза	ОАЭ	0,5

Специалисты в области нефтяной геологии в зависимости от размеров начальных запасов подразделяют нефтяные месторождения на 5 групп: мелкие (до 10 млн т), средние (10–50), крупные (50–500), гигантские (500–1000) и уникальные (свыше 1 млрд т). По данным известного геолога-нефтяника А.А. Бакирова, в начале 1980-х гг. из 25 тыс. нефтяных месторождений зарубежного мира к категории уникальных и гигантских относились всего 45 (0,18%), но доля их в общих запасах превышала 80%. Самой большой концентрацией таких месторождений отличается регион Ближнего и Среднего Востока, а в пределах этого региона пальма первенства принадлежит нефтегазодному бассейну Персидского залива.

Нефтяное месторождение Гавар (Гхавар) считается самым крупным не только на Ближнем и Среднем Востоке, но и в мире (открыто в 1949 г.). В отдельные годы добыча на этом месторождении превышала 100 млн т.

Бассейн Персидского залива выделяется в мире не только по числу месторождений-гигантов, но и по качеству нефти (преимущественно легкая и малосернистая), а также по размерам дебита нефтяных скважин. Благодаря тому, что большинство из них – фонтанирующие, средняя их продуктивность в Саудовской Аравии, Иране, Ираке, Кувейте составляет 800 т в сутки, тогда как в среднем для мира этот показатель составляет всего 3 т. На месторождениях Гавар и Большой Бурган среднесуточный дебит скважины составляет 700–800 т, а в отдельных случаях 1500–2000 т. Но рекордсменом мира в этом отношении служит месторождение Ага-Джари, где многие скважины дают 3–5 тыс. т, отдельные даже до 10 тыс. т в сутки.

Этими особенностями в первую очередь объясняются и низкие издержки добычи. Так, средние издержки добычи нефти в Саудовской Аравии составляют по разным оценкам от 4 до 7 долл. за 1 т, тогда как в США – от 60 до 80 долл., а в Северном море – от 75 до 100 долл. Следовательно, себестоимость нефти в этом бассейне – самая низкая.

Обеспеченность нефтяными ресурсами Саудовской Аравии, Ирана, Кувейта, ОАЭ составляет 85–100 лет, что примерно в два раза выше среднемирового уровня.

Специфика социально-экономической и политической модернизации аравийских монархий

В период нефтяного бума (1973–1983 гг.) в социально-экономической структуре аравийского общества произошли серьезные качественные изменения, большую роль в которых сыграло государство. Специфическая, активная роль государства в современном развитии характерна для всех стран Востока, но в странах Персидского залива она была особенно велика в силу двух обстоятельств: наличия в распоряжении государства огромных нефтяных доходов и проведения политики реформ.

Со второй половины XX в. стал в полную силу оказывать влияние демонстрационный эффект со стороны обществ, ушедших намного дальше в своем развитии, прежде всего соседних арабских стран (особенно стран т.н. «социалистической ориентации» – Египта, Сирии, Алжира, Ирака, где разворачивались масштабные программы экономического развития и социальных преобразований). При этом сохранение жестких норм средневековой жизни аравийских государств выглядело явным анахронизмом. Более того, перед глазами были примеры стран, которые после достижения политической независимости трансформировали свой государственный строй из монархии в республику (Тунис в 1957 г.).

Важной чертой развития нефтяных монархий к моменту начала реформ было то, что инициатором этих реформ выступила сама власть, которая преследовала единственную цель – предупредить возможные социальные катаклизмы в обществе. Кроме того, источником необходимых средств для проведения реформ стали нефтяные доходы, которые создавались вне национального хозяйства и имели рентную природу.

По мере преобразований (их программу раньше других провозгласил король Саудовской Аравии Фейсал в 1962 г.) в каждой аравийской монархии стало видно их сходство в основных чертах: развитии социальной сферы (создание современных систем образования, здравоохранения, социального обеспечения, информационной сети), национальной экономики (стабилизация финансового положения, создание национальных организаций по использованию нефтяных и минеральных ресурсов, более самостоятельная нефтяная политика, строительство промышленных предприятий, поощрение национального капитала), создании эффективного административного аппарата, элементов светского судопроизводства; с сфере внешней политики –

проведении курса, в большей степени отвечающего национальным интересам. Программа самого Фейсала включала, кроме того, подтверждение верности учению ислама и готовности «защищать его словом и делом», что позволяет определить характер его политики реформ в социальной сфере как охранительной (в отличие от преобразующих реформ правителя Ирана – Мохаммеда Реза Пехлеви).

Одной из главных целей реформаторов было экономическое развитие. Значительная часть растущих нефтяных доходов была направлена на создание инфраструктуры и индустриализацию. Наиболее перспективным направлением промышленного развития стала нефтехимия, включая производство химических удобрений. Наиболее крупным производителем нефтехимической продукции в настоящее время является Саудовская Аравия, где функционирует 24 предприятия этой отрасли, выпускающие более 40 наименований продукции (в 1996 г. нефтехимический сектор формировал уже 8% ВВП).

Аравийские государства сделали ставку на развитие электроэнергетической базы, без постоянного наращивания которой невозможно обеспечить дальнейшую разработку нефтегазовых месторождений и обеспечить экономическую диверсификацию. Однако из всех стран Залива только Кувейт смог приблизиться к выработке оптимальных объемов электроэнергии с учетом роста его реальных потребностей.

Еще одной базовой отраслью аравийских монархий стало производство пресной воды, необходимой не только для жизнеобеспечения населения, но и функционирования промышленности. Поскольку естественные ресурсы пресной воды ограничены, то единственным способом ее получения является энергоемкая переработка морской воды. Как правило, электроэнергетические комплексы включают в себя в качестве составной части опреснительные установки.

Постепенно развивается черная и цветная металлургия, но работает преимущественно на импортном сырье. К ней относятся сталелитейные и сталепрокатные заводы в Саудовской Аравии, Катаре и ОАЭ, заводы по производству алюминия в ОАЭ, Бахрейне, медеплавильный завод с обогатительным комплексом в Саудовской Аравии и др.

Набирает силу цементная промышленность, где лидирует Саудовская Аравия (9 цементных заводов) и ОАЭ.

Промышленные предприятия в этих отраслях были оборудованы по последнему слову техники и не требовали большого числа рабочих. В частном секторе правительством поощрялось создание сред-

них и мелких промышленных предприятий с использованием как местной, так и иностранной рабочей силы.

С началом нефтяного бума во всех аравийских монархиях начали множиться разрозненные предприятия обрабатывающей промышленности, число которых в конце 1990-х гг. составляло более 7 тыс. Их производство охватывает широкую номенклатуру продукции. Однако нет ни одного промышленного или потребительского товара, который удовлетворял бы полностью внутренний спрос. Удельный вес обрабатывающей промышленности в ВВП аравийских стран составляет не более 10%.

Небывалый в истории социальный эксперимент по поднятию уровня жизни всего коренного населения от примитивного средневекового до современного ради сохранения стабильности в обществе, поддержания «социального мира» вполне удался. Были созданы многочисленные начальные школы (начальное образование стало обязательным), широкое распространение получило среднее и высшее образование; все подданные имеют возможность пользоваться бесплатной медицинской помощью; возросло количество практикующих врачей; ликвидировано рабство. Все это имело самые позитивные результаты: к концу 1990-х гг. средняя продолжительность жизни в этих странах была сопоставима с европейскими показателями и составляла 68,8 лет (для мужчин – 67,1 года, для женщин – 70,6 лет), тогда как в соседнем Йемене человек в среднем жил 53 года.

Однако социальные аспекты аравийской индустриализации весьма своеобразны и связаны с возникновением потребительства в национальной психологии. Доля местных жителей среди рабочих незначительна, и это объясняется тем, что местные арабы относятся с пренебрежением к физическому труду, избалованы искусственно поддерживаемым высоким жизненным уровнем, всякого рода льготами и привилегиями; их больше привлекает возможность заняться торговлей или спекуляцией, поступить в учебное заведение либо получать жалованье за какую-либо номинальную работу; наконец, им недостает знаний и квалификации. В силу этого приток иностранных рабочих в нефтяные монархии приобрел в годы нефтяного бума небывалые размеры.

Первое поколение аравийской буржуазии вышло из торговцев, ростовщиков, владельцев рыболовных и жемчужных промыслов. В годы нефтяного бума ряды буржуазии существенно расширились: к бизнесу подключились местные компаньоны западных компаний,

спекулянты земель, всевозможные посредники, шейхи племен и выпускники университетов. Вскоре стало очевидным, что наибольшие выгоды получает крупная буржуазия, тесно связанная с государством и западным капиталом.

В 1970–1980-х гг. в количественном отношении немалую величину представляли кочевники. Правители страны относились к ним как традиционной опоре режима. В то же время одним из направлений политики реформ (прежде всего в Саудовской Аравии) был перевод кочевых племен на оседлость. Государство выделяло специальные земельные участки, обустроивало их, сооружало дома, колодцы, предоставляло финансовую помощь. В политическом плане перевод на оседлость был важным средством детрайбализации, укрепления национального единства, активизации процесса формирования саудовского народа в условиях постоянного широкого присутствия инонационального элемента.

В исключительно благоприятных условиях бедуины создавали земледельческие и скотоводческие хозяйства с использованием наемного труда. Тем не менее, несмотря на стабильно высокие цены и спрос на местную баранину, саудовское королевство вынуждено импортировать мясо, так как вчерашние кочевники не продают его: денег им хватает, а контакты с оседлым населением традиционно ограничены.

В годы нефтяного бума произошло абсолютное и относительное сокращение численности «чистых» кочевников, а вместе с тем сохранилась перенесенная в города система традиционных племенных ценностей и взглядов. Специфической чертой аравийского общества стало не «растворение» племен в новых классах и слоях, а усиление племенного характера самого общества.

В годы реформ в большинстве стран Аравии было существенно пересмотрено в пользу трудящихся трудовое законодательство, предоставляющее множество гарантий по охране труда, в т.ч. и иностранным рабочим. Однако наряду с самым передовым трудовым законодательством во всех странах запрещены забастовки и локауты. В Саудовской Аравии участникам любого незаконного собрания грозит тюремное заключение сроком от 6 месяцев до 2 лет. Призыв прекратить работу карается тюремным заключением сроком от 1 до 3 лет. Во всех странах (кроме Кувейта) запрещены профсоюзы.

В нефтяную эпоху изменился экономический статус правителя. Если прежде он располагал ограниченными материальными ресурсами и вынужден был искать финансовую поддержку среди предпри-

нимателей, коммерсантов для осуществления своих проектов и содержания аппарата, то теперь он стал главным распорядителем финансовых ресурсов. В то же время произошло сращивание правящих кругов с капиталом. Фактически возникла олигархическая структура, где политическая власть и экономические интересы тесно переплетены. Представители правящего семейства и породнившихся с ним родов не только занимают ключевые правительственные посты и, по сути, контролируют государственную казну, но и протезируют своему ближайшему окружению в сфере частного предпринимательства.

Главной целью для реформаторов было сохранение существующего политического строя, власти королевской семьи и лично своей. Проведение различного рода социальных мероприятий должно было способствовать ликвидации самой основы для общественного недовольства. И экономические, и социальные мероприятия в конечном счете имели задачей сохранение и расширение социальной опоры режима. Однако политическая трансформация общества в десятилетие нефтяного бума не была завершена и продолжилась в конце 1980-х – начале 1990-х гг., итогом чего стало принятие в 1992 г. «Основы системы власти», закрепившего систему органов государственной власти саудовского королевства, порядок их формирования и функционирования, а также систему прав и свобод граждан.

Особую актуальность в это время (когда аравийские монархии столкнулись с вызовами глобализации и модернизации) приобрела проблема политического участия граждан в решении вопросов государственного развития. Большинство монархов явно опасались введения республиканских институтов власти, которые могли катализировать настроения в пользу кардинальных социально-политических перемен, как это происходило в других странах Ближнего Востока.

В качестве органа, который символизировал движение монархии в русле мирового процесса, предпочтение было отдано избираемым консультативным советам, учреждение которых было включено отдельным разделом в принимавшиеся конституции.

В итоге проведенных преобразований шестерка аравийских монархий породила множество парадоксов: патриархальная ментальность и высокие технологии, отсутствие национальных кадров и индустриализация, стремительный рост образовательного уровня и отсутствие демократических институтов, наиболее высокие среди арабских стран затраты на оборону и бессилие перед военной угрозой в рамках субрегиона и многие другие.

1.5. «Водный вопрос» в межарабских отношениях

Дефицит воды становится сегодня общемировой проблемой, но, пожалуй, нигде она не имеет такой остроты, как в арабских странах, где население обеспечено водными ресурсами в наименьшей степени по сравнению с населением других регионов, а запасы пресной воды составляют менее 1% от мировых. Наряду с политической нестабильностью последних десятилетий дефицит воды делает его самым напряженным регионом на гидрополитической карте мира.

Обеспеченность водными ресурсами в настоящее время является одной из важнейших составляющих национальной безопасности арабских стран, которая непосредственно связана с проблемой продовольственного обеспечения. Эти составляющие практически всегда присутствуют во внутри- и внешнеполитических расчетах стран региона, поскольку являются постоянным элементом экономики и способом политического давления на соседние страны. При этом наличие воды неуклонно уменьшается, тогда как экономические потребности стран региона в воде значительно превышают возможности их удовлетворения.

Источники наземных и подземных вод истощаются в результате чрезмерного их использования и загрязнения, прежде всего нитратами и тяжелыми металлами, при этом обостряются болезни и увеличивается количество смертей, вызванные потреблением некачественной воды. Так, в Египте около 90% использованной на различные нужды воды сбрасываются в реку без предварительной очистки, при этом загрязнению подвержены не только поверхностные, но и грунтовые воды. Только в одном Каире насчитывается около двух десятков компаний и предприятий, которые сбрасывают свои отходы либо непосредственно в Нил, либо в каналы: это сахарные заводы, мыловаренные фабрики, заводы крахмала, стекольный и цементный заводы, фабрики по окраске текстильных изделий и др. То же можно сказать и о других крупных городах – Александрии, Порт-Саиде, Асьют и др., где внешнюю среду загрязняют предприятия сходного профиля. Примерно четверть населения Египта не обеспечена чистой питьевой водой.

В дальнейшем ситуация с водой будет только усугубляться: аналитики делают более чем пессимистичный прогноз водообеспеченности арабских стран пресной водой на душу населения. Так, к 2050 г. водообеспеченность Ливана будет составлять 1002 м^3 в год на челове-

ка; Сирии – 622; Омана – 227, Бахрейна – 99; Йемена – 80, Иордании – 72; Саудовской Аравии – 50; Катара – 28; ОАЭ – 14; Кувейта – 3 (притом что крайней категорией «чрезвычайно низкое водообеспечение» считается водообеспечение менее 1000 м³ на человека в год). Расход воды из возобновляемых источников составляли в арабском регионе в 1960 г. 3,3 тыс. м³ в год, в 1990 г. – 1,3 тыс. м³, а на 2025 г. прогнозируется 0,7 тыс. м³ в год. Цифры демонстрируют почти пятикратное падение нормы расхода воды. Уже к 2015 г. в арабском мире только пять из двадцати стран региона будут обеспечены водой, что превращает его в зону перманентного политического риска; ухудшится жизнеобеспечение региона в условиях пустынного климата, возможно обострение существующих либо появление новых межгосударственных конфликтов. Поэтому экологическая защита пресной воды является для арабских стран первоочередной задачей.

Магистральным направлением в области решения водной проблемы становится опреснение морской воды, поскольку остальные способы ее сохранения (водохранилища) и добычи (подземные воды) близки к исчерпанию. Одной из проблем приморских территорий (а в этих частях сосредоточена значительная часть населения многих стран региона) является засоление подземных вод в результате их изъятия и проникновения морской воды в подземные пласты. В настоящее время опреснение воды осуществляет большинство стран региона, в частности богатые нефтедобывающие арабские монархии, которые выделяют ежегодно миллиарды долларов на опреснение морской воды (по некоторым данным страны Аравийского полуострова таким способом получают около 70% потребляемой воды). Отдельные страны имеют длительную историю использования этой технологии: Катар, например, имеет опреснительные установки с 1976 г. Однако правительствам большинства арабских стран такие инвестиции изыскать сложно.

В настоящее время вода превращается в один из главных источников конфликтов в регионе: от столкновений между отдельными деревнями и племенами за колодцы и места водопоя скота на берегах рек и озер до осложнений межгосударственных отношений. В числе последних следует упомянуть многолетние конфликты из-за распределения вод Нила между странами его бассейна; между Ливией и ее южными и восточными соседями из-за выкачки подземных вод в Великую искусственную реку; между Сирией, Ираком и Турцией из-за распределения вод Евфрата; из-за распределения вод бассейна реки

Иордан между арабскими странами и Израилем и др. Различные проекты развития рек, которые нацелены на увеличение потока вод, не осуществляются из-за нестабильной политической ситуации и финансовых проблем. При этом страны, контролирующие водные ресурсы, получают мощные рычаги воздействия на зависимые в водном отношении государства. Поэтому контроль над водными ресурсами используется уже как политическое оружие, существенно влияя на баланс сил в арабском мире.

Особую роль в этом вопросе играет проблема распределения водных ресурсов бассейна реки Иордан. Верхний Иордан получает воду из трех источников: Дана, Хасбани и Баниаса. Их слияние водоедно на территории Израиля образует реку Иордан, которая затем течет через Северный Израиль и впадает в Тивериадское озеро. Это единственное естественное водохранилище бассейна, которое находилось в пределах Израиля до 1967 г. Несмотря на то, что все три источника находятся недалеко друг от друга, они принадлежат разным странам: Хасбани – Ливану, Дан – Израилю (в признанных границах), Банияс, располагающийся на Голанских высотах, ранее принадлежал Сирии, теперь под контролем Израиля. Из годового стока реки в 1,3 млрд м³ 98% забирают Израиль, Сирия и Иордания. Большую часть возвращают обратно, но только треть ее очищают. Воду из неочищенного Иордана потребляет до 350 тыс. палестинцев, иорданцев и израильтян. Если не наладить очистку сточных вод, легендарная река может исчезнуть уже в ближайшие два года².

² Этот шокирующий вывод содержится в отчете экологов из организации Friends of the Earth, Middle East (FoEME) В настоящий момент некогда полноводная и чистая река состоит из сточных вод, сельскохозяйственных стоков, застоявшейся прудовой воды и соленой воды, гласит отчет экологов, который был опубликован в Аммане. По мнению ученых, из-за отвода пресных источников, питающих Иордан, было потеряно по меньшей мере 50% флоры и фауны в районе реки. Для того чтобы вернуть Иордан к жизни, необходимо около 400 млн м³ воды в год, считает директор иорданского представительства FoEME Мунке Мехьяр. В докладе экологов указывается, что Израиль, Сирия и Иордания должны немедленно начать перекачивать пресную воду в Иордан, причем Израиль как более развитая страна должен возвращать в реку пропорционально больший процент воды. Экологи отмечают, что более эффективный расход водных ресурсов поможет Израилю сохранить 517 млн м³ воды в год, а Иордании – 305 млн м³ воды в год, и часть из сэкономленных ресурсов может быть направлена в Иордан. При этом, по мнению ученых, спасение Иордана поможет спасти и неотвратимо пересыхающее Мертвое море.

В десяти километрах к югу от Тивериадского озера в Иордан вливается река Ярмук – один из самых важных притоков Иордана. Несмотря на то, что Ярмук меньше по протяженности, конфликт интересов вокруг этой реки не менее острый, чем вокруг Иордана. Ярмук берет свое начало в Сирии и на протяжении первых 40 км формирует сирийско-иорданскую границу (часть которой проходит по южным склонам Голанских высот), а оставшихся 12 км – иордано-израильскую границу (часть которой приходится на Западный берег, находящийся под контролем Израиля). Бассейн Ярмука составляет, по разным оценкам, 7242–7643 км², из которых 80% находится в Сирии и 20% – в Иордании.

Современную гидрополитическую карту региона формирует израильская водная политика, направленная на увеличение количества подконтрольных ему водных ресурсов.

Водный вопрос в иордано-сирийских и иордано-израильских отношениях

После событий «черного сентября» 1970 г., когда из Иордании были изгнаны отряды палестинского движения сопротивления, а Сирия активно поддержала радикальные палестинские группировки, иордано-сирийские отношения резко ухудшились. Переговоры о совместном строительстве плотины на р. Ярмук начались только в 1976 г. Израиль занял резко негативную позицию по отношению к этому проекту, в результате чего США, взявшие на себя основную часть финансирования, потребовали, чтобы были учтены интересы всех государств в регионе.

В 1987 г. по инициативе Иордании было подписано иордано-сирийское соглашение, определяющее условия совместной эксплуатации воды р. Ярмук, реализация которого вновь была приостановлена в 1990 г.: Всемирный банк официально уведомил Иорданию, что для продолжения финансирования строительства необходимо урегулировать проблему раздела воды с Израилем. Фактический срыв данного проекта крайне негативно отразился на иорданской экономике, которая ощутила острую нехватку воды буквально во всех отраслях.

С подписанием в 1994 г. иордано-израильского мирного договора ситуация коренным образом изменилась: Иордания частично сняла проблему борьбы за воду ярмукского бассейна. Увеличение водных

ресурсов Иордании было одним из важных результатов договора³. Договор решил ряд жизненно важных вопросов двусторонних (и региональных) отношений, включая вопрос об использовании ограниченных водных ресурсов, который вошел в блок «Безопасность», включивший и ряд других вопросов (борьба с терроризмом и др.). До заключения договора Иордания получала от 90 до 120 млн м³/год из р. Ярмук и не имела права доступа к пользованию водами реки Иордан. Согласно договору Иордания получила 215 млн м³/год из объема воды, ранее используемого Израилем, а также согласие на утилизацию той части воды, которая не использовалась ни одной из сторон и считалась безвозвратно утерянной.

Однако после этого ухудшились иордано-сирийские отношения, Сирия продолжала подчеркивать, что проблема раздела воды между двумя странами рассматривается прежде всего в политической, а не в экономической плоскости.

После подписания в 1994–1997 гг. двусторонних иордано-израильских договоренностей Израиль обязался поставлять Иордании определенный объем воды из Тивериадского озера – огромного естественного пресного водохранилища, содержащего более 4 млрд м³. Вода самого Иордана в настоящее время уже мало пригодна для использования. На выходе Иордана из озера израильцы вывели в реку ряд соленых источников, чтобы минимизировать их влияние на воду в самом Тивериадском озере. Кроме того, Нижний Иордан сильно загрязнен стоками израильских промышленных и сельскохозяйственных предприятий. Однако вскоре стало ясно, что снабжение Иордании водой в соответствии с договоренностями в определенной степени зависит от многосторонних соглашений между Израилем, Иорданией, Сирией и Палестинской национальной автономией (ПНА).

Начавшиеся в 1997 г. иордано-сирийские переговоры о возобновлении соглашения 1987 г. были приостановлены из-за позиции Израиля, заявившего, что строительство плотины противоречит иордано-израильскому мирному договору. В этом же году были достигнуты договоренности о дополнительных 50 млн м³ воды для Иордании: Израиль согласился поставлять 25 млн м³ сразу и оставшиеся 25 млн м³ – через три года, когда будет создана инфраструктура задер-

³ Мирный договор между Израилем и Иорданией включал в себя пять дополнений, два из которых посвящались воде и проблемам окружающей среды.

жания и хранения зимних паводковых вод. Создавать ее было намечено совместными усилиями с привлечением иностранного капитала.

В середине 1998 г. качество воды, поступающей из Тивериадского озера, стало вызывать у Иордании большие нарекания. Израильтяне предприняли попытку ревизии мирных соглашений, заявив в начале 1999 г., что малое количество выпавших осадков не дает Тель-Авиву возможности соблюсти обязательства перед Иорданией в сфере водоснабжения. Иордания настаивала на абсолютном выполнении Израилем всех своих обязательств. Тем не менее, несмотря на существующие острые углы, Иордания и Израиль продолжают искать способы увеличения своих водных запасов. В сентябре 2002 г. страны достигли соглашения по программе восстановления уровня воды в Мертвом море. В рамках Всемирного саммита по устойчивому развитию в Йоханнесбурге (проходившему в сентябре 2002 г.) стороны решили приступить к строительству трубопровода для переброски воды из Красного моря в Мертвое с целью предотвращения его высыхания. Однако иордано-израильская инициатива встретила негативную реакцию у арабских стран, которые после начала в 2000 г. Интифады и последовавшими за этим жесткими действиями израильских войск на территории ПНА, решили заморозить крупные проекты с Тель-Авивом. В частности, Египет предупредил Амман, что введет против Иордании санкции, если она подпишет с Тель-Авивом проект соглашения о строительстве этого канала.

Таким образом, перспектива регионального сотрудничества арабских стран при участии Израиля в деле решения проблемы справедливого распределения и увеличения водных ресурсов поставлена в зависимость от урегулирования палестино-израильского конфликта.

Водный вопрос в сирийско-иракских отношениях

Сирия начала разрабатывать ирригационные программы в конце 1960-х гг. Наполнение водой озера Ассад привело к существенному сокращению поступления потока воды в Ирак. Ирак, в свою очередь, обвинил Сирию в том, что она задерживает воду и потребовал ЛАГ вмешаться, хотя в 1974 г. было заключено промежуточное соглашение об использовании вод Евфрата. Сирия в ответ отозвала своего представителя из водного комитета ЛАГ. К маю 1975 г. ситуация грозила войной. Сирия закрыла свои границы и воздушное пространство, и обе стороны начали наращивать войска у границы. С помощью

Саудовской Аравии была достигнута договоренность и Сирия согласилась оставлять у себя 40% вод Евфрата и отдавать 60% Ираку.

В настоящее время ситуация в Ираке не позволяет до конца разрешить замороженные водные конфликты между Ираком и Сирией до стабилизации политической обстановки.

Голанские высоты для Израиля являются важным стратегическим объектом в проблеме обеспечения водными ресурсами: на самих высотах воды немного, однако эта территория является своего рода горловиной, через которую вода заполняет подземные пласты и русла притоков р. Иордан. Без этой воды ситуация со снабжением водными ресурсами в Израиле станет значительно хуже, а для Израиля беспрепятственный доступ к водным ресурсам – вопрос национальной безопасности.

Арабским жителям Голан, которые до оккупации (1967 г.) являлись гражданами Сирии (около 100 тыс. человек) этой воды вполне хватало при их способе ведения хозяйства. Однако в конце 1980-х гг. арабских жителей там осталось не более 10 тыс., но воды стало потребляться почти в 3 раза больше, что стало следствием интенсивной поселенческой политики Израиля. С момента оккупации на Голанских высотах было создано более 20 поселений, целый ряд промышленных предприятий и ферм с искусственным орошением.

Распределение воды на этой территории с момента оккупации было взято под жесткий израильский контроль, ее распределением монопольно распоряжается компания «Мекорот»: для арабских жителей был введен запрет на посадку различных видов фруктовых деревьев, уничтожено большое количество водных резервуаров; сложилась тяжелая ситуация как с ирригационной, так и с питьевой водой.

Сирийцы увязывают эту проблему с мирным процессом, в рамках которого пока отсутствует видимый прогресс на сирийско-израильском направлении, а следовательно, остается нерешенным вопрос о распределении воды р. Ярмук среди всех заинтересованных сторон, включая палестинцев.

Водный вопрос в ливано-израильских отношениях

Камнем преткновения в ливано-израильских отношениях остается небольшая территория – т.н. фермы Шебаа (площадью 10 км² между Ливаном и сирийскими Голанскими высотами). Ливан считает эту территорию (охватывающую 14 ферм на западном склоне горы

Хермон к югу от ливанской деревни Шебаа) своей. Сирия отказалась от претензий на этот участок (в 2007 г. она предлагала передать «фермы Шебаа» под управление ООН). Израиль, однако, полагает, что район относится к Голанским высотам, т.е. формально относится к сирийскому треку и, следовательно, на него не распространяется действие резолюции 425. Картографы ООН, со своей стороны, определили, что этот район, принадлежность которого оказалась неопределенной из-за отсутствия демаркированной ливано-сирийской границы, принадлежит все-таки Ливану. После войны 2006 г. арабская пресса сообщала, что израильский премьер Э. Ольмерт выразил готовность провести переговоры о «фермах Шебаа» после освобождения похищенных израильских солдат. Учитывая жесткую позицию Израиля по отношению к Хизбалле, до переговоров по этому вопросу дело так и не дошло. Вместе с тем «фермы Шебаа» имеют стратегическое значение – этот район богат водными источниками. С западной (место расположения ферм) и северной гряды, окружающей гору Хермон, находятся источники, образующие реку Хасбани. Эта водная артерия образует верховья Иордана, водой из которого пользуется Израиль. После вывода израильских войск с юга Ливана одним из острейших вопросов политики Тель-Авива стала борьба за беспрепятственный сброс воды Хасбани в бассейн реки Иордан. В свою очередь, ливанская сторона полагает, что ее суверенитет распространяется на всю реку, поэтому в 2002 г. Бейрут объявил о начале реализации гидропроекта на Хасбани и Ваззани для снабжения водой южных территорий страны. Израиль настаивал, что ему принадлежат 10% объема вод Ваззани, однако ливанская сторона не отказалась от строительства водозаборной станции. В ответ Израиль выразил свой протест, а А. Шарон назвал снижение поступления воды в Иордан возможным поводом для войны. Несмотря на посредничество США в решении ливано-израильского водного кризиса, премьер Р. Харири отверг израильскую инициативу, которая предусматривала отказ Ливана от использования Ваззани для ирригационных целей и орошение земель только из более полноводной реки Литани. Поддержку Ливану тогда оказывала Сирия, и конфликт не расширился до новой войны.

В ходе оккупации юга Ливана Бейрут неоднократно обвинял Тель-Авив в краже воды из южноливанских источников. В представленном на встрече Экономической и Социальной комиссии ООН для Западной Азии докладе экспертов говорилось, что Израиль откачивал воды реки Литани в объеме 150 млн м³, а также из Ваззани и Хасбани

в объеме 65 млн м³. После отхода израильских войск ливанская сторона также заявляла об истощении источников на юге Ливана.

Воды реки Литани, где находятся две плотины с водохранилищами Караун и Маркаба и которая дает 35% электроэнергии Ливану, до сих пор представляют интерес для Израиля. Еще в 1905 г. озвучивался план отвода вод Литани на юг, а в 1919 г. Всемирная сионистская организация предлагала включить бассейн реки в территорию будущего еврейского государственного образования. Однако этот план был отвергнут Лигой Наций. Впоследствии израильтяне еще не раз выдвигали планы раздела вод Литани, которые озвучивались и после вывода войск из Ливана. Конструктивного решения этого вопроса не последовало, хотя в начале 2000-х гг. Израиль говорил о возможности участия в развитии проектов освоения вод бассейна Литани. В свою очередь, Бейрут не осуществил своих угроз подать иск о компенсации вреда за использование Литани в ходе израильской оккупации южного Ливана.

Очередной кризис в ливано-израильских отношениях разразился в 2002 г., когда власти Ливана открыли новую водозаборную станцию на реке Ваззани, протекающей в приграничных с Израилем районах, для ирригации засушливых земель на юге страны. Это произошло, несмотря на резкий протест Израиля, который видит в гидропроекте угрозу собственной безопасности и неминуемое снижение уровня в Тивериадском озере – основном источнике воды еврейского государства.

Водный вопрос в палестино-израильских отношениях

Израиль и ПНА пользуются двумя водными источниками – горным водоносным слоем и бассейном реки Иордан. Израиль получает 79% воды с гор, палестинцы – 21%. У палестинцев нет доступа к водам иорданского бассейна, Израиль же использует 100% его вод.

Водные ресурсы занимают важное место в отношениях Израиля и жителей палестинских территорий – Западного берега р. Иордан и сектора Газа, оккупированных израильтянами в ходе июньской Шестидневной войны 1967 г. Израиль активно занимался освоением водных ресурсов, которые использовались им для создания условий для размещения десятков тысяч новых репатриантов. Для этого он был вынужден задействовать всю имевшуюся в его распоряжении воду, включая бассейн р. Иордан, а также создать систему ее распределения по стране в соответствии с потребностями разных районов.

Конфликты между палестинцами и израильтянами по поводу пользования водными ресурсами стали возникать с начала еврейской иммиграции в Палестину. Конфликт разросся в течение Шестидневной войны, после которой израильская политика распределения воды была распространена на оккупированные территории.

Политика Израиля в сфере водных ресурсов на Западном берегу исходит из того, что на этой территории, оккупированной Израилем в июне 1967 г., существует две основные группы водных ресурсов, которые включены в сферу самых приоритетных жизненных интересов Израиля. Это воды реки Иордан и других рек, притоков и источников ее бассейна, а также подземные пласты и грунтовые воды (источники и паводковые воды) Западного берега.

Первыми шагами оккупационных израильских властей стали введение на палестинских территориях нового режима водопользования и взятие под полный государственный контроль всех водных ресурсов. Прежде всего, израильская администрация занялась изменением правовых норм, регулирующих отношения в указанной сфере. До оккупации 1967 г. водопользование регулировалось целым рядом наложившихся друг на друга правовых систем – османской, подмандатной и иорданской (в секторе Газа – египетской). После июня 1967 г. оккупационные власти ввели собственные порядки, в результате чего права палестинцев на воду были отделены от прав собственности на землю, и водные ресурсы стали, как и в самом Израиле, рассматриваться в качестве государственной собственности. Непосредственный контроль за водопользованием и орошением земель на оккупированных палестинских территориях стала осуществлять израильская Комиссия по водоснабжению через одно из своих подразделений – Департамент по распределению водных ресурсов и их сертификации (ДРВРС). Израильским властям предоставлялось право вводить определенные ограничения, в частности без их разрешения запрещались строительство и эксплуатация всех видов водоподающих сооружений; реализация любого ирригационного проекта и использование пластовых вод и др.

Арабское население оккупированных территорий крайне ограничило в потреблении воды. Те немногочисленные колодцы, которые им было позволено иметь, не должны были превышать 60 м в глубину. Израильские же поселенцы получили право бурить по соседству с ними более глубокие – до 500 м – артезианские скважины, что вызвало пересыхание первых. Цена на воду тоже устанавливалась окку-

пационными властями, и хотя для арабов она была в четыре раза выше, чем для поселенцев, потребление воды арабскими жителями еще и лимитировалось путем введения квот.

На Западном берегу на домашнее, муниципальное и промышленное потребление уходит 26 м^2 воды в год на душу населения – это приблизительно 70 л в день. В Израиле только на домашние и муниципальные нужды идет приблизительно 103 м^3 в год на душу населения (282 л в день). Если прибавить к этому еще и промышленное потребление воды, то получается 350 л в день, что в 5 раз больше аналогичного показателя у палестинцев.

Палестинское население Западного берега практически удвоилось к началу 1990-х гг. (со времени последней официальной переписи в 1967 г.), однако снабжение арабских муниципалитетов водопроводной водой ежегодно росло приблизительно только на 5%. В период с 1967 г. до середины 1990-х гг. площадь орошаемых земель сократилась в палестинском секторе с 27% до 4%.

В отличие от Западного берега в секторе Газа сложилась иная система водопользования, поскольку на этой территории норма годовых осадков (до 370 мм/год) существенно ниже, чем на Западном берегу, вследствие чего основным поставщиком воды (более 85% общего количества ее потребления) стали подземные пласты. В секторе Газа главной проблемой является не количество воды, а ее качество. С 1950-х гг. единственный источник воды – водоносный слой – загрязнен и обладает повышенным содержанием соли, это происходит из-за неправильного пользования и попадания в него канализационных стоков, пестицидов и удобрений.

Неограниченная выкачка пресной воды из основного водного резервуара сектора Газа (берегового пласта) для нужд палестинского сельского хозяйства и израильских поселений привела к тому, что они начали заполняться морской водой. Ухудшение качества воды (почти половина всех колодцев в секторе Газа стала непригодной для использования человеком, а вода большей их части не годится и для ирригации) обусловило негативную тенденцию развития сельского хозяйства. По той же причине пришлось сильно ограничивать потребление воды для питья, что в отдельных районах привело к сильнейшим перебоям в водоснабжении. Плохие санитарные условия, особенно в городских районах, создают условия для дальнейшего заражения пласта, что может повлечь за собой экологическую катастрофу.

С началом мирных переговоров в 1991 г. проблема водных ресурсов обсуждалась между палестинцами и израильтянами как на двустороннем, так и многостороннем уровнях. В соответствии с Декларацией «О принципах организации временного самоуправления», подписанной в Вашингтоне 13 сентября 1993 г., и последующими соглашениями⁴ управление водным хозяйством в секторе Газа и Иерихоне на Западном берегу р. Иордан было передано получившей их под свой контроль Палестинской администрации. Соглашения подтверждали наличие прав палестинцев на воду, предоставляли им «дополнительные водные ресурсы» из израильской сети, а также признавали необходимость развития дополнительных водных ресурсов для различных видов потребления. Все эти вопросы должны были быть окончательно урегулированы на переговорах об окончательном статусе. Однако свертывание Мадридского процесса и новая волна напряженности на палестино-израильском направлении свели на нет достигнутые договоренности.

«Водная» безопасность Египта

В 2013 г. Эфиопия начала активные работы по изменению русла Голубого Нила. Начавшиеся работы ведутся в рамках проекта по возведению Великой эфиопской плотины возрождение (ВЭПВ). Президент Египта М. Мурси заявил, что вопрос водной безопасности является жизненно важным для страны; поэтому он рассматривает все средства для решения проблемы. Африканский союз призвал стороны немедленно сесть за стол переговоров.

Возведение плотины всего в 40 км от границы с Суданом началось еще в апреле 2011 г. Согласно проекту плотина должна быть 1780 м в длину и 145 м в высоту. Перед плотиной будет создан водный резервуар размерами 1680 км², который будет вмещать 74 млрд м³ воды. Предполагается, что плотина полностью войдет в строй в июле 2017 г. Помимо ВЭПВ Эфиопия намерена построить в течении 25 лет еще три ГЭС.

⁴ Каирское соглашение от 4 мая 1994 г., по которому была создана Палестинская администрация в секторе Газа и городе Иерихоне на Западном берегу р.Иордан; Табское соглашение, подписанное в Вашингтоне 28 сентября 1995 г., в соответствии с которым юрисдикция Палестинской администрации распространилась и на ряд других населенных пунктов Западного берега.

Проекты по сооружению гидроэлектростанций в странах, расположенных выше Египта по течению Нила, всегда вызывали крайне негативную реакцию в стране. В особенности, проекты по перегораживанию Голубого Нила, ибо 85% воды, которая течет через северную часть Судана и Египет – это как раз вода Голубого Нила.

С точки зрения международного права ситуация со строительством ВЭПВ довольно двусмысленная. До недавнего времени распределение нильской воды регулировалось договором 1956 г. между Египтом и Суданом, согласно которому страны нильского бассейна, расположенные выше Египта и Судана, не могут осуществлять водные проекты, которые ставят под угрозу обеспечение этих двух стран водой. Договор предоставляет Египту квоту в 55,5, а Судану — 18,5 млрд м³ нильской воды. Другие страны нильского бассейна не были включены в договор на том основании, что они получают достаточно дождевой воды для сельскохозяйственных нужд.

Египет в своих переговорах со странами, расположенными выше по течению, требует соблюдения двух неперемennых условий: запрета на реализацию проектов, угрожающих водной безопасности страны, и принятия решений между странами нильского бассейна только при единогласном одобрении, что, по сути, дает Египту право накладывать вето на любые проекты, идущие вразрез с его национальными интересами. В свою очередь, остальные «нильские» государства настаивают на принятии решения простым большинством.

Ситуация изменилась в 2010 г., когда в Энтеббе (Уганда) между странами-участниками так называемой Инициативы бассейна Нила (Nile Basin Initiative) было заключено соглашение, согласно которому устанавливалась новая процедура принятия решений простым большинством голосов. Страны заявили, что дольше не намерены мириться с ситуацией, когда Египет препятствовал проведению любых проектов, связанным с нильской водой в странах, расположенных выше по течению Нила. Энтеббские соглашения не были подписаны Египтом, Суданом и Демократической Республикой Конго. В результате, фактически произошел разрыв между Египтом и Суданом, с одной стороны, и Эфиопией, Кенией, Угандой, Танзанией, Руандой и Бурунди – с другой. К соглашениям вскоре после получения независимости присоединился Южный Судан. Ратификация энтеббских договоров парламентами стран будет означать конец действующих ныне договора 1956 г.

Египет и Судан заявили, что энтеббские соглашения противоречат международному праву и призвали доноров строящейся в Эфиопии плотины отказаться от финансирования проекта. По мнению Хани Раслана, руководителя программы по изучению Судана и стран нильского бассейна Центра политических и стратегических исследований «аль-Ахрам», распределение воды должно коррелировать с численностью населения страны и размером сельскохозяйственных земель. Однако этот аргумент в наименьшей степени подходит к Эфиопии, численность населения которой в настоящее время составляет около 94 млн человек (против 85 млн египтян) и растет быстрее, чем в Египте. Кроме того, в настоящий момент в Эфиопии доступ к благу пользования электричеством имеет не более 20% жителей.

В соответствии с энтеббскими соглашениями Эфиопия начала работы по строительству плотины «Возрождение», что напрямую угрожает водной безопасности Египта.

Проблема усугубляется тем обстоятельством, что полная документация, связанная с проектом строительства плотины, остается недоступной Египту и Судану, что не позволяет объективно оценить риски. Именно поэтому вопрос о том, к каким последствиям для этих стран приведет строительство плотины, остается непроработанным, что служит почвой для апокалипсических картин засухи и голода или, наоборот, наводнения, которыми пугают египтян журналисты и ряд экспертов.

Плотина, завершение постройки которой намечено на 2017 г., возводится среди базальтовых скал, тянущихся вдоль линии Великого африканского разлома, что, по понятным причинам, означает высокую сейсмическую активность в данной зоне. Между тем Египет до сих пор не получил результатов геологических исследований, проводившихся перед началом строительства плотины. При этом эксперты пишут о том, что запас прочности строящейся плотины крайне низок. По словам специалистов, в случае разрушения плотины большая часть Судана будет затоплена; серьезно может пострадать Асуанская ГЭС. Аналитики также отмечают, что после завершения постройки плотины Египет в течении шести лет, которые отведены на заполнение водного резервуара, будет получать в среднем на 30% меньше от своей ежегодной нормы. После постройки ВЭПВ – на 20%, а выработка электроэнергии Асуанской ГЭС уменьшится на все 40%. Даже в том случае, если плотина «Возрождение» будет использоваться лишь для производства электроэнергии, Египет будет ежегодно недо-

получать около 19 млрд м³ воды, что приведет к опустыниванию значительной части плодородной земли. В том же случае, если вода будет использоваться еще и для сельскохозяйственных проектов, разрушительные последствия для египетского аграрного сектора могут быть катастрофическими.

Уже в настоящее время Египту не хватает той воды, которая ему выделяется по квоте (55,5 млрд м³). Реальная потребность страны – 75 млрд м³. Каждый год стране приходится брать воду в долг у Судана. На настоящий момент этот долг составляет порядка 300 млрд м³ воды. К 2050 г., когда численность населения Египта, согласно прогнозам, составит 150 млн человек, стране понадобится около 21 млрд м³ воды сверх нынешней квоты.

Начало работ по проекту послужило ухудшению отношений между Эфиопией и Египтом. С обеих сторон журналисты всерьез отмечали возможность начала войны между странами. В египетской прессе вспоминали о том, что бывший президент Египта Анвар Садат в свое время угрожал Эфиопии бомбежками строящейся плотины, если та задумает перегородить Голубой Нил. В 2010 г., когда появились первые известия о том, что Эфиопия собирается перегородить Голубой Нил, между президентом Египта Хосни Мубараком и президентом Судана Омаром аль-Баширом были заключены договоренности, о том, что на территории Судана Египет построит военную базу и аэродром. Тогда всерьез обсуждалась возможность уничтожения строящейся плотины в ходе авианалета или спецоперации. Прецедент тому уже был. В середине 1970-х гг. при президенте А. Садате египетские ВВС разбомбили судно, перевозившее оборудование для плотины, которую начинали возводить на Голубом Ниле.

В сложившейся ситуации Египет и Судан находятся в меньшинстве, и с их мнением и интересами мало считаются, чему в значительной мере способствует их нынешняя экономическая и имиджевая слабость. Страны, расположенные выше их по течению Нила, обвиняют Каир и Хартум в «колониализме» и «игнорировании интересов других стран». Многие в нынешней политике стран нильского бассейна по отношению к Египту и Судану определяется не только потребностями экономики в электроэнергии, но и желанием уязвить самолюбие бывших лидеров Ближневосточного региона. Так, Южный Судан почти сразу после обретения независимости присоединился к энтеббским договоренностям и приостановил работы по завершеному на три четверти проекту Канала Джонглей. Последний, в свою

очередь, имел целью осушение Судда или Бахр аль-Джебель – огромной заболоченной территории, где ежегодно испаряется около 9 млрд м³ воды (5–7% нынешнего объема потребляемой Египтом воды), которая, как предполагалось, после завершения работ должна была увеличить водные ресурсы Египта и Судана.

В этой ситуации Египет собирается задействовать в решении этой проблемы Лигу арабских государств, Африканский союз и Совет безопасности ООН.

Вопросы для самоконтроля

1. Особенности физико-географического положения арабских стран Многообразие географических условий и климатических зон.
2. Основные характеристики субрегионов арабского мира.
3. Общие черты социально-экономической и политической географии региона.
4. Историко-цивилизационное деление Арабского региона.
5. Особенности физико-географического положения североафриканских стран и их влияние на основные этапы исторического развития.
6. Особенности географии стран Ближнего Востока и Аравийского полуострова.
7. Пустыни, горы, реки и их влияние на хозяйственную деятельность.
8. Горы Курдистана и социально-экономическая специфика Ближнего Востока.
9. Проблема водных ресурсов.
10. Основные горно-промышленные районы.
11. Основные месторождения – гиганты зоны Персидского залива.
12. Нефть как фактор модернизации традиционного общества.
13. Основные проблемы экономического развития аравийских монархий после проведения реформ.
14. Водный вопрос в иордано-сирийских и иордано-израильских отношениях.
15. Водный вопрос в сирийско-иракских отношениях. Политика Израиля в отношении водных ресурсов Голанских высот.
16. Водный вопрос в ливано-израильских отношениях.
17. Водный вопрос в палестино-израильских отношениях.

Примеры контрольных заданий

Блок 1

1. Назовите основные источники снабжения водой арабского Машрика.
2. Какие арабские страны имеют выход к морю или океану?
3. Можно ли говорить о единстве арабского региона?
4. Назовите два крупных полуострова в пределах арабского региона.
5. Почему регион Персидского залива называют «кладовой нефти»?
6. Какие страны имеют два выхода: морской и океанический?
7. Перечислите основные проблемы арабского региона, проистекающие из его географии.

Блок 2

1. Назовите основные причины проведения реформ в Саудовской Аравии.
2. Перечислите направления, по которым проводились реформы в монархиях Персидского залива.
3. Итоги модернизации традиционного общества: можно ли говорить о его качественно новом этапе развития?
4. В чем заключаются причины острого дефицита воды в арабских странах?
5. Почему ситуация с водоснабжением продолжает ухудшаться?
6. Политика Израиля в отношении водных ресурсов.

Литература по 1 главе

1. *Аганин А.Р.* Современная Иордания / А.Р. Аганин, З.А. Соловьева. – М.: Ин-т изучения Израиля и Ближнего Востока, 2003.
2. *Александров И.А.* Монархии Персидского Залива: этап модернизации / И.А. Александров. – М.: Дело и Сервис, 2000.
3. Ближний Восток: война и политика / под ред. Г.Г. Исаева, А.А. Сотниченко. – М.: Марджани, 2010.
4. *Васильев А.М.* Король Фейсал. Личность, эпоха, вера / А.М. Васильев. – М.: Восточная литература РАН, 2010.
5. *Гордеев И.В.* Добыча углеводородов в странах Ближнего Востока и Северной Африки и проблема энергетической безопасности

(на примере Ливии) / И.В. Гордеев // Ближний Восток и современность. – М., 2006. – Вып. 27.

6. *Жюли Ф.* География Марокко / Ф. Жюли, А. Аяш, Ж. Фардель; пер. и предисл. В.Я. Васильевой. – М., Изд-во Иностранной литературы, 1951.

7. Окружающая среда и развитие в арабском мире (сборник статей) / отв. ред. В.А. Исаев, А.О. Филоник. – М.: Ин-т Востоковедения РАН, 1999.

8. *Рясов А.В.* Современная Ливия: географический и исторический очерки / А.В. Рясов. – М.: Ин-т Востоковедения РАН, 2001.

9. *Поль Себа П.* Тунис / Поль Себа; пер. и предисл. Н.Н. Баранского. – М.: Иностранная литература, 1953.

10. Современный Ирак / отв. ред. М.В. Малюковский. – М.: Наука, 1966.

11. *Солоницкий А.С.* Социально-экономическое развитие современного Марокко / А.С. Солоницкий. – М., Наука, 1965.

12. Физико-географический очерк Алжира // Алжир: справочник. – М.: Ин-т Африки РАН, 1997.

13. *Хамзин К.З.* Водные ресурсы бассейна реки Иордан и арабо-израильский конфликт / К.З. Хамзин. – М.: Ин-т изучения Израиля и Ближнего Востока, 1998.

14. *Яковлев А.И.* Фейсал – король-реформатор / А.И. Яковлев. – М.: Российский центр стратегических и международных исследований, 1999.

2. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ АРАБСКИХ СТРАН

2.1. Особенности экономического развития арабских стран

Одной из наиболее характерных особенностей арабского капитализма было активное участие государства в предпринимательской деятельности капиталистического типа. Государство играло ведущую роль во всех новых отраслях производства, особенно в области инфраструктуры и фабричной промышленности. Еще в середине XIX в. при отсутствии предпринимательской буржуазии оно осуществляло самые амбициозные и дорогостоящие проекты, попутно обогащая слои местной компрадорской буржуазии. Так, строительство египетских железных дорог обошлось казне в 325 млн золотых фр. Из них, как полагают, издержки, связанные непосредственно со строительством и наймом рабочей силы, составляли не более 75 млн фр., остальное осело в карманах буржуазно-бюрократической элиты и иностранных подрядчиков.

Другой характерной особенностью развития арабского капитализма стало господство иностранного капитала во всех сферах экономики. Еще в начале XX в. и особенно в межвоенный период экспорт иностранного капитала в страны Арабского Востока резко увеличился. Хотя по-прежнему вложения осуществлялись в основном в кредитно-банковскую сферу, торгово-транспортные предприятия и первичную обработку экспортной сельскохозяйственной продукции, главной сферой приложения иностранного капитала становится добывающая промышленность, прежде всего разведка и добыча нефти.

В центре внимания крупнейших нефтяных компаний мира оказался Ирак, прогнозы на большие запасы нефти в котором представлялись наиболее надежными. К концу 1920-х гг. завершились перипетии, начавшейся еще до войны борьбы нефтяных магнатов за право на эксплуатацию иракских месторождений. В 1925 г. международная компания «Теркиш Петролеум Компани» (ТПК) (в 1929 г. – «Ирак Петролеум Компани»), получив концессию на территорию в 500 км², приступила к разведочным работам в горах Юго-Восточного Курдистана и западной пустыне Ирака. В 1927 г. было открыто гигантское месторождение нефти в районе Баба-Гургур недалеко от Киркука.

В конце 1920-х и особенно в 1930-е гг. английские и американские нефтяные компании получали концессии на ведение поисковых работ на нефть в странах Аравийского полуострова. Американские «Стандард Ойл Компани оф Калифорния» и «Тексако Инкорпорейтед» получили концессии в Саудовской Аравии и на Бахрейне, «поделили» между собой Кувейт.

В странах Французской Северной Африки добывающая промышленность (разработка фосфоритов, железных и свинцово-цинковых руд) также являлась важнейшей отраслью приложения иностранного капитала. Добывавшиеся в этом районе свинцовые и цинковые руды не только покрывали потребности Франции в этом виде сырья, но и давали возможность его экспортировать. Еще до Второй мировой войны Марокко занимало одно из ведущих мест в мире по вывозу марганца и кобальта. Из Алжира и других стран Магриба экспортировалась вся добываемая там железная руда, которая практически не перерабатывалась на месте. Уникальные фосфоритные месторождения Магриба были открыты в конце XIX в. В 1920–1930-е гг. вслед за районом Гафсы в Тунисе началось интенсивное освоение и промышленное использование залежей на марокканском «фосфоритовом плато».

Горнодобывающая промышленность и другие ключевые отрасли экономики (кредитно-банковская сфера, железнодорожный транспорт) находились под контролем нескольких крупнейших французских монополий. Главную роль в них играли «Банк де Пари э де Пэи-Ба», «Банк де л'Юньон Паризьенн» и банкирский дом Ротшильдов. Эти три группировки, представлявшие верхушку французской финансовой олигархии, создали в Северной Африке сеть дочерних компаний, захвативших в свои руки наиболее прибыльные сферы производства.

Обрабатывающая промышленность фабричного типа, также находившаяся в основном в руках иностранного капитала, была представлена группой предприятий по переработке сельскохозяйственного сырья и продуктов рыболовства, а также некоторыми отраслями легкой промышленности, в значительной мере ориентированной на удовлетворение потребностей европейской переселенческой колонии. При этом товары массового спроса, такие как текстиль, ввозились из Франции.

В целом, в 1920-1930-е гг. в большинстве арабских стран главной сферой деятельности национального капитала по-прежнему оставалась торговля, причем преимущественно традиционного типа, свя-

занная с ростовщическими операциями, сбытом сельскохозяйственной продукции и ремесленных изделий. Промышленная буржуазия развивалась крайне медленно. Исключение составляла только одна арабская страна – Египет, где в межвоенный период сложилась достаточно влиятельная национальная буржуазия, возникли промышленно-финансовые акционерные общества с участием и даже преобладанием египетского капитала, иногда принимавшего форму монополистических объединений. Источником инвестиционного капитала для нарождавшейся национальной промышленности служила аккумуляция денежных накоплений верхушечных слоев населения, связанных с сельским хозяйством.

После Второй мировой войны капитализм в арабском мире оставался слаборазвитым и во многом зависимым от метрополий. Господствующие позиции занимали иностранные монополии, а местный капитал даже в странах с относительно высоким уровнем капиталистической трансформации общества (Египет, Алжир, Ливан, Тунис) играл второстепенную роль. Высокоразвитые формы капитализма существовали только в отраслях, которые обеспечивали включенность арабских стран в мировую хозяйственную систему (горнодобывающая промышленность, ряд отраслей сельского хозяйства, кредитно-банковская система).

К моменту достижения государственной самостоятельности на протяжении 1950-х – 1960-х гг. арабские страны находились на разных уровнях социально-экономического развития. Однако все они были отсталыми аграрными странами, поэтому основные различия, имевшиеся между ними, выражались в степени отсталости.

Ни в одной из арабских стран до начала 1960-х гг. не было развитой обрабатывающей промышленности, продукция которой поступала бы на экспорт. Имевшиеся в некоторых из них современные предприятия горно- и нефтедобывающей промышленности в подавляющем большинстве принадлежали иностранному капиталу и представляли собой фактически инородный анклав в крайне отсталой аграрной экономике арабских стран с неразвитыми производительными силами. Лишь в некоторых из них имелись предприятия легкой и пищевой промышленности, которые можно было назвать современными. В остальных отраслях преобладали мелкие и мельчайшие предприятия, основанные на личном труде их собственников и их семей, использовавших примитивные орудия труда. Эта неравномерность развития различных отраслей экономики усугублялась неравномер-

ным территориальным размещением предприятий. Предприятия обрабатывающей промышленности располагались, как правило, в прибрежной зоне, т.е. поблизости от портовых городов, являвшихся пунктами снабжения импортным сырьем и рынками сбыта.

Общая технико-экономическая отсталость арабских стран и вытекавшая из этого с неизбежностью зависимость от бывших метрополий в начале 1960-х гг. проявлялись и в их социально-экономической отсталости. Это объяснялось преобладанием полунатуральных хозяйств, из которых состоял т.н. «традиционный» сектора экономики. Товарное производство было сконцентрировано главным образом в крупных населенных пунктах и в тех сельских районах, где оно велось в основном иностранным капиталом. Предприятия, использовавшие передовую технику и технологию, передовые методы ведения хозяйства, формировали «современный» сектор.

Производившаяся в традиционном секторе товарная продукция реализовывалась обычно на местных рынках, что приводило к хозяйственной изоляции одних районов от других. На деле это означало отсутствие единого национального хозяйства и его главного признака и составной части – общенационального рынка. Производство же товаров в современном секторе предназначалось для нужд рынков прежних метрополий, с которыми арабские страны по традиции сохраняли тесные экономические связи. В пределах двух главных видов производства – натурального и товарного – сохранялось множество экономических укладов (патриархальный, феодальный, мелкотоварный, частнокапиталистический, государственный), что означало отсутствие ведущего или преобладающего уклада или способа производства.

После достижения государственной самостоятельности все арабские страны были поставлены перед необходимостью преодоления прежней структуры национальной экономики, ее диверсификации, перестройки внешних экономических связей. Разумеется, пути и средства решения этих задач выбирались в каждой арабской стране весьма различные и определялись, в частности, социально-экономической ориентацией существующего режима. Однако во многих арабских странах государственный сектор становится определяющим фактором дальнейшего экономического развития. Хозяйственная деятельность государства создавала материальные предпосылки трансформации экономических структур путем их диверсификации, углубления общественного разделения труда и внедрения машинной техники, образования комплекса промышленных отраслей,

определяющих характер специализации и особенности расширенного воспроизводства. Система государственного контроля и регламентации хозяйственной деятельности в арабских странах сохраняла многие элементы внеэкономического принуждения, включая строго регламентированные правила торговли и условия ремесленного производства, нормирование цен, минимальных ставок заработной платы и уровня прибыли, а также другие ограничения в производстве и распределении общественного продукта. Например, в период правления президента Насера в 1960-е гг. в Египте был достигнут рекордный для всех арабских стран показатель огосударствления промышленности. И, несмотря на то, что после его смерти этот показатель сократился до 71%, госсектор в Египте продолжал играть доминирующую роль в развитии национальной промышленности. В нем были сосредоточены все отрасли современного машиностроения, электротехника, энергетика, 90% химической промышленности, 85% производства строительных материалов, 100% нефтедобычи, 95% электромашиностроения, черной металлургии, химической, табачной, текстильной и бумажной промышленности. Государство контролировало до 84% инвестиций в промышленность, 85% всего капитала фабрично-заводской промышленности и 78% ее производства.

В 1970-е гг. выявились лидеры арабского мира, которые резко увеличили ВВП на душу населения, однако произошло это благодаря многократным повышениям цены на нефть. Если расположить данные за 1970 года о душевом доходе по арабским странам по убывающему принципу, то итоги этого года будут выглядеть следующим образом (в долл. США): Ливия – 5219, Кувейт – 3858, ОАЭ – 2964, Катар – 2696, Бахрейн – 1054, Саудовская Аравия – 673, Ливан – 603, Оман – 418, Алжир – 376, Ирак – 375, Сирия – 286, Тунис – 281, Марокко – 258, Египет – 234. Иордания – 213, Мавритания – 167, Судан – 158, НДРЙ – 127, ЙАР – 79.

Значительные доходы от экспорта нефти стали одним из важных отличительных признаков развития арабского капитализма после Второй мировой войны. Овладение арабскими нефтеэкспортирующими странами колоссальной горной рентой сыграло историческую роль в их социально-экономическом развитии и во взаимоотношениях с центрами капитализма. Получение многих сотен миллиардов долларов валютных поступлений стало движущей силой развития рентного капитализма как в самых отсталых странах с всевластием родоплеменной аристократии, так и в более развитых государствах

региона за счет предоставления финансовой помощи в обмен на рабочую силу.

В странах нефтеэкспортирующей группы наметились различные подходы к развитию собственной промышленности. Так, в Саудовской Аравии, ОАЭ, на Бахрейне проявилась тенденция к созданию промышленного комплекса с относительно диверсифицированной структурой производства, включающей предприятия обрабатывающей промышленности (например, предприятия, использующие выплавленный алюминий на Бахрейне), развитие ненефтяного сектора (металлургические и металлообрабатывающие комплексы в Саудовской Аравии); Кувейт начал специализироваться на капитализации нефтяной ренты за рубежом, не отказываясь при этом от создания отраслей легкой промышленности и производства минеральных удобрений. Открытие крупнейшего в мире месторождения газа в Катаре на многие годы определило его направление промышленного развития с преимущественной ориентацией на мировой рынок в качестве экспортера газа. Однако и там была создана сталелитейная промышленность с тем, чтобы обеспечить надежный экономический рост в постнефтяную эру и ослабить зависимость от нестабильного источника доходов.

Нефтяной фактор активно способствовал интенсивному росту капитализма. В 1970-е гг. нефтеэкспортирующие арабские страны лидировали во всем развивающемся мире по темпам экономического роста. Одновременно быстрыми темпами шло углубление интеграции этих стран и арабского региона в целом в мировое капиталистическое хозяйство в таких направлениях и формах, которые образовали систему его асимметричной взаимозависимости с центрами капитализма.

В конце XX в. большинство арабских стран сумело создать основы национальной экономики индустриального типа, следуя западной модели развития. Однако переход к новому состоянию экономики постиндустриального типа на основе новейших достижений науки оказался невозможным: арабские страны оказались пассивными потребителями продукции наукоемких производств. Государство по-прежнему продолжает играть важную роль в экономике, несмотря на возрастание значения частнокапиталистического уклада, и сохраняет свои функции регулятора экономического развития исходя из национальных интересов.

Структура национального хозяйства в большинстве арабских стран не претерпела существенных изменений к началу XXI в.: со-

храняется ее аграрно-сырьевой характер, несмотря на довольно успешное развитие обрабатывающей промышленности, финансового сектора и сферы услуг.

Доля экономически активного населения в регионе составляет от 35% до 20% из-за большого количества детей и слабой вовлеченности женщин в общественное производство (в разных странах от 5 до 20% населения).

Качество рабочей силы в целом оценивается как невысокое в связи с низким образовательным уровнем основной массы населения и спецификой образования, которое предусматривает во многих странах чрезмерно высокую долю религиозной составляющей в ущерб современным дисциплинам. Самые большие проблемы связаны с подготовкой технических специалистов среднего звена. Молодые арабы, обучающиеся за границей, все чаще после получения образования предпочитают оставаться на Западе.

Сегодня отраслевая структура большинства арабских стран характеризуется высокой долей сферы услуг (50%), где занята большая часть самодеятельного населения. На промышленность и строительство приходится 35–40%, на сельское хозяйство и рыболовство – 10–15%.

На рубеже XX–XXI вв. Египет выступил в качестве главного инициатора политических и экономических преобразований в арабском мире, предприняв активные шаги для подготовки и реализации интеграционных процессов. В 2004 г. его ВВП (88784 млн долл.) составил лишь 10,7% от совокупного ВВП арабского мира. А ВВП на душу населения в том же году (1222 долл.) составил 44,9 от средне-арабского расчетного показателя.

Экономическая жизнь Египта в начале XXI в. базировалась на использовании как традиционных источников финансирования, так и относительно новых, неиспользованных ранее резервов.

К традиционным эффективным источникам можно отнести доходы от эксплуатации Суэцкого канала, от туризма и переводы от египтян, работающих за рубежом. В декабре 2006 г. доходы от эксплуатации Суэцкого канала достигли 350 млн долл. В настоящее время через канал осуществляется около 8% мировых морских перевозок.

От туризма Египет получает до 7 млрд долл. в год, в этой отрасли работает каждый десятый египтянин.

Постепенно Египет становится в ряд крупных производителей и поставщиков нефти и газа. В последние годы были открыты около 20 новых месторождений нефти, что позволило увеличить ее запасы на

13,4 млн т. Однако пока запасов нефти хватает главным образом на обеспечение внутренних потребностей, в связи с чем власти страны делают ставку на газ и его экспорт за рубеж.

Одним из новых направлений развития египетской экономики стало строительство атомных электростанций. В сентябре 2006 г. Каир принял решение о строительстве первых трех АЭС мощностью 600 мегаватт каждая в районе Эд-Дабаа на Средиземноморском побережье в 150 км от Александрии. Первая из них должна вступить в строй в 2015 г. В ноябре 2007 г. в АРЕ был образован совет по мирному использованию ядерной энергии.

Между тем одной из основных проблем Египта остается безработица. Она вызвана тем, что на рынке труда ежегодно появляются 500–600 тысяч молодых людей в возрасте 15–24 лет, ищущих работу и представляющих собой самую политически нестабильную часть общества. А за последнюю четверть века в Египте ежегодно в среднем создавалось 291 тысяча новых рабочих мест или половина от необходимой потребности. По официальным данным, уровень безработицы составлял 9,3%, в то время как независимые источники говорили о 20%. Сильнейшая безработица усугублялась коррупцией, по уровню которой Египет превзошел арабские страны Персидского залива, и широко распространенной практикой кумовства. Безработица с неизбежностью порождала бедность: по данным Министерства планирования АРЕ, четверть населения страны жила меньше чем на 2 доллара в день.

На эти проблемы накладывались низкая во многих случаях квалификация работающего персонала и неэффективность работы государственных структур.

Несмотря на это, Египет продолжал оставаться одной из ключевых стран арабского мира благодаря помощи со стороны США, ежегодно выделяющих Египту миллиарды долларов в качестве военной и финансовой помощи на протяжении более чем трех десятилетий – с 1979 г., когда Каир подписал мирный договор с Израилем.

Ключевым финансово-экономическим лидером арабского мира в 2004 г. была Саудовская Аравия. При населении в 23,9 млн человек (7,9% от населения всего региона) ее ВВП составил в том же году 29,4% от совокупного ВВП арабских стран, а ВВП на душу населения (10202 долл.) – 374,5% от среднеарабского расчетного показателя. Финансово-экономический потенциал королевства позволял и позволяет Саудовской Аравии влиять на ситуацию не только в регионе

Персидского залива, но и во всем арабском мире и в его отношениях с США, Израилем и другими неарабскими странами.

Такие экономические результаты страны при относительно малой численности населения объясняются огромными финансовыми ресурсами благодаря доходам от нефти и следованием научно обоснованным планам реформ и преобразований.

В 2005 г. ВВП королевства вырос на 6,5% в результате развития не только нефтяного сектора, но и других отраслей экономики. Инфляция в том году оставалась на очень низком уровне. В 2006–2007 гг. рост ВВП сохранялся на уровне 5,2–6,4%. Реализация правительственных планов по осуществлению крупных инвестиций в нефтяную промышленность и инфраструктуру в сочетании с дальнейшим проведением структурных реформ, нацеленных на расширенное участие частного сектора, должны содействовать активному экономическому росту и сокращению безработицы.

В социально-политической сфере и подходе к решению проблем общественного развития ключевой страной был Тунис, хотя экономические результаты его развития были весьма скромными. При населении в 10 млн человек (3,3% от населения всего арабского мира) его ВВП в 2004 г. составил 28134 млн долл. (3,4% от совокупного арабского ВВП), а ВВП на душу населения (2815 долл.) составил 103,3% от среднеарабского расчетного показателя. Таким образом, Тунис в целом соответствовал среднестатистическому образцу арабского государства.

Такие показатели стали результатом не только исторического развития этой страны, но и сознательной социальной политики правящего режима в годы независимого существования. Вместе с тем любые социальные достижения базируются на достижениях экономических.

В Тунисе к середине 1980-х гг. были достигнуты определенные успехи в сфере экономики. Однако политика максимального стимулирования частного предпринимательства под лозунгами сосуществования и сотрудничества государственного, частного и кооперативного секторов в экономике не могли решить стоящих перед страной проблем в сферах экономической и социальной, а напротив – обострили их, способствовали нарастанию социальной напряженности и привели к перевороту 7 ноября 1987 г., получившего название «Жасминовой революции». Переворот был осуществлен под руководством Зина аль-Абидина Бен Али, премьер-министра и генерального секре-

таря правящей Социалистической дустуровской партии. Ссылаясь на статью 57 конституции Туниса, предусматривающую замещение вакансии поста президента в случае физической неспособности главы государства исполнять свои обязанности, Бен Али объявил взятии на себя функций президента. Новая власть декларировала либерализацию экономики, содействие здоровой конкуренции между политическими партиями, создание стабильного общества, которое характеризовалось бы открытостью и терпимостью. В стране были созданы возможности для развития частной инициативы, которая способствовала хозяйственному подъему, были проведены кардинальные реформы по освобождению экспорта от государственного контроля, либерализации цен, снижению таможенных пошлин, укреплению роли финансового рынка. Была проведена реформа налогообложения, направленная на упрощение его системы.

Фактически по каждому показателю, характеризующему человеческую деятельность – от средней продолжительности жизни до охвата школьным обучением и детской смертности, Всемирный банк считал Тунис исключительно успешным в своем развитии. Строго следуя программе реформ, разработанной под руководством МВФ, правительство Туниса в ходе ее осуществления постепенно снижало средний уровень инфляции, доведя ее до 4,9% в середине 1990-х гг. Результаты выполнения VIII плана социально-экономического развития (1992–1995 гг.) оказались благоприятными, но и выявили имеющиеся проблемы. Реальный рост ВВП, составлявший в этот период в среднем 4,5%, был стимулирован экспортом и успехами в повышении производительности, но оказался ниже намеченных 5,8%.

Принятые меры по либерализации экономики расчистили путь Тунису к более тесному партнерству с Европейским союзом. Тунис стал в 1995 г. первой страной на южном фланге Средиземноморья, подписавшей с Европейским союзом соглашение о поэтапном создании зоны свободной торговли.

Уровень бедности в Тунисе за последние пятьдесят лет развития был снижен с 50 до 4%. Согласно официальной статистике в настоящее время к среднему классу в Тунисе относится около 80% населения страны. По уровню внедрения образования, как начального, так и высшего, эмансипации женщины и ее участия в общественно-политической жизни Тунис считается лидером не только среди арабских стран, но и среди государств Африки.

За истекшие годы после достижения национальной независимости арабский мир совершил большую эволюцию в своем развитии. Составляющие его страны, находясь прежде на отдаленной периферии мирового экономического пространства, добились в своем большинстве заметных успехов. Они обеспечили существенный абсолютный прирост ВВП, увеличили удельный вес индустриально-аграрного и индустриального компонента в своих хозяйствах, создали сравнительно эффективные экономические структуры, хотя проблема достижения устойчивого развития и жизнеобеспечения населения остается весьма актуальной. Это был существенный сдвиг для арабского мира в целом. Но он не был однозначным для каждой конкретной страны, и большинство из них при общем наращивании производственных возможностей продолжает оставаться своего рода балластом, сдерживающим темпы поступательного движения экономики в регионе. По существу, на фоне общего прогресса мировой экономики арабские страны всего лишь смогли удержаться в своем «классе». И к настоящему времени возможности насыщения их производительных сил современными технологическими достижениями остаются ограниченными, что является одним из серьезных препятствий для их полноценного встраивания в мировое хозяйство.

Эта проблема особенно обострилась на этапе, когда глобализационные процессы обрели конкретные очертания и стали господствующими в формировании нового экономического порядка. Преобладание же сферы услуг в формировании ВВП и остающийся во многих случаях низким удельный вес производственных секторов в деле наращивания показателей национального достояния стали играть видимую сдерживающую роль на пути проникновения арабских стран в мировую сферу торгово-рыночных отношений.

2.2. Сельское хозяйство и промышленность

Наибольшую долю в ВВП арабских стран составляет промышленность, даже в тех странах, в которых в сельском хозяйстве занято большинство трудовых ресурсов. И это несмотря на то, что сельское хозяйство является самой древней и самой распространенной отраслью материального производства.

Арабские страны расположены преимущественно в районах с засушливым или полузасушливым климатом. При этом на 69% тер-

ритории количество осадков не превышает 10 мм в год. Для региона также характерна крайняя неравномерность в распределении земельных ресурсов, пригодных для ведения сельского хозяйства: 30% из них расположено в Судане, 20% – в Алжире, 18% – в Марокко, 6% – в Ираке, а на остальные арабские государства приходится всего 26% потенциально продуктивных угодий. На этих землях возделывают, прежде всего, зерновые культуры (пшеницу, ячмень, кукурузу, просо, сорго, рис). Овощи и фрукты занимают довольно скромное место в структуре сельскохозяйственных земель, их выращивают 8 стран: Ирак, Алжир, Марокко, Тунис, Сирия, Судан и Саудовская Аравия. Тунис и Марокко традиционно выращивают оливки, имеющие большое значение для стран Северной Африки. Из технических культур важное значение имеет хлопок, который является экспортной культурой Египта.

В результате внедрения современного капельного орошения и пленочных теплиц перспективы быстрого роста производства сельскохозяйственной продукции, и особенно овощей, существенно увеличились. Показательным в этом отношении является опыт стран Персидского залива. Получив возможность использовать нефтедоллары для развития экономики, они инвестировали значительные средства в новейшие технологии ведения сельскохозяйственного производства. Например, в Кувейте с помощью японских компаний было создано несколько государственных ферм, на которых гидропонным способом выращивались преимущественно помидоры и огурцы. С этой целью Кувейт ежегодно импортировал из Японии жидкие удобрения, пластмассовые ящики для питательных смесей и пленку. Тем не менее фермы были рентабельны и даже позволяли экспортировать некоторые овощи, в частности помидоры, в другие страны.

В некоторых странах развито рыболовство. Общая протяженность морского побережья арабских стран составляет примерно 26 тыс. км, а общая площадь зеркала внутренних водоемов – 7 млн га. Теоретически арабы могут добывать до 5 млн т рыбы в год (рыбные запасы внутренних водоемов оцениваются примерно в 270 тыс. т), но возможность используется крайне слабо: добывается менее 2 млн т рыбы. 2/3 рыбной продукции арабского региона приходится на Тунис, Марокко и Египет. Скромные показатели других стран объясняются нехваткой судов, современных орудий лова, недостатком опыта.

Арабский регион в начале 1980-х гг. производил 7–8% нефтепродуктов западного мира, располагая при этом ничтожной долей произ-

водственных мощностей по вторичной переработке, выпуску высокооктанового бензина и смазочных масел. Именно эти продукты преобладали в арабском импорте, в то время как в экспорте более половины всей стоимости приходилось на такой простой продукт, как мазут.

С конца 1970-х гг. арабские нефтедобывающие страны приступили к формированию промышленности по переработке сырья, в основном экспортоориентированного характера. Поэтому промышленное производство отличается крайне узкой специализацией – монотоварностью (нефтехимическая, нефтеперерабатывающая, горнорудная). Так, обрабатывающая промышленность Марокко представлена химической (переработка фосфоритов, нефтепереработка), текстильной, пищевой отраслями, производством стройматериалов. Предприятия машиностроения занимаются сборкой автомобилей и производством несложного сельскохозяйственного и транспортного оборудования, а также электротехнического и электронного оборудования.

Среди промышленного производства основная доля принадлежит обрабатывающей промышленности, хотя ее доля в ВВП в целом невелика. Только в некоторых странах она превышает 15% (Египет, Иордания, Марокко, Тунис). Энергетика, пищевая, текстильная и промышленность строительных материалов представлены в том или ином виде во всех арабских странах.

Слабее других развита тяжелая промышленность, основу которой составляет металлургия. Страны Магриба и Египет добывают железную руду и перерабатывают ее на месте. Отсутствие крупных месторождений каменного угля при этом создает известные трудности. Сталь, производимая на арабских металлургических заводах, дорогая, нередко дороже импортной. Привозная железная руда перерабатывается на металлургических заводах Саудовской Аравии и ОАЭ. Другие металлические руды используются относительно слабо.

Среди крупных центров металлургии можно назвать Хелуанский комбинат (Египет), завод в Эль-Хаджаре по производству чугуна и стали, в Ороне (Алжир) по выпуску качественных марок стали, металлургические предприятия в Джидде (Саудовская Аравия), Умм-Саиде (Катар) и Русейфе (Иордания).

Из отраслей цветной металлургии можно выделить успешно развивающуюся алюминиевую промышленность. Сегодня она занимает одно из ведущих мест в структуре промышленности Бахрейна, где создано производство алюминиевого листа и профилей для оконных рам и дверей. Сам регион Персидского залива является огром-

ным рынком сбыта для этой продукции. Поэтому в настоящее время алюминиевые заводы действуют в Кувейте и ОАЭ.

Огромные нефтяные запасы – основа для развития энергетики и химической промышленности. Нефтеперегонные заводы есть почти во всех арабских странах. Нефть все больше привлекает к себе внимание как химическое сырье для производства различных искусственных изделий.

В рамках нефтегазового комплекса сформированы крупномасштабные центры нефтехимического производства в Алжире, Ираке, Ливии, Саудовской Аравии и других странах. Нефтехимические предприятия и заводы по сжижению газа были сооружены в Египте, Ираке, Катаре, Кувейте, Сирии и Тунисе.

В странах со скромными возможностями по экспорту сырья (Тунис, Ливан, Египет), которые испытывают вечный дефицит средств для инвестиций, экономический рост происходил неторопливо, однако отраслевые сдвиги носили более широкий и устойчивый характер, что сыграло положительную роль в их хозяйственном развитии. Здесь основной упор в экономической стратегии делался на развитие легкой и пищевой промышленности, создание основ обрабатывающей промышленности и развитие агропромышленного комплекса. Быстрыми темпами развивается текстильная промышленность в таких странах, как Алжир, Египет, Ливан, Марокко, Сирия, Судан, Тунис.

Некоторые отрасли промышленности практически не развиты (фармацевтическая промышленность обеспечивает внутренние потребности в лекарствах только в Иордании).

Арабские страны по-прежнему поставляют на мировой рынок (но в очень незначительном количестве) продукцию традиционных ремесел, сельскохозяйственного производства и морского рыболовства, которая пользуется спросом либо ценится в силу своей уникальности. Так, монархии Персидского залива добывают и продают жемчуг, кораллы, желтый и черный янтарь. Другие арабские страны – продукцию сельского хозяйства: Ирак – финики, Йемен – кофе, страны Магриба – маслины, оливки, вино, Иракский Курдистан – табак, Сирия и Египет – хлопчатник; а также продукцию традиционных видов промышленного производства (некоторые из которых развивались на протяжении столетий): Ливан и Иордания – стеклянные изделия, мебель инкрустированную перламутром, Ирак – кирпичи, Да-

маск – медные изделия, украшенные арабесками и сурами из Корана, Сирия и Ирак – ковры ручной работы.

Главный порок экономики всех арабских стран Аравийского полуострова – гипертрофированная зависимость от конъюнктуры мирового рынка энергоносителей. Колебания мировой цены на нефть как главного источника доходов арабских монархий Залива делают бюджеты этих государств весьма шаткими и в известной мере условными.

Другой проблемой остается производственная структура, в которой доминирует государственный сектор. По-прежнему исключительно важную роль играют мелкое и ремесленное производство, обеспечивающие специфические бытовые потребности местного населения в одежде и домашней утвари.

Особенно болезненной для Аравийских монархий остается проблема сельского хозяйства, где себестоимость сельскохозяйственной продукции крайне высока в условиях жаркого пустынного климата, незначительных естественных ресурсов пресной воды, низкой доходности аграрного сектора, пользующегося правительственными дотациями. Площадь пригодной для сельского хозяйства земель в этих странах составляет 19,2% от совокупной территории этих государств, из которых под земледелие задействовано только 2,3%. В наиболее выгодном положении находится Саудовская Аравия, где 23,4% земли считается пригодной для сельского хозяйства, в Омане таких земель всего 0,3%. Поэтому сельское хозяйство является нерентабельным и в основном убыточным производством. Однако это не означает, что правительства игнорируют необходимость создания национального сельскохозяйственного производства. Везде имеются государственные программы продовольственного обеспечения, подкрепляемые значительными финансовыми вливаниями. Проводятся оросительные работы, предоставляются всевозможные льготы в области кредитования, снабжения техникой, семенным фондом. Особенно много было сделано для развития земледелия в Саудовской Аравии, где возникла довольно широкая сеть искусственно созданных оазисов. В 1992 г. саудовцам удалось собрать более 4 млн т пшеницы, тогда как в 1980 г. ее производство составляло всего 140 тыс. т. С таким показателем Саудовская Аравия, традиционно рассматривавшаяся как «песчаное королевство», вышла на шестое место в мире по экспорту пшеницы, сократив одновременно почти на 50% импорт продовольствия.

Однако этот феномен был достигнут благодаря крупным капитальным затратам и финансовым дотациям, которые были признаны нецелесообразными, по крайней мере для выращивания пшеницы на экспорт. В результате ее урожай был сокращен более чем в 2 раза. Согласно правительственной статистике Саудовская Аравия в целом на 70% удовлетворяет продовольственный спрос населения в основных продуктах питания. Однако если учесть, что на фоне высокого жизненного уровня саудовцев ассортимент потребляемых ими продуктов во много раз шире базовой корзины, реальная зависимость от продовольственного импорта королевства составляет 50%.

В остальных арабских монархиях ситуация выглядит более или менее благополучно только по рыбе и финикам. Что касается зерновых, то они вообще не выращиваются в Кувейте, ОАЭ и на Бахрейне.

Неразвитость сельского хозяйства ведет к тотальной зависимости большинства арабских монархий от импорта, который в случае с Бахрейном является абсолютным.

2.3. Вопросы экологии и проблема защиты окружающей среды

В конце XX в. проблема загрязнения окружающей среды для Арабского Востока стала представлять определенную угрозу не только для его дальнейшей хозяйственной деятельности, но и политической стабильности. По данным Всемирного банка, борьба с загрязнением земли и воздуха, а также с повреждением почв в арабских странах обходится сейчас в 10 млрд долл. в год, что составляет более 3% национального дохода стран региона. Около 60 млн человек в арабских странах не пользуются чистой питьевой водой; более 25 млн – проживают в городах, экологическая обстановка в которых не соответствует минимальным стандартам.

Причины создавшейся ситуации заключаются, прежде всего, в ускоренных процессах экономического развития арабских стран, связанных с индустриализацией, которая проводилась в странах региона после достижения политической независимости на базе заимствованных на Западе и уже отработавших свое грязных технологий, и широкомасштабными аграрными реформами, усилившими эксплуатацию природных ресурсов и значительно увеличившими количество производственных и бытовых отходов. Интенсификация производства и рост промышленной активности, отмеченные в последнее время в

большинстве стран региона, особенно в Египте, Сирии, Ираке, серьезно преобразили весь социально-экономический облик арабских стран и отразились на изменении природного баланса и экологии. В настоящее время более 85% загрязнений окружающей среды в арабских странах приходится на экологически «грязные» государственные предприятия. Например, на одном только нефтеперерабатывающем заводе г. Хомса (Сирия) сжигается за год от 600 до 700 т фенола, до 5% веса которого составляет сера. Ежедневно через трубы этого предприятия в атмосферу выбрасывается 200 т двуокиси серы, из которых 10%, смешиваясь с влагой, образуют серную кислоту.

Ухудшению окружающей среды способствует и быстрый рост населения арабского региона, которое увеличивается как за счет высокого естественного прироста на уровне 3% в год, так и за счет трудовой миграции из Южной и Юго-Восточной Азии. К 2050 г., например, население одного только Египта по среднему варианту прогноза ООН достигнет почти 130 млн человек, а суммарная численность населения стран Ближнего Востока составит 371 млн человек. Рекордами по темпам роста населения на протяжении последних десятилетий являются Йемен (4,9%) и Иордания (4,1%); численность городов увеличивается на 4% ежегодно, в них уже проживает более 60% населения региона. Быстрый прирост населения в этих странах превышает темпы экономического роста и не позволяет им добиться качественного улучшения жизненного уровня, серьезно истощает ресурсную базу и создает трудности в снабжении населения продовольствием. При условии высокого процента бедности перенаселение арабских стран создает условия для увеличения социального напряжения и усиления в обществе экстремистских настроений.

Еще одним фактором резкого ухудшения экологической ситуации стал быстрый рост городов, который привел к увеличению объемов коммунально-бытовых отходов, а в конечном итоге – к обострению вопроса их утилизации. Имеющихся для этого мощностей в регионе сегодня явно недостаточно. Развитие инфраструктуры для обработки сточных вод, удаления твердых отходов и перевозок отстает от темпов роста численности городского населения, которое в своих потребительских стереотипах все более ориентируется на западные стандарты. Растет спрос на личные транспортные средства и энергоемкие потребительские товары длительного пользования, особенно это касается таких густонаселенных городов, как Дамаск, Алжир, Багдад, Каир.

Уровень атмосферного загрязнения в египетской столице в десять раз превышает даже установленные ВОЗ показатели загрязнения воздуха для самых загрязненных городов мира. С 2004 г. Каир возглавляет список наиболее загрязненных городов мира, с уровнем загрязнения 169 мг/м^3 (для сравнения у идущих вторым и третьим в этом списке Дели и Калькутте 150 и 128 соответственно). В результате ужасного экологического состояния Каира ежегодно в египетской столице от онкологических заболеваний только согласно официальной информации (данные Министерства охраны здоровья АРЕ) умирает около пяти тысяч человек.

Большинство столиц арабских государств страдает от перенаселения и большого количества бытовых отходов, складированных на территории городов практически без дальнейшей переработки; концентрации в городах огромного количества промышленных предприятий; плохого состояния автопарка (отсутствия жестких требований к концентрации окиси углерода в выхлопных газах); отсутствия рекреационных зон вокруг городов и их задымленности; климатических условий (сильной жары, отсутствия дождей, частых песчаных бурь); недостатка и крайне плохого состояния питьевой воды.

С продолжающимся увеличением городского населения (особенно в последние годы) вопросы экологии стали представлять не только социальную и экономическую, но и политическую проблему. Довольно явными становятся признаки воздействия экологического неблагополучия на здоровье людей, результаты хозяйственной деятельности и материальные показатели их существования. Речь сейчас идет уже не столько о соблюдении хозяйственных принципов, сколько о выживании, особенно в обстановке обостряющейся конкуренции. Серьезные негативные процессы уже сейчас происходят в отдельных частях арабского мира, проявляясь, в частности, в случаях голода (Судан) или в виде миграций, вызванных опустыниванием и оскудением растительного покрова и водных источников во многих арабских странах.

Проблема деградации земельных ресурсов, изменения климата

Для всех без исключения арабских стран проблема сохранения сельскохозяйственного земельного фонда является крайне актуальной независимо от их географического положения. Одной из основных проблем является острый дефицит плодородных земель. Благоприят-

ные, с точки зрения налаживания аграрного производства, природные зоны во всех арабских странах сильно ограничены и не могут вместить все население региона.

Развитие современного сектора сельского хозяйства и использование в нем капиталоемких технологий способствуют, в свою очередь, еще большему сокращению земельных ресурсов: наступление новых технологий на земли традиционного сектора заставило крестьян приступить к расширению обрабатываемых площадей за счет других категорий земель (пастбищ и лесов), использовать методы интенсификации за счет полива и т.п. В результате при включении в оборот новых земель происходит процесс ликвидации естественного зеленого покрова, защищающего почву от сильных ветров и высыхания, что ускоряет водную и ветровую эрозию, усиливает засоление почвы. Во всех арабских странах в настоящее время отмечена дальнейшая деградация земельных, лесных и пастбищных угодий: процесс эрозии и засоления почв охватывает в настоящее время от 30 до 60% их земельных ресурсов и оборачивается значительными экономическими потерями.

Процесс опустынивания – наступление песков на пораженные эрозией почвы – угрожает поглотить даже более плодородные угодья. В Египте большую часть территории занимают пустыни, а из общей площади страны, составляющей около 1 млн км², в сельскохозяйственных целях используется только 2,5%. Колоссальный прирост населения и быстрый процесс урбанизации привели к тому, что за последние пятьдесят лет площадь плодородных земель сократилась на 25%, ежегодно в Египте из оборота выпадают до 60 тыс. федданов земли, а только за последние годы в ходе реализации несельскохозяйственных проектов и строительства промышленных и жилых объектов были уничтожены более 1 млн плодоносящих финиковых пальм, т.е. почти половина их качественного фонда в Египте. Все это чревато последовательным сокращением продовольственного фонда, утратой рабочих мест в сельском хозяйстве со всеми социальными и политическими последствиями.

К этому добавляется и серьезная проблема загрязнения воздуха. В Каире, например, загрязнение воздуха в 5–10 раз превышает норму. Главными источниками такого загрязнения считаются 126 заводов и промышленных предприятий (особенно плавильные и цементные заводы), которые выбрасывают в атмосферу вредные химические вещества, из-за чего в южной части Каира распространены легочные заболевания.

К промышленным выбросам добавляются и выхлопы более полутора миллионов машин. В целом, по своим природно-географическим характеристикам Египет является одной из стран, где экологические угрозы и вызовы приобрели наибольшую остроту и претендуют на то, чтобы стать одной из важнейших национальных проблем.

Многие арабские страны рассматривают в настоящее время проблему потепления климата как серьезную угрозу не только экономическому развитию, но и национальной безопасности. Экологи настаивают на том, что Египет более других стран может пострадать от глобального потепления. По данным Всемирного банка, тепловое воздействие может существенно подорвать сельское хозяйство в районах интенсивного влажного земледелия Египта, которые составляют 25% всего их фонда в средиземноморском бассейне. Даже частичное изъятие их из оборота в силу опустынивания и засоления можно будет рассматривать как безусловное экологическое бедствие.

Важно отметить, что все эти процессы, связанные с ухудшением экологической ситуации, имеют и свои огромные неблагоприятные социально-экономические последствия: ухудшение условий воспроизводства рабочей силы за счет ухудшения рациона питания, объемные по масштабам и неуправляемые миграции из районов экологического бедствия, которые, в свою очередь, провоцируют конфликты, связанные с конкуренцией за средства к существованию в бедных общинах, страдающих от дефицита продовольствия и воды.

В наиболее выгодном положении находятся нефтеэкспортирующие государства (которые выделяются на общем фоне в арабском мире своей способностью поддерживать высокий душевой доход и, соответственно, потребительские расходы), но ситуация заметно ухудшается в странах с низким уровнем развития, население которых часто сталкивается с недостатком питательных элементов в своем рационе. В структуре расходов в бедных странах расходы на продовольствие становятся основными в семейном бюджете: например, в Тунисе на удовлетворение потребности в пище тратится 39% дохода семьи, в Мавритании – 73,1%. Государство в арабских странах субсидирует цены на некоторые основные виды продовольствия – рис, муку, чай, сахар. Однако эта мера обеспечивает минимум потребления для малоимущих слоев населения и приводит к разрастанию черного рынка продовольствия, что обостряет недовольство населения, доходящее зачастую до широкомасштабных выступлений против власти («хлебные бунты» в Египте 1978

и 1985 гг., события в 1980-х гг. в Сирии, Марокко и Тунисе, волнения в Иордании в середине 1990-х гг. и др.)

Правящие элиты арабских стран с достаточной ясностью осознают эти проблемы, а также необходимость поиска соответствия между дальнейшим экономическим развитием и балансом с окружающей средой.

Стратегия арабских стран в решении экологических проблем. Государственные планы и программы по сохранению окружающей среды

Экологические вопросы приобретают все больший вес и значение в арабских странах, об этом свидетельствует не только создание соответствующих национальных министерств и ведомств по защите окружающей среды, но и постепенное включение конкретных природоохранных мероприятий в планы социально-экономического развития. Постепенно приходит понимание того, что без рационального учета природных особенностей и ресурсной базы каждой страны невозможно приблизиться к решению задачи продовольственного самообеспечения, которая объявлена в арабском мире стратегической задачей в сфере обеспечения национальной безопасности.

Сегодня в ряде арабских стран приняты государственные планы и программы по сохранению окружающей среды, включающие такие аспекты, как борьба с опустыниванием, озеленение и восстановление лесов, принимаются меры по созданию национальных парков, увеличению поголовья птиц и восстановлению дикой фауны.

В Египте государство обращает особое внимание на роль экологического менеджмента в противостоянии природным катастрофам. В этой стране действует Центр управления кризисными ситуациями при Совете министров, созданы Высший министерский комитет управления природными кризисами и Национальный комитет – орган, координирующий и планирующий действия на случай стихийных бедствий в масштабах всей страны. Египет на протяжении последних десятилетий осуществляет программы освоения земель под культурное земледелие с обустройством мест для проживания тех, кто трудится в хозяйствах. С начала 1980-х гг. уже введены в оборот десятки тысяч федданов земли в разных районах страны: в Западной Нубарии, Северном Тахрире, Порт-Саиде. В 1990-е гг. начались рабо-

ты по переброске части вод Нила по проекту «Суэцкий сифон» в Синайскую пустыню. Эти и другие проекты должны увеличить обрабатываемые угодья с 7,5 млн до 11 млн федданов и вместить до 6 млн человек. Однако такого рода проекты требуют больших финансовых вложений и, соответственно, напрямую зависят от общей экономической ситуации в стране.

Созданная в 2008 г. на Парижском саммите ЕС новая организация – Союз для Средиземноморья (преследовавшая цель реанимировать процесс интеграции со странами Юга Средиземноморья) – выдвинула для реализации в качестве первоочередных проектов в том числе и проект очистки вод Средиземноморья и защиты их от загрязнения. Следует отметить, что о намерении сделать Средиземноморье чистым к 2020 г. главы государств заявили еще в 2005 г., но реальных успехов им добиться не удалось, что неслучайно: проект требует гигантских усилий и капиталовложений. Средиземное море относится экспертами к категории «полузакрытого типа». Это означает, что небольшой приток воды в него из океана делает море крайне подверженным загрязнению. Согласно подсчетам, около 60% этого загрязнения вызвано сливом канализационных вод большими городами. В большинстве случаев эти воды или не подвергаются очистке, или очистные сооружения крайне примитивны. В Александрии, например, где находится предприятия, выпускающие 40% египетской промышленной продукции, одно только «Миср кимикл эндустри» выливает в воды порта 35 тыс. м³ хлора. В районе Порт-Саида наблюдается постоянное сильное загрязнение вод нефтяными отходами – их беспрепятственно сливают танкеры, проходя по Суэцкому каналу. Обращает на себя внимание тот факт, что в Египте достаточно строгое экологическое законодательство действует с 1996 г., но ситуацию это изменило мало. Пока не привели к каким-либо реальным результатам и договоренности, заключенные в 2006 г. в сфере экологии между правительством Египта с одной стороны и Всемирным банком и целым рядом других крупных инвесторов, в том числе такой крупной инвестиционной организацией, как Французское агентство развития – с другой. Соглашение предусматривает финансирование проектов по защите окружающей среды в размере 100 млн евро. Похвастаться крупными достижениями на настоящее время участники договора не могут. У Египта существует и еще одна крупная договоренность в экологической сфере – инициатива «Горизонт 2020» по защите вод, флоры и фауны Средиземного моря.

В Сирии Министерство по делам окружающей среды было создано еще в 1976 г., однако реальные мероприятия по улучшению экологической обстановки начали осуществляться только в середине 1980-х гг. (в частности, были даны задания конкретным предприятиям по созданию или улучшению работы очистных сооружений). Тогда же начали проводиться широкомасштабные кампании по озеленению городов, созданию парковых зон вокруг внутригородских промышленных объектов. В середине 1980-х гг. только в одном городе Хомсе в целях снижения вредных последствий загрязнения в рамках программы «Зеленый пояс» были осуществлены лесопосадки на площади более 2 тыс. га.

В целях защиты окружающей среды делаются первые шаги по зонированию городских территорий, чтобы вывести экологически вредные производства из наиболее населенных районов. Руководство страны осознает необходимость размещать источники загрязнения с минимальным их воздействием на экологию. На это направлена политика создания т.н. индустриальных зон, например, под Халобом (площадью 2 млн м² и стоимостью 100 млн сир. ф; сходная зона сооружается в Хасеке). При этом городские власти подчеркивают, что подобная практика нацелена на обеспечение экологической чистоты в районах, подверженных наибольшему загрязнению.

Восстановление лесов признано в Тунисе одним из приоритетных направлений защиты окружающей среды, сохранения водных ресурсов и общего экономического развития. Десятилетний план лесонасаждений страны осуществляется с 1990 г. и к 2000 г. уже принес ощутимые результаты: на площади, составляющей 15% земельных угодий, были восстановлены леса. Осуществляя свою национальную программу, Тунис обратился к другим странам – членам Союза арабского Магриба (САМ) с предложением объединить усилия в области развития лесного хозяйства, охраны окружающей среды и защиты сельскохозяйственных угодий от наступления пустыни. По вопросам защиты окружающей среды Тунис активно сотрудничает с Европейским союзом, а также с ООН, которая проявляет готовность расширять это сотрудничество в реализации национальной программы посадки лесов и борьбы с опустыниванием.

Европейский инвестиционный банк предоставил Тунису заем в размере более 30 млн евро для реализации программы по защите окружающей среды в районе города Сфакс, который является крупнейшим историческим и одновременно промышленным центром Туниса,

где сосредоточены заводы по переработке фосфатов, производству гипса и цемента, выбрасывающие в атмосферу огромное количество отходов. Проект по защите окружающей среды предполагает очистку примыкающего к Сфаксу побережья Средиземного моря и строительство очистных сооружений на промышленных предприятиях.

Наиболее ярким примером проведения экологической политики являются ОАЭ, где была создана целая сеть природных парков и заповедников, в которых идет процесс воспроизводства поголовья диких животных и птиц. Здесь за последнее десятилетие в озеленение было вложено более 3 млрд долл., в результате чего площади под лесами, например, выросли с 1,7 тыс. до 14,4 тыс. га. Разумное сочетание организационных, экономических и финансовых мероприятий, позволили создать искусственные оазисы, сады, защитные посадки, питомники для лесных и садовых деревьев, которые наряду с воспроизводством дикой флоры и фауны препятствуют распространению пустынь. Более того, в этой стране, где успешно функционирует Министерство по защите окружающей среды, уже несколько лет отмечают Национальный день защиты окружающей среды (4 февраля). В рамках этого дня проводятся различные мероприятия, специализированные конференции и выставки с участием международных и местных экспертов по данным вопросам.

В Саудовской Аравии мероприятия по сохранению окружающей среды и биологического разнообразия видов также осуществляется в соответствии с программами экологического обеспечения развития. Примером может служить национальная программа сохранения культуры грибов в королевстве, что признается одним из важнейших факторов восстановления экологического равновесия. Под эту программу в стране были созданы исследовательские центры и специальное управление, подчиненное непосредственно премьер-министру, на которое была возложена задача реализации данного проекта. Одновременно были приняты законодательные акты, защищающие грибное хозяйство от несанкционированных действий со стороны населения. Эти мероприятия позволили создать достаточно высокотоварные и прибыльные грибные хозяйства. Подобные действия осуществляются и в рамках программ восстановления рыбных ресурсов и поголовья диких животных и редких птиц (например, успехом завершилась операция по разведению красного страуса).

Все эти мероприятия сопровождаются активной просветительской работой, чтобы показать общественную направленность природоохранной деятельности и получить поддержку среди населения.

Большая роль отводится организации лесопитомников, где выращиваются саженцы редких пород деревьев, что является предметом особого внимания всех государств Персидского залива, поскольку воссоздание зеленого покрова, восстановление лесопосадок составляют существенную часть национальных планов улучшения и облагораживания местных ландшафтов.

Сама акватория Персидского залива является весьма своеобразным водоемом с несколькими зонами обитания живых организмов, имеющих не только декоративное, но и важное хозяйственное значение, т.к. обеспечивают прибрежные государства морскими продуктами. В настоящее время эта акватория подвергается серьезному загрязнению в результате множества факторов: кроме характерного для региона естественного просачивания нефти, ежегодно увеличиваются и коммунальные отходы (что связано с недостаточной развитостью соответствующих служб); интенсивные морские перевозки с помощью маломерного флота и крупных судов, сбросы отработанных промышленных вод. Ухудшение режима функционирования Залива происходит и по причине поступления в него высокотемпературных сбросов в виде перегретой воды, которая используется для охлаждения промышленных установок, а также использования акватории в качестве места утилизации соляных отвалов, образующихся в процессе обессоливания воды.

Кроме того, на экологическом состоянии залива сказались и две войны: ирано-иракская и кувейтский кризис. Так, во время войны в Заливе 1991 г. около 600 горящих скважин Кувейта каждый день выбрасывали в атмосферу примерно 70 млн м³ газа и 80 т сажи. Последняя обладает высокой степенью поглощения солнечных лучей. Более того, ее проникновение в атмосферу способствует разрушению озонового слоя. Облака сажи стали причиной уменьшения солнечной радиации на 1/3, что, в свою очередь, привело к понижению температуры воздуха в регионе. За несколько недель до окончания военных действий 1991 г. командование Ирака отдало приказ выпустить сырую нефть в море (по разным оценкам от 6 до 11 млн баррелей). Сброс такого огромного количества нефти в воды Залива получил у экологов название «черный прилив». Преобладающие ветра понесли нефть вдоль западного берега Залива к Саудовской Аравии. Здесь под

влиянием сильных приливов она быстро оказалась на берегу и более 700 км побережья покрылось сплошным слоем нефти. Саудовской Аравии в союзе с международными организациями удалось с помощью команд быстрого реагирования вымыть мангровые заросли и спасти их от гибели, тем не менее огромный урон был нанесен морским обитателям и водоплавающим птицам. Возникла реальная опасность нарушения экологического баланса не только в Персидском заливе, но и на значительно большей территории. Последствием экологической катастрофы 1991 г. стало и ее воздействие на население региона: резко возросла заболеваемость населения пневмонией, астмой, бронхитом⁵.

Монархии Персидского залива серьезно обеспокоены проблемой сохранения морской среды, о чем свидетельствует создание региональной организации, призванной упорядочить использование ее ресурсов, обеспечить их сохранность и приумножение.

Законотворческие акты арабских государств, основанные на национальных экологических традициях и международном природоохранном законодательстве, свидетельствуют о том, что правящие режимы осознают необходимость осуществления мер, направленных на противодействие ухудшению экологии. Однако если капиталоизбыточный характер экономики монархий Персидского залива позволяет им выделять средства на противодействие экологическим угрозам и борьбу с загрязнением окружающей среды, то таким государствам, как Сирия, Египет, Ирак, Иордания, Алжир, Йемен, крайне трудно изыскать достаточные материальные ресурсы для решения этих проблем, которое подразумевает внедрение передовых технологий на промышленных предприятиях и переход к капиталоемкому производству, что связано с большими финансовыми трудностями для этих стран. Поэтому, несмотря на определенные успехи арабских стран в деле защиты и сохранения окружающей среды, эти проблемы пока еще не выдвигаются в разряд приоритетных и далеко не все составляющие природной среды пользуются вниманием со стороны государства.

⁵ Поведение разлитой нефти в воде специально изучается учеными. Она может оказаться в донных осадках, надолго отравив море. Но аравийско-персидская нефть легкая, поэтому массового оседания не произошло и живые организмы ниже отметки максимального отлива существенно затронуты не были. Иначе сложилась обстановка в приливной зоне, где нефть проникла в песок на глубину до 30 см. Приливо-отливная зона лишилась своих обычных обитателей. Помимо ее постоянных обитателей – крабов, хуже всего пришлось птицам.

2.4. Интеграционные процессы на субрегиональном уровне

Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива

Концепция создания единой региональной организации государств Персидского залива возникла на рубеже 1950–1960-х гг. и была привнесена в этот район английской дипломатией, которая после потери Суэцкого канала предпринимала усилия по сколачиванию под своей эгидой союза малых арабских княжеств, расположенных в Персидском заливе. Однако разногласия между странами помешали налаживанию регионального сотрудничества. Одним из главных препятствий было наличие региональных держав – Ирана, Ирака и Саудовской Аравии – и соперничество между ними. Англия и США приложили тогда много усилий по сближению Ирана и Саудовской Аравии. Их расчет строился на основе сходства между более консервативными, прозападными режимами в Тегеране и Эр-Рияде, с большим подозрением относившимися к иракским баасистам и разделявшими тревогу по поводу радикальных тенденций в этом регионе.

Однако на пути реализации англо-американских планов было много препятствий. Главным из них оставался сложный исторический конфликт между арабским и персидским национализмом, который был основой многих арабо-иранских разногласий и кризисов. По мнению саудовцев, шах угрожал их стремлениям к превосходству в этом регионе. Именно так восприняли в Эр-Рияде, в частности, оккупацию Ираном в 1971 г. трех небольших островов в Ормузском проливе – Абу-Мусы, Большого и Малого Томба, на которые претендовали ОАЭ. Преграду создавали также связи Тегерана с «извечным врагом арабов» Израилем и исповедуемый в Иране ислам шиитского толка, неприемлемый для Саудовской Аравии. Ситуация осложнялась еще и тем, что у государств зоны Залива не было единого подхода к определению основной идеи и формы их взаимодействия.

В 1975 г. Иран официально предложил подписать пакт о взаимной безопасности стран Персидского залива. На встрече восьми государств в ноябре 1976 г. в Маскате были обсуждены различные проекты обеспечения безопасности стран Залива. Однако встреча закончилась безрезультатно, главным образом потому, что Саудовская Аравия и почти все малые монархические государства Аравийского полуострова опасались претензий как Ирана, так и Ирака на господство в регионе. Единственной арабской страной, которая поддержала в то

время предложения шаха, был Оман. Арабские государства Персидского залива также не смогли договориться о более узкой организации, не включающей Иран, из-за существовавшей напряженности в межарабских отношениях. Предметом межарабских споров были территориальные, политические и экономические проблемы.

В 1961 г. территориальные требования Ирака к Кувейту чуть не поставили этот район на грань войны. Множество аналогичных споров в прошлом существовало между Саудовской Аравией, с одной стороны, и Кувейтом, Бахрейном, Оманом и Абу-Даби – с другой. Происходили они также между Катаром и Бахрейном, Оманом и ОАЭ. Только в апреле 1981 г. Оман и ОАЭ договорились об основных принципах пересмотра их границы.

Зона Персидского залива как крупный нефтяной и финансовый центр, узел морских коммуникаций, полюс исламского мира, где переплетаются интересы многих государств, всегда был притягателен для США. Особую активность американцы проявили здесь после ухода Англии. Они выдвинули идею обеспечения контроля над энергетическими ресурсами региона и защиты расположенных на его территории нефтяных месторождений и предложили создание оборонительных пактов или военных союзов при непосредственном участии западных государств или под их негласным контролем.

Очевидная неготовность Запада устанавливать с молодыми независимыми арабскими государствами партнерские отношения, попытки оказывать на них политическое давление, отчетливо проявившееся во время арабо-израильской войны 1973 г. в связи с введенным нефтедобывающими странами Залива эмбарго на поставки нефти в США и другие страны – союзники Израиля, подводили арабские государства к пониманию важности установления более тесного взаимодействия между ними. Складывавшаяся на тот момент ситуация в зоне Залива породила развитие интеграционных тенденций в этом субрегионе. В координации усилий при решении национально-государственных задач, выработке согласованной политики в отношении нефтяного фактора, а также действий в условиях обострения положения в регионе арабские страны видели средство повышения своего престижа в арабском и мусульманском мире.

Несмотря на существующие различия, начиная с 1950-х гг. в районе Персидского залива постепенно появлялись ростки функционального сотрудничества между государствами. В 1968 г. была создана Организация арабских стран – экспортеров нефти, в основном ориенти-

рующаяся на район Персидского залива. Несколько позднее возникли такие совместные органы, как Организация по промышленному консультированию, Фонд для финансирования военной промышленности, совместная авиакомпания стран залива и др. Созывались совещания министров для обсуждения проблем промышленности, сельского хозяйства, торговли, здравоохранения, информации и др.

Катализатором процесса сближения арабских монархий Персидского залива послужило опасное развитие обстановки в ближневосточном регионе в 1970-е гг., угрожавшее безопасности и стабильности монархических режимов.

Обострение межарабских разногласий, вызванное подписанием Египтом мирного договора с Израилем, и крах монархии в Иране поставили под сомнение не только стабильность монархических режимов, но и способность Запада поддерживать ее. Приход к власти в Тегеране шиитского духовенства усилил тревоги в связи с возможностью экспорта исламской революции на Аравийский полуостров.

Вспыхнувший вооруженный конфликт между Ираном и Ираком еще больше обнажил уязвимость малых государств Персидского залива, т.к. военные действия могли в любой момент распространиться и на другие страны региона. Вместе с тем он связал руки двум региональным центрам силы и заметно ослаблял их. В этих условиях Саудовская Аравия предприняла шаги, призванные укрепить ее лидирующие позиции среди аравийских монархий.

В конце 1980 г. Саудовская Аравия выступила со своим планом коллективной безопасности. Исходя из признания взаимосвязанности коллективной безопасности стран Залива с внутренней безопасностью и стабильностью каждого государства, Саудовская Аравия предлагала установить широкое сотрудничество между полицией и силами внутренней безопасности всех заинтересованных стран. Это сотрудничество должно было заменять совместный военный пакт, предусматривающий привлечение регулярных войск. Саудовцы рекомендовали каждой стране добиваться самообеспечения в военном отношении путем укрепления и оснащения национальных армий, повышения их боеготовности, поощрения их деятельности. Главную задачу в области обеспечения безопасности Эр-Рияд видел в противодействии любым социально-политическим изменениям в регионе. Практически Саудовская Аравия выражала готовность взять на себя ответственность за принятие коллективных мер по обеспечению

внутренней безопасности и стабильности монархических режимов нефтедобывающих стран аравийского полуострова.

Ирак и Иран выступили против саудовского плана. Нарастание напряженности в зоне Персидского залива поставило перед малыми государствами Аравийского полуострова задачу принятия неотложных мер по обеспечению своей безопасности. На встрече в конце января 1981 г. в Эт-Таифе главы Саудовской Аравии, Кувейта, ОАЭ, Омана, Бахрейна и Катара приняли решение о создании специального совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ).

Образование Совета сотрудничества явилось закономерным отражением как требований современного этапа развития мировой экономики, так и особенностей конкретной политической обстановки, складывавшейся в 1970–1980-е гг. в зоне Персидского залива и арабском мире в целом.

Формирование этой организации продемонстрировало стремление ее членов к большей самостоятельности, отстаиванию коллективными усилиями собственных национальных интересов, участию на равных с Ираном и Ираком в решении дел, касающихся зоны Персидского залива.

Заявление о создании ССАГПЗ было принято 4 февраля 1981 г. на первом совещании министров иностранных дел Саудовской Аравии, Кувейта, ОАЭ, Омана, Катара и Бахрейна в Эр-Рияде. В нем отмечались общие, объединяющие всех членов организации черты, к числу которых были отнесены «особый характер связывающих их уз, схожесть политических режимов, ощущение ими единства судьбы и цели, а также важности координации их действий в различных областях и, в частности, в социально-экономической сфере».

Основными органами Совета сотрудничества являются: Высший совет на уровне глав государств, Министерский совет в составе министров иностранных дел или других министров, имеющих соответствующие полномочия, Генеральный секретариат, а также находящаяся в ведении Высшего совета комиссия по разрешению споров.

Приоритет при создании ССАГПЗ отводился сотрудничеству членов этой организации в экономической, торгово-финансовой и социальной сферах. В течение первых десяти лет участники Совета предполагали координировать свою политику в области экономики, финансов, торговли, таможенного и налогового законодательства, создавать совместные предприятия. В перспективе планировалось

превратить совет в подобие европейского общего рынка. Но сам момент объединения аравийских монархий был ускорен ирано-иракской войной, и деятельность совета в первом десятилетии его существования определили два крайне острых и тяжелых по своим последствиям вооруженных конфликта – восьмилетняя ирано-иракская война и кувейтский кризис, превратившие зону Персидского залива в один из самых напряженных в политическом, социальном и военном отношениях регионов мира. Здесь развернулась усиленная гонка вооружений, произошло широкомасштабное вмешательство внерегиональных сил, прежде всего США, превратившихся фактически в единственный внешний фактор влияния на военно-политическую ситуацию в зоне Залива. В этих условиях очевидный приоритет в деятельности аравийской «шестерки» был отдан вопросам координации и интеграции в области обеспечения коллективной безопасности и обороны.

Концепция коллективной безопасности ССАГПЗ основывается на следующих принципах: агрессия или угроза ее применения против одного члена организации означает агрессию или угрозу ее применения против всех ее членов; за обеспечение безопасности региона несут ответственность его народы и расположенные там государства; волю этих государств и их права на самозащиту выражает совет сотрудничества; в целях обеспечения безопасности каждая страна – член Совета должна развивать собственные вооруженные силы и укреплять сотрудничество в военной области как в рамках организации, так и с внешними, внерегиональными, союзниками.

Достижение единства взглядов по проблемам безопасности и координации действий в военной области оказалось делом достаточно сложным для членов ССАГПЗ, поскольку их подходы к данному вопросу имели весьма существенные отличия. Так, Оман выступал за тесное сотрудничество с западными странами, особенно с США и Великобританией. Саудовская Аравия поддерживала идею интеграции членов Союза в военной области, признавая при этом необходимость помощи со стороны США, прежде всего поставками современного вооружения.

Позицию опоры членов организации на собственные силы наиболее последовательно отстаивал Кувейт. Эта страна пошла на диверсификацию своих военно-политических связей, развивая отношения в военной области не только с США, но и с более широким кругом стран Западной Европы и даже с СССР.

Совет сотрудничества не разработал всеобъемлющую доктрину обеспечения безопасности. Концептуальные положения выработывались параллельно с принятием конкретных шагов в деле развития военных связей между членами организации. Была создана специальная военная комиссия, регулярно проводились совещания министров обороны, начальников штабов, консультации и встречи между представителями вооруженных сил государств ССАГПЗ.

В 1984 г. на совещании «в верхах» в Кувейте было принято соглашение о единой оборонной стратегии «шестерки» в качестве долгосрочной программы действий в военной области, не связанной, как подчеркивали руководители Совета сотрудничества, с «региональной политической конъюнктурой». Было решено создать совместные вооруженные силы ССАГПЗ под названием «Щит полуострова», передававшиеся в подчинение Генеральному секретариату ССАГПЗ. Командование поручалось представителю вооруженных сил Саудовской Аравии, его заместителями назначались представители вооруженных сил других стран-членов.

Коррективы в оборонную и региональную политику аравийских монархий в целом внесла «война за Кувейт». С началом иракской акции против Кувейта руководство Саудовской Аравии, Кувейта и всех членов ССАГПЗ обратилось в ООН, к правительствам США, держав Западной Европы, другим членам мирового сообщества за военной и политической помощью с целью вернуть статус-кво в регионе. Совпадение позиций аравийских правящих кругов и членов НАТО, признающих необходимость любыми средствами бескомпромиссно и безотлагательно решать вопросы, подобные ирако-кувейтскому, привело к беспрецедентному вмешательству международных сил в кризис в зоне Персидского залива в 1990–1991 гг. В регионе был сосредоточен значительный военный контингент из войск США и членов блока НАТО под руководством Пентагона.

В операции «Буря в пустыне» в январе – феврале 1991 г. участвовали объединенные войска и ССАГПЗ. Правда, их военная роль была чисто символической и участие в боевых действиях имело прежде всего политическое значение. Но при этом на членов Совета сотрудничества легло тяжелое бремя финансового обеспечения военной акции против Республики Ирак. Король Саудовской Аравии и эмир Кувейта гарантировали оплату всех затрат и премиальные участникам «Бури в пустыне» за счет текущих и будущих нефтедолларовых поступлений Саудовской Аравии и Кувейта.

Обязательство оплачивать в течение многих лет после войны свои долги по военным счетам и компаниям – участникам антииракской коалиции привело к ухудшению финансового положения и Кувейта, и Саудовской Аравии. Кувейт в послевоенные годы имел ежегодный дефицит государственного бюджета на уровне 5–6 млрд долл. В результате и Кувейт, и Саудовская Аравия вновь стали прибегать к внешним займам. Потребность в них подстегивалась также резко возросшей гонкой вооружений. Так, уже в 1992 г. страны региона (без Ирака и Ирака) потратила на закупку вооружений 157 млрд долл.

Кувейтский кризис значительно укрепил военно-политические позиции Запада в зоне Персидского залива. Существенно возросло американское присутствие в Заливе, в том числе и военное. С согласия руководителей Кувейта и Саудовской Аравии проводились широкомасштабные военные маневры с участием большого числа американских кораблей, морской пехоты и десантников. В целом ССАГПЗ и особенно его лидеры – Саудовская Аравия и Кувейт – вступили в открытое политическое сотрудничество с Западом, обеспечивая США и НАТО право стать неоспоримыми гарантами неизменности положения в регионе, незыблемости власти аравийских монархических кланов, свободного вывоза нефти из Залива на мировые рынки. Эти страны заняли позицию нейтралитета, а по сути, поддержки в отношении всех форм санкций Запада, прежде всего США, против Ирака и Ирана.

Ослабление этих двух региональных центров силы, в том числе и в результате действия против них международных санкций, послужило достаточно серьезным стимулом для развития потенциалов аравийских государств в экономической, военной и прочих сферах.

В 1990-е гг. страны Залива стали уделять больше внимания проблеме повышения своей обороноспособности как на национальном уровне, так и в рамках всей организации. Общая численность кадровых военнослужащих структуры «Щит полуострова» равнялась 252 тыс. человек. По военным затратам на душу населения большинство членов Совета сотрудничества занимало ведущие места в мире. Общие расходы на военные нужды в 1995 г. достигли почти 22 млрд долл., что составило примерно половину военных оборонных расходов государств Ближнего Востока и Северной Африки.

В реализации единой оборонной стратегии Совета сотрудничества упор делался на развитие военно-морских и военно-воздушных сил, значимость которых выявилась особенно наглядно во время ира-

но-иракской войны. Была создана эффективная совместная система ПВО, оснащенная современным вооружением и оборудованием. Ее основу составила система ПВО Саудовской Аравии.

Члены ССАГПЗ подписали оборонные соглашения с большинством постоянных членов Совета безопасности ООН. Как правило, эти соглашения предусматривают расширение поставок вооружения, а также проведение регулярных совместных маневров. Но одновременно эти соглашения создают более солидную основу для всестороннего участия в процессе обеспечения региональной безопасности.

Среди общеарабских проблем приоритетное место в деятельности Совета сотрудничества принадлежит ближневосточному конфликту, в урегулировании которого страны – члены ССАГПЗ играют заметную роль. Заинтересованность арабских государств в разрешении этого застарелого конфликта, достижении региональной стабильности во многом определяется уязвимостью их позиций на мировом рынке поставщиков углеводородного сырья и крупных инвесторов капиталов. Их собственная безопасность есть прямая производная безопасности всего ближневосточного региона, и любое обострение ситуации оказывает негативное влияние на их экономическое развитие.

За прошедшие со времени создания ССАГПЗ годы эта организация проделала большой путь в направлении укрепления и экономического сотрудничества стран аравийского полуострова. Углубление интеграционных процессов в рамках ССАГПЗ нашло свое отражение в таких сферах ее деятельности, как образование, здравоохранение, информация и коммуникации, охрана окружающей среды, борьба с организованной преступностью и наркотиками, проблема иностранной рабочей силы.

Совет сотрудничества способствовал дальнейшей политической консолидации стран-участниц. Они координируют свою политику на рынке нефти, выступая с единых позиций в рамках ОПЕК.

Совет арабского сотрудничества

Создание и деятельность ССАГПЗ были отражением тех новых тенденций, которые наметились в арабском мире в 1980-е гг. Они заключались в определенном ослаблении центробежных сил, в утверждении политического реализма, нормализации отношений между рядом арабских стран, а также между всем арабским миром и Египтом, «прощенным» арабской семьей за его «сепаратный сговор» с Израилем.

Вышедший из изоляции в арабском мире Египет развернул активную деятельность по созданию своего рода противовеса ССАГПЗ, в рамках которого произошло существенное укрепление позиций традиционного соперника Египта – Саудовской Аравии. Нужна была такая субрегиональная организация, в которой АРЕ принадлежало бы лидирующее место. Усилия привели к успеху.

16 февраля 1989 г. на конференции в Багдаде главы четырех государств – Египта, Ирака, Иордании и Йеменской Арабской Республики – заявили о создании Совета арабского сотрудничества (САС). В совместном заявлении Совета подчеркивалось, что новое объединение не подменяет собой Лигу арабских государств, а действует исключительно в ее рамках. Целью новой организации провозглашались повышение уровня социально-экономического развития входящих в Совет стран, активизация сотрудничества между ними, отказ от вмешательства во внутренние дела друг друга.

Руководители четырех государств делали особый упор на экономическом характере САС, его направленности на координацию экономических планов, объединение внутренних рынков. В уставе Совета говорилось и о необходимости укрепления «общееарабской безопасности в свете существующих или будущих угроз». Руководители стран – участниц САС заявляли о своем намерении ускорить экономическую интеграцию четырех объединившихся стран, включая сферу военной промышленности, а также активизировать координацию своих действий в политической и военной областях. Но при этом подчеркивалось, что Совет не является блоком, направленным против кого-либо.

Появление САС оказалось в известной мере неожиданностью. Однако его образование было подготовлено развивавшимися в предшествующие годы экономическим сотрудничеством между странами-участницами Совета, а также их политическим сближением на основе координации действий в ближневосточном конфликте и безоговорочной поддержки Египтом, Иорданией и Йеменской Арабской Республикой Ирака в войне с Ираном. Успеху создания союза способствовало также и определенное сходство существовавших в странах-участницах экономических и социальных условий, отсутствие (в тот период) между ними серьезных противоречий.

Как и многие другие возникавшие в арабском мире объединения, САС просуществовал недолго: кувейтский кризис 1990 г. качественно изменил расстановку сил в регионе: Египет принял участие в

военных действиях против Ирака на стороне многонациональных сил. Иордания и ЙАР поддержали Ирак. Наложённые на Ирак в 1990–1991 гг. международные санкции ввергли эту страну в глубокую изоляцию, в условиях которой об участии Ирака в деятельности какой-либо арабской организации не могло быть и речи.

Союз арабского Магриба

Объединительные движения в Машрике оказали свое позитивное воздействие и на развитие ситуации в севроафриканских арабских странах, в которых в предшествующие десятилетия превалирующей была идея создания Великого арабского Магриба.

На развитие интеграционных тенденций в арабских странах Северной Африки влияет ряд общих специфических особенностей, присущих данному региону: страны Магриба занимают обширный район на севере и северо-западе Африканского континента, что обуславливает их принадлежность одновременно и к арабскому, и к африканскому сообществам, правда, с превалированием более тесных связей с арабскими государствами.

Страны Магриба, за исключением Ливии, являются бывшими французскими владениями, что определяет их зависимость от прежней метрополии и привязанность к Европе. Общность стоявших перед магрибинцами исторических задач на этапе борьбы за национальное освобождение и в процессе становления суверенных государств и выработки программ развития объективно подталкивала политических лидеров этих стран к поиску форм их солидарных действий.

Стремление к интеграции получило свое первое воплощение еще до освобождения магрибинских стран от колониальной зависимости. В январе 1948 г. в Каире был создан Комитет освобождения арабского Магриба как первый шаг на пути к союзу народов Магриба. Создатели Комитета, представлявшие националистические политические силы Алжира, Туниса, Марокко в изгнании, ставили своей целью выработку общей линии магрибинских стран в борьбе за достижение независимости, сплочение всех прогрессивных сил внутри каждой страны и разработку плана объединения стран Северной Африки после обретения ими государственного суверенитета. В силу разных причин Комитету не суждено было превратиться в реальное воплощение магрибинского единения, однако сама идея получила

дальнейшее развитие в 1950-е гг., после обретения в 1956 г. независимости Тунисом и Марокко.

На рубеже 1950–1960-х гг. планы создания Великого Магриба стали объектом межгосударственных переговоров магрибинских стран на самом высоком уровне. Делались заявления о скором завершении работы по созданию союза. Однако после победы алжирской национальной революции в 1962 г. сотрудничество между странами Магриба сменилось соперничеством.

Различия в государственно-политическом устройстве стран Магриба, в выборе ими путей социально-экономического развития, трудности в решении насущных жизненных проблем национального наследия – все это обуславливало обстановку острого соперничества в Северной Африке.

На этапе становления и упрочения национальной государственности стран Магриба (конец 1950-х – 1960-е гг.) межмагрибинские отношения усугублялись неурегулированностью пограничных споров и территориальных проблем, нередко перераставших в открытые вооруженные столкновения и политические кризисы. Так, с 1956 по 1969 гг. продолжился мавритано-марокканский конфликт, вызванный притязаниями Марокко на территорию Мавритании. Одним из наиболее острых межгосударственных конфликтов в Северной Африке стал пограничный спор между Алжиром и Марокко, вылившийся осенью 1963 года в ожесточенное вооруженное противостояние с участием регулярных войск. Окончательное урегулирование алжиро-марокканских отношений произошло только в 1972 г. С 1959 по 1968 гг. сохранялась напряженность в алжиро-тунисских отношениях, также вызванная погранично-территориальным спором. Очевидно, что все эти конфликтные ситуации не способствовали развитию интеграционных процессов в Магрибе, однако даже в самые напряженные моменты в отношениях между магрибинскими государствами ни один из их политических лидеров не выступал против арабского единства в той или иной форме, против идеи создания Великого Магриба. Активными участниками общемагрибинских процессов стали также получившая в 1960 г. независимость Мавритания и Ливия после происшедшей в этой стране в 1969 г. антимонархической революции.

В 1960-е гг. страны Магриба заключили ряд соглашений, направленных на развитие хозяйственных связей на двух- и трехсторонней основе.

Во второй половине 1960-х гг. конференции министров экономики стран Магриба приняли решения по координации развития основополагающих отраслей индустрии, согласования ценовой и таможенной политики, сотрудничества в области транспорта, связи, туризма, в вопросах подготовки кадров и развития системы образования.

Однако на пути экономической интеграции стран Магриба, также как и в области политических отношений, возникали многочисленные препятствия, связанные главным образом с несовместимостью социальных программ магрибинских стран, их различной экономической ориентацией на внешних рынках товаров сельскохозяйственного производства. В результате практическое воплощение программ было очень далеко от достижения целей экономической интеграции. Определяющим фактором в таком развитии ситуации является привязанность североафриканских арабских стран к Западной Европе, что оказывает самое непосредственное воздействие на межмагрибинские отношения: на Европу приходится $\frac{2}{3}$ внешнеторгового оборота Магриба, 60–70% экспортируемой нефти и нефтепродуктов, 80% фосфоритов и продуктов их переработки, а также различных видов промышленного сырья и продукции сельского хозяйства. Из Европы в страны Магриба поступает 65–70% импортируемого промышленного оборудования и полуфабрикатов, готовых изделий, продовольственных товаров.

Фактор зависимости проявляется двояко: стремление ослабить вертикальные связи с Западной Европой подталкивает страны Магриба к взаимному хозяйственному сближению. Однако степень зависимости создает труднопреодолимые препятствия. Торгово-экономические связи Алжира, Туниса и Марокко сориентированы – при их известной неустойчивости – на Францию, а через нее – на Западную Европу в целом. И связи эти имеют долговременную и безальтернативную перспективу. Страны Европы являются давними и постоянными кредиторами Алжира, Туниса и Марокко, а это определяет не только экономические, но и политические рычаги воздействия Европы на Магриб, используемые для продвижения и закрепления европейских интересов в регионе.

Эти исторически сложившиеся объективные препятствия на пути развития межмагрибинского сотрудничества дополняются факторами субъективного порядка, политическими, амбициозными притязаниями на лидерство в регионе. Наиболее острый характер на протяжении практически всего периода независимого развития носили

алжиро-марокканские и ливийско-тунисские отношения. Разного рода противоречия существовали и между остальными магрибинскими странами.

Так, в 1970 г. после свержения монархии в Ливии новое руководство страны пересмотрело свою межарабскую политику и выступило против региональных объединений внутри арабского мира, поскольку, как полагал М. Каддафи, они могли стать «препятствием на пути более широкого объединения всех арабов от Атлантики до Арабского Залива».

Свою лепту в изменение концепции Великого Магриба вносил и Алжир. В 1976 г., когда произошло резкое обострение противоречий между магрибинскими государствами по вопросу Западной Сахары, алжирское руководство выдвинуло идею создания Магриба народов, подразумевая под этим необходимость участия «народных масс, прежде всего трудящихся – крестьян, молодежи и всех последовательных патриотических элементов», в образовании будущего союза стран Магриба. При этом имелось в виду становление «единого, сильного, процветающего, прогрессивного Магриба», в котором народные массы были бы освобождены от «капиталистической эксплуатации», что подразумевало неизбежную замену существовавших на тот момент политических режимов в соседних арабских странах.

В начале 1970-х гг. Алжир выступил инициатором создания региональной организации, в которую вошли бы государства сахарской зоны: Алжир, Ливия, Мавритания, Мали, Нигер и Чад. Однако попытка подменить идею создания единого арабского Магриба образованием более широкого арабо-африканского союза успеха не имела. Усилия, прилагавшиеся на этом направлении прежде всего Алжиром в 1973–1982 гг., свелись лишь к декларативным заявлениям относительно дальнейшего развития политического и экономического регионального сотрудничества.

В 1970-е гг. практически отсутствовали условия для укрепления сотрудничества двух самых больших государств Магриба – Алжира и Марокко. Отношения между обеими странами характеризовались в это время обострением напряженности, отражавшей различия в их политической и экономической ориентации и сохранение спорных вопросов. Не отличались стабильностью и отношения между другими магрибинскими государствами. Однако наряду с центробежными стали действовать и центростремительные тенденции. В 1980-е гг. в Магрибе они находили свое проявление в поиске новых подходов к

проблеме внутрирегионального хозяйственного взаимодействия, принятии более прагматичных решений с учетом социально-экономических реалий в регионе. Наибольшее развитие в те годы получили двусторонние связи между странами Магриба. Экономическое сближение произошло между Алжиром и Тунисом, Алжиром и Ливией, Алжиром и Мавританией, Тунисом и Ливией, Тунисом и Марокко, Марокко и Ливией. Особое значение имело налаживание хозяйственного взаимодействия между Марокко и Алжиром, хотя решение проблемы сотрудничества между ними из-за политических разногласий затянулось на долгое время. Нормализация алжиро-марокканских отношений произошла только в 1988 г. после восстановления прерванных в середине 1970-х гг. дипломатических отношений в связи с разногласиями по Западной Сахаре и осуществления проекта строительства газопровода от алжирского месторождения Хасси-Рмель в Западную Европу по территории Марокко.

Развитие двусторонних экономических связей подготовило возможности для перехода к многостороннему сотрудничеству, тем более что определенный опыт в этой области страны Магриба уже накопили. Но интеграционной тенденции приходилось прокладывать себе путь через очень серьезные препятствия.

В 1980-е гг. в Магрибе образовались две группировки, каждая из которых на словах отстаивала интересы обеспечения коллективной безопасности, а на деле ослабляла усилия другой стороны по выработке совместных мер в столь жизненно важной для всех магрибинских стран сфере.

Начало первой группировки было заложено подписанием в октябре 1983 г. Договора о дружбе и согласии между Алжиром и Тунисом, к которому в декабре того же года присоединилась Мавритания. В документе отмечалось, что его участников объединяет «стремление к созданию Единого Великого арабского Магриба». В августе 1984 г. Договор о государственном афро-арабском союзе заключили Ливия и Марокко. Альянс этих двух стран с учетом социальной природы правящих режимов был воспринят как парадоксальный.

Отношения между двумя возникшими группировками характеризовались конфронтационностью, каждая стремилась ослабить позиции другой стороны, рассматриваемой в качестве соперника или даже врага. Противостояние усилило гонку вооружений в регионе и вмешательство внешних сил с целью создания дополнительных помех на пути процессов интеграции стран Магриба, укрепления их на-

циональной и региональной безопасности. Мароккано-ливийский государственный союз не выдержал проверки временем и распался в 1986 г. Позитивные изменения во взаимоотношениях магрибинских стран, наметившиеся в конце 1980-х гг, в определенной мере были результатом посреднических усилий арабских стран, а также воздействия настоятельно проявлявшейся международной тенденции к мирному урегулированию региональных конфликтов.

Мощным импульсом, ускорившим движение стран Магриба к более прочному объединению, стали значительные социально-политические и экономические перемены, которые затронули практически все магрибинские государства в конце 1980-х гг. Глубокий всесторонний кризис, разразившийся в Алжире в октябре 1988 г. имел своим следствием демократизацию внутривнутриполитической жизни этой страны, закрепленную в новой конституции 1989 г.

7 ноября 1989 г. к власти в Тунисе пришел новый президент Зин аль-Абидин Бен Али, провозгласивший курс на демократизацию общественно-политической жизни и сразу приступивший к его проведению.

На путь исправления допущенных ранее ошибок в 1987 г. вступила и Ливия, уделив первостепенное внимание проведению реформ в сфере экономики, направленных на восстановление частного сектора и нормализацию рыночных отношений.

Перемены демократической направленности затронули и Марокко, где они были вызваны прежде всего озабоченностью правящей династии судьбой монархии. Король Хасан II отчетливо осознавал неразрывность проблемы сохранения монархии, обеспечения прочности и стабильности существующего режима и осуществления последовательной модернизации политической системы страны, придавая ей характер конституционной монархии.

В сложившихся в 1980-е гг. условиях причины внешне- и внутривнутриполитического, а также экономического характера постепенно вплотную подвели руководство стран региона к новому пониманию необходимости совместного практического решения сложного комплекса стоящих перед ними социально-экономических проблем.

Стремление каждой страны Магриба усилить свое влияние и авторитет в международных делах служило политическим стимулом процесса интеграции: в региональной группировке они рассчитывали получить надежную политическую поддержку.

На интеграцию возлагались надежды как на средство решения важнейших экономических и социальных проблем: повышения уров-

ня самообеспечения продовольствием, уменьшения безработицы, обеспечения условий для возрастания валового национального продукта и соответственно повышения жизненного уровня населения. Объединение должно было способствовать ускорению развития стран Магриба и облегчить внешнеэкономические отношения с европейскими партнерами, которые готовились выступать единым фронтом в рамках объединенной Западной Европы.

Практическим шагом в реализации идеи политико-экономической интеграции пяти стран Северной Африки стало образование в феврале 1989 г. Союза арабского Магриба (САМ).

Вступая в Союз, каждая из пяти стран рассчитывала на достижение в рамках объединенной организации собственных политических или экономических целей. Вместе с тем создание САМ явилось стабилизирующим фактором, снизившим остроту напряженности в отношениях между странами региона и позволившим перейти от открытой конфронтации между некоторыми участниками союза к поиску компромиссных решений.

Создание САМ привлекло внимание мирового сообщества. Однако арабские страны в основном скептически отнеслись к новой организации. Несхожесть политических режимов пяти объединившихся государств не создавали предпосылок, как считали лидеры большинства арабских стран, для реализации заявленных Союзом целей.

Внимательно следили за появлением нового арабского объединения и на Западе. США, заинтересованные в укреплении своих позиций в Северной Африке, рассчитывали использовать Союз в своих целях. Франция усматривала в создании САМ возможность дальнейшего расширения ее финансово-экономического и политического влияния в регионе. Именно Франция стала связующим звеном в расширении контактов между САМ и ЕС, в чем магрибинские страны были особо заинтересованы. При ее посредничестве стали регулярно проводиться встречи министров иностранных дел Европейского сообщества и Союза. Налаживались связи между средиземноморскими странами в составе пяти государств Магриба и Франции, Италии, Испании, Португалии и Мальты. Значительный интерес Франция проявила к совместным проектам стран САМ, особенно к строительству газопровода «Магриб – Западная Европа», участие в котором усиливало политический вес Франции в Магрибе.

В течение первых лет после создания Союза была проделана большая работа по формированию организационных структур и юри-

дической базы сотрудничества в рамках САМ и на двусторонней основе. Приоритетное место в деятельности руководящих органов САМ было отведено в эти годы наиболее болезненным, общим для всех стран – членов Союза проблемам продовольственного обеспечения, безработицы и внешней задолженности.

Укреплялось сотрудничество стран Магриба в различных областях экономики. Наибольшие успехи были достигнуты в сфере транспорта и энергетики; разрабатывались и реализовывались общерегиональные проекты.

Параллельно активизировалось двух- и трехстороннее сотрудничество стран Магриба в области промышленности, энергетики и транспорта, газоснабжения, строительства и финансов, работы таможенных служб, а также по таким проблемам, как подготовка кадров, развитие туризма, информации, культуры, здравоохранения, юстиции и борьба с наркоманией. Было подписано много соответствующих соглашений и создавались смешанные компании для их реализации.

До 1990-х гг. Европейское сообщество строило свои отношения с североафриканскими арабскими государствами на двусторонней основе. После создания САМ большой акцент делался на стимулировании многостороннего сотрудничества по линиям ЕС – САМ, ЕС – Средиземноморское сообщество, включающее и страны Магриба.

С момента образования САМ его руководство уделяло большое внимание формированию региональных экономических связей, справедливо полагая, что данное направление деятельности является основополагающим в становлении и развитии содружества. Под этим углом зрения проходили практически все совещания и сессии созданных в рамках нового союза центральных органов. Так, в октябре 1990 г. в Алжире состоялась сессия совместной комиссии по экономике и финансам, рассмотревшая проект создания Экономического союза государств Магриба, который предполагалось строить в четыре этапа. Первый этап (до конца 1992 г.) предусматривал создание зон свободной торговли с целью активизации взаимного товарооборота, свободной циркуляции товаров и услуг между странами-участницами.

До начала 1995 г. (второй этап) планировалось сформировать единый таможенный союз стран Магриба. при этом должны были быть устранены все административные формальности, мешавшие свободному обмену товарами и услугами на территории стран-участниц. Предусматривалось также введение общей экономической границы и единых таможенных тарифов для экспортно-импортных операций. Третий этап

предполагал свободное перемещение рабочей силы, капиталов, товаров и услуг, что должно было послужить базой четвертого этапа – полной экономической интеграции стран САМ к 2000 г.

Военные аспекты в деятельности САМ не приобрели каких-либо четких очертаний. Договор сохраняет за каждой страной-участницей право проведения независимой политики, однако содержит и положение о том, что «любая агрессия, предпринятая против одной из стран-участниц, рассматривается как агрессия против всех государств – участников САМ». Члены САМ обязуются «не допускать на своей территории осуществления деятельности, представляющей угрозу безопасности, территориальной целостности и политическому строю других государств – участников Союза, не вступать в союзы и военные блоки, направленные против политической независимости и территориальной целостности других стран – участниц САМ».

Эти положения, однако, ни разу не были практически применены. Даже разразившийся в октябре – декабре 1989 года мавритано-сенегальский конфликт не встретил какой-либо реакции в рамках Союза, не говоря уже об оказании действенной помощи Мавритании, рассчитывавшей на открытое вмешательство стран САМ в конфликт с Сенегалом. По геополитическим причинам и, в частности, в силу того, что страны Магриба хотели продолжать развивать отношения с Африкой южнее Сахары, Нуакшот фактически оказался без поддержки своих североафриканских соседей, которые ограничились лишь осуждением кровопролития, проявив в отношении участников конфликта нейтралитет. Более того, после разрыва дипломатических отношений конфликтующими сторонами Марокко дано согласие на представление интересов Сенегала в Нуакшоте.

С середины 1990-х гг. в деятельности САМ наметились тенденции к ее свертыванию. К этому времени отчетливо выявилась слабость этой организации, неспособность ее членов выработать единый подход к экономической стратегии Союза, проанализировать и дать реальную оценку тем причинам, которые мешают претворению в жизнь утвержденных программ, препятствуют переводу деклараций в практические дела, не приближают провозглашенную цель – достижение экономической интеграции к 2000 г.

Причины эти многоплановы, они включают факторы внутреннего и внешнего порядка. За годы своего существования САМ не оказал заметного влияния на экономическую жизнь входящих в него стран, что обусловлено наличием глубоких объективных причин: однотип-

ностью экономик, схожестью промышленной и сельскохозяйственной продукции, производимой государствами Магриба. Ситуация осложняется также и факторами политического характера: неустранимым грузом прежних разногласий, амбициозными притязаниями на лидерство, отсутствием должной политической воли в разработке механизма практического воплощения принятых решений.

К числу внешних факторов, негативно влияющих на процесс экономической интеграции в рамках САМ, следует отнести долго сохранявшиеся экономические санкции против Ливии и неурегулированность западносахарского вопроса, различия в подходах к его разрешению членов САМ, прежде всего Марокко и Алжира, что повлекло за собой фактическую приостановку деятельности Союза.

Сотрудничество САМ и Европейского Союза. Союз для Средиземноморья

С конца 1950-х гг. сотрудничество Европы со странами Магриба претерпело существенную эволюцию: от заключения торговых соглашений до соглашений об ассоциации с Тунисом, Марокко и Алжиром.

Создание Союза арабского Магриба в немалой степени, помимо причин исторического, политического и экономического характера, отчасти было обусловлено и необходимостью для «пятерки» стран Северной Африки найти совместные пути решения назревших проблем в отношениях со странами Европы, а также должным образом подготовиться к становлению в перспективе единого европейского рынка, непосредственно затрагивающего торговые интересы магрибинцев и положение более чем трехмиллионной колонии выходцев из Магриба, проживающих в Европе.

В начале 1990-х гг., когда европейцы предложили «Новую Средиземноморскую политику», сотрудничество с североафриканскими странами было поднято на более высокий качественный уровень, который предполагал политическую интеграцию. Однако Магриб как региональный партнер ЕС начал вызывать определенную обеспокоенность у европейцев. Связано это было с целым рядом проблем. Прежде всего, это демографический рост в Северной Африке при уменьшении экономических показателей в расчете на душу населения. Это слабое и медленное развитие региона, который к этому времени полностью за-

висел от европейского рынка. Отсутствие качественного скачка в социально-экономическом развитии, что было связано как с причинами внутреннего характера каждой из стран Северной Африки, так и слабостью региональной организации САМ в целом. Нестабильная политическая ситуация (начало гражданской войны в Алжире, санкции ООН в отношении Ливии, ливано-израильский конфликт, рост исламского экстремизма, затронувший все без исключения страны Магриба и др.), а также несопоставимость экономических потенциалов участников сотрудничества (ЕС составляет 25% мирового ВВП, а САМ еле достигает уровня 25% ВВП Испании). В 1990-е гг. становилось все более очевидным, что традиционная помощь Евросоюза не принесла ожидаемых результатов. Появились и трудности политического характера: ряд арабских стран выступили против участия Израиля в средиземноморском процессе.

В 2008 г. была создана новая организация – Союз для Средиземноморья. Создан он был на Парижском саммите ЕС на основе идеи, выдвинутой Н. Саркози годом ранее. Целью создания этой организации было реанимировать процесс интеграции со странами Юга и переформатировать его. Суть нового союза заключалась в повышении степени участия в региональной политике стран Юга. С одной стороны, в рамках Союза для Средиземноморья на первый план должны были выйти экономические и гуманитарные проекты, а с другой – ответственность за результаты (как позитивные, так и негативные) предполагается делить между всеми без исключения государствами-участниками (на это была нацелена и новая руководящая структура Союза). Основные вопросы, сразу же вставшие перед участниками нового соглашения, – финансирование уже намеченных к реализации проектов. Однако отдельные дорогостоящие проекты вызвали немало критики в свой адрес: специалисты критиковали, например, программу создания электростанций с использованием солнечной энергии; проект по созданию «морских автострад» для перевозки кораблями груженых автодорожных фур. Немалые сомнения вызвал и проект Союза относительно очистки вод Средиземного моря и защиты их от загрязнения (о намерении сделать Средиземноморье чистым к 2020 г. главы государств заявили еще в 2005 г., но реальных успехов им добиться не удалось, что не случайно: проект требует гигантских усилий).

К 2010 г. в рамках Союза для Средиземноморья планировалось создание зоны свободной торговли, однако этого не случилось. Толь-

ко Тунису удалось войти в начале 2008 г. в зону свободной торговли с ЕС (но только в том, что касается промышленной продукции). Учитывая размеры населения региона и нерешенность целого ряда насущных проблем, критики считали, что отобранные к осуществлению проекты важны для Европы, но не являются главными для стран южного побережья Средиземноморья, которые озабочены вопросами преодоления бедности, неравными условиями конкуренции и проблемами доступа своей продукции на рынок Евросоюза. Кроме того, выражались серьезные опасения, что структуры стран Союза не в состоянии обеспечить подобные объемы финансирования, и все будет зависеть от частного сектора. Но он согласится на инвестиции лишь в том случае, если в ряде государств будут проведены серьезные реформы в экономике. На это потребуется много времени и средств, поэтому многие проекты были заморожены из-за отсутствия финансирования и тем более частных инвесторов, учитывая очень разные экономические приоритеты стран-участниц.

Работу Союза после его создания осложняли не только экономические факторы. Так, развитие средиземноморского диалога по-прежнему омрачалось эскалацией палестино-израильского конфликта, а в последние годы — еще и проблемами вокруг Ливана и Сирии. Многие в регионе воспринимали предложенный Союз как навязывание искусственной идентичности, не связанной ни с цивилизационными, ни с социокультурными факторами. Европейцы, в свою очередь, также настороженно относились к североафриканским партнерам. Внутриалжирский конфликт еще был далек от своего окончательного завершения, поэтому Европа (прежде всего, Франция) опасалась «экспорта» террора. Достаточно упомянуть, что в Алжире в противостоянии с религиозными экстремистами погибли свыше 100 тыс. человек, включая и иностранных граждан, а связь между алжирскими исламистами и организацией У. бен Ладена была установлена еще в 1992 г.

Серьезной проблемой является и нелегальная иммиграция в Европу. Сегодня многие страны Запада пересматривают свою миграционную политику, при этом особое внимание уделяется решению проблем нелегальной иммиграции, достигшей внушительных масштабов. Ее все больше связывают с ростом преступности и терроризма и рассматривают как серьезную угрозу региональной безопасности. Под давлением правых политических партий и из-за социально-экономических проблем многие члены ЕС (Франция, Германия, Италия, Испания) ужесточили иммиграционные законы. Во Франции,

например, была создана первая в Европе иммиграционная полиция. По мнению лидеров правых партий такого рода меры должны были уменьшить приток в Европу неквалифицированных иммигрантов. Однако вопреки всем принимаемым мерам нелегальная иммиграция в Европу (прежде всего, из стран Северной Африки) в несколько раз превышает легальную: ежегодно, по данным Международного центра по развитию миграционной политики, в страны Европы прибывает около 830 тыс. иммигрантов, при этом более половины из них пользуются при пересечении границы услугами контрабандистов.

Меры ЕС в отношении мигрантов, в свою очередь, вызывают волну неодобрения в странах Магриба. Суть упрека сводится к тому, что Европа препятствует свободному перемещению граждан между двумя берегами Средиземноморья, несмотря на заявленные в принципы, но тем не менее настаивает на беспрепятственном движении промышленных товаров и капитала. ЕС обладает безусловными преимуществами, внедряясь во внутренний рынок стран Средиземноморья: промышленная продукция Европы остается вне конкуренции, ущемляя интересы местных производителей, что ведет к росту безработицы. В этой связи многие представители промышленности, бизнеса и общественных организаций стран Магриба стали негативно оценивать сотрудничество с Европой, подчеркивая, что заключение договоров об ассоциации было выгодно только европейцам. Муаммар Каддафи сразу после создания Союза для Средиземноморья заявил, что проект нежизнеспособен и, если Европа хочет сотрудничать с Магрибом, для этого существует Лига арабских государств или Африканский союз. Тем не менее правительства других стран САМ не поддержали идею Каддафи о бойкоте новой организации и продолжали рассматривать развитие экономических связей с ЕС как один из способов преодоления экономической отсталости. В свою очередь, страны САМ остаются для ЕС важнейшим стратегическим регионом, источником энергетического сырья, сельскохозяйственной продукции, рынком сбыта промышленных товаров и технологий. В этой связи, несмотря на пессимистичные прогнозы для нового Союза, а также определенные коррективы, внесенные во взаимоотношения «арабскими революциями» 2011 г., подобные проекты будут реализовываться в том или ином виде, потому что в существующих геополитических условиях и с учетом стратегических интересов страны двух берегов Средиземного моря «обречены» на сотрудничество.

2.5. Арабские страны в мировой экономике и процессе глобализации

Длительное господство докапиталистических производственных отношений и колониальное угнетение оставили арабским странам тяжелое наследие: низкий уровень развития производительных сил с преобладанием в экономике отсталого сельского хозяйства и (или) добычи минерального сырья, почти полное отсутствие тяжелой обрабатывающей промышленности, сравнительно небольшое число современных предприятий по переработке сельскохозяйственного сырья, многоукладность экономики с сохранением в ряде стран феодальных и даже родоплеменных пережитков в аграрной сфере, нищету большей части населения, почти поголовную неграмотность.

Экономика арабских стран в колониальное время была преобразована в соответствии с потребностями метрополий, стремившихся превратить их в поставщиков необходимого им минерального и сельскохозяйственного сырья, рынки сбыта промышленной продукции и сферу приложения капитала.

Подключение арабских стран к мировому рынку и международному разделению труда, начавшееся еще в колониальный период, сыграло в их социально-экономическом развитии противоречивую роль. С одной стороны, страны арабского региона оказались в орбите общего экономического прогресса, но с другой – они были вовлечены в международное капиталистическое разделение труда в соответствии не с нуждами своего национального хозяйства, а с потребностями центров капитализма. Элементы более современного способа производства были навязаны хозяйству арабских стран извне как чуждые и изолированные, т.к. принадлежали иностранному капиталу и обслуживали главным образом экономику развитых капиталистических государств, не имея непосредственной связи с другими секторами местной экономики. Играя в ней доминирующую роль, иностранный капитал одновременно деформировал ее: сельское хозяйство арабских стран все более приобретало монокультурную структуру, однобоко развивалась добывающая промышленность, а обрабатывающая была в основном ограничена предприятиями по переработке части экспортируемого сырья, текстильной и пищевой отраслей.

Начатая в колониальные времена эксплуатация природных и людских ресурсов арабских стран независимо от форм ее организа-

ции постепенно приспособливала местные социально-экономические структуры к развитию прежде всего в рамках международного разделения труда.

Достижение политической независимости поставило перед арабскими странами важнейшие задачи обеспечения национального суверенитета над своими природными и экономическими ресурсами, формирования современной хозяйственной базы, ограничения сферы деятельности иностранного капитала и создания условий для экономической деколонизации. Однако достижение этих целей осложнялось тем, что арабские страны продолжали оставаться частью мирового хозяйства, а некоторые из них не смогли ликвидировать и определенную политическую зависимость от своих бывших метрополий и США.

Благоприятные условия для наступления на позиции иностранного капитала создал энергосырьевой кризис 1970-х гг. В условиях дефицита некоторых видов минерального и сельскохозяйственного сырья, арабские страны сумели частично или полностью (в нефтегазовом хозяйстве) овладеть горной рентой, повысить заниженные монополиями цены до границы платежеспособного спроса (на нефть – в 6 раз в реальных ценах за 1970–1982 гг.), увеличить добычу и экспорт сырья. Все это расширило масштабы внутреннего накопления в стоимостной форме и повысило темпы экономического роста арабского региона.

Вплоть до экономического кризиса начала 1980-х гг. арабский регион обеспечивал около половины добычи и 2/3 экспорта нефти западных стран. В 1983 г. эти показатели снизились соответственно до 29 и 47%, однако арабский регион в основном сохранил свои прежние позиции, продолжая обеспечивать половину импорта нефти государств Западной Европы и Японии.

Арабские страны заняли также лидирующее положение в мировом хозяйстве и по другому важному виду промышленно сырья – фосфатам. Их добыча велась в Марокко, Тунисе, Иордании, Сирии, Алжире, Египте и Ираке, причем 60% производства приходилось на долю Марокко. Эта страна занимала второе (после США) место в мире по производству сырых фосфатов и первое – по их экспорту. Всего же арабские страны обеспечивали свыше 1/3 добычи и более половины экспорта фосфатов всего мира.

Кроме углеводородов и фосфатов, арабские страны представлены в мировом производстве и экспорте сравнительно небольшим кругом сырьевых товаров и полуфабрикатов, а также весьма ограниченной номенклатурой сельскохозяйственной продукции.

Добыча рудных ископаемых в арабских странах представлена в более или менее значительных масштабах железной и свинцовой рудой, главными экспортёрами которых выступают Мавритания и Марокко. Другие арабские страны используют добываемое сырьё для своих внутренних нужд.

Разрабатываются также месторождения марганца (Марокко, Египет, Судан), хромитов (Судан, Мавритания), вольфрама (Алжира), титановых руд (Мавритания), меди (Марокко, Алжир, ОАЭ), кобальта и никеля (Марокко), ртути (Алжир), золота (Саудовская Аравия). Однако все эти товары не занимают заметного места в экспорте арабских стран (кроме Марокко).

Что касается нерудных ископаемых (исключая фосфаты), то в небольших количествах ведётся добыча плавикового шпата (Марокко, Тунис), бокситов (Мавритания), пиритов (Алжир, Марокко), серы (Ирак, ОАЭ), соли (Египет, Йемен, ОАЭ), горючих сланцев (Марокко, Иордания).

В экспорте химических товаров на мировом рынке арабские страны представлены главным образом фосфорными и азотными удобрениями.

По сельскохозяйственным товарам арабские страны выступают на мировом рынке как относительно крупные поставщики цитрусовых (Марокко, Египет, Ливан), оливок (Марокко), оливкового масла (Тунис), хлопка (Судан, Египет, Сирия), арахиса (Судан).

Экономическое развитие арабских стран сопровождается глубокими диспропорциями воспроизводственного механизма. Определённые успехи в расширении промышленного потенциала соседствуют с низкими темпами сельскохозяйственного производства а в ряде стран и застойным состоянием этой сферы национальной экономики. Душевое производство зерна и некоторых других продуктов питания растёт очень медленно, а нередко и снижается. Это обстоятельство привело к росту прямой зависимости арабского региона от импорта продовольствия. Импорт продуктов питания арабскими странами охватывает широкую номенклатуру товаров. Крупнейшей статьёй ввоза являются пшеница и пшеничная мука (крупнейшими импортёрами этих продуктов являются Египет, Алжир, Марокко, Ирак).

Среди прочих продуктов питания, ввозимых арабскими странами в достаточно больших объёмах, можно выделить рис, кукурузу, ячмень, сахар, мясо-молочные продукты, картофель, маргарин, чай.

К началу XXI в. арабские страны смогли совершить рывок в социально-экономическом развитии. Но результаты этого рывка оказались весьма противоречивы. Сохранилась и даже выросла степень нестабильности динамики ВВП вследствие политических проблем и зависимости от ситуации на мировом рынке ресурсов.

Односторонняя зависимость арабских стран ушла в прошлое, но сменившая ее асимметричная взаимозависимость не дает возможности государствам арабского региона добиться полного экономического освобождения. Даже аравийские монархии, которые осуществляют программу форсированной индустриализации, не в состоянии преодолеть целый ряд объективных и субъективных ограничителей на пути радикального изменения своего места в системе мирового хозяйства.

Доля арабских стран в общей численности населения мира и в мировом ВВП выросла, но этот рост не принес арабским экономикам столь же радикально качественное изменение по отношению к западной модели.

Понижение арабской доли в мировом ВВП (с 3,4% в 1980 г. до 2,9% в 2001 г.) к началу XXI в. означало не только неспособность правительств продуктивно использовать огромный приток нефтедолларов, но и наличие объективных препятствий и ограничений для эффективного экономического развития по исходной западной модели индустриальной экономики и, далее, экономики массового производства.

До сих пор в большинстве стран еще не завершилось формирование условий, которые обеспечили бы органическую взаимосвязь традиционных и современных институтов. В такой обстановке только деятельность государства способна вовлечь традиционные уклады в технико-экономическое и социальное обновление. Частный капитал очень осторожен, функционирует преимущественно в торговой сфере. Процесс наращивания предпринимательского капитала и частной инициативы разворачивается крайне медленно. Разгосударствление и приватизация растягиваются на длительные сроки.

Недостаточная эффективность экономического развития вызвана в том числе и низким уровнем региональной, общеарабской торговой интеграции. На внутриарабскую торговлю в 2001 – 2003 гг. приходилось не более 4–8% их суммарного внешнеторгового оборота, в то время как в ЕС на внутрорегиональную торговлю приходилось 60% их торгового оборота, в странах Северной Америки – 55%, в странах Юго-Восточной Азии – 23%.

Свободные капиталы арабских стран превышают 100 млрд долл, их инвестиции только в Европе достигли 600 млрд, приблизительно столько же в США. Основные формы финансирования для арабских бизнесменов в Европе и США являются недвижимость, строительство, торговля и ценные бумаги, что объясняется менталитетом (хотят иметь государственные гарантии).

Согласно «Докладу о глобальной конкурентоспособности», ежегодно публикуемому Всемирным экономическим форумом, первое место в регионе занимает Катар, затем ОАЭ, Бахрейн, Оман, Тунис, Саудовская Аравия, Марокко, Египет, Алжир, т.е. эти небольшие монархии признаны наиболее конкурентоспособными благодаря стабильному макроэкономическому климату и институциональным реформам, которые подготовили почву для их быстрой модернизации.

Однако развивающиеся, в том числе и арабские, страны не могут в полной мере совершенствовать индустриальные производительные силы, тогда как передовые страны существенно продвигаются в развитии уже интеллектуальных производительных сил.

Арабский мир не располагал материальными условиями для изобретения собственных механизмов современного прогресса. Его уделом стало пользование методами, имеющими иные цивилизационные корни. Но заимствованная практика не всегда коррелируется с арабской действительностью. Неслучайно отдельные арабские государства стали прибегать к принципам исламской экономики в надежде отстоять собственную экономическую идентичность и создать альтернативные инструменты развития как более естественные для них. Пик этой практики пришелся на момент, когда стало особенно очевидно, что глобализация имеет восходящее-поступательный характер преимущественно для сравнительно небольшой группы стран во главе с промышленно развитыми государствами и что влияние ее на остальной мир крайне неоднозначно. Однако исламская модель устройства экономики имеет ограниченную сферу приложения, затрагивая в основном банковско-финансовый и инвестиционный секторы рынка. Она создает немного стимулов в области интеграции, межгосударственного регулирования экономики, либерализации и т.п. И в этом качестве, как кажется, не может быть сопоставлена по эффективности влияния на производительные силы с феноменом европейско-американской инновационно-информационной модели.

Динамика ситуации в арабском мире показывает, что за десятилетия самостоятельного развития арабскому миру в целом удалось по-

лучить удовлетворительные экономические показатели. Это произошло за счет определенного изменения качества материально-вещественных компонентов производительных сил. Сдвиг имел место благодаря переходу от преимущественно экстенсивного роста к тому, что определяется понятием «современного экономического роста». Однако это явление в арабском мире неоднозначно по своему характеру. Более заметно оно в малых государствах Персидского залива. В других случаях такой рост не вышел за пределы отдельных направлений и отраслей арабских экономик, и при этом утратил весьма важные признаки своего качества, растворившись в господствующих менее интенсивных моделях экономического роста. В этом случае жизнеспособность большинства арабских экономик по-прежнему остается весьма ограниченной, а обретение ими достаточных адаптационных свойств, гарантирующих безболезненное существование в рамках глобальной модели производительных сил, вызывает серьезные сомнения. Но в целом указанный период все же стал вехой в нарастающей экономической и социальной поляризации в ближневосточном регионе и поводом для дальнейшей дифференциации арабской «нации» по такому признаку, как способность приобщения к инновационной модели развития относящихся к региону стран.

В настоящее время Арабский Восток неоднороден по многим параметрам развития. Разные его части с разной степенью интенсивности участвуют в международном разделении труда. Соответственно и в глобализацию они втягиваются неравномерно. В этом регионе мира сложились собственные центр и периферия. Противоречия между ними постоянно углубляются по мере нарастания разрыва в уровнях благосостояния и способности усваивать те или иные элементы инноваций глобального масштаба.

Низкая динамика также определяется цивилизационными различиями между Востоком и Западом, колониальным прошлым арабских народов, периферийным характером развития капитализма в арабском мире. К тому же в последние полвека бывало так, что политические пристрастия правящих элит оказывались сильнее экономических императивов, а идеология сдерживала ускоренную мобилизацию экономических сил в конкретных сегментах арабского сообщества. Отсюда и распространение на Ближнем Востоке модели догоняющего развития. Движение в этом русле обрекает даже «капиталоизбыточные» арабские страны на то, чтобы функционировать в режиме повышенной нагрузки на все воспроизводственные механизмы. За счет

этого реализуется задача обеспечения интенсивного экономического роста в неблагоприятных условиях. Для иных стран обстоятельства предстают неизмеримо худшими.

Современный рынок и его организационные структуры в арабских странах – категория достаточно размытая. Это связано с исторической ролью государства, втянутого в непосредственную хозяйственную деятельность, процессы регулирования и распределения. Тем не менее на Ближнем Востоке есть страны со сравнительно свободной экономикой, более соответствующие интересам ведущих государств мира по политическим соображениям или своим экономическим и сырьевым возможностям. Именно они – Египет, Иордания, Кувейт, Бахрейн, Катар, ОАЭ, Марокко, Тунис – стали членами ВТО. Другие – Алжир, Саудовская Аравия, Оман, Судан – участвуют в переговорном процессе по поводу вхождения в эту структуру. Другие, как Сирия или Ливан, находятся на дальних подступах к этому.

В арабском мире есть осознание того, что мир изменился необратимо, а складывающийся новый экономический порядок будет обретать все более зрелые и жесткие черты. В этих условиях за его пределами будет все труднее развиваться на автаркичной основе, а экономический, торговый, информационный изоляционизм в настоящее время просто невозможен. Но и в рамках этого порядка арабские страны едва ли смогут обрести гармонию между собой и с внешним миром в смысле превращения в равных партнеров в области информационного взаимодействия и по степени мобильности в преодолении острых проблем независимо от исходного состояния их экономик.

Достижения во многом «съедаются» растущим народонаселением и постоянным ростом расходов на ресурсное обеспечение развития. От проблем не гарантированы даже капиталоизбыточные страны. Поэтому в арабской среде небезосновательно распространена тревога, которая проявляется в разных формах и выражена широким спектром чувств – от эйфории до уныния. Образованные круги понимают: речь идет о том, что арабские страны при неблагоприятно складывающихся обстоятельствах могут реально стать слабым звеном в возникающем тандеме из промышленно развитых гигантов и менее развитых сообществ. Их цивилизационная специфика может подвергнуться активному размыванию в процессе адаптации к глобальным изменениям, которые выступают осязаемым генератором обширной гаммы межцивилизационных противоречий – от простого дискомфорта до осязаемых конфликтов, грозящих не только обвальной

культурной ассимиляцией, но и неконтролируемым распадом материально-вещественных основ существования арабской идентичности.

В подобных обстоятельствах арабские страны усматривают выход в том, чтобы в максимально возможной степени создавать экономические структуры, соответствующие современным эталонам, в попытках избежать откатывания на дальнюю периферию. В этой сфере перед ними стоит ряд крупных проблем, исходя из интересов решения которых арабские государства тем или иным образом формулируют свои задачи на дальнюю перспективу. В рамках экономической политики национальные государства в регионе как минимум ориентируются на достижение следующих целей:

- развитие производственного потенциала в той его части, которая соприкасается с техногенными производительными силами в передовых промышленных странах;
- приспособливание отраслевой структуры хозяйства к современному экономическому и промышленному строю;
- совершенствование качества воспроизводственных механизмов;
- перенос принципов деятельности отдельных инновационных очагов хозяйствования на максимально большие сегменты национального экономического пространства;
- освоение передовых технологий в целях улучшения качества продукции и повышения конкурентоспособности национальных товаров;
- оптимизация процессов управления хозяйством и бизнесом;
- улучшение качественных характеристик человеческого капитала, повышение мобильности и гибкости в использовании рабочей силы.

Взаимодействие с мировым рыночным сообществом может рассматриваться как серьезнейший стимул для быстрой реструктуризации производства, проведения институциональных реформ, разгосударствления собственности, формирования рыночных механизмов. Но подобная быстрота плохо коррелируется с присущей арабскому менталитету повышенной осторожностью. Арабский Восток в целом испытывает дефицит решимости к коллективным действиям в рамках региональных объединений, даже если это соответствует общим интересам.

Небогатый в целом выбор средств и методик обуславливает достаточно скромные перспективы успешного вхождения арабского мира как такового в устроенное на новых началах мировое экономиче-

ское пространство. Даже в привилегированных с этой точки зрения государствах, к тому же членом ВТО, не наблюдается особого оптимизма от того, что они стали субъектами мирохозяйственных связей в новом качестве. В любом случае баланс выигрыша и проигрыша пока не подтвержден даже сейчас, когда ряд арабских стран функционирует в рамках ВТО, не говоря уже об арабском сообществе в целом. Все связанные с этим процессы находятся преимущественно в начальной стадии и не имеют однозначных последствий для развития в рамках требований момента.

Арабский мир находится на разных стадиях экономической зрелости, еще не является экономически гомогенным образованием, в недрах которого вызрели весовые предпосылки для целенаправленных, единых действий, отвечающих общеарабским интересам. Соответственно, и его отставание проявляется неравномерно. Пока общий тренд однозначно указывает на несостоятельность разобщенных арабских экономик, их неспособность существовать как единое целое, как интегрированный воспроизводственный организм и активно формировать собственную составляющую современного экономического роста. А это ограничивает образование новых системных компонентов в недрах арабского хозяйственного механизма, создающих потенциал для сокращения разрыва с передовой частью мира.

Вопросы для самоконтроля

1. Особенности развития арабского капитализма.
2. Особенности развития арабских стран после Второй мировой войны.
3. Основные экономические задачи, вставшие перед арабскими странами после достижения политической независимости.
4. Специфика формирования национальной арабской буржуазии.
5. Отраслевая экономическая структура.
6. Специфика сельскохозяйственного производства.
7. Специфика промышленного развития.
8. Проблемы диверсификации промышленного производства.
9. Характеристика промышленности арабских стран (основные и традиционные отрасли).
10. Основные центры промышленного производства в арабских странах.
11. Экологическая ситуация в арабском мире в настоящее время.

12. Социальные последствия загрязнения окружающей среды.
13. Проблема деградации земельных ресурсов и изменения климата.
14. Стратегия арабских стран в решении экологических проблем.
15. Государственные планы и программы в арабских странах по сохранению окружающей среды.
16. Сотрудничество с ЕС в деле защиты экологии в Средиземноморье.
17. Причины создания региональных интеграционных организаций ССАГПЗ и САМ. Успехи и неудачи интеграционных процессов.
18. Последствия операции «Буря в пустыне» для стран Персидского залива.
19. Специфика подключения арабских стран к мировому рынку и международному разделению труда.
20. Особенности экономического развития арабских стран на современном этапе.
21. Внешняя торговля и межарабские экономические отношения.
22. Экономическое развитие арабского мира в условиях глобализации.

Примеры контрольных заданий

Блок 1

1. Можно ли охарактеризовать арабские страны после Второй мировой войны как «отсталые» и «аграрные»?
2. С чем связаны быстрые темпы экономического роста Египта в 1960-е гг.?
3. Что способствовало интенсивному росту капитализма в арабском мире?
4. Почему в арабских странах не состоялся переход к новому состоянию экономики постиндустриального типа?
5. Почему промышленное производство арабских стран отличается крайне узкой специализацией?
6. Какие отрасли промышленности в арабских странах являются наиболее развитыми? С чем это связано?
7. Назовите страны, ставшие лидерами арабского мира в 1980-е гг.
8. Какую традиционную продукцию поставляют арабские страны на мировой рынок?

Блок 2

1. С чем связано обострение проблемы окружающей среды в арабских странах?
2. Перечислите основные экологические проблемы, характерные для арабского региона
3. С чем связан процесс опустынивания земель?
4. Как арабские страны решают экологические проблемы?
5. Как Кувейтский кризис отразился на экологическом состоянии Залива?
6. Почему проблема защиты окружающей среды не является приоритетной в арабских странах?

Блок 3

1. Верно ли утверждение, что причиной создания региональных организаций (ССАГПЗ и САМ) стал внешний фактор?
2. Какая страна и почему стала инициатором создания ССАГПЗ?
3. На каких принципах базируется концепция коллективной безопасности ССАГПЗ?
4. Какие факторы препятствовали созданию региональной организации в Северной Африке?
5. Является ли Союз для Средиземноморья «мертворожденной» организацией?
6. Какую роль в социально-экономическом развитии арабских стран сыграло их подключение к мировому рынку?
7. Можно ли говорить о полном экономическом «освобождении» арабских стран?

Литература по 2 главе

Акимов А.В. Прогноз численности населения стран Ближнего востока до 2050 года и проблемы водоснабжения региона / А.В. Акимов // Вестник МГИМО-Университета. – 2010. – № 5 (14).

Бондаренко С.В. Нефть и газ Египта и Алжира на рубеже XX–XXI веков / С.В. Бондаренко, А.А. Ткаченко. – М.: Институт Африки РАН, 2003.

Бескодаров А.М. Нефтегазоперерабатывающая и химическая промышленность в странах Ближнего и Среднего Востока / А.М. Бескодаров, С.В. Бондаренко // Ближний Восток и современность. – М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2004. – Вып. 23.

Возникновение исламских банков и формирование кредитно-банковских систем исламских стран / В.В. Павлов // Исламские банки в современном мире в 80-90-е годы. – М.: Издательский дом XXI век – Согласие, 2000.

Гашев Б.Н. Египет: свободные экономические зоны как фактор ускорения развития / Б.Н. Гашев // Ближний Восток и современность. – М., Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2004. – Вып. 23.

Жданов С.В. Арабские страны в мировой экономике / С.В. Жданов – М.: Панорама, 2006.

Ковтунов А.Г. Проблемы интеграции стран Магриба / А.Г. Ковтунов. – М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 1998.

Общая характеристика экономики Марокко / Л.Л. Фитуни. – М.: Мысль, 1985.

Развитие капитализма в арабском мире / под ред. В.В. Наумкина, Л.А. Фридмана. – М.: Наука, 1988.

Руденко Л.Н. Сдвиги в системе регулирования иностранных инвестиций в арабских странах (90-е годы) / Л.Н. Руденко // Ближний Восток и современность. – М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2004. – Вып. 23.

Соловьева З.А. Проблемы интеграции в мировую экономику нефтегазовых арабских государств (на примере Иордании и Марокко) / З.А. Соловьева // Ближний Восток и современность. – М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2004. – Вып. 23.

Ткаченко А.А. ЕС – Северная Африка: контуры интеграционной модели / А.А. Ткаченко // Ближний Восток и современность. – М., 2006. – Вып. 28.

Филоник А.О. Экологические императивы как фактор политического развития Египта / А.О. Филоник // Ближний Восток и современность. – М.: Институт Ближнего Востока, 2008. – Вып. 36.

Филоник А.О. Естественные ресурсы в сельском хозяйстве и продовольственное обеспечение в арабских странах / А.О. Филоник // Арабские страны: проблемы социально-экономического и общественно-политического развития. – М., 1995.

Шадрин Д.Ю. Продовольственная ситуация в арабском мире (на примере Союза Арабского Магриба) / Д.Ю. Шадрин // Ближний Восток и современность. – М.: Ин-т изучения Израиля и Ближнего Востока, 2003. – Вып. 20.

Экологические проблемы стран Азии и Африки / под ред. Д.В. Стрельцова. – М.: Аспект пресс, 2012.

Экономика Ливии / А.З. Егорин // Современная Ливия. – М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 1996.

Экономика Алжира // Алжир: справочник. – М.: Институт Африки РАН, 1997.

Юрченко В.П. Военно-техническое сотрудничество России с арабскими странами: вчера, сегодня, завтра / В.П. Юрченко // Ближний Восток и современность. – М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2004. – Вып. 23.

Яковлев А.И. Страны Арабского Востока: лекции по социально-экономической истории / А.И. Яковлев. – М.: 2009.

3. СОВРЕМЕННОЕ РАЗВИТИЕ АРАБСКОГО ОБЩЕСТВА

3.1. Общая характеристика народонаселения арабских стран

Главными источниками сведений о населении служат всеобщие переписи населения и материалы текущего административного учета (регистрации рождений, смертей, браков и разводов, смены места жительства и т.д.).

Налаженная практика проведения научно обоснованных *переписей населения* существует далеко не во всех странах арабского мира. В Омане и Катаре, например, переписи населения вообще не проводились. Последняя всеобщая перепись в Ливане датирована 1932 г. Вместе с тем в Бахрейне, Египте, Ираке, Кувейте и Сирии переписи населения организуются более или менее регулярно (как правило, с интервалом в 10–11 лет). Программы (анкеты) переписи наряду со стандартным набором основных сведений нередко содержат и дополнительную специализированную информацию. Ее содержание в разных странах варьируется и зависит от актуальности тех или иных социально-экономических проблем (безработица, жилищный вопрос, привлечение дополнительной рабочей силы в народное хозяйство и т.д.).

Достаточно распространен в арабских странах и выборочный метод обследования, когда опросу подвергается лишь определенная часть жителей (каждый пятый, десятый или двадцатый человек). Это позволяет в определенной степени ускорить обработку собранных материалов и одновременно удешевить перепись.

Итоговые данные сплошных и выборочных переписей населения, как правило, не отличаются необходимой точностью, репрезентативностью и полнотой. Именно поэтому в прошлом результаты их нередко признавались недостоверными и, как следствие, оставались неопубликованными.

Важным дополнением к переписи является текущий государственный учет населения, в ходе которого регистрируются каждодневные изменения численности жителей арабских государств. При хорошей организации такого учета можно получить новейшие, скорректированные данные о численности и составе населения. Однако до настоящего времени в арабских странах фиксировать учет текущих демографических событий по мере их наступления достаточно сложно. Нередки случаи, когда родители отказываются от регистрации

рождения ребенка. Причины самые разные: от высокой обязательной пошлины за регистрацию и широко распространенной неграмотности среди городских и сельских жителей до социальных обычаев, когда рождение мальчика более престижно, чем девочки. Все это приводит к неполному учету рождений, а в конечном счете и серьезному искажению публикуемых демографических данных.

Отсутствие налаженного учета демографических событий вынуждает соответствующие статистические органы прибегать к помощи косвенных методов и оценок. В результате нередки случаи, когда оценки численности населения и его основных компонентов, подготовленные экспертами специализированных служб ООН, расходятся с цифрами, публикуемыми в национальных источниках.

Жители арабских стран расселены в рамках региона и отдельных государств крайне неравномерно. Из 300 млн арабов более 90 млн (31%) проживают в Азии и более 200 млн (69%) – на африканском континенте. При этом 75% всего арабского населения сконцентрировано на территории шести государств, каждое из которых насчитывает свыше 20 млн человек (Алжир, Египет, Йемен, Марокко, Саудовская Аравия и Судан). С другой стороны, можно выделить еще шесть арабских государств, в каждом из которых проживает менее 4 млн человек, а их удельный вес в населении всего арабского мира достигает лишь 3% (Бахрейн, Джибути, Катар, Оман, Кувейт, Мавритания).

Степень населенности, как и хозяйственной освоенности любой территории, определяется, как правило, количеством жителей на 1 км кв, иными словами, показателем плотности населения. Арабские страны расположены на территории 14 млн км² со средней плотностью населения 21 человек на 1 км². При этом в Кувейте аналогичный показатель составляет 142 человека на 1 кв км, в Ливане – 350 человек на 1 км², а в Бахрейне его величина достигает 1023 человека на 1 км². Одновременно в Йемене, Омане и Саудовской Аравии плотность населения не превышает 10 человек на 1 км², а в Ливии и Мавритании – 1 человека.

Крайняя неравномерность распределения населения характерна и для отдельных географических районов арабского мира. Так, в странах Северной Африки наиболее высокая плотность зарегистрирована на севере и северо-западе по побережью Средиземного моря и Атлантического океана, где сосредоточена и подавляющая часть городов. На юге плотность резко уменьшается и большая часть Ливии и Алжира, а также юго-западные окраины Марокко и Туниса представ-

ляют собой незаселенные территории. Здесь, в Сахаре, постоянное население можно встретить только в оазисах.

По территории каждой отдельно взятой страны люди расселены еще более неравномерно. Крупные ареалы с относительно высокой плотностью населения расположены, как правило, вне пустынной зоны. Блестящим примером в этом отношении служит Египет. В долине и дельте Нила, а на них проходится от 4 до 6% всей территории страны, плотность населения составляет рекордную цифру – 1000–1200 человек на каждый квадратный километр, что превышает средний показатель по стране (27 человек на 1 км²) в 13–16 раз.

Аналогичную картину ассиметричной концентрации жителей, но в меньших масштабах можно наблюдать и в некоторых других арабских странах. При этом нетрудно заметить, что слабо заселены территории с природными условиями, малоблагоприятными для жизни людей. Иными словами, существенное влияние на размещение населения оказывает природная среда. Так, в Ираке основная масса населения сосредоточена в плодородных равнинах рек Тигр и Евфрат. При этом в западной и южной частях Ирака (пустыни и полупустыни) почти нет оседлого населения. В Йемене свыше 2/3 населения сконцентрировано в горном Джебеле (около 100 человек на 1 км²). Также густо заселена прибрежная часть низменности Тихама. Восточная часть Йемена, переходящая в пустыню Руб-эль-Хали, не имеет оседлого населения. Кочевое население, постепенно сокращаясь, занимает восточную и северо-восточную часть страны.

В Омане и ОАЭ население сосредоточено в приморских районах и внутренних оазисах. В Алжире наиболее густо заселена северная часть, главным образом узкая прибрежная полоса и горы Кабилии, где плотность достигает 230 человек на 1 км². В то же время в Алжирской Сахаре живет не более 10% всего населения, а плотность не превышает 1 человека на 1 км². В Мавритании 3/4 всего населения размещено на юге страны – в зоне саванн и в долине реки Сенегал. 9/10 всего населения Марокко сконцентрировано на северо-западе страны в долинах и предгорьях, а также на побережье Средиземного моря и Атлантического океана. Наименее заселены горные и пустынные пограничные районы.

В условиях засушливого климата доминирующее влияние на размещение населения и его концентрацию оказывает наличие воды. Орошение (естественное или искусственное) продлевает период обработки земли и способствует повышению урожайности сельскохо-

заявленных культур. Все арабские страны расположены в одной из наиболее засушливых частей планеты, где возобновляемые запасы воды резко ограничены. Объем воды на душу населения здесь составляет в среднем 1,5 тыс. м³ в год при средней мировой обеспеченности ею в 13 тыс. м³. Вода является одним из определяющих факторов в экономической, политической жизни арабского Востока и посредством процесса размещения населения по территории арабских стран оказывает влияние на демографическую структуру данного региона.

В сухом тропическом климате небольшие группы населения концентрируются в оазисах. Использование современных технических средств облегчает орошение части пустынных земель и ведет к изменениям в расселении людей в зоне тропического климата. Однако эти изменения пока незначительны.

Пространства, используемые пастухами-кочевниками, характеризуются относительно невысокой плотностью населения. Чем суше земля, тем хуже пастбища. На самых засушливых участках плотность населения меньше одного человека на 1 км².

Исключительные условия с точки зрения расселения арабов создают великие реки, пересекающие пустыни и несущие свои воды круглый год. Их использование требует объединения жителей, организации оросительной системы и контроля над ней. Неслучайно именно здесь возникла самая древняя цивилизация.

Продвижение арабских государств по пути социально-экономического прогресса в немалой степени способствовало и продолжает способствовать усилению неравномерной концентрации жителей. Сооружение портового хозяйства (Ливан, Сирия, Тунис), создание гидрокомплексов (Египет, Сирия), добыча нефти, строительство линий электропередач, железных дорог и ряда крупномасштабных народнохозяйственных объектов приводит к перемещению в эти районы существенных контингентов населения. Следствием неравномерного размещения населения является, прежде всего, недостаточный объем и уровень инвестиций, направляемых в слабозаселенные районы. Это, в свою очередь, вызывает дальнейший отток населения в поисках лучших условий существования.

В настоящее время арабские страны находятся еще на этапе перехода от традиционного типа воспроизводства населения к современному. Это означает, что демографическая ситуация в арабском регионе характеризуется высоким уровнем рождаемости и быстро падающим

уровнем смертности. В результате арабские страны превратились в «молодой» регион с ярко выраженным «демографическим взрывом».

В 2005 г. естественный прирост населения по региону находился на уровне 20%. В арабском регионе находятся такие «мировые рекордсмены» по рождаемости и естественному приросту, как Сомали (естественный прирост населения составляет 32%), Йемен (31%), Палестинская автономия (30%), Судан (29%), Саудовская Аравия (27%). В Йемене женщина рождает в среднем 8–10 раз. Высоким уровнем аналогичного индикатора (20–25%) выделялись Иордания, Ирак, Ливия, Оман, Сирия.

Демографическая политика проводится только в Египте и Тунисе, которому удалось снизить процент естественного прироста населения с 35% в 1975 г. до 17% в 2005 г. В этой стране сложилась одна из наиболее развитых систем государственного регулирования демографических процессов. Эта страна первой на африканском континенте в 1964 г. приняла и начала осуществлять на практике демографическую политику. Но еще раньше были введены законодательные меры, прямо или косвенно направленные на ограничение рождаемости. В 1956 г. (сразу после достижения политической независимости) было установлено юридическое равноправие женщины с мужчиной. В этой стране была принята государственная программа «Планирование и благополучие семьи», направленная на максимальное снижение прироста населения. Основные положения этой программы заключались в следующем: увеличен официальный возраст вступления в брак (17 лет для женщин и 20 лет для мужчин); государство выплачивает пособия на детей, но только до четвертого ребенка; снижаются налоги при рождении двух первых детей, последующих – нет; если в семье работают оба родителя, то тот, кто получает меньше, – платит налог с половины дохода и т.д.

В Египте официальная демографическая политика проводится с 1965 г. Здесь, как и во многих других развивающихся странах, определенная перемена подхода к регулированию роста населения наметилась в начале 1970-х гг., когда этой политике была придана ориентация на длительную перспективу. В соответствии с этой стратегией были выбраны девять факторов, на которые необходимо обратить внимание, чтобы оказать одновременное воздействие на снижение рождаемости: уровень жизни семьи, образование, занятость женщин, механизация сельского хозяйства, индустриализация, детская смертность, социальное обеспечение, развитие информации и связи, услуги

в рамках планирования семьи. В 1985 г. был образован Национальный совет по народонаселению, в обязанности которого входило формирование государственной политики в области планирования семьи, борьбы с неграмотностью, изменения статуса женщины и сокращение детской смертности. В 1994 г. было создано Министерство по вопросам народонаселения и семейного благополучия.

Руководители большинства арабских государств рассчитывали, прежде всего, на быстрый эффект прямых методов контроля над рождаемостью с помощью расширения соответствующих медицинских служб. Однако, как показывает опыт ряда арабских стран, демографическая политика может иметь успех только в сочетании с мерами по борьбе с отсталостью, развитием образования, здравоохранения, социального обеспечения. Поэтому руководства ряда арабских стран пытаются сегодня вводить в свои национальные программы сложный комплекс мер социально-экономического характера. Но такие программы, как правило, являются дорогостоящими и требуют от правительства арабских стран существенных финансовых возможностей.

Несмотря на то, что естественный прирост населения по региону остается на достаточно высоком уровне, он имеет тенденцию к снижению в последние десятилетия. Так, с 1990 г. до 2005 г. его величина сократилась до 23%, что связано с увеличением детородного возраста женщин во многих странах; масштабной эмиграцией молодых мужчин на заработки; повышением социально-экономического и образовательного статуса женщины; сокращением сельского населения и увеличением уровня урбанизации; модернизацией городских общественных структур.

Высокие темпы роста населения рассматриваются преимущественно как феномен негативного характера, влияющий на обострение продовольственной и экологической проблем, роста безработицы и экономической ситуации в целом.

Быстрорастущее население выступает в двух противоположных качествах: с одной стороны, оно стимулирует государство решать вопросы, связанные с осуществлением социально-экономических преобразований, поскольку такой путь может привести к ликвидации диспропорции между производством и потреблением. С другой стороны, быстрый рост населения при медленном темпе роста производства или даже фактически неизменном уровне производства предметов потребления создает проблему постоянного увеличения импорта.

В связи с этим возрастает необходимость финансовых затрат, что ослабляет экономику арабских стран.

В связи с быстрым естественным приростом населения все арабских страны находятся в состоянии так называемой «демографической молодости». Для них характерна высокая доля детей в возрасте до 15 лет. Их удельный вес составляет в среднем по регионе 36%.

В Северной Африке дети до 15 лет составляют 43% населения. В Алжире 70% населения – люди младше 25 лет. Есть государства, где доля детей приближается к доле самодеятельного населения: Сомали – 48%, Йемен – 45%, Мавритания и Джибути – по 43%.

Удельный вес пожилых людей (старше 65 лет) в большинстве арабских государств составляет 3–4%. Молодость населения вызывает затруднение в повышении жизненного уровня, ухудшает соотношение между трудоспособной и нетрудоспособной частью населения. За счет детских возрастов высок «коэффициент иждивенчества». В 2005 г. в среднем на 10 работающих приходилось 7 иждивенцев. Отсюда низкая экономическая активность населения. Однако в странах Персидского залива в силу специфики их экономического развития и связанного с этим привлечения обширного контингента рабочей силы из других государств положение было иным. В Кувейте и ОАЭ, например, на 10 работающих приходилось только 3 иждивенца.

Таким образом, вследствие преобладающего в регионе режима воспроизводства возрастной состав населения является молодым. Такая структура выступает в качестве одного из важнейших факторов низкой экономической активности населения. По данным международной статистики рабочая сила составляет 38% жителей арабских стран. При этом в некоторых нефтеэкспортирующих государствах этот показатель был выше, чем в среднем по региону.

Практически во всех странах Ближнего Востока и Северной Африки предложение рабочей силы не соответствует потребностям. В одних ощущается дефицит рабочих рук, в других они в избытке и тогда последние становятся экспортерами рабочей силы. В государствах Аравийского полуострова, например, наблюдается дефицит рабочей силы, в результате чего они вынуждены импортировать ее из других стран. В Египте, где, наоборот, существует относительный избыток рабочих рук, наблюдаются безработица и неполная занятость. Подавляющая часть египетских квалифицированных и неквалифицированных рабочих ищет работу в монархиях Персидского залива. В

начале XXI в. более 2 млн египтян работало за границей. Свыше половины населения Кувейта – граждане Ливана и Иордании.

Экспортирующие рабочую силу страны несут серьезные потери. Возникает острая нехватка квалифицированных кадров во всех отраслях. В Египте, например, это существенно осложняет деятельность государственных учреждений, больниц, школ. Еще хуже ситуация в соседнем Судане. Однако до сих пор выгоды от миграции рабочей силы как для принимающих стран (дополнительные людские ресурсы и квалифицированные кадры), так и для стран-экспортеров рабочей силы (денежные переводы на родину) были настолько ощутимы, что перемещение временной рабочей силы всячески поощрялось.

Последняя четверть XX в. была отмечена резким возрастанием урбанизации арабских монархий Залива, которые по данному показателю вышли на авангардные позиции. Этому объективно способствуют традиционное скопление населения в прибрежных районах Персидского залива и Красного моря, ограниченность пригодного для сельского хозяйства земельного фонда, тяготение экономических центров к портовой инфраструктуре. Разрешение кочевого уклада развернуло бедуинские племена в направлении городов, где и без того всегда поддерживался довольно высокий уровень рождаемости. Если в 1950 г. удельный вес городских жителей в саудовском королевстве равнялся 2%, то в середине 1970-х гг. он достиг уже 30%.

Особенно стремительно шел отток населения в рамочных государствах Персидского залива, экономика которых вследствие «нефтяного бума» переориентировалась на нефтяную отрасль, торговлю, банковское дело, сферу услуг. Территории Кувейта, Бахрейна, Дубая стали превращаться в сплошной городской массив.

Согласно демографическим данным ООН в 1995 г. урбанизацией было охвачено 74,6% населения арабских монархий Залива. Самый высокий уровень данного показателя был в Кувейте – 97%, в Катаре – 91%, ОАЭ – 84%, Бахрейне – 83%, Саудовской Аравии – 80%. Только в Омане этот показатель составлял 13%.

3.2. Этническая структура населения

Необходимо отметить, что понятие «арабы», «арабская нация» – весьма неточно. Правильнее говорить «арабоязычные народы». Арабы имеют общий литературный язык, общую религию – ислам, араб-

ские народы прошли синхронные этапы исторического развития. Однако многочисленные этнические группы курдов, берберов, нилотов, черкесов, армян, сабейцев и наследников древних народов, населявших территорию Ближнего Востока и Африку, не являются арабами. Арабские диалекты настолько многообразны, что алжирец, говорящий на своем разговорном языке, не поймет иракца. В регионе немало христиан, друзов, алавитов и других конфессиональных групп. Арабская культура тоже довольно многообразна. Достаточно посмотреть на мужские хороводы бедуинов Аравии и быстрые пляски ливанцев или танец живота. Даже в национальной кухне мало общего между магрибинским кускусом и иракским мазкуфом. Понятие «арабы» скорее близко понятию «европейцы», или, по крайней мере, имеет такой же смысл, как «славяне», «германцы», «романские народы» или «латиноамериканцы». Более того, этнически арабы остались разве что в некоторых частях Аравии (Неджде и Катаре). Остальные ассимилировались с местным населением во время арабских завоеваний VII – VIII вв. либо с соседними турками, персами, курдами, кавказцами, европейцами, туарегами и т.д.

Иными словами, арабы – это некая общность семитских по происхождению народов, имеющих в основе общий литературный язык, примерно общую историческую судьбу и относительно схожие культуры и традиции пустынных народов Аравии и Сахары. Хотя и это определение далеко не точно. Уточним, кроме того, что межарабские противоречия – это противоречия между различными арабскими странами и регионами.

Арабский Восток на начало XXI в. представлял собой один из наиболее гомогенных регионов мира (если рассматривать его на региональном уровне). Подавляющее большинство населения региона (около 80%) имеет одинаковые этнические характеристики, а именно: по расовому признаку относится к семито-хамитской группе; по религиозному – к мусульманами-суннитам; по культурно-лингвистическому – к арабоязычной группе; по национально-географическому объединено общей территорией, называемой «арабской родиной».

Что касается анализа этнической и конфессиональной структуры арабского мира на конкретно-государственном уровне, то он позволяет выделить две группы государств: гомогенные (как, например, Саудовская Аравия) и гетерогенные государства, которые характеризуются существованием по меньшей мере одного, а как правило, нескольких довольно крупных по численности этнических сегментов. В

девяяти арабских странах (Судане, Ливане, Ираке, Сирии, Алжире, Марокко, Мавритании, Бахрейне, Йемене) по меньшей мере 35% населения отличаются от арабо-мусульмано-суннитского большинства. Перечисленные государства, в свою очередь дифференцируются по степени гетерогенности: спектр их достаточно широк, вплоть до глубоко разделенных мозаичных социумов (таких как Ливан). В этих странах так или иначе существует этническое противостояние, которое в 3 из них (Судан, Ливан, Ирак) выливалось в длительные вооруженные конфликты, неоднократно ставившие под угрозу единство и территориальную целостность государств.

В арабских странах вопросы, связанные с положением и взаимодействием различных этнических групп, не являются предметом широкого обсуждения как в научной литературе, так и в текущей прессе. Официальная статистика практически не публикует регулярных сведений о составе населения арабского мира по этническому признаку.

В начале XXI в. арабы составляли 80% жителей арабского региона, 20% приходилось на целый ряд этнических групп, из которых самыми многочисленными были и остаются берберы и курды.

Берберы считаются коренными жителями территорий, лежащих к западу от оазиса Сива в Египте, их общая численность в настоящее время оценивается почти в 20 млн человек.

Впервые автохтонное население Северной Африки упоминается в древнеегипетских источниках конца IV тысячелетия до н.э. под названием «техену». «Берберами» (от латинского «барбарус») греки, а затем и римляне называли всех, не умеющих говорить на греческом или латинском языках.

С географической точки зрения районы современного расселения берберов простираются на обширной территории общей площадью пять тысяч квадратных километров от египетско-ливийской границы и северных районов Судана до Атлантики и от средиземноморского побережья до Нигера, Мали и Буркина-Фасо. Наиболее компактные места их проживания – страны Магриба. Больше всего берберов проживает в Марокко (около 8 млн), Алжире (около 3 млн), Ливии (около 500 тысяч), Тунисе (более 100 тысяч), Мавритании (несколько десятков тысяч). Около 1,2 млн берберов проживают во Франции, где большинство из них имеют местное гражданство.

В языковом отношении все современные берберы, называющие себя «амазиг» («свободный человек»), не представляют однородной группы. Различные берберские племена (рифь, тамазиг и шильх в

Марокко, кабилы и шавийя в Алжире, нефуса в Тунисе и Ливии, туареги в Мали, Буркина-Фасо, Нигере и на юге Алжира) говорят на разных, но близких друг к другу диалектах. В настоящее время берберский язык имеет около 300 диалектов и некоторые лингвисты считают их самостоятельными языками.

Берберские языки в целом делятся на три большие группы: масмуда (преимущественно атласские), санхаджа (сахарские и предсахарские) и зената (восточномагрибинские). Берберские языки до настоящего времени изучены мало, однако установлено, что все берберские наречия Северной Африки, в особенности язык туарегов, обнаруживают общность с наиболее архаичным субстратом языков семито-хамитской группы. Наибольшее сходство на грамматико-синтаксическом уровне имеется с древнеегипетским языком; есть также ряд лексических совпадений с аккадским и древнееврейским языками.

Современные наречия берберского языка используют латинский (тамазиг) и арабский (тифинаг) алфавиты, хотя у туарегов с древнейших времен существует свой алфавит, восходящий к формам финикийского письма. Еще в Средние века в Магрибе предпринимались отдельные попытки записывать тексты средствами арабской письменности. Однако дальнейшего развития они не получили. Устное народное творчество (фольклор, различные жанры авторского творчества) существуют на различных наречиях берберского языка, главным образом на кабилском.

На протяжении многовековой истории Северная Африка испытывала влияние различных цивилизаций, и каждое соприкосновение с иноэтнической культурой вело к более или менее заметному распространению ее элементов в местном духовном потенциале, к инновациям и заимствованиям. Однако каждый раз после крушения очередного господства культурное влияние былых завоевателей быстро сходило на нет, и только в ремесле, архитектуре или устном народном творчестве можно было спустя несколько столетий уловить какие-то отголоски исчезнувших культур.

Финикийская колонизация, господство карфагенян, Нумидийское царство ливийцев, захватнические походы римлян и византийцев не оказали сколько-нибудь существенного культурного влияния на жизнь берберских племен, проживающих преимущественно в горных районах, где раскинулось обширное царство Джедар, основанное бербером-христианином Масуной. В течение нескольких веков они сохраняли свой язык, самобытную культуру, обычаи, нравы.

Принципиально иная ситуация сложилась в VII в. в результате арабского завоевания североафриканских территорий. Пришельцы с аравийского полуострова встретили в Магрибе довольно привычный образ жизни, что предопределило сравнительно мирное «вживание» завоевателей, хотя вначале берберы довольно активно сопротивлялись арабским завоевателям. В 683–688 гг. вспыхнуло крупное восстание вождя берберов Ауреба Косейлы. Войска берберской царицы-жрицы Дихии бинт Таббит, укрываясь в горах Ореса, особенно долго сопротивлялись арабам, а в 697–703 гг. даже захватили Кайруан – первую арабскую столицу Магриба.

Арабское нашествие в Северную Африку изменило демографическую и языковую ситуацию в регионе и привело к постепенной арабизации его населения. Берберский язык, состоявший из множества разрозненных диалектов, в ходе арабского завоевания этого региона столкнулся с арабским языком и не смог ему противостоять. Исламизация Магриба содействовала распространению арабского языка – языка Корана. Постепенно он стал языком межэтнического общения, средством связи между различными районами Магриба. Однако берберский язык хотя и вынужден был уступить часть своих позиций, сохранил жизнестойкость. Это связано, в частности, с тем, что большинство правящих семей в Северной Африке были берберами и поэтому официальным языком на обширных территориях североафриканских стран вплоть до османского завоевания был берберский. Что же касается арабского, то он использовался в основном только при отправлении религиозных обрядов. Такое положение сохранялось вплоть до XV в., когда в ходе становления Османской империи официальным языком был объявлен турецкий. Но тем не менее берберский язык продолжал играть важную роль в жизни этого региона. Схожесть арабов и берберов в образе жизни и особенно в быту привела в дальнейшем к массовому переходу берберов в ислам. В VIII–IX вв. берберы принимали активное участие в дальнейших арабских завоеваниях и внесли свой вклад в экономическое и культурное развитие образовавшихся здесь арабо-мусульманских государств.

Вторжение французов в 1830 г. и последующее колониальное «освоение» североафриканских земель нарушило ход естественно-исторического развития. Колонизаторы активно внедряли французскую культуру, западные стереотипы мышления и образа жизни. В отношении берберского населения политика Франции была двоякой: с одной стороны, жестоко подавляя вооруженные восстания берберских пле-

мен, с другой стороны, пыталась использовать берберский фактор для внесения противоречий между ними и арабами. Французские власти считали, что надо поощрять берберов жить обособленно, иметь свои школы, чтобы образовывалось разделенное общество под общим колониальным управлением. Эта линия Франции в отношении коренного населения нашла свое отражение в т.н. «берберской» политике.

В ходе и после достижения странами Северной Африки политической независимости берберы сыграли важную роль в политическом процессе.

В настоящее время «берберский вопрос» в той или иной степени характерен для всех стран Северной Африки, но решается он везде по-разному. В Марокко, где культурно-просветительному движению берберов придали управляемый характер, на берберском языке издаются книги и газеты, вещают радио и телевидение. В Тунисе и Ливии местные законодательства отказывают берберам даже в праве на создание культурно-просветительских ассоциаций. Наиболее остро в 1990-е гг. проблема берберов встала в Алжире, где была поставлена под угрозу целостность государства.

Курды – один из древнейших народов Ближнего Востока. Кроме государств Ближнего Востока и стран СНГ, курды в настоящее время проживают в странах Европы, в Северной Америке и Австралии.

Курды – один из немногих оставшихся крупных народов мира, не имеющих своей государственности. Численность курдов достигает примерно 25 млн человек (4 место среди крупнейших этносов Ближнего Востока после арабов, турок, персов).

На рубеже IV – III тысячелетий до н.э. на переднеазиатской исторической сцене появились народы, которые могут считаться этническими предками курдов. Это хурриты, или субарейцы, кутии, луллубеи, касситы и другие племена. Однако их этническое родство с современными курдами весьма отдаленно, т.к. с равным основанием на это могут претендовать и другие современные нации Западной Азии, тем более что регион, куда входит твердо установленный очаг первоначального этногенеза курдов, является территорией, на которой возникали древнейшие центры мировой цивилизации. Что касается самих курдов, то можно говорить об их непосредственных этнических предках уже с середины I тысячелетия до н.э. Это ираноязычные пастушеские по своим хозяйственным занятиям племена, входившие в основной состав мощных миграционных потоков, захлест-

нувших регион в этот период и образовавших преобладающий этнодемографический фон древних Мидийской и Персидской держав.

В дальнейшем курдский этнос, в основе которого находится автохтонный субстрат, в процессе консолидации и интеграции, занявшем несколько тысяч лет, вообрал в себя преимущественно индоарийские (главным образом иранские, особенно мидийские), а также семитские (ассирийские, арамейские, позже арабские) элементы.

Первоначальное формирование курдской народности и последующая консолидация ее в нацию – этногенез – происходили на одной и той же территории, где сейчас расположен современный Курдистан (этнографическое понятие), площадь которого составляет около 450 тыс. км².

Этногенез курдов начался в одном из древнейших центров мировой цивилизации – бассейне верхнего и среднего течения крупнейших рек Передней (Западной) Азии Тигра и Евфрата, их восточных притоков и в районах окружающих горных систем. Северную границу ареала формирования курдского народа составляют крупнейшие озера региона – Ван и Урмия. Физическая география, ландшафтно-географический фактор оказали большое влияние на этнические процессы курдов, особенно на ранних этапах этногенеза. Горный рельеф страны, с одной стороны, затруднял контакты между различными группами формирующейся курдской народности, с другой – служил для нее как бы естественным убежищем и крепостью во время многочисленных войн и нашествий. В значительной степени благодаря этому курды смогли противостоять постоянно угрожавшим им геноциду и ассимиляции. Ландшафтные особенности Курдистана в значительной мере предопределили и традиционную хозяйственную деятельность курдов – отгонное животноводство, основанное на выпасах мелкого рогатого скота на тучные горные пастбища. Имеется прямая связь между характерными для Курдистана природными особенностями и глубоко укоренившимся в курдском обществе родоплеменном строе, пережитки которого сохраняются до нашего времени (относительная изолированность отдельных групп курдов друг от друга, неблагоприятные условия для занятия интенсивным земледелием, трудности в прокладке надежных путей сообщения и т.д.). В таких обстоятельствах род-племя долго могло сохраняться как самодовлеющая социальная категория.

Таким образом, курдов с полным основанием можно считать автохтонной нацией ближневосточного региона. Автохтонное проис-

хождение курдского народа – общепризнанный и научно обоснованный факт. Первоначальный очаг этногенеза курдов находился в Северной Месопотамии, в самом центре современного Курдистана. Однако расположенный в центре Западной Азии Курдистан как территория, на которой курды составляют абсолютное или относительное большинство, постоянно менял свои этнические границы (весьма условные сами по себе) под влиянием бурных исторических событий, сопровождавшихся крупными этнодемографическими сдвигами.

Другая важная особенность – этнонациональный процесс у курдов, несмотря не его длительность, еще продолжается, курдская нация до сих пор недостаточно консолидирована. Социально-экономический компонент этнического процесса у курдов отличается низкими темпами развития, вследствие чего он до сих пор носит явные черты слаборазвитости и архаичности, в значительной степени остается традиционным.

Самые крупные колонии находятся в Турции (12 млн человек), Иране (5–6), Ираке (4 млн), Сирии (1 млн). Курдский язык принадлежит к западноиранской языковой семье, которая распадается на две ветви: северную (литературная форма этой ветви – курманджи –, использует латинскую графику) и южную (сорани – арабскую графику).

Что касается политического аспекта этнонационального процесса у курдов, то он всегда протекал в крайне неблагоприятных исторических условиях. Недаром выдающийся российский лингвист, кавказовед и курдовед академик Н.Я. Марр называл курдов «пасынками истории». Бесконечные войны, опустошительные нашествия, кровавые усмирения курдских восстаний, сопровождавшиеся прямым геноцидом и массовыми депортациями коренного населения, приведшие к многочисленным разделам и переделам этнической территории Курдистана, поставили непреодолимые препятствия политической консолидации курдского этноса, становлению централизованного курдского государства, независимого и единого Курдистана. А это всегда оказывало долговременное негативное воздействие на социально-экономический базис и этнокультурный уровень курдского народа.

До Первой мировой войны Курдистан находился на территории двух государств – Османской империи и Ирана. После распада Османской империи Курдистан оказался расчлененным между 4 странами Ближнего Востока.

Большинство курдов – мусульмане-сунниты, но есть и приверженцы древнего курдского синкретического культа – езидизма, вобравшего в себя древнеиранские верования, ислам, христианство.

В основной своей массе курды – это крестьяне, поденные рабочие, рабочие-нефтяники. Но встречаются среди них и крупные землевладельцы. Курды внесли заметный вклад в историю арабских стран. В Сирии в эпоху Средневековья они активно сражались против крестоносцев, выдвинув из своей среды талантливых военачальников. Один из них – победитель крестоносцев Салах-эд-Дин. Участие курдов в политической жизни оставило заметный след в Новейшей истории таких государств, как Сирия и Ирак.

История курдского народа – это одновременно и история курдского вопроса, который объективно возник еще в средневековую эпоху, когда первые курдские эмираты, появившись на ближневосточной арене, заявили о своем праве на суверенное существование. С тех пор курдский вопрос стал постоянным фактором политической жизни тех государств Западной Азии, в которых обитали курды. С течением времени под влиянием бурных событий, происходивших в регионе, курдский вопрос играл разную роль, менялось его содержание, на первый план выступали разные его ипостаси. Но сердцевину всегда составляла борьба курдского народа за независимость.

Кроме берберов и курдов в арабских странах живут также *европейцы* – в основном потомки миссионеров и колонизаторов, наибольшее количество которых сосредоточено в странах Северной Африки, где имела место сельскохозяйственная колонизация (французы, итальянцы, англичане). После окончания Второй мировой войны там проживало более 1,5 млн европейцев. Значительная их часть выехала из Магриба в 1956 г. после получения Марокко и Тунисом независимости и в 1962 г. по окончании войны в Алжире.

В Марокко и Сомали европейцы составляют около 3% населения. Особенно много европейцев проживает в настоящее время в странах Персидского залива, но они не имеют местного гражданства.

Что касается арабских стран Машрика, то численность европейцев здесь гораздо меньше. В настоящее время индусы и пакистанцы становятся все более многочисленной группой населения в странах Персидского залива.

На Ближнем Востоке (в основном в Ираке, Иордании, Ливане и Сирии) традиционно проживают такие группы населения, как *ассирийцы, армяне, турки, туркмены, черкесы, чеченцы*.

Армяне являются потомками переселенцев и беженцев, покинувших Турцию в годы Первой мировой войны. Осевшие в соседних арабских странах армяне образовали крупные колонии. Так, в Сирии проживает около 170 тысяч армян, которые сконцентрированы преимущественно в городах Алеппо, Дамаск, Хасеке и некоторых других. Есть чисто армянские поселения и в сельской местности. Среди представителей армянской общины много врачей, адвокатов, инженеров, преподавателей, музыкантов. Унаследованные богатые традиции народного искусства и развитый художественный вкус в немалой степени способствовали формированию в их среде высококвалифицированных ремесленников, выпускающих изделия, которые пользуются широким спросом. Армяне проявляют также большую активность в коммерческой области. В городах арабских стран можно встретить немало торговых предприятий и магазинов, которые содержатся армянами. Среди этой национальной группы есть как представители мелкого бизнеса, так и крупные предприниматели в сфере торговли и производства.

Черкесы попали на Ближний Восток непосредственно с Кавказа или через Палестину, куда были переселены турками во второй половине XIX в. Они значительно обособлены от местного населения, ведут замкнутый образ жизни, стремятся к сохранению языка, традиционных обрядов, обычаев и культуры. Смешанные браки с арабами встречаются крайне редко. Для черкесов характерны две важнейшие сферы деятельности – служба в армии и занятие земледелием.

Туркмены проживают преимущественно на границе Турции с Ираком и Сирией. Насчитывают более 30 тысяч человек. Заняты они главным образом в сельском хозяйстве, сфере услуг и отчасти в промышленности.

На аравийском полуострове и в арабских странах Северной Африки проживают различные группы чернокожего населения, переселенные сюда насильно. В сахарских оазисах расселены так называемые потомки белых рабов или харатыни. В Йемене живут потомки эфиопских галло. Эта группа занимается деятельностью, которой пренебрегают коренные жители: они гончары, мясники, уличные певцы.

В Судане сохраняется большое количество потомков *древних африканских племен*, а на юге Йемена (остров Сокотра) сохранились группы племен, которые используют латеральный язык.

Евреи некогда представляли собой одну из крупных этнических общин на территории арабских стран. Так, до Первой мировой войны

население Багдада состояло из евреев на 1/3. При англичанах они занимали высшие государственные должности, такие как министр финансов и др. В настоящее время еврейские общины сохранились только в Северной Африке. В период с 1948 по 1973 гг. арабские страны покинули около 900 тыс. еврейских беженцев.

В настоящее время в Марокко проживает более 4 тыс. евреев, где для них открыты школы, функционируют синагоги, работают кошерные рестораны, дома для престарелых. В 1999 г. в Марракеше состоялся первый съезд Всемирного совета марокканских евреев, а королевский советник – Андрэ Азулай – является видным еврейским деятелем.

В Тунисе проживает около 2 тыс. евреев, где также функционируют школы и синагоги, действует Еврейский комитет Туниса.

В настоящее время только Ирак является федерацией, где вторым официальным языком признан курдский язык; в Алжире признается берберизм наряду с исламом и арабизмом в качестве основных черт алжирского народа.

В 2011 г. по этническому принципу был разделен Судан, южная часть которого (где проживает негроидное население) на протяжении десятилетий вело борьбу за отделение от Северного Судана, населенного арабами.

«Берберский вопрос» в странах Магриба

«Берберский вопрос» в Марокко и Алжире зарождался в целом в одинаковых условиях после достижения этими странами политической независимости, когда главным содержанием лингвистической и культурной политики стала арабизация. В дальнейшем это движение в Алжире радикализировалось, в то время как в Марокко культурно-просветительному движению берберов придали управляемый характер: на берберском языке издаются книги и газеты, вещают радио и телевидение. В этой стране берберские племена исторически являлись главной опорой традиционных структур общества. Однако в первые годы после достижения Марокко независимости (1956 г.) прошли многочисленные мятежи горцев-берберов, которые желали большей самостоятельности и не хотели подчиняться центральной власти, где преобладали арабы. Окончательно власть над племенами была установлена только к 1970 г., но и в 1973 г. были попытки организации партизанской борьбы в некоторых берберских районах.

Опора марокканского трона на берберов в армии и государственном аппарате помогла избежать обострения «берберского» вопроса в этой стране, хотя в официальном плане общепризнанным стал термин «марокканский народ», нивелирующий существование в стране этнических и языковых различий. В новейшее время в Марокко возникло несколько берберских партий: Народное движение (НД), Национальное народное движение (ННД), Партия действия и Берберский фронт, которые поставили основную цель – сохранить самобытность своего народа. Старейшая из этих партий – Народное движение, созданная в 1957 г., входит в проправительственный блок «Вифак».

Следует отметить, что политическая институционализация берберского движения имела в Марокко свои особенности: Народное движение создавалось прежде всего для идейно-политической борьбы с гегемонией единственной на тот момент влиятельной партии крупной арабской буржуазии – Истикляль. Основной целью движения было политическое объединение сельской местности и города. Основатели партии придерживались идеи построения современного общества на основе «чистого» ислама, который позволил бы эмансипировать женщин, решить проблемы землевладения и землепользования.

Монархия по созданию берберских партий преследовала минимум две цели: предотвратить формирование однопартийной системы на базе партии Истикляль, а также внушить берберам чувство полноправного участия в общественно-политической жизни страны. Берберская партия могла бы стать, таким образом, основной традиционалистской политической организацией, которая бы объективно поддерживала существующие общественные структуры и предотвращала неконтролируемые социальные изменения в зонах проживания берберов.

Положение Народного движения в политической системе Марокко отличала определенная двойственность: это была партия традиционно влиятельных в марокканском обществе лиц, чья легитимность опиралась на поддержку крупных землевладельцев. Чувствуя свое привилегированное положение, лидеры партии активно апеллировали к интересам берберов как этнической общности. Однако основная часть берберской политической элиты не была готова к осуществлению четкой, обоснованной и самостоятельной от власти стратегии.

В начале 1990-х гг. в берберском движении в Марокко наступает новый этап, который характеризуется созданием большого числа культурно-просветительных ассоциаций, стремящихся в целом дистанцироваться от политики дворца. Среди них выделилась группа из

шести ассоциаций, подписавших 5 августа 1991 г. Агадирскую хартию (в 2002 г. число участников Хартии уже достигло 130 ассоциаций), которая поставила следующие задачи: внесение в конституцию положения о том, что берберский язык является наряду с арабским вторым национальным языком; введение образования на берберском языке на всех уровнях; право использования берберского языка в средствах массовой информации.

«Берберская проблема» всерьез обеспокоила марокканские власти, которые стали осознавать, что укрепление основ марокканского общества и государства не может произойти без целенаправленных действий по решению данного вопроса. В 1992 г. накануне выборов в местные органы власти Хасан II выдвинул план «регионализации и реальной демократизации», что должно было привести к усилению роли местных органов власти во всех областях общественной жизни. Этот план предусматривал поддержание и в отдельных случаях восстановление родоплеменных связей, важных для стабильности трона. В рамках этого плана осуществлялся процесс образования и укрепления различных коалиций, преимущественно культурного характера, создающихся по этнотерриториальному признаку. А в 1994 г. король, выступая по телевидению, заявил, что берберские диалекты составляют важную часть «самобытной марокканской культуры». А в конце 1994 г. королевским указом была сформирована национальная комиссия по проведению реформы системы образования.

На парламентских выборах 1997 г. берберские партии получили в общей сложности 91 депутатский мандат. Таким образом, в Марокко в середине 1990-х гг. произошла серьезная корректировка курса в отношении берберского движения. Власти исходили, во-первых, из необходимости ослабить рост социального недовольства в стране, в особенности с учетом того, что берберский партикуляризм наиболее отчетливо проявляется в труднодоступных, периферийных районах, которые в силу своей удаленности от экономически благополучных центров туристической и деловой активности Марокко оказываются наиболее обездоленными в экономическом отношении. Во-вторых, учитывая невосприимчивость берберского движения к исламским лозунгам и крайне негативное отношение к исламу в целом, власти получили возможность использовать «берберизм» как фактор определенного противовеса оппозиционным исламским партиям и движениям.

Король Мохаммед VI продолжил политику контролируемого процесса удовлетворения некоторых требований берберских органи-

заций. Важную роль в усилении самосознания берберов сыграл «Берберский манифест», изданный 1 марта 2000 г., основными положениями которого были следующие: вынесение «берберского вопроса» на общенациональное обсуждение; признание за берберским языком статуса «национального официального» средства коммуникации; разработка для наименее развитых бербероговорящих регионов страны конкретных программ «приоритетного экономического развития»; обязательное обучение берберским языкам в образовательных учреждениях различных степеней; изменение школьных программ с целью восстановления целостной картины истории Марокко.

В 2001 г. король объявил о создании королевского института берберской культуры (КИБК), в рамках которого были сформированы шесть исследовательских центров (лингвистический, педагогический, исторический, антропологии и социологии, искусства и литературы, переводов и документации). Важным проявлением этнокультурного самоутверждения берберов стало образованное в 2002 г. Берберское гражданское движение. Эта организация не имеет легального статуса, а ее представители выступают за введение единого берберского языка. Активисты движения критикуют деятельность Королевского института берберской культуры, призывают к бойкоту парламентских выборов и активно сотрудничают с Всемирным конгрессом амазигов, где защищают интересы берберского населения по всему миру. С 2003 г. берберский язык был введен в марокканской начальной школе (его стали преподавать в 300 учебных заведений в различных городских и сельских регионах страны).

В 2006 г. три основные берберские партии – Народное движение, Национальное народное движение и Демократический блок (сформированный в 2001 г.) – объединились под общим названием Народное движение, которое призвало к политической консолидации берберского этнического «компонента». Решение «берберского вопроса» стало, таким образом, символом и синонимом культурной демократизации марокканского общества, толерантности и сплоченности марокканского народа.

Парламентские выборы 2002 г. продемонстрировали возрастающее влияние умеренных исламистов, выразителем интересов которых стала Партия справедливости и развития (ПСР). Неуклонное снижение показателей избирательной активности населения, особенно заметное на выборах 2007 г., отразило общую неудовлетворенность марокканцев политическим курсом правительства, а также не-

доверие к многочисленным партийным организациям (активность населения на этих выборах составила 37%; при этом 19% пришедших на избирательные участки опустили в урны незаполненные бюллетени, выразив таким образом свое негативное отношение к политической элите. Парламентские выборы 2011 г. подтвердили эту тенденцию: при низкой явке населения (около 45%) победу одержала Партия справедливости и развития (ПСР), завоевав 107 парламентских мест из 395. В качестве партнеров ПСР в Палате представителей по правительственной коалиции согласились быть партия Истикляль, берберская партия Народное движение и левая Партия прогресса и социализма. В любом случае ко всем участникам коалиции применимо определение «продворцовые», равно как и к перешедшей в оппозицию партии Социалистический союз народных сил (ССНС). И в этом смысле принципиальных изменений в политической палитре Марокко не произошло, несмотря на формально исламистский парламент и правительство, т.к. реальную исполнительную власть в стране по-прежнему осуществляет дворец.

2 июля 2011 г. на всенародном референдуме в Марокко были одобрены поправки в Конституцию.

Тем не менее государство (в лице монархии) пока сохраняет твердый контроль над экономическими и политическими процессами, оставляя ограниченное пространство для самостоятельной общественной деятельности. Власть опирается на поддержку высших слоев, заинтересованных в сохранении в неизменном виде существующей системы или в ее поэтапном преобразовании. Логика действий элиты сводится к стремлению ограничить «всесилие» королевской власти и одновременно сохранить управляемость политической системы. При этом берберские партии сложно рассматривать в качестве серьезной политической перспективы для реализации прав берберов. Эти партии служат, прежде всего, для монархии «группами давления» на крупные политические силы с целью снижения радикализма требований последний к монархии, объективно способствуют фрагментации политических сил в марокканском обществе и сохранению за королевской властью роли главного субъекта политического процесса и верховного арбитра всех политических сил.

Берберская политика королевской власти представляет собой сложную стратегию, где, с одной стороны, поддерживаются все инициативы представителей берберских организаций в их стремлении

расширить свою деятельность, но с другой – монархия пресекает любые политизированные инициативы лидеров берберских движений.

Что касается Алжира, то наиболее болезненно «берберский вопрос» встал в этой стране в 1990-е гг., хотя его активизация началась в начале 1980-х гг., когда в Париже был образован Фронт освобождения берберских племен в странах Магриба, в который вошли видные политические и общественные деятели берберского происхождения. В своей программе Фронт потребовал создания независимых берберских государств в областях компактного проживания берберов в Марокко, Алжире и Мавритании. Призывы Фронта нашли благодатную почву в Алжире, т.к. в 1980 г. здесь был издан закон «О необходимости лучшего понимания ислама», требовавший обязательного знания арабского языка. В университетах Алжира и Тизи-Узу прошли забастовки и студенческие демонстрации, начались широкие выступления берберского населения, получившие название «берберская весна», началу которой способствовало и опубликование в 1980 г. известным кабийским писателем Мулудом Маммери сборника старинных кабийских поэм. Правительство Алжира, отклонив требование Фронта, заявило, что не допустит расчленения единого государства. Однако президент Шадли Бенджедид (1979–1992) все же вынужден был пойти на некоторые уступки в предоставлении гражданских и политических свобод этому народу и пересмотреть свою непримиримую позицию в отношении их требований. С середины 1982 г. проблемам языка, культуры и фольклора берберов стало уделяться внимание в главных университетах страны. Сказалось, очевидно, и влияние Франции, где была создана Берберская академия. На V съезде правившей в стране партии Фронт национального освобождения (ФНО) в декабре 1983 г. главой государства была официально признана роль берберов как «предков современных алжирцев».

В 1989 г., после того как народные выступления в Алжире подорвали монополию на власть единственной правящей партии ФНО, была принята новая конституция, открывшая путь к многопартийности: возникли сразу две политические партии, претендующие на то, что они выражают взгляды народа Кабилии. Первая партия – Объединение за культуру и демократию (ОКД) – была создана на базе берберского движения за культурную автономию. ОКД выдвинула свою программу действий, главными пунктами которой были: полное признание берберского языка и берберской культуры, отделение религии от государства, свобода совести и выражения мнений, полное и

подлинное равноправие женщин. В социальном плане движение стало выразителем интересов франкоязычной крупной кабийской буржуазии и ее представителей в средних и высших эшелонах административно-управленческого аппарата (имея более высокий образовательный уровень по сравнению с арабской буржуазией, и в настоящее время кабийская буржуазия удерживает прочные позиции в экономической сфере, особенно в торгово-посреднических операциях).

Второе движение, отстаивающее интересы алжирских берберов, ведет свою историю от вооруженного кабийского сопротивления, начатого в 1963 г. Это Фронт социалистических сил (ФСС), который в 1989 г. вышел из подполья, где вынужден был действовать весь период независимого развития Алжира. Представителем этой партии стал ветеран национально-освободительной борьбы алжирского народа Хосин Аит Ахмед, вернувшийся в Алжир после 23 лет, проведенных в эмиграции.

Эти две партии на общественно-политическом уровне стали политической основой и идеологическим инструментом берберского национального движения в Алжире. Они выдвигали требования скорейшего решения социально-экономических проблем берберских провинций, нерешенность которых приводила к многочисленным демонстрациям и противостоянию официальным местным властям. Партии выступали за светское устройство алжирской государственности и строгий запрет использования религии в политических целях. А уже в ходе первого тура выборов в Национальное народное собрание (парламент) в декабре 1991 г. (впервые за всю историю независимого Алжира проводившихся на многопартийной основе) ФСС добился значительного успеха, завоевав 25 мест в парламента (собрав 7,4% голосов избирателей) и заняв в нем второе место, уступив лишь фундаменталистской партии Исламский фронт спасения (ИФС), завоевавшей 188 мест. ОКД набрало 2,9% и не провело своих представителей в парламент, что тем не менее рассматривалось как огромный успех этой партии с учетом того, что места в парламента оспаривали 49 партий.

После военного переворота 1992 г. возглавить временный орган военного руководства – Высший государственный совет (ВГС) – было поручено находившемуся в тот момент в соседнем Марокко Мухаммеду Будиафу, который был выходцем из обедневшей семьи влиятельных берберских аристократов.

С января 1992 г. Алжир жил в условиях чрезвычайного положения и непрекращающейся гражданской войны между силами правопорядка и исламскими экстремистами. Разжиганию ненависти среди алжирцев способствовало, несомненно, систематическое истребление исламистами представителей алжирской интеллигенции французской школы, среди которых большинство были кабилами.

В ходе дальнейших кровопролитных событий Кабилия стала представлять, по сути, непокоренную территорию, население которой, с одной стороны, борется за широкую автономию, придание берберскому языку статуса официального, равноправие с арабами, но с другой – является форпостом борьбы с исламским экстремизмом. В этот период возникли первые вооруженные группировки в рамках берберских организаций и были созданы т.н. отряды самообороны, которые начали самостоятельно охранять населенные пункты и промышленные объекты от нападений боевиков.

Размах берберского движения привел к тому, что в новой Конституции Алжира (одобренной на всенародном референдуме 28 ноября 1996 г.) впервые за всю историю его независимого развития «берберизм» был признан одной из основ алжирского общества наряду с «арабизмом» и «исламом», что в целом создавало юридическую базу для восстановления прав берберского народа. С 1995 г. амазиг начали изучать в экспериментальном порядке в некоторых школах. Более того, для решения проблем национального меньшинства при президенте республики был создан Верховный комиссариат по делам амазиг.

В конце 1990-х гг. значительно усилилось влияние берберских партий на политическую и общественную жизнь Алжира. И хотя к выборам в Национальное народное собрание (ННС), которые состоялись 5 июня 1997 г., партия ФСС подошла более ослабленной (по сравнению с предыдущими выборами) в результате внутренней борьбы, тем не менее заняла пятое место, получив 4,4% голосов и 19 мест в парламенте; практически столько же (4,2% и 19 мест) набрала партия ОКД, традиционно выступающая сторонником создания в Алжире светского государства.

5 июля 1998 г. в Алжире вступил в силу закон о всеобщем использовании арабского языка, который предоставил арабскому языку исключительный статус. Он предписывает обязательное его использование во всех сферах не только государственно-политической, но и общественной жизни и предусматривает строгие штрафные санкции для нарушителей. Закон был введен под давлением консервативно-

исламских кругов, несмотря на предупреждения берберских организаций о том, что он может придать новый виток политической нестабильности в Алжире. Всемирный конгресс амазиг (ВКА) охарактеризовал этот закон как «антидемократический», который «направлен на ускорение процесса арабизации и окончательное подавление берберского языка, на подрыв культурной идентичности берберов».

Принятие закона встретило резкое сопротивление со стороны всех берберских организаций внутри страны. В районах Тизи-Узу и Беджая, где наиболее компактно проживают берберы, начались массовые выступления, в ходе которых манифестанты громили государственные учреждения и срывали вывески на арабском языке под лозунгами «В Алжире не будет мира без берберского языка».

В результате этих событий началась быстрая радикализация берберских движений. Активисты Вооруженного берберского движения (ВБД) и Альянса за свободную Кабилию выступили с открытыми угрозами физического уничтожения тех, кто попытается применить закон об использовании арабского языка на практике, и призвали берберов к бойкоту всех государственных учреждений.

Чтобы разрядить обстановку, власти Алжира были вынуждены пойти на уступки. В сентябре 1998 г. было объявлено о принятии ряда мер, направленных на развитие системы обучения в школах берберскому языку. К этой работе были дополнительно привлечены более 200 преподавателей берберского языка, а также было решено создать при Национальном институте исследований в сфере образования специальное подразделение, которое занялось бы научными изысканиями в сфере не только берберского языка, но и культуры берберов в целом. Приоритет при этом отдавался созданию Большого словаря берберского языка. При национальной комиссии школьных программ была создана специальная структура, которая занялась разработкой программ изучения тамазиг и преподавания различных предметов на берберском языке; было объявлено о решении подготовить первый в Алжире учебник, полностью изданный на тамазиг. Кроме того, решено было устранить ряд административных препятствий, мешавших процессу преподавания берберского языка, одно из которых было связано с тем, что сами преподаватели не получили специальной педагогической подготовки и поэтому формально не могли пользоваться статусом учителя. Однако принятые меры не способствовали стабилизации ситуации в берберских районах, поэтому волнения продолжались и достигли кульминации весной и летом 2001 г., когда в

ходе подавления массовых волнений кабилы власти применили силу (по официальным данным погибли 60 человек).

Разочаровавшись в деятельности проберберских официальных партий, которые в значительной степени потеряли влияние и авторитет среди берберов, кабила сделала выразителем своих интересов Координационный совет деревенских комитетов Кабилии (КСДКК), представлявший собой неформальную структуру, в которой заявлены все населенные пункты проживания алжирских берберов. Несмотря на внутренние противоречия, связанные с борьбой мнений о путях развития берберского движения, Совет стал оказывать реальное и постоянно возрастающее давление на центральные власти. После расстрела антиправительственной кабийской демонстрации Координационный совет предъявил руководству Алжира список своих требований из 15 пунктов, получивший название «Эль-Ксарская программа», в которой содержались требования придать статус официального наравне с арабским берберскому языку, вывести армейские подразделения центральных властей из Кабилии, разработать и принять срочный план социально-экономического развития этого региона, гарантировать все демократические свободы.

Эти события получили широкий резонанс как в Алжире, так и за его пределами. Чтобы успокоить общественное мнение, президент Абдельазиз Бутефлика создал комиссию для расследования обстоятельств этого происшествия. Однако выводы комиссии, которые обвинили в случившемся официальные силовые структуры, еще больше накалили обстановку. Обострились отношения между светскими и религиозными партиями при обсуждении берберской проблемы в парламенте, что способствовало консолидации различных исламских партий на антиберберской основе под лозунгом защиты «ислама и арабизма».

Лавирование алжирского руководства при решении берберской проблемы, которое пыталось отсрочить реализацию данных обещаний по выполнению требований, подтолкнуло кабилы ужесточить свои требования, они заявили о намерении добиваться широкой автономии Кабилии. Часть руководства Координационного совета создало Движение за автономию Кабилии (ДАК), которое поставило целью разработать механизмы достижения политической автономии не только Кабилии (провинции Тизи-Узу и Бедгисия), но и других мест компактного проживания берберского населения (некоторые районы из провинций Бемердес, Джиджелли, Сетиф и др.) Кабилия намерена в соответствии с численностью населения вносить свой вклад в на-

циональный бюджет, но в то же время надеется получать от центрального правительства свою долю от доходов, приносимых экспортом углеводов. В период возобновившихся в декабре 2001 г. кабийских волнений, которые совпали с пребыванием Абдельазиза Бетфлики в Брюсселе, Всемирный конгресс амазиг призвал европейскую комиссию не парафировать соглашение об ассоциации между Евросоюзом и Алжиром, обвинив алжирские власти в нарушении прав человека, что является одним из основных препятствий при вступлении в Европейский союз.

Иракский Курдистан и проблема Киркука

Становление Ирака как государства и развитие иракского общества в новейшее время проходило под воздействием разнородных по своему содержанию внутренних и внешних факторов, к числу которых относятся, прежде всего, природно-географическое положение, историческое и социально-экономическое развитие территорий, образующих нынешнее государство, а также само иракское общество, которое имеет очень сложную и неоднородную структуру. Оно формировалось после политической консолидации страны под британским мандатом (тогда впервые была создана четкая административная система управления, разделившая страну на провинции, во главе которых стоял губернатор, а провинции – на более мелкие единицы – округа) из совершенно разнородных этнических, религиозных, племенных и локальных сообществ, из которых Ирак был собран после распада Османской империи. Вопрос о взаимоотношениях отдельных провинций страны с центральными органами власти оставался одним из важнейших вопросов периода независимого развития этой страны, при этом проблема автономии Курдского района и реализация прав курдского населения всегда занимали центральное место. Связано это было, прежде всего, с тем значением, которое эта провинция имела для нефтяной промышленности Ирака: из общего объема доказанных запасов Ирака (143 млрд баррелей) Курдистан располагает (по разным данным) примерно 45 млрд.

Конституция 1958 г. впервые уравнила в правах курдов и арабов и декларировала осуществление «национальных чаяний курдского народа» в рамках единого государства, а также ликвидировала «позорное наследие прошлого – национальную дискриминацию, которая поддерживалась империалистами». Арабо-курдское единство в этот пери-

од времени рассматривалось в качестве краеугольного камня государства, а удовлетворение национальных требований курдов – как одна из главных проблем страны. Были приняты и некоторые практические шаги, направленные на ее решение: в частности, после победы революции руководители курдского освободительного движения получили возможность вернуться на родину. Руководитель курдского восстания в годы второй мировой войны Мустафа Барзани указывал, что «временная конституция, гарантирующая равные права арабам и курдам, открывает широкие перспективы для сплочения народов Ирака, предусматривает необходимые условия для создания демократического общества, исполненного духом взаимного сотрудничества, доверия и дружбы». В административные органы Мосула, Киркука, Эрбиля и Сулеймании вошли представители курдского народа. Министры-курды были и в составе центрального правительства, а курд Халед Накшбанди даже возглавил Государственный совет, осуществлявший функции коллективного президента республики. С возвращением на родину председателя Демократической партии Курдистана М. Барзани и его соратников значительно возросло влияние этой партии, которая в декабре 1958 г. вошла во Фронт национального единства.

Конституция 1964 г. также утверждала национальные права курдов, но «внутри иракского народа путем создания объединенного национального братства».

С приходом к власти Саддама Хусейна (в 1974 г., когда он фактически заменил заболевшего президента аль-Бакра, а в 1979 г. – официально) начинается постепенный отход от генеральной идеи развития Ирака в рамках панарабского национализма к идее т.н. «месопотамской и иракской идентичности», охватывающей всех иракцев, включая неарабов и немусульман. Правящая Партия арабского социалистического возрождения (ПАСВ) создала и оформила юридически такую политическую систему общества, которая способствовала установлению прочной и эффективной вертикали государственной власти и созданию единого партийно-государственного механизма, функционировавшего до 2003 года, ядром которого стал суннитский клан.

11 марта 1974 г. решением Совета Революционного Командования (СРК) был принят Закон «Об автономии Курдистана», который объявлял о создании Курдского автономного района (КАР) с центром в г. Эрбиль. Автономия осуществлялась в рамках Иракской Республики и ограничивалась тремя провинциями: Эрбиль, Дохук и Сулеймания. Киркук и другие нефтяные районы этногеографического Южного

Курдитсна не были включены в административные границы КАР. Выступая с объявлением о принятии закона о создании Курдского автономного района, президент Ирака Саддам Хусейн отмечал, что «Киркук – это губернаторство с рядом национальностей», поэтому оно должно иметь «смешанную администрацию и быть связано со столицей», однако это предложение было отвергнуто курдской стороной.

На территории КАР курдам гарантировались все гражданские права и политические свободы, курдский язык признавался официальным наравне с арабским. С тех пор Курдский автономный район считался «единой административной единицей на правах автономии в рамках правового и экономического единства Иракской Республики». Для управления автономным районом предусматривалось создать органы законодательной, исполнительной и судебной власти с ограниченными полномочиями: Законодательный совет, Исполнительный совет, суды КАР. Закон вводил в центральном правительстве должность государственного министра по делам севера, который должен был утверждать все решения органов власти КАР.

Этот закон был негативно воспринят М. Барзани, т.к. Киркук остался за рамками этой автономии и уже происходило принудительное выселение курдских семей и замена их иракскими арабами в районе Киркука. Тогда Мустафа Барзани провозгласил Куркук столицей будущей курдской автономии. «Киркук – курдский город, и он останется курдским, даже если в нем не будет ни одного курда», – говорил он. Киркукская нефть является для курдов не просто символом богатства Курдистана, способного стать основой его экономической мощи, но также «атрибутом и катализатором осуществления мечты о государственности курдов, кислородом национально-освободительной войны». Киркук – один из древнейших городов мира. Киркукский район (расположенный между Загросом на северо-востоке и Тигром на западе, ограниченный горами Хамрин с юга и рекой Дияла с юго-запада) в эпоху Сасанидов называли Гармаканом («теплый край»), через него проходили традиционные торговые пути. Этот район считается одним из основных центров этногенеза курдов и самой экономически развитой частью этнического Курдистана.

Огромные запасы нефти в иракском Курдистане предопределили политику центральной власти на арабизацию этих территорий и ее категорический отказ включить нефтяные районы в административные границы курдской автономии. Наиболее активно политика арабизации начала проводиться в 1960–1970-х гг. После баасистского

переворота 1963 г. началось разрушение деревень вокруг Киркука, курды в массовом порядке переселялись (особенно из районов нефтяных месторождений), их увольняли из нефтяных компаний или переводили на работу за пределы Киркука, а их места занимали арабы.

На переговорах между курдами и Багдадом при выработке основных принципов урегулирования курдской проблемы вопрос об административной принадлежности Киркука был отложен на будущее. В соглашении от 11 марта 1970 г. о спорных территориях ничего не говорилось. Вопрос о Киркуке должен был быть решен на основе результатов переписи населения и выявления национального состава киркукской провинции, в связи с чем курды настаивали на необходимости «вернуть курдов и арабов на их прежние места жительства». Центральное правительство согласилось с этим требованием, однако в начале 1971 г. Мустафа Барзани обвинил Багдад в продолжении политики насильственного переселения курдов из Киркука.

В 1975 г. вспыхнула война между курдами и иракским правительством, после которой активно стала проводиться политика декурдизации Киркука. По некоторым подсчетам, между 1963 и 1988 гг. в районе Киркука было уничтожено 779 курдских деревень, 493 начальных школы, 598 мечетей, 40 медицинских клиник; в целом было изгнано 37726 курдских семей, т.е. около 200 тыс. человек, а в самом Киркуке были уволены все курдские служащие государственных компаний (прежде всего, главной компании города – Северной национальной нефтяной компании).

В процессе арабизации Киркука большую роль сыграл и Киркукский ирригационный проект, когда на орошаемые к юго-западу земли от Киркука (исторически используемые кочевыми курдскими племенами в качестве пастбищ) началось переселение арабского племени аль-Обейд. В 1960-х гг. созданные этими арабскими переселенцами иррегулярные военизированные отряды вместе с проправительственным курдским ополчением активно участвовали в репрессивных операциях иракских войск против прилегающих курдских деревень и районов. Киркук был превращен в важнейший баасистский плацдарм: здесь располагалось северное бюро Партии арабского социалистического возрождения (ПАСВ), а сами районы Южного Курдистана стали одним из важнейших промышленно-экономических центров страны (в Мосуле и Киркуке сконцентрировался иракский военно-промышленный комплекс).

Во время ирано-иракской войны 1980–1988 гг., учитывая огромное значение южнокурдистанской нефти для иракской военной экономики, сделавшей Киркук одной из главных мишеней Ирана, курдские военно-политические силы получали от него военную помощь в обмен на сотрудничество с иранскими войсками в военных операциях в Киркуке. В дальнейшем эта помощь послужила поводом для карательных операций Багдада против курдов.

Тем не менее курды не демонстрировали своего стремления отделиться от Ирака. Важно отметить, что вопрос об отделении не возникал и тогда, когда Багдад был ослаблен и не мог оказать решительного сопротивления, в частности после установления в 1991 г. решением СБ ООН «Зоны безопасности» (из которой были полностью выведены иракские войска) севернее 36 параллели. Под контроль Фронта иракского Курдистана перешли находящиеся к югу от 36-й параллели значительная часть провинции Сулеймания и часть провинции Эрбиль, а под контролем центрального правительства оставались провинции Найнава, Киркук и Ханекин.

В результате этого прошли первые выборы в Национальный совет курдского автономного района, было сформировано правительство, но все это происходило под лозунгом предоставления Курдистану полной автономии. При этом во время начавшихся в Багдаде переговоров с Саддамом Хусейном (весной 1991 г.), Д. Талабани заявлял, что «курдские оппозиционные партии больше не рассматривают Киркук как интегральную часть Курдистана»; ему вторил и М. Барзани, который на переговорах с центральным правительством также заявлял, что Киркук должен оставаться под юрисдикцией центральных властей.

Со второй половины 1970-х гг. в Курдистане существовали две силы – Демократическая партия Курдистана (ДПК) во главе с сыном Барзани Масудом и Патриотический союз Курдистана (ПСК), созданный Джалалем Талабани. До середины 1990-х гг. не произошло сближение этих сил, хотя этому должна была бы способствовать ирано-иракская война. Более того, в начале 1980-х гг. начались ожесточенные столкновения между вооруженными отрядами ДПК и ПСК. Только после серьезных поражений курдов от иракской армии они вступили в переговоры, поделив в 1992 г. поровну места в курдском парламенте, и создали «коалиционное правительство». Но это не привело к прекращению борьбы между двумя курдскими объединениями. Не помог и организованный США в 1998 г. приезд Масуда Барза-

ни и Джаляля Талабани в Вашингтон и заключенное между ними соглашение (США были заинтересованы в сильном Курдистане в качестве противовеса Багдаду). До 2002 г. фактически существовали два правительства в Иракском Курдистане, и только в конце 2002 г. удалось сформировать единое правительство.

Тем не менее уже в конце 1990-х гг. курдские политические силы начали активно поднимать проблему арабизации Киркука. В конце 1999 г. председатель Высшего совета депортированных в Курдистане Джалал Джавхар заявлял об интенсификации политики арабизации и выселения курдов и других этнических групп из Киркука и других мест. По состоянию на конец 2000 г. общее количество внутренне перемещенных лиц в Курдистане, по данным ООН, составляло 850 тыс. человек (23% населения региона). При этом парламент Курдистана в Эрбиле неоднократно обращался к генсеку ООН Кофи Аннанду с просьбой расширить «зону безопасности» на остающиеся под контролем Багдада 46% территории Иракского Курдистана.

Глава ПСК Д. Талабани неоднократно заявлял, что отношения с Багдадом «заморожены» главным образом из-за политики этнических чисток на курдских территориях, находящихся под контролем центрального правительства. При этом лидер ПСК подчеркивал также, что никакие переговоры с иракским правительством невозможны до тех пор, пока не будет решен вопрос о принадлежности Киркука. В ответ на призыв Саддама Хусейна «к диалогу» ДПК и ПСК в совместном коммюнике от 26 июля 2001 г. заявили, что всегда поддерживали проведение переговоров с центральным правительством, но меры по установлению доверия должны включать в себя, прежде всего, «прекращение всех этнических чисток коренного населения в районах, находящихся под контролем центрального правительства – в Киркуке, Ханекине, Шейхане и др.».

В период подготовки к смене режима в Ираке курдские лидеры начали активно напоминать о важнейшем значении Киркука для курдов и о необходимости включения его в границы курдской администрации. Летом 2002 г. курдским региональным правительством в Эрбиле был обнародован проект конституции Иракского Курдистана, по которому столицей этого региона должен был стать Киркук. В соответствии со статьей 2 этого конституционного проекта, регион Курдистан включал в себя провинции Киркук, Сулеймания и Эрбиль в их административных границах 1970 г., а также провинцию Дохук с округами Акра, Шейхан, Синджар, субокруг Зимар в провинции Найна-

ва, округа Ханекин и Мандали в провинции Дияла и округ Бадра в провинции аль-Васит.

Военная операция 2003 г. привнесла в курдское движение определенные сепаратистские настроения. В марте 2004 г. в городе Салах эд-Дин состоялась организованная двумя основными курдскими силами конференция по вопросам общекурдского примирения. Курды стали основной опорой американской политики по созданию временного правительства в Багдаде и выработке новой конституции. В том же году курды собрали и направили в ООН 1,7 млн подписей в поддержку референдума о самостоятельности Курдистана. Одновременно росло недовольство арабского населения Ирака той ролью, которую начали играть курды в общеиракском политическом процессе. Парламент, избранный в 2006 г., назначил нового президента, которым стал Джаляль Талабани. Наряду с этим состоялась договоренность, что главой иракского Курдистана станет Масуд Барзани.

Новый этап политико-правового развития Ирака начался 15 октября 2005 г.: правовые основы государственного строя были закреплены новой постоянной конституцией, одобренной в ходе всеобщего референдума. Одной из основных характерных черт этой конституции и ее особенностью является провозглашение Ирака федеративным государством и предоставление крайне широких полномочий регионам при довольно гибком порядке изменения самой федеративной структуры. Основным закон разрешает регионам включать в себя одну или несколько провинций, а несколько регионов могут объединяться в один регион, при этом одна или несколько провинций могут быть преобразованы в регион как наиболее значимый субъект федерации. При этом регионы обладают своей собственной системой государственных органов и региональной конституцией. На момент принятия Основного закона Курдистан и его органы государственной власти были признаны в качестве федерального округа.

Таким образом, новая конституция Ирака фактически способствовала политизации общинного партикуляризма, заложив юридическую базу федеративного децентрализованного государства.

Важным шагом в становлении политической системы Ирака стали выборы в парламент иракского Курдистана, которые состоялись 25 июля 2009 г. и завершились победой правящего альянса, сформированного двумя крупнейшими курдскими партиями – Демократической партией Курдистана (ДПК) и Патриотическим союзом Курдистана (ПСК). Этот союз заручился поддержкой 57% избирате-

лей. Предвыборная ситуация в Курдистане характеризовалась большой напряженностью, однако важно отметить, что ни одна партия или коалиция, участвовавшие в выборах, не выдвигали лозунга полной независимости Курдистана. Президент Курдистана М. Барзани в июле того же года был переизбран на новый срок.

Тем не менее начало процесса создания реальной курдской автономии еще не означало решения курдской проблемы. Продолжали сохраняться внутренние политические противоречия, связанные с многолетней историей конфронтации двух партий и их руководителей: Демократической партии Курдистана (ДПК) под руководством Масуда Барзани и Патриотического союза Курдистана (ПСК) возглавляемого нынешним президентом Ирака Джалялем Талабани. Принципиальные разногласия между ними до конца так и не были преодолены: ДПК продолжало контролировать горные районы (провинции Эрбиль и Дохук), ПСК – равнинную часть Курдистана (провинцию Сулеймания). У обоих лидеров были независимые друг от друга вооруженные формирования. А создание перед выборами 2005 г. объединенного Демократического патриотического союза Курдистана (ДПСК) было скорее тактическим шагом, позволившим курдам получить 76 мест в высшем законодательном органе Ирака (на выборах 2010 г. курды завоевали 43 депутатских мандата), но отнюдь не говорило о преодолении многолетних разногласий и вражды.

На фоне этих противоречий была образована оппозиционная группировка «Горан» (завоевавшая на выборах 2009 г. в курдский парламент 25 мест), представившая свой проект политических и экономических реформ.

Волнения, начавшиеся в январе 2011 г. и прокатившиеся по арабским странам, затронули и Курдистан: в феврале в г. Сулеймания прошел митинг, где одним из главных требований демонстрантов было покончить с безработицей и коррупцией, а также требование проведения экономических и социальных реформ. Толпа молодых людей даже предприняла попытку взять штурмом здание местного правительства и разгромила офисы оппозиционной партии Горан в городах Эрбиль и Дохук. Ответом на эти события стало создание в системе власти новой структуры: «Офиса управления и честности», который должен контролировать поведение государственных служащих, публиковать отчеты о доходах должностных лиц и сформировать комитет по поиску коррупции. Это говорит о том, что важной проблемой

курдской государственности является коррупция и семейственность в рядах исторических курдских партий.

Наконец, одной из важнейших политических проблем является отношение Курдистана с иракским центром, который, в свою очередь, остается неустойчивым и уязвимым под давлением амбиций этнических и конфессиональных кланов и сообществ, укрепивших свои позиции в ходе оккупации. Арабо-курдские отношения в современном Ираке рассматриваются сегодня как одна из главных угроз безопасности страны в условиях суннито-шиитского противостояния.

Между тем в июне 2009 г. правительство Курдистана одобрило проект новой региональной конституции, согласно которому Киркук был включен в состав автономного курдского района. Этот шаг еще более осложнил отношения с Багдадом, который заинтересован в интеграции Киркука в иракскую экономику. Против присоединения Киркука к курдской автономии категорически выступают арабы, туркмены, а также Турция, которая в настоящее время позиционирует себя как региональная держава и ведет борьбу с любыми проявлениями курдского национализма, которые могут способствовать дезинтеграции турецкого государства. Присоединение Киркука к курдскому району будет означать усиление экономической самостоятельности и территориальную самодостаточность Иракского Курдистана, чего не может допустить Турция, которая на протяжении всего периода (с середины 1920-х гг. до 1991 г.) вынуждена была мириться с потерей Мосульского вилайета.

Спор вокруг Киркука ведется на фоне неутихающих дебатов относительно независимости Курдистана, усилившихся в ходе т.н. «арабской весны» 2011 г. В марте 2012 г. президент Иракского Курдистана Масуд Барзани подверг резкой критике деятельность центрального правительства Ирака и заявил, что «радость провозглашения независимости Курдистана не за горами, но это будет сделано в подходящее для курдов время». Следует в этой связи принимать во внимание, что район Курдистана, обладая по Конституции самыми широкими полномочиями, уже обладает многими атрибутами государственности (собственная Конституция и региональное законодательство, органы государственной власти, вооруженные силы, внешнеэкономические и политические связи, гимн и флаг).

Однако проблема Киркука не может быть разрешена в ближайшем будущем и в дальнейшем будет продолжать оставаться еще одним фактором политической дестабилизации в Ираке.

Этническое многообразие и политические проблемы Судана

Судан – одна из самых сложных в этническом отношении арабских стран, где уже много десятилетий продолжаются острые межэтнические конфликты и внутренняя война. Причины сложности этнического состава страны уходят глубоко в историю. Многочисленные миграционные потоки еще за несколько тысячелетий до нашей эры положили начало расовому и лингвистическому смешению народов Судана, который условно можно разделить на северный и южный. Для северного Судана характерны семито-хамитские языки, для южного – нило-сахарские. Кроме того, в Судане представлена и еще одна языковая семья – нигеро-кордофанская.

Судан одновременно принадлежит к трем регионам: арабскому миру (исламской цивилизации), Северо-Восточной Африке и Тропической Африке и имеет богатейшую четырехтысячелетнюю историю. Поэтому традиционная культура арабо-суданцев обладает как общеарабскими, так и африканскими чертами, подчеркивающими ее глубокое родство с другими культурами суданского пояса и Северо-Восточной Африки, а исламская религия (свыше 70% населения мусульмане-сунниты) сосуществует в Судане наряду с христианством и традиционными африканскими религиями и культурами (около 30% населения).

Крупнейший этнос Судана – арабо-суданцы, населяющие в основном север страны и составляющие свыше половины всего населения. Это один из самых молодых этносов в арабском мире, который складывался из арабов Аравийского полуострова и Египта, проникавших сюда с конца VIII в., различных местных этносов и темнокожих рабов. Важными этапами этнической интеграции арабо-суданцев в народность в XIX в. стали завоевание Судана турками, восстание махдистов и развитие независимого махдистского государства, а с конца XIX в. – становление и развитие колониального общества в рамках кондоминиума, Англо-Египетского Судана. Арабо-суданцы, в свою очередь, делятся на горожан, крестьян-земледельцев и бедуинов-скотоводов (однако между собственно крестьянином и бедуином издавна существует целый ряд промежуточных форм, таких как полуоседлый земледелец, оседлый земледелец – член бедуинского племени, краткосрочный арендатор участка земли, сельскохозяйственный рабочий и т.д.); на племена и конфедерации племен; последователей разных тарикатов (исламских духовных орденов, или суфийских

братств). Деление на племена наиболее ярко выражено у бедуинов. Крупнейшие конфедерации племен – баггара, джаали, шаигия, руфаа, хасания – насчитывают сотни тысяч и даже миллионы человек, а возникшие на их основе этнографические группы имеют ярко выраженные особенности хозяйственного быта и собственных обычаев.

Вторая по численности этническая общность северного и центрального Судана – нубийцы, центральное место среди которых занимают данагла (ок. 2 млн человек), а также родственные им фадиджа, махас и др. Нубийские этносы делятся на нильских нубийцев и горных нубийцев. Кроме этого, в районах Кордофана и Дарфура проживает еще несколько десятков более мелких этносов, наиболее развиты из которых тегали и фор. Такая же сложная этническая ситуация и в провинции Голубой Нил, где проживают многочисленные малые народности, исламизация которых началась еще в XIX в., но до сих пор не завершилась.

Особое место в этнокультурной системе Судана принадлежит беджа – одной из крупных народностей этой страны (ок. 1,6 млн человек). Этот кушитский народ еще в древности заселил широкую полосу Красноморского побережья Судана вместе с примыкающими к ней районами Египта и Эритреи. Кроме этих основных народностей, на западе страны проживают переселенцы из Чада и Центральной Африки, а в среднем поясе Судана вплоть до границы с Эфиопией – из стран Западной Африки (так называемые текрури).

Этнический состав южных провинций резко отличается от северных и центральных провинций. Южносуданское население говорит на 70 различных языках. Большую часть этих территорий занимают нилотские и близкие к ним народы, крупнейшие из которых – динка (ок. 3 млн человек) и нуэры (ок. 1 млн человек). Традиционное занятие представителей этих народностей – полuosедлое скотоводство и земледелие. Кроме этого, на крайнем юго-западе Судана проживают народности, значительно отличающиеся и от нилотов, и от арабо-суданцев, крупнейшая из которых – занде, занимающаяся ручным земледелием.

В XIX в. лишь выходцы из южного Судана, главным образом динка, получали образование и приобретали профессии в городах. Это положение мало изменилось и в начале XX в. Наиболее традиционные представители интеллектуальной элиты южных суданцев – школьные учителя, духовные лица, чиновники, а также политрабoтники повстанческих сил. Некоторые из них получили образование за границей. Со-

храняя, как правило, связь с сельскими общинами и племенами, горожане-нилоты имеют более современное самосознание.

Суданское общество сохраняет свое традиционное племенное деление (в настоящее время здесь насчитывается 572 племени). Огромное значение не только в религиозной, но и политической жизни страны имеют тарикаты (мусульманские духовные ордены). Крупнейшие из них – Ансарийя (объединяет последователей Махди – вождя национально-освободительного восстания в Судане против англо-турецкого господства – в Кордофане (1848–1885), Дарфуре, Омдурмане и верховьях Нила) и Хатмийя, основателем которого был шериф Мухаммед Осман аль-Миргани (1793–1853), влияние которого наиболее сильно на востоке и севере Судана. В Хатмийи духовные вожди из рода Миргани являются одновременно факихами (правоведами), муаллимами (толкователями Корана) и факырами (наставниками в области мистики). Центральное место в учении мирганийцев – требование полной преданности своим наставникам и главам ордена как условие обретения ими святости и попадания в рай. Наследственные руководители Ансарийи принадлежат к роду Аль-Махди.

Политическое соперничество между двумя орденами началось еще в период турецко-египетского завоевания. Хатмийя был единственным суфийским орденом, который находился под покровительством египетских властей, которые в обмен на его лояльность оказывали ему материальную поддержку и способствовали распространению его влияния в Судане, орден Ансарийя был настроен традиционно антиегипетски. Вся последующая борьба между двумя тарикатами, которые сформировали собственные политические партии и движения, носила политический характер и велась за влияние и власть в стране. Другие тарикаты, которых около двух десятков (Кадирийя, Самманийя, Индирийя и др.), имеют значительно меньшее влияние.

Многочисленными направлениями представлена и христианская церковь (римско-католическая, восточнокатолическая, восточнохристианская, протестантская, лютеранская и др.), влияние которой ощутимо на юге страны. Кроме ислама и христианства у нилотов до настоящего времени широко распространены местные традиционные культы (культ крупного рогатого скота, например); по всему суданскому югу распространены жрецы разных категорий: заклинатели дождя, колдуны, жрецы-знахари и т.д.

Судан пережил долгий колониальный период, который отразился в дальнейшем на общественно-политической культуре, политиче-

ских движениях, идеологии и т.д. Первые политические партии, сформированные при посредничестве англичан на территориально-племенной основе, возникли в годы Второй мировой войны. Так, в 1943 г. была создана партия Аль-Ашикка (Братья), переименованная в 1953 г. в Национально-юнионистскую партию (НЮП). Эта партия суданской национальной буржуазии и помещиков являлась политической организацией ордена Аль-Хатмия, поддерживаемого монархией, а затем и республиканским правительством Египта, и выдвинула лозунг «Единства долины Нила», что предполагало возможность объединения Судана и Египта под египетской короной. Эта партия пользовалась большим влиянием среди мелкобуржуазных слоев и крестьян-арендаторов центральных и северных провинций страны. В 1945 г. при содействии британских властей была создана другая партия феодалов и компрадорской буржуазии – Аль-Умма (Нация), базировавшаяся на ордене Аль-Ансар, которая распространила свое влияние на кочевые и полуседлые племена отсталых провинций Дарфур и Кордофан. Лозунг Аль-Уммы «Судан для суданцев» был направлен против сближения Судана с Египтом и прикрывал фактическое сотрудничество ее руководства с британской администрацией. Партия пропагандировала постепенное движение Судана к независимости под руководством колониальных властей, но решительно подавляла революционные выступления народа.

Судан – одна из самых бедных арабских стран, которая входит в судано-сахарский «пояс бедности», а нерешенность проблемы юга привела к фактической политической и социально-экономической дихотомии, которая стала доминантой внутривнутриполитического развития Судана с момента обретения независимости в 1956 г. Конфликт на юге Судана берет свое начало в 1955 г., когда за несколько месяцев до провозглашения независимости Судана произошел мятеж военного гарнизона в г. Торит Экваториальной провинции в южной части страны. Солдаты-южане из гарнизона отказались выполнить приказ командования о переводе их на север страны. Выступление охватило затем все три южные провинции региона. Начавшаяся за полтора года до официального провозглашения независимости Судана суданизация государственного аппарата, призванная заменить английских и египетских служащих, для юга вылилась в насильственную арабизацию.

Ошибки северосуданских политиков еще до провозглашения независимости страны разжигали сепаратистские настроения среди южносуданской общественности, расширяли антисеверную пропа-

ганду на юге (юг занимает 1/3 площади Судана, там проживает большинство всех жителей страны, среди которых 4,5 млн – последователи традиционных африканских культов и 1,5 млн христиан). В первой временной Конституции 1956 г., провозгласившей Судан унитарной демократической республикой, не были учтены требования представителей юга о местном самоуправлении. Положение на юге Судана особенно обострилось в годы правления генерала Ибрагима Аббуда, пришедшего к власти в результате военного переворота в ноябре 1958 г. С этого времени значительно усилились колонизация юга северосуданской буржуазией и помещиками, насильственная арабизация и исламизация населения. Арабы – переселенцы с севера – скупали у вождей племен землю, а нередко и захватывали ее, после чего создавали на ней плантации. В национализированных школах христианских миссий вводилось изучение арабского языка и ислама. Миссионеры оказывали помощь южносуданцам-политэмигрантам; при их содействии в 1962 г. в Уганде была создана сепаратистская организация южносуданцев – Судано-африканский национальный союз (САНУ), провозгласивший задачу отделения южных провинций Судана и превращения их в самостоятельное государство. Стремление разрешить проблему военным путем привело к возникновению настоящей гражданской войны, первый этап которой завершился только в 1972 г. подписанием соглашения в Аддис-Абебе. Однако установившийся мир продлился всего несколько лет. Юг подвергся и политической дискриминации: ему было предоставлено всего 29 из 150 мест в общенациональном парламенте. Президент Джафар Нимейри произвольно назначал и смещал членов регионального правительства, отдавал приказы об их аресте, распускал парламент, перемещал воинские части, укомплектованные южанами, на север, а арабами – на юг. В 1983 г., когда он подписал указ о разделе южного региона на три отдельные области (Верхний Нил, Бахр-эль-Газаль и Экваториальный, во главе которых президент поставил южносуданцев, сотрудничавших с Хартумом), а затем издал декрет о введении в Судане нового уголовного кодекса, основанного на шариате, конфликт вспыхнул с новой силой.

Противостояние между регионами то нарастало, то несколько ослабевало в зависимости от того, какие политические акции, какие попытки разрешения такой ситуации предпринимали приходящие к власти режимы.

Борьбу южан против правительства возглавило южносуданское объединение Движение за освобождение суданского народа (ДОСН), лидером которого стал бывший полковник суданской армии Джон Гаранг, возглавивший также и военное крыло этой организации – Народно-освободительную армию Судана (НОАС).

Ситуация между Севером и Югом крайне обострилась в 2001 г. Лидер повстанческого движения Джон Гаранг распространил в июне 2002 г. заявление о намерении провозгласить независимое государство в течение ближайших девяти месяцев. Уступая нажиму сепаратистов, в июле 2002 г. официальный Хартум был вынужден заявить, что с южносуданскими повстанцами достигнуто согласие о предоставлении южному Судану права на самоопределение.

Такое право Южный Судан получил только в 2011 г., когда состоялся референдум по самоопределению (9–15 января). За отделение Юга от Севера проголосовало 98% южносуданцев. Итоги голосования полностью были признаны Хартумом: президент Судана Омар аль-Башир подписал декрет о разделении страны. После переходного периода, который продлился до 9 июля 2011 г., появилось 193-е государство (по списку ООН) со столицей в городе Джуба, по территории примерно равное Франции. Однако разделение страны по этническому принципу отнюдь не решило все проблемы этой страны, но добавило еще и новые. До сих пор остается неясной судьба самого важного района Судана – пограничного Абъея. Здесь расположены три крупных нефтяных бассейна, которые очень нужны как Северу, так и Югу. В ходе переходного периода оба государства должны успеть заключить целый пакет соглашений (границы, гражданство, раздел государственного долга – около 38 млрд долл., вопросы безопасности, распределение воды, валюта, международные соглашения и обязательства и др.). Кроме того, правительствам Юга и Севера придется искать компромисс и в связи с нефтепроводом, который в настоящее время один, и проходит он через северную часть страны в Порт-Судан на Красном море. Существующая инфраструктура не позволяет организовать эффективный экспорт другим способом; большинство месторождений требует дополнительных инвестиций и пока на полную мощность не работает.

Два миллиона южносуданцев продолжают проживать на Севере (а общее население Юга – 6,5 млн человек), и Южный Судан пока не готов их принять. Об этом заявляли и сами власти, подчеркивая, что «внутренний рынок будущего государства не сможет принять та-

кое количество рабочей силы». Омар аль-Башир еще ранее заявлял, что после проведения референдума проживающие на севере южносуданцы будут автоматически лишены гражданства со всеми вытекающими последствиями.

Нахождение компромиссов по всем вопросам крайне важно и для Севера, и для Юга. Для обеих сторон важно не допустить дальнейшего распада страны (на очереди может оказаться Дарфур и Южный Кордофан). Проблема Дарфура по-прежнему остается наиболее болезненной, но мировое сообщество пока отделило ее от проблемы Южного Судана. Дестабилизация в регионе, в свою очередь, может привести к расширению пространства как для исламистских организаций, учитывая довольно популярную в арабском мире фигуру лидера суданских исламистов Хасана ат-Тураби, так и для террористической активности. Более того, вопрос о границах может осложниться большим количеством кочевников, традиционно никаких границ не признающих, а это может стать основой для локальных пограничных конфликтов.

Актуальным становится и проблема проведения широких экономических и социально-политических реформ, о чем заявил лидер оппозиции Северного Судана С. Махди. Суданская оппозиция довольно сильна – это и исламисты, и руководители традиционных партий. На фоне массового народного недовольства в других арабских странах они могут использовать результаты референдума для разжигания массового недовольства режимом О. аль-Башира, который правит страной с 1989 г. Не будем забывать, что пока никто не отменял ордер Международного уголовного суда на арест Омара аль-Башира. И наконец, наверняка встанет проблема разобщенности населяющих Южный Судан племен, которые постоянно воюют друг с другом за землю, воду и скот. Проблема разобщенности коснется и политической сферы: в настоящее время на Юге действует более двух десятков политических партий, образованных по племенному признаку. Ведущей политической силой является Суданское народно-освободительное движение (СНОД), которое имеет политическую и государственную монополию и долгое время действовало в условиях войны. Совершенно очевидно, что это политическое образование начнет трансформироваться и делиться, т.к. главная цель, объединявшая различные группировки, уже достигнута. Важным в этой связи станет поиск консенсуса по вопросам дальнейшего мирного развития страны. Необходимо учитывать различные направленности дей-

ствий двух южносуданских лидеров: С. Киира, который является этническим динка, и Р. Машара (этнически нуэр), который настроен на развитие дальнейших отношений с Угандой и Кенией при сохранении статус-кво с Хартумом.

В условиях, когда социальные и гражданские институты практически не развиты, а народ только последние пять лет живет в относительно мирных условиях, роль силовых структур становится определяющей, но при этом южносуданские силовики также делятся по этническому принципу. Поэтому самым важным для Юга Судана становится вопрос налаживания мирной жизни и объединения нации.

Этноконфессиональная ситуация в Сирии

Своеобразием сирийской ситуации, определившим особенности ее политического процесса, является прежде всего то, что сирийское общество многонационально и многоконфессионально. В составе населения, где большинство мусульмане-сунниты, присутствуют значительные общины национальных и религиозных меньшинств: страна населена не только арабами, но и курдами, армянами, черкесами, ассирийцами. Различные группы христианского населения представлены православной церковью, армяно-грегорианами, католиками, несторианами и протестантами; ислам представлен суннитами, друзами, алавитами (шиитами). Последние являются одной из наиболее значительных религиозных групп (ок. 1 млн) и формируют руководящую элиту современного сирийского общества, составляя примерно около 11% населения страны.

Эта элита определяет внутреннюю и внешнюю политику сирийского государства. Союзнические отношения Сирии с Ираном, ее политика в Ливане и поддержка «Хизбаллы» и радикальных палестинских группировок, включая ХАМАС, делали эту страну фактически последним оплотом противостояния гегемонии США и Израиля в регионе. Сирия была одной из первых стран, которую включили в т.н. «ось зла».

История восхождения этой конфессиональной группы на вершину политической власти своими корнями уходит в сирийскую историю, точнее – в подмандатный период, когда Франция, создавая социальную базу для поддержки своей политики, содействовала созданию сирийской армии. Офицерский корпус формировался в основном из выходцев национальных и конфессиональных меньшинств

(прежде всего алавитов), т.к. армейская служба считалась не престижной профессией для основного конфессионального большинства, занятого в сфере торговли, промышленности и сельском хозяйстве. Для конфессиональных меньшинств военное дело стало, по сути, единственной возможностью получать стабильный заработок и сделать карьеру. Французская администрация формировала из них «специальные войска» (колониальные военно-полицейские формирования), которые в дальнейшем стали основой регулярной сирийской национальной армии. Уже к 1965 г. представители религиозных и национальных меньшинств страны составляли около 2/3 рядового состава и большую часть офицерского корпуса сирийской армии. После прихода к власти (1966 г.) правящей Партии арабского социалистического возрождения (ПАСВ), сделавшей армию опорой своего режима, начинается постепенный процесс алавитизации сирийского общества, когда алавиты начинают занимать ведущие посты не только в армии, но и в партийных структурах и экономике (выходцы из алавитской конфессиональной группы были связаны между собой не только узами регионально-клановых отношений, но и тесными профессиональными отношениями, даже принадлежностью к одному учебному заведению – военной академии в Хомсе). Тем не менее пришедшая к власти в результате довольно непростых процессов и ряда переворотов ПАСВ во главе с Хафизом Асадом учла интересы и суннитов, которые составляют более половины населения Сирии. Однако здесь важно учитывать существование определенного соперничества между периферийными суннитскими общинами и дамасскими.

Сунниты были довольно широко представлены в правительстве, руководящих органах партии, местной власти, крупном бизнесе. На протяжении многих лет власти выстраивали в таком сложном обществе равновесие, в рамках которого и существовало сирийское единство. Важную роль в этом единстве играла армия, характерной чертой которой, отличающей ее от армий других арабских стран, является то, что она не деидеологизирована: организации правящей партии ПАСВ в вооруженных силах действуют на основе специального закрытого устава, фактически независимы от регионального руководства и находятся в прямом подчинении президента как генерального секретаря партии и главнокомандующего сирийской армией. Традиционно важные позиции в армии и спецслужбах занимали алавиты, черкесы и друзы.

Кроме того, власть уверенно играла на противоречиях между периферийными и столичными общинами суннитов в пользу первых. Периодические мягкие зачистки в органах власти освобождали место для периферийных представителей, что создавало режиму поддержку в провинции. При этом президент Хафиз Асад был женат на представительнице очень влиятельного суннитского семейства дамасской элиты. Такой выстроенный баланс многим не нравился, но все группы сирийского общества в целом отдавали себе отчет, что такая конструкция является наиболее продуктивной.

Существованию этноконфессионального баланса способствовала и выстроенная система государственной власти. В соответствии с Конституцией 1970 г. Сирия продолжала оставаться «социалистическим народно-демократическим государством» с «плановой социалистической» экономикой, преследующей «цель ликвидации всех форм эксплуатации». Центральным звеном политической системы была правящая ПАСВ – «руководящая сила общества и государства», а сам президент исторически занимал центральное место в государственном механизме страны, что находило свое выражение в совокупности осуществляемых им полномочий, которые охватывали практически все сферы государственной деятельности. С другой стороны, определенные социальные гарантии и патерналистская политика государства были совершенно реальны и обеспечивали определенную поддержку низших слоев сирийского общества (приемлемое медицинское обслуживание, минимальные, но регулярные социальные льготы, выплаты наиболее нуждающимся и т.д.), осуществлялся уравнительный принцип, встречающий понимание среди населения, которое, в целом, не было настроено на передел собственности, когда в феврале 2011 г. в Сирии начались волнения.

Естественно, что под давлением Запада Башар Асад пошел на серьезные уступки оппозиции. В июле – августе 2011 г. сирийским руководством были приняты важные законы: о политических партиях, всеобщих выборах, средствах массовой информации, местном самоуправлении; отменен также режим чрезвычайного положения. Предполагалось внести изменения в действующую конституцию, продолжилась дискуссия об изменении статьи конституции, провозглашающей руководящую роль правящей партии ПАСВ. Таким образом, были выполнены практически все основные требования конструктивной оппозиции. Однако радикальные оппозиционеры отвергли любые предложения, направленные на достижение национального

консенсуса, и призвали к свержению режима. Президент в интервью сирийскому телевидению 22 августа 2011 г. предложил программу выхода страны из кризиса, меры по дальнейшему экономическому развитию, воплощению в жизнь принятых законов, расширению национального диалога, углублению демократизации с учетом интересов всех сирийских граждан, в том числе курдов, назвав курдскую общину в Сирии «частью сирийской арабской общественной ткани» (курды составляют 9% 20-миллионного населения Сирии, и часть из них не имеет сирийского гражданства. Поэтому отношения с курдской общиной являются достаточно важным элементом внутренней политики сирийского руководства).

В то же время президент заявил, что «Сирия отвергает любой диктат и иностранное вмешательство, посягающее на ее суверенитет», подтвердив, что «каждый, кто покусится на жизнь сирийских граждан, понесет самое суровое наказание».

В дальнейшем сирийский конфликт начал развиваться по худшему сценарию, трансформировавшись в полномасштабные боевые действия между властью и вооруженными группировками, спонсируемыми извне.

3.3. Конфессиональная неоднородность арабского мира. Конфликтность арабского региона

подавляющее большинство населения арабских стран (около 90%) – мусульмане. Однако при всей своей монолитности ислам не избежал раскола. Основателю исламской религии приписывают такие слова: «Иудеи раскололись на 71 секту, назаретяне раскололись на 72 секты, расколется и моя община – на 73 секты». Пророк ошибся в одном – в количестве сект, их в исламе значительно больше.

Видный теоретик арабского национализма Саты аль-Хусари (1880–1968) верно объяснял эти расколы историческими причинами. Рождение новой монотеистической религии – ислама – и развитие его в последующие века сопровождалось острой борьбой различных арабских и неарабских семейных, клановых, родо-племенных и иных группировок за верховенство в складывавшемся в результате арабских завоеваний государстве – Халифате. Особенности каждого обращенного в ислам народа приводили к возникновению различных направлений и сект в самой этой религии. Воспринимаясь в ходе истории различными народами, ислам соответственно «дробился».

В настоящее время ислам представлен основными направлениями: *суннитами, шиитами и хариджитами*.

Суннизм – самое многочисленное направление в исламе. Главное их отличие от шиитов состоит в том, что сунниты не признают возможности посредничества между Аллахом и людьми после смерти Мухаммеда, отрицают идею об особой природе Али и особом праве его потомков на имамат. Существуют также значительные различия в принципах юридических решений, характере праздников, отношении к иноверцам, деталях молитвы и других сторон ритуала, в гражданском праве. Основными признаками принадлежности к суннизму считаются: признание достоверности шести сводов хадисов, составленных Бухари, Муслимом, ат-Тирмизи, абу Даудом, ан-Насан и Ибн Маджи, принадлежность к одному из мазхабов фикха, признание законности всех четырех первых халифов – Абу Бекра, Омара, Османа, Али. Суннизм как определенное течение оформился в X–XI вв., однако до сих пор этот термин имеет значительно менее четкое содержание, чем «шиизм».

Суннизм делится на четыре религиозно-правовые школы (мазхабы): ханифитскую, шафиитскую, ханбалитскую, маликитскую, которые различаются между собой подходами к выработке решений по правовым вопросам.

Истоки возникновения двух основных направлений в исламе относятся к раннему периоду истории этой религии, одним из важнейших центров которой была территория современного Ирака: именно здесь формировалось *шиитское направление* – второе по числу приверженцев (после суннитов) в исламе. Шииты признают единственно законными преемниками Пророка Мухаммеда только потомков Али. Вскоре после смерти Мухаммеда часть его сподвижников выступила за сохранение верховной власти в «семье Пророка», считая незаконной присягу Абу Бекру. В начале второй половины VII в. в борьбе за власть образовалась религиозно-политическая группа (аш-шиа) сторонников передачи верховной власти Али как ближайшему родственнику и духовному преемнику Пророка. Эта группировка явилась ядром шиитского движения, разделившего мусульманскую общину на суннитов и шиитов. После убийства Али в 661 г. его сторонники повели борьбу за возвращение верховной власти роду Али, ссылаясь при этом на многочисленные предания и аллегорически толкуя отдельные выражения Корана. Призывы шиитов к возвращению власти «семье Пророка» находили поддержку вследствие широкого недо-

вольства правлением Омейядов. Шиитская пропаганда способствовала падению омейядской династии, но плодами этой победы воспользовались Аббасиды – другая родственная ветвь Пророка. Это привело к размежеванию Алидов с Аббасидами и сузило социальную базу шиитского движения. К тому же среди шиитов начались расколы, связанные с признанием прав на имамат за тем или иным потомком Али. Уже в середине VIII в. шиитское движение распалось на два основных течения – «крайнее» и «умеренное». К первому относят собственно «крайних» (гулат) и исмаилитов, ко второму – зейдитов и имамитов. В свою очередь, эти течения разделились на многочисленные ответвления. Несмотря на разной степени догматические расхождения, которые со временем возникли между ними, всех их объединяет приверженность роду Али. На протяжении всей истории ислама шииты вели вооруженную борьбу за возвращение власти его потомкам. Наибольший успех выпал на долю зейдитов и исмаилитов, которым удавалось в разное время и в разных частях Халифата создавать свои государства – имаматы. В настоящее время последователи различных шиитских общин существуют практически во всех мусульманских странах. Шиитского вероучения придерживается подавляющее большинство населения Ирана, более половины населения Ирака, значительная часть населения Йемена, Бахрейна, Ливана.

Хариджиты – самая ранняя в исламе религиозно-политическая группировка, образовавшаяся в ходе борьбы за власть между четвертым праведным халифом Али и сирийским наместником Муавием. Разочаровавшись в Али как в вожде, группа бывших сторонников начала вооруженную борьбу против него. Так было положено начало хариджитскому движению. С самого начала хариджиты не были едины ни в религиозном, ни в военно-политическом отношении. Источники называют более 20 хариджитских общин, действовавших в разное время и в разных частях Халифата. Наиболее значительные из них – азракиты, ибадиты, суфриты. Соперничество между ними ослабляло хариджитское движение в целом. Тем не менее мощные выступления хариджитов в Ираке, Иране, Аравии, Северной Африки держали в постоянном напряжении центральную власть Халифата и внесли большой вклад в разработку исламской догматики. Они выработали свое учение о верховной власти, противопоставив его как суннитской теории халифата, так и шиитской доктрине имамата. В вопросах веры они были поборниками неукоснительного исполнения религиозных предписаний. Жестокость и фанатизм хариджитов сужали социаль-

ную базу их движения, и в настоящее время хариджиты представлены ибадитами в Омане и некоторых районах Северной Африки.

Отдельное направление в исламе – *суфизм* – мистико-аскетическое течение, зародившееся в VIII – начале IX вв. в Ираке и Сирии. Суфии стремились постичь тайный смысл коранических откровений, строго следовали предписаниям Корана и сунны, принимали обеты, соблюдали дополнительные посты. Конечной целью суфии считали уничтожение своих личностных качеств и замену их божественными либо прямое соединение с божественной «истиной». Появились собственно суфийская онтология, строившаяся на теософских положениях; гносеология, опиравшаяся на концепцию божественного откровения; особая этика, отличная от общемусульманской. Положения суфизма, противоречившие догматам суннитского ислама, вызывали протест некоторых богословов, обеспокоенных ростом популярности суфийских шейхов. В ходе гонений на суфизм ряд его последователей был казнен. В конце X – начале XI в. с оправданием суфизма выступили суфийские авторы, зафиксировавшие и систематизировавшие важнейшие его положения в сочинениях, позднее признанных «классическими». Большая заслуга в «легализации» морально-этического учения суфизма принадлежит суннитским богословам аль-Газали и Абд аль-Кадиру аль-Джилани (ум. в 1166 г.). Последний стал основателем одного из первых суфийских братств – кадирия. Появление братств (тарикатов) было вызвано повсеместным распространением суфизма и ростом числа его последователей (особенно на территории Северной Африки). Организованные братства суфизма сыграли большую роль в консолидации мусульман и исламизации покоренных ими земель. Параллельно с практическим суфизмом в братствах, кругах суфийской интеллектуальной элиты развивался «философский» суфизм, основные положения которого были сформулированы Ибн аль-Араби и популяризированы его последователями. Сам суфизм – крайне неоднородное течение: к нему примыкают представители самых различных богословских школ и направлений в исламе. Будучи изначально проповедью смирения, суфизм неоднократно играл значительную роль в политической жизни стран мусульманского мира, становился идеологией повстанческих движений, а в XIX – XX вв. – и антиколониальной борьбы.

Существуют религиозно-политические течения (*ваххабизм*), а также течения, связь которых с правоверным исламом трудно уста-

новить по причине изотеричности этих направлений (друзы, алавиты и др.).

Ваххабизм – религиозно-политическое течение в суннитском исламе, возникший в Аравии в середине XVIII в. на основе учения Мухаммеда ибн Абд аль-Ваххаба, проповедовавшего строжайшее соблюдение принципа единобожия (таухида), отказ от поклонения святым и святым местам, очищение ислама от поздних наслоений и нововведений (бида), возврат к его первоначальной чистоте.

В области догматики и права учение ваххабизма является развитием воззрений Ибн Таймийи и крайним выражением принципов ханбализма. В общественно-политической сфере ваххабизм проповедует братство и единство всех мусульман, социальную гармонию, призывает к строгому соблюдению морально-этических принципов ислама, важное место отводится идее джихада.

Учение ваххабитов в XVIII в. стало знаменем борьбы за политическое объединение Аравии, а позднее – официальной идеологией государства Саудитов.

Алавиты – члены этноконфессиональной мусульманской общины, образовавшейся в X в. в среде крайних шиитов Северной Сирии. Основателем общины считается Мухаммад ибн Нусайр (ум. ок. 883 г.), обожествлявший десятого шиитского имама и выдававший себя за его уполномоченного (баба). Вероучение нусайритов впитало в себя элементы эманационной доктрины исмаилитов, христианского гностицизма и астральных культов. Нусайриты делятся на «непосвященных» и «посвященных». Последние претендуют на знание сокровенного смысла своих священных книг, содержание которых они толкуют аллегорически и не раскрывают рядовым членам общины. Постоянные преследования обусловили социальную замкнутость общины. В настоящее время больше всего последователей этого учения проживает в Сирии, где они составляют 2/3 всего шиитского населения, а также в Турции и Северном Ливане.

Друзы – приверженцы одной из шиитских общин, имеющие ряд особенностей быта и культуры, проживающие в настоящее время в горных районах Ливана и Сирии. Название общины восходит к имени исмаилитского миссионера Дарази (XI в.), находившегося на службе у исмаилитского халифа в Египте аль-Хакима (правил в 996–1021 гг.) и впервые выдвинувшего тезис о божественности этого халифа. Проповеди Дарази не получили поддержки в Египте, но нашли одобрение у сирийско-ливанских горцев. Друзы играют важную роль в общест-

венно-политической жизни Ливана. Так, в 1949 г. была основана Прогрессивно-социалистическая партия (ПСП), массовую базу которой составили представители друзской общины. Основатель этой партии и первый ее председатель видный политический деятель К. Джумблат во второй половине 1970-х гг. стал лидером национально-патриотических сил Ливана.

Часто границы мусульманских государств в значительной степени совпадают с границами расселения последователей тех или иных религиозных течений. Так, Саудовская Аравия – суннитская (ваххабитская) страна; Ирак и Бахрейн – шиитские; Египет – суннитская; Оман – хариджистская; Йемен – зейдитская и т.д. Но, с другой стороны, некоторые религиозные группы, представляя в одних странах большинство населения, являются меньшинством в других, подвергаясь дискриминации.

Исламский конфессионализм

Среди актуальных теоретических и практических проблем анализа идеологии ислама принципиально важное методологическое значение, особенно в современных условиях, приобретает вопрос о мусульманском конфессионализме. Актуальность этого вопроса определяется практическими потребностями наших дней.

Проблема отношения мусульманской религии к немусульманам стояла с самого начала возникновения ислама. Новая религия, как известно, не возникала при наличии абсолютного духовного вакуума, а сложилась в условиях самой жесткой борьбы идей арабского политеизма и исламского монотеизма. Кроме того, на родине ислама довольно широкое распространение получили идеи христианства и особенно иудаизма. Новая надплеменная религия «искала» себе место под солнцем первоначально на Аравийском полуострове.

Коренной перелом в мусульманской религии в отношении к другим религиям наступает в условиях мощной мусульманской уммы. Здесь уже на месте коранического лозунга «нет принуждения в религии» появляется новый призыв Мухаммеда «в земле арабов не будет двух религий», который стал стержневым в истории ислама последующих веков и был воплощен в жизнь. В Хиджазе – родине ислама – до сих пор живут одни мусульмане.

Вначале перед исламом стояла дилемма: или беспощадным образом уничтожить все то, что мешает распространению идей моноте-

изма, или дать возможность одержать верх язычеству. С монотеистическими идеями выступали многие халифы среди арабских племен задолго до Мухаммада. Но все они потерпели поражение под давлением арабских языческих верований. По всей видимости, для возникновения и утверждения мусульманского монотеизма не было соответствующих условий, арабское язычество держалось еще крепко. Затем наступает период его кризиса и возникает необходимость замены его в соответствии с потребностями эпохи новой религией.

В этой борьбе ислам победил вначале арабский политеизм, а затем его идеи конфессионализма одержали победу над иудейским и христианским монотеизмом в завоеванных странах.

Следовательно, в исламе проблема отношения к немусульманам стояла с самого начала исключительно остро, надо было, прежде всего, определить свое отношение к существующим у них социальным и духовным порядкам.

В чем же выражаются основные принципы мусульманского конфессионализма? Трудно ответить на этот вопрос однозначно, хотя весь дух ислама по отношению к немусульманам держится на принципах превосходства последователей ислама над всеми остальными, что вытекает из основ самого ислама. Мусульманские идеологи на определенных этапах развития исламского мира были вынуждены считаться с исторической практикой и вносили определенные коррективы в общие идеи ислама путем умалчивания о крайностях мусульманского конфессионализма или с помощью гибких интерпретаций старых идей Корана на новый лад. Поэтому мусульманский конфессионализм надо рассматривать диалектически.

Отношение к немусульманам было сложным и противоречивым. Прежде всего, речь идет о Коране. Так, в нем всех немусульман объявляют кяфирами (арабское слово *кяфир* – неверующий) или гяурами (*гяур* от термина *гебр* – зороастриец). Несмотря на различное происхождение этих двух терминов, смысл их сводится к одному: по шариату, кяфиром считается «тот, кто отрицает Бога, не считает Мухаммада посланником и Пророком или отрицает обряды ислама». Если судить с этих позиций шариата, то всех лиц вне ислама можно называть кяфирами.

Когда мы употребляем общее понятие немусульмане, то Коран и другие идейные источники ислама это понятие дифференцируют, конкретизируют и поясняют в зависимости от религиозной принадлежности. Так, в Коране кяфиры подразделяются на две категории: к

первой относятся неверующие – идолопоклонники, сабеи и т.д. Эту категорию Бог не наделил откровением. К другой категории относятся инаковерующие – иудеи, христиане, т.е. люди писания. По Корану, в отличие от язычников христиане и иудеи получили писание от Бога, но они не смогли правильно воспользоваться небесной верой и исказили ее сущность.

Такое деление Кораном людей на различные категории по религиозной принадлежности имело особый смысл. Оно явилось непосредственным отражением конкретных, противоречивых исторических процессов периода зарождения и канонизации ислама.

Коран исключительно враждебно и нетерпимо относится к последователям языческих верований и призывает их беспощадно убивать, если они откажутся от принятия новой, исламской веры. Особенно это выявляется в мединских сурах Корана, т.е. в период самой острейшей борьбы последователей Мухаммада против арабского язычества. В них ясно говорится, почему Мухаммад и его последователи относятся к нему крайне враждебно и нетерпимо: арабы-язычники противились учению Мухаммада, уклонялись от войны за Мухаммада, до Мухаммада арабам не было дано Богом ни Пророка, ни писания, а были они невеждами и т.д. Естественно, что мусульмане считали их самыми опасными врагами на пути достижения своих целей. Коран запрещал дружбу с язычниками и не считал ее честью для мусульман.

Крайне необходимо было освободить путь для распространения и утверждения ислама. Прежде всего, это касалось арабского язычества с его идеями защиты родо-племенных отношений. Поэтому в Коране открыто говорится «и убивайте их, где встретите, и изгоняйте их оттуда...».

Главная причина хиджры – вынужденного переселения первых мусульман во главе с Мухаммедом в 622 г. из Мекки в Медину – заключалась в крайнем обострении борьбы идей монотеизма ислама с политеизмом мекканских язычников, в основе которой лежали глубокие социально-экономические противоречия. Мекканская олигархия в высшей степени была обеспокоена новыми монотеистическими идеями, причем ее беспокоила не столько проблема языческих верований, сколько боязнь потерять свое привилегированное положение.

Весь комплекс борьбы с язычеством был возведен в ранг божественной инстанции. Кроме Корана, это враждебное отношение к многобожникам мы наблюдаем и в Сунне, и в теологической литера-

туре. «Я отрекаюсь, – сказал Мухаммад, – от всякого мусульманина, который будет жить в стенах многобожников». Хадисов подобного содержания много в канонизированных сборниках Сунны и в богословской литературе.

Конфессионализм ислама и его крайности в отношении к язычникам-арабам и другим многобожникам зачастую неверно приписывают исламу как всеобщую тенденцию в его отношении к последователям всех без исключения религий и на все времена. Неверный подход к изучению идей мусульманского конфессионализма и приводит к несостоятельным выводам о том, что ислам, в отличие от всех религий, в корне нетерпим и фанатичен к последователям других религий, что он – религия кровавой войны и уничтожения всех немусульман и т.д. Подобный подход ничего общего не имеет ни с теорией, ни с практикой ислама за исключением отдельных этапов его прошлой истории. Ислам строит свои отношения с последователями христианской и иудейской религии иначе, чем с язычниками. Главная причина этого в том, что Мухаммад в начале своей религиозно-политической деятельности в лице христиан и иудеев искал союзников против арабского язычества и поэтому отличался терпимостью к людям писания. Они не мешали пропаганде идей исламского монотеизма среди арабов-язычников.

Так, в первые годы после хиджры были заключены договоры Мухаммеда с жителями Йасриба, в числе которых были и влиятельные еврейские семейства (т.н. «Конституция Медины»). В этих документах гарантировались свобода вероисповедания, а также «помощь и равенство» для евреев, находящихся в союзных отношениях с возглавляемой Пророком общиной мусульман.

Но отношение к людям писания также не было стабильным: оно менялось в зависимости от исторических условий, места и времени, то в сторону либерализма, то в направлении крайней конфронтации.

В начальный период становления новой монотеистической религии Мухаммад никого из христиан и иудеев не принуждал к новой вере; «нет принуждения в религии» – таков основной постулат в отношении «людей писания».

В дальнейшем между иудеями и мусульманами произошли серьезные столкновения на почве социально-экономических и политических интересов, которые получили свое отражение в религиозной идеологии. Конфронтация в отношениях между иудеями и мусульманами объясняется не чисто субъективной ненавистью арабов к евре-

ям, а глубокими объективными причинами. После язычников на пути распространения ислама серьезной преградой стал иудаизм и его последователи, которые жили в Медине и других городах Хиджаза. Они жили вместе, занимались торговлей и земледелием. В этих сферах деятельности их роль была существенной. Но регулировали они торгово-экономические отношения с мусульманами на основе своей религии, своих традиций и обычаев, которые сложились значительно раньше. Коран в категорической форме осуждал и запрещал ростовщичество, а евреи, несмотря на запрет, продолжали взимать проценты. Кроме того, в Медине лучшие земли принадлежали еврейским племенам, мусульмане захватили эти земли, а самих евреев изгнали из Хиджаза.

Однако комплексный и, следовательно, проблемный характер взаимодействие уммы с неисламскими группами начинает приобретать с началом арабских завоеваний, в ходе которых гомогенное общество первых мусульман трансформировалось в многоконфессиональную и мультиэтничную империю. Первое, что обращает на себя внимание, – это дифференцированный подход халифатских властей к урегулированию этнорелигиозных вопросов в новом государстве: взаимодействие с неарабскими этническими общинами, неортодоксальными мусульманскими и неисламскими конфессиями строились по совершенно разным принципам. Так, модель отношений аравийских мусульман с восточномедитерранским христианским большинством сложилась в ходе завоевательных походов, в частности благодаря поддержке, которую местные жители оказывали арабам. Они рассчитывали, что новые власти положат конец гегемонии константинопольских церковных властей, а также станут более приемлемой альтернативой греческой гражданской администрации. В надежде на эти изменения христиане азиатских провинций Византийской империи встречали немногочисленные мусульманские армии как освободителей, не оказывая серьезного сопротивления, или даже целенаправленно шли на сотрудничество с ними. Со своей стороны, завоеватели с учетом скудности своих военных ресурсов не могли позволить себе каких-либо радикальных насильственных мер в целях подчинения и исламизации коренного немусульманского населения.

В этой обстановке возникла необходимость урегулирования отношений между мусульманами-завоевателями и покоренными христианами. Последние в своей основной массе остались преданными своей вере, но готовы были уплатить налог – джизью, а мусульмане

должны были за это покровительствовать им. Эти взаимоотношения и получают отражение в идейных источниках ислама, которые отличались значительной мягкостью, веротерпимостью.

Аравитянам, нацеленным на удержание под постоянным контролем присоединенных территорий, требовалось максимально ослабить авторитет прежних иноверных элит, не вызвав при этом волнений со стороны лояльного прежним властям рядового населения покоренных государств. Чтобы добиться этого на начальном этапе существования Халифата и укрепить авторитет собственной администрации, мусульманам требовалось четко провести разграничительную линию между покоренными немусульманскими народами и доминирующими, но недостаточно многочисленными мусульманами. Решение этой дилеммы было найдено в рамках мусульманской религиозно-правовой доктрины.

В Коране обозначена категория «откровенных» религий – иудаизма, христианства и зороастризма, с приверженцами которых мусульманские власти «заключили» т.н. «договор о покровительстве»: представители упомянутых общин получили статус «покровительствуемых» (зиммиев) с правом свободно исповедовать свою веру.

Однако с учетом специфического понимания религии, которая в понимании ислама не состоит только из основ веры, но представляет собой интегральную систему, регулирующую все стороны личной, семейной и общественной жизни, впоследствии понятие «свободы вероисповедания» для немусульман получило более широкую трактовку, а именно свободы устройства их жизни в соответствии с основами их религии, права и традиции. То есть, в условиях мусульманского военно-политического господства неискламские религиозные меньшинства смогли на законных основаниях сохранить свою религию и внутриобщинную организацию, имели гарантии личной безопасности, неприкосновенности своего движимого и недвижимого имущества, а также освобождались от военной службы.

В то же время подчиненный статус зиммиев выражался в уплате ими подушевой подати – джизьет. Однако этот налог носил скорее символическое значение, чем являлся реальным источником пополнения казны и тем более не мог привести к разорению иноверцев. Он взимался один раз в году и только с мужчин, «обладающих здравым рассудком и владеющих достаточными средствами к существованию».

Практически в первые десятилетия мусульманского правления, когда основные ограничения в отношении немусульман распростра-

лись только на политическую сферу и армию, наибольшие потери понесли лишь те иноверцы, которые входили в состав традиционной правящей элиты и были отстранены от руководящих должностей. Большинство же рядовых жителей, в том числе представителей торговых кругов и интеллигенции, по сути, сохранили свой образ жизни и традиционные сферы деятельности. При этом если, например, христианские или еврейские купцы могли столкнуться с конкуренцией со стороны набирающих влияние мусульман, начавших активно заполнять открывшиеся рынки, то в медицине, науке или каких-либо направлениях деятельности, требовавших знания иностранных языков, иноверцы вообще долгое время удерживали монополию. В конечном итоге общая атмосфера веротерпимости в сочетании с умеренной налоговой политикой на практике не принуждала христиан и иудеев к массовому переходу в ислам, и на протяжении длительного времени они играли весьма существенную роль в новом исламизирующем обществе.

Властные отношения в новом государстве строились по-иному. С одной стороны, мусульманское право формально ограничивало лишь доступ неискламских общин к государственному руководству и не препятствовало принятию на государственную службу представителей покровительствуемых религий. С другой – сотрудничество христиан и других миноритарных общин с халифатскими властями никогда не было стабильным и зависело от религиозно-идеологических воззрений отдельных правителей, их окружения и попыток найти подходы к обеспечению собственной легитимности.

Омейяды (661–750 гг.), фактически заложившие основу политической иерархии нового государства, были озабочены выбором идентичности, на основе которой можно было бы строить отношения в гетерогенном обществе Халифата: более узкой – арабской – или широкой – исламской. Сделанный ими выбор в пользу арабизма пошел на пользу христианскому населению, многие представители которого являлись этническими арабами, потомками тех, кто переселялся в Восточное Средиземноморье с Аравийского полуострова в доисламскую эпоху и впоследствии могли легче интегрироваться в новое государство.

Кроме того, Омейяды в целом сохранили византийскую административную систему и привлекали к государственной службе бывших византийских чиновников-христиан, прежде всего в финансово-налоговой сфере и аппарате муниципального управления. Однако такая политика вызывала негативную реакцию со стороны новообращенных из числа неарабов, которые, приняв ислам, на практике все

равно сохраняли маргинальное положение, по сути, ничем не превосходя зиммиев.

Усилия первой династии не увенчались успехом – Омейяды так и не смогли ничего противопоставить напору растущих масс мусульманского населения, не понимавших и не принимавших линию властей в отношении иноверцев. Династию обвиняли в узурпации власти, отходе от исламских принципов и попытках создания светского государства. В конечном итоге основной силой в борьбе с господством «аравийского меньшинства» стали многочисленные народные движения под шиитскими или хариджитскими лозунгами, которые, пропагандируя возвращение к раннеисламскому эгалитаризму, опирались именно на новообращенных мусульман неарабского происхождения.

Первые изменения в этнополитической ситуации в Халифате начались после прихода к власти династии Аббасидов (750–1258 гг.), которые опирались на этнически неоднородную группировку, ядро которой составляли исламизированные персы. По этой причине Аббасиды, в отличие от своих предшественников, не могли более править как выходы из арабо-бедуинской аристократии, а потому позиционировали себя как лидеры многонациональной исламской уммы. С ними Халифат сделал окончательный выбор в пользу панисламской идентичности, в рамках которой снимался вопрос об этнической принадлежности членов общества, однако резко усиливалась религиозная составляющая внутренней политики, в частности за счет заметного понижения статуса религиозных меньшинств.

Но, несмотря на изменение политической конъюнктуры, и при Аббасидах христианские общины продолжали играть важную роль не только в культурной, но и социально-экономической, а в ряде случаев – и политической жизни.

Основными причинами этого пока оставался традиционно высокий уровень образования христиан и евреев, а также их знакомство с европейской культурой (прежде всего, знание греческого языка); они составляли костяк халифатской интеллигенции, деятельное участие которой все еще было необходимо для научного и культурного развития Халифата, воспитания образованной мусульманской элиты. Кроме того, традиционно выходцы их христианских общин наряду с представителями еврейского меньшинства и сами становились банкирами, крупными торговцами, врачами. Более того, дважды на протяжении IX в. христиане были даже военными министрами в мусульманских правительствах и часто входили в ближайшее окружение везира.

Однако новые тенденции в отношениях с иноверцами постепенно брали верх. Прежде всего, это выражалось в стремлении мусульманских правителей укрепить свой контроль над все еще достаточно многочисленными и активными христианскими общинами. Багдад стремился подчинить разрозненные конфессии некоему единому организационному центру, который служил бы посредником между властью и иноверцами, а также нес бы основную ответственность за урегулирование межхристианских споров. Так, новая династия сделала ставку на несторианскую общину, центр которой находился в Ираке – колыбели аббасидского режима. Однако в связи с центробежными тенденциями в самом Халифате в целом обеспечивать организационное единство христианских церквей было уже невозможно.

В целом, можно констатировать, что мусульманское государство, всячески подчеркивая подчиненное положение неисламских конфессий, могло мирно сосуществовать, а при необходимости – и взаимовыгодно сотрудничать с миноритарными религиозными общинами. Отношение к немусульманам начало меняться, когда ислам из религии правящего меньшинства превратился в религию основной массы населения, и мусульмане уже могли обходиться без помощи со стороны иноверцев.

Таким образом, отношение ислама к иноверцам всегда менялось в зависимости от исторической обстановки, духа времени.

Мусульманские деятели не ставили перед собой цель обращения всех немусульман в мусульманство, для них главное было то, чтобы все немусульмане находились под властью мусульман и платили налог.

Таким образом, в социальной доктрине ислама немусульмане – общее, собирательное понятие, которое рассматривается в ней дифференцированно с учетом экономических, социальных, духовных и исторических факторов в различные исторические этапы ее возникновения и эволюции. Подобное деление немусульман на различные категории сложилось не сразу, а постепенно, в процессе образования мусульманской уммы, а затем в результате завоевания арабскими халифами соседних немусульманских стран. Кроме того, и методы обращения населения в ислам также были различны и зависели от положения самих последователей ислама и их противников.

Ближневосточные христиане

Христианство является второй по числу приверженцев религией стран Арабского Востока.

На территории современных арабских стран находятся древнейшие христианские церкви и патриархии, что не раз превращало этот регион в арену вооруженного противостояния или являлось поводом для него, причем не только между христианами и мусульманами, но и между католиками и православными, хотя нередко конфессиональные споры были лишь поводом для развязывания войн.

Христианство на Ближнем Востоке представлено: неортодоксальными течениями (монофизитами, монофелитами), нашедшими убежище от гонений преимущественно в горных районах и не обращенных в ислам во время мусульманских завоеваний, а также христианскими общинами, созданными в результате миссионерской деятельности католической и протестантской церкви.

Проживают христиане в основном в пяти государствах: Ливане, Сирии, Египте, Иордании и Судане. Среди христианского населения есть представители православной греко-византийской церкви, армяне-григориане, католики-униаты, яковиты, несториане, халдеи и др. Однако только марониты и копты могут быть отнесены к многочисленным группам.

Еще сто лет назад каждый четвертый житель Ближнего Востока считал себя христианином. В настоящее время эта цифра составляет не более 5%. Численность христиан на Ближнем Востоке на данный момент составляет, по разным данным, всего от 12 до 15 млн человек. Точное число трудно установить из-за недостатка официальной информации и постоянной миграции.

Если посмотреть конкретно по странам, то обнаружим, что, например, в 1970-е гг. в Ираке христиане составляли 5,8%, сегодня – 3%. Последняя перепись в Ираке, проведенная в 1987 г., показала, что в стране проживали 1,4 млн христиан.

В Ливане в 1932 г. христиане составляли 55% населения страны, в 2005 г. этот показатель снизился до 34%, что составляет 1,35 млн человек.

В Сирии в начале XX в. христиане составляли треть населения страны, в то время как сегодня – менее 10%. В Иордании доля христиан в общей численности населения по сравнению с началом XX в. сократилась приблизительно на 10%.

В Египте численность коптов по сравнению с 1970 гг. уменьшилась почти в два раза и составляет в настоящее время 7,6 млн человек, или около 10% всего населения страны.

Однако наиболее показательна ситуация в этом плане в Палестине. Например, христиане Вифлеема после Второй мировой войны насчитывали 85% населения, сегодня их численность составляет 12%. Еще не так давно большинство населения Назарета были христианами, сегодня 76% жителей города – мусульмане.

В самом Иерусалиме процент христиан сократился с 53% в 1922 г. до 2% в настоящее время. Сегодня в Святом городе проживает всего 15 тыс. христиан.

Этот город является святым местом трех религий, а его история и настоящие проблемы иллюстрируют развитие отношений между сторонниками иудаизма, мусульманами и христианами. Первое название города – Урушалаим, основанного во втором тысячелетии до нашей эры, означает «город мира». Царь Соломон построил здесь святыню, завоеванную и разрушенную римлянами в 70-х гг. до н.э. «Стена плача» – то, что осталось от святыни царя Соломона, – является в настоящее время местом паломничества евреев.

Как город Христа он стал одним из самых святых мест и для христиан. В 638 г. его завоевали мусульмане. Как этап «ночного путешествия» Мухаммеда на небо (согласно преданию) этот город стал святым местом ислама. Мечеть «Купол скалы», воздвигнутая над священной скалой – архитектурное чудо исламского мира.

Занятие Иерусалима мусульманами, а также тот факт, что он был обетованной землей для тогдашних христиан, привело к хорошо известным в истории крестовым походам. После взятия Иерусалима во время первого крестового похода (1099 г.) наступил беспокойный период замены мечетей на храмы. Только в 1192 г. была достигнута договоренность о свободном доступе сторонников трех религий к святыням Иерусалима. Окончательно город перешел во власть ислама в 1244 г.

Конец колониального периода в истории Палестины означал создание государства Израиль. В результате арабо-израильской войны 1948–1949 гг. старая часть Иерусалима оказалась в границах Иордании (в то время – Трансиордании), а т.н. Новый Иерусалим – в границах Израиля. Согласно договоренности и рекомендациям ООН Иерусалим в 1950 г. стал демилитаризованной зоной.

Односторонним решением в том же году столица Израиля была перенесена в Новый Иерусалим, а в 1967 г. город полностью перешел под власть Израиля (также как и Западный берег реки Иордан). В 1980 г. Израиль объявил столицей весь Иерусалим, однако многие государства мира (в т.ч. и Россия) это не признают, и считают столицей Израиля город Тель-Авив.

В настоящее время на территории Палестинской автономии (включая и сектор Газа) из 3-миллионного населения христиане составляют только 1,5%, или около 50 тысяч человек, из них в секторе Газа – только две тысячи, или менее 1% населения.

Многие эксперты, оценивая эту ситуацию, в качестве главной причины называют низкую рождаемость в христианских семьях. В частности, акцентируется внимание на то, что если у мусульман она составляет 3,9% ребенка, у евреев – 2,9%, у друзов – 2,5%, то у христиан – всего 2,1%. Так, в Ливане уровень рождаемости среди шиитов составляет 8–9 детей на семью, в суннитских семьях рождаются в среднем по 5 детей, а в христианских – по 2 ребенка.

Влияет на уменьшение христианского населения и постоянная политическая нестабильность на Ближнем Востоке. Так, только после 2006 г. более 60 тысяч ливанских христиан покинули страну.

Христианская община в Египте

Самой крупной по численности христианской общиной на Ближнем Востоке являются египетские христиане – копты.

Слово «копт» происходит от греческого «египтос» и означает «египтянин». Однако со временем этим словом стали обозначать исключительно египетских христиан.

Идея единобожия появилась в Египте еще в XV в. до н.э. Она была выдвинута фараоном-еретиком Эхнатомом, пытавшимся освободиться от всемогущего жречества.

Христианство пришло в Египет вскоре после своего возникновения и сразу было египтизировано. Исследователи находят связь между религией древних египтян и христианством. В фараоновском Египте крест («анх») был иероглифом, обозначающим «жизнь». Египтянами же была положена основа для христианской легенды о воскрешении, о богородице с младенцем Иисусом, образ которой явно унаследован от Изиды (жены и сестры Осириса, бога умирающей и воскрешающей природы) с младенцем Гором.

Копты считают, что основателем их религиозной общины был Святой Марк Евангелист, живший в Египте в 48–64 гг. и убитый в Александрии язычниками, где он основал епископскую кафедру, ставшую одной из самых влиятельных в восточном христианском мире. Насколько легенда о св. Марке соответствует реальности, установить крайне трудно, т.к. точных данных о ранних этапах развития христианства в Египте нет. Некоторые историки считают, что христианство проникло в Египет в I в. из Иудеи. Новая вера получила распространение в первую очередь среди довольно многочисленной иудейской общины, проживавшей в Александрии.

К III в. христианство стало довольно внушительной силой и распространилось по всему Египту. Египтяне дали христианскому миру таких святых, как великомученица Екатерина, основатель монашеского жития преподобный Антоний (252–356 гг.) и его последователь, преподобный Макарий Египетский (301–390 гг.). Христианский монастицизм также обязан своим появлением Египту. Египетское христианство стало объектом ожесточенных, порой кровавых гонений сначала римлян, потом византийцев. Тогда копты создали новые формы религиозной организации – монастыри, перекочевавшие затем в Европу.

Коптская церковь относится к восточной, православной, ветви христианства. Однако в результате миссионерской деятельности европейцев в Египте впоследствии появились небольшие общины коптов-католиков и коптов-протестантов.

Вобрав в себя некоторые дохристианские догматы и обряды, коптское православие развивалось в условиях византийского господства как полулегальная, а временами и гонимая властями религия угнетенного народа в противопоставление официальному христианству завоевателей.

В 312 г. в Римской империи, куда входил Египет, было легализовано христианство, и он стал христианской страной, а патриарх Александрийский – первым в иерархии патриархом. Александрия в начале нашей эры была одним из центров Средиземноморья, местом, где соединились египетская и греческая, римская и иудейская культуры. Благодаря деятельности возникших здесь первых христианских поселений, город оказался среди пяти первых христианских столиц наравне с Иерусалимом, Антиохией, Римом и Константинополем. В 395 г. Римская империя раскололась на Западную и Восточную. Египет стал частью Восточной империи – Византии. Однако вскоре

Александрийская церковь противопоставила себя Константинопольской православной церкви (имевшей кафедру и в Египте), которая была признана византийскими императорами и, следовательно, имела преимущества перед Александрийской. Началась борьба, которая приняла затяжной характер и закончилась выходом коптской церкви из состава Александрийской патриархии после избрания первого коптского патриарха Феодосия (536–538 гг.). Коптская церковь стала самостоятельной национальной Церковью. Официальная дата появления Коптской церкви – 451 г. – год раскола, произошедшего на Халхидонском Соборе.

Коптский (египетский) язык был вытеснен из употребления арабским лишь два века назад. Этот язык принадлежит к хамитской группе, он не имеет аналогов среди живых языков. Коптское письмо основано на греческом алфавите, в котором добавлены семь букв древнеегипетского демотического (скорописного) письма. В 1976 г. при коптской патриархии в каирском районе Аббасия был создан институт коптского языка, где группа энтузиастов пыталась возродить его в качестве разговорного. Священные книги коптов имеют обычно параллельные тексты – на коптском и арабском языках, причем нередко служба проходит и на коптском.

В настоящее время в ведении коптского патриарха – около тысячи церквей, разбросанных по всей стране, полтора десятка преимущественно мужских монастырей, каирская духовная семинария.

К моменту арабского завоевания Египта Коптская церковь переживала жестокие гонения со стороны византийских церковных властей. Поэтому, когда в 439 г. арабский полководец Амр ибн аль-Ас пересек со своим войском границы Египта, копты не имели никакого желания помогать византийской армии. По некоторым сведениям, коптский патриарх Вениамин даже направил своей пастве послание с призывом помогать арабам.

В Египте, как и в других областях быстро разраставшегося Халифата, христианам был предоставлен статус покровительствуемых иноверцев, который гарантировал им неприкосновенность личности и имущества, городской стены, церквей и монастырей, невмешательство правителей во внутренние дела общины. В обмен зиммии должны были выплачивать особую подушную подать (джизью), предоставлять мусульманам помещения для постоя и не помогать их врагам.

В VIII в. в Египте проживало приблизительно 15 млн коптов, и почти спустя столетие 98% египтян также продолжали исповедовать

христианство. Процесс исламизации населения шел постепенно и носил добровольный характер. На протяжении столетий отношение мусульман и мусульманских властей к коптам в целом оставалось терпимым, хотя периодически они все же становились жертвами притеснений, иногда жестоких.

В эпоху правления Фатимидов (969–1171) копты пользовались особой благосклонностью первых халифов этой династии. У одного из них, аль-Азиза, были даже зятья среди христианского духовенства, пользовавшиеся у него большим уважением. Позднее аль-Азиз назначил своим везирем христианина Ису, который добился от него разрешения заново отстроить церкви и монастыри и помогать бедным единоверцам деньгами.

При фатимидском халифе аль-Хакиме (996–1021), отличавшемся болезненной эксцентричностью, на христиан и других иноверцев обрушились суровые гонения. Аль-Хаким восстановил старые законы, предписывавшие христианам носить определенную одежду, а на шее – тяжелые деревянные кресты; при нем была разрушена большая часть церквей и монастырей. Были запрещены церковные праздники и колокольный звон. Правда уже при преемниках аль-Хакима терпимость в отношении христиан была восстановлена, а некоторые из фатимидских халифов даже принимали участие в праздновании христианских праздников.

Тяжелым для коптов был период правления мамлюков (1250–1517), в течение которого христиане неоднократно подвергались репрессиям. Их пик пришелся на 1320 г., когда главные коптские церкви были разграблены и разрушены.

Включение Египта в состав Османского государства в начале XVI в. улучшило положение коптов по сравнению с эпохой мамлюков. Тем не менее и при османах они периодически становились объектом преследований.

С приходом к власти в 1805 г. реформатора Мухаммеда Али, закончившего с претензиями мусульманского духовенства на роль сплоченной политической силы, гонения на коптов прекращаются. Коптский нотабль Муаллим Гали становится финансовым советником паши. Коптская община во главе с патриархом Бутросом (Петром) VII, связанным личной дружбой с Мухаммедом Али, обретает «новое дыхание».

В 1856 г. отменяется уплата иноверцами подушной подати – джизьи. Копты и мусульмане уравниваются в праве на военную

службу. Провозглашенный в 1866 г. «конституционный статут» – прообраз конституции европейского образца – отменяет разделение египтян по религиозному признаку.

Национальное движение 1881–1882 гг. во главе с Ахмедом Ораби (Ораби-пашой) носило откровенно антиевропейский и отчасти антихристианский характер. Сам Ораби-паша заявлял об «опасности», которую, по его мнению, представляло для ислама «растущее участие коптов во власти».

В первые три десятилетия британской оккупации Египта копты придерживались откровенно проанглийской ориентации. Видя в британском присутствии гарантию своей безопасности и статусного благополучия, копты не сочувствовали первым египетским националистам-мусульманам, которые в борьбе против колонизаторов апеллировали к панисламизму.

В феврале 1911 г. в Асьюте (Верхний Египет) прошел коптский съезд, потребовавший отмены дискриминации коптов в административной сфере, реформы избирательной системы, препятствовавшей представительству коптов в провинциальных советах и предоставления коптам равных прав с мусульманами в области образования. Однако через два месяца в Каире мусульмане провели свой альтернативный съезд, в результате чего требования коптов остались не удовлетворены.

Между тем рознь между мусульманами и христианами, подпитываемая различием политической ориентации, обострялась. Это подтолкнуло коптскую общину к пониманию того, что ее интересы требуют от нее не связывать свою судьбу с колонизаторами и отказаться от гарантий защиты, которых дали коптам англичане. С этого времени борьба за прекращение британской оккупации перестает быть делом исключительно египетских мусульман и приобретает характер подлинно национального движения.

Революция 1919 г., которую возглавил известный египетский политик-националист, основатель партии Вафд (Делегация) Саад Заглюль, явилась мощным стимулом к сближению между мусульманами и коптами. Это стало возможным во многом благодаря позиции самого Заглюля, заявившего, что «Египет принадлежит коптам так же, как и мусульманам». Под лозунгом «Египет для египтян» копты активно поддерживали партию Вафд, а многие из них вступали в нее.

После формального провозглашения Англией Египта в феврале 1922 г. независимым государством копты пользовались значительными привилегиями. Много коптов входило в комитет по выработке

текста первой египетской конституции 1923 г., которая гарантировала свободу отправления культа и равенство всех граждан перед законом и при занятии государственных должностей.

После антимонархической революции 1952 г. копты оказались в значительной мере вытеснены из политической жизни. Ни один из христиан не входил в состав Совета революционного командования – первого египетского правительства во главе с Гамалем Абдель Насером. Временная конституция, принятая в 1956 г. провозгласила ислам государственной религией, а в школах в рамках борьбы с неграмотностью было введено в качестве обязательного предмета – в том числе и для коптов – изучение Корана. Националистическая политика Насера, его конфликт с Англией, Францией и США вызвали в Египте антизападные настроения и волну ксенофобии, которая задела и коптов. По интересам верхушки коптской общины, которую традиционно составляли крупные земельные собственники, больно ударила предпринятая Насером аграрная реформа, перераспределившая землю в пользу мусульман.

Невозможность полноценного участия в политической жизни страны, антизападный курс, определенная «исламская» тональность насеровского варианта идеологии арабского национализма и социалистические «эксперименты» режима вызывали недовольство коптов (особенно их богатой верхушки). Однако были обстоятельства, делавшие режим Насера в целом приемлемым для коптской общины: это светский характер государства и решительная борьба Насера с «Братями-мусульманами», в которых копты видели главную угрозу для своего благополучного существования.

Смена режима после смерти Насера 20 сентября 1970 г. поставила коптскую общину в качественно новую ситуацию. В борьбе с насеристами и левыми новый президент Анвар Садат стремился опираться в идеологическом плане на ислам, влияние которого в стране заметно возросло на почве кризиса идей светского арабского национализма после поражения Египта в «шестидневной войне» 1967 г. Наметившийся в стране рост мусульманского экстремизма привел к целой серии инцидентов на религиозной почве.

Первый конфликт между Коптской церковью и режимом Садата произошел в июле 1972 г., когда съезд коптских общин Александрии направил главе государства меморандум с перечнем требований, среди которых были: запретить публикацию антикоптских печатных материалов, отменить систему квот при приеме христиан в школы, а

также снять установленные государством ограничения на строительство новых церквей.

Новый всплеск недовольства коптов вызвало появление в 1977 г. сообщения о намерении министерства юстиции рассмотреть проекты исламизации законодательства страны, а затем (в 1978 г.) – решение Каирского апелляционного суда, разрешившего египетским христианам иметь более одной жены. В июне 1981 г. крупные столкновения между мусульманами и коптами произошли уже в самом Каире, в народном квартале аз-Завия эль-Хамра, где проживало много коптов. Власти обвинили в инциденте экстремистов с обеих сторон. Широкомасштабные репрессии были развернуты против исламистских группировок (как умеренных, так и радикальных), перешедших в открытую оппозицию к режиму Садата после Кэмп-Дэвида (1978 г.) и заключения в 1979 г. мирного договора с Израилем. Одновременно удар был нанесен и по коптам. Садат обвинил патриарха Шенуду III в разжигании антимусульманских настроений во время столкновений, а также в организации антисадатовской кампании в американской прессе во время визита египетского лидера в Вашингтон в апреле 1980 г.

С убийства 6 октября 1981 г. Анвара Садата членами радикальной исламистской группировки «Аль-Джихад» начинается новый этап мусульmano-коптской конфронтации.

С приходом к власти в 1982 г. президента Хосни Мубарака власти нанесли ощутимый удар по воинствующим исламистским группировкам. Однако столкновения между мусульманами и коптами, особенно в городах и деревнях Верхнего Египта, где проживает много коптов, продолжались на всем протяжении 1980–1990-х гг. При этом власти предпринимали определенные шаги, направленные на предупреждение всплеск межобщинной розни. В частности, осуществлялись социально-экономические меры по подъему уровня жизни населения египетских сел; коптские рождественские и пасхальные богослужения регулярно транслировались по государственному телеканалу.

Несмотря на некоторые сдвиги в лучшую сторону, общая напряженность в отношениях между мусульманами и коптами в Египте не спадала и в 2000-е гг., что в значительной степени стало следствием ухудшения экономического и социального положения египетских сел, где негативное отношение к представителям другой религиозной общины выступало, прежде всего, формой проявления общего социального недовольства. При этом государство, будучи незаинтересо-

ванным в обострении межобщинных противоречий, пыталось противостоять этой тенденции.

Проблема трансформации конфессиональной системы государственного устройства в Ливане

Ливан называли «ближневосточной Швейцарией». После достижения политической независимости в 1943 г. Ливан поставил задачу ускоренного развития товарно-денежных отношений с целью быстрой интеграции в мировое хозяйство при бедности природных ресурсов и полезных ископаемых. Путь, избранный ливанскими властями, основывался на принципах содействия местному и иностранному частному предпринимательству, предоставлении иностранному капиталу равных возможностей с местным капиталом, сохранении либерального валютного и таможенного режима, преимущественной ориентации производства на внешний рынок.

Власти страны практически целиком отдали ливанскую экономику на откуп частной инициативе. В Ливане было ограниченное число государственных компаний, причем чаще всего смешанных с местным и иностранным частным капиталом в отраслях производственной и социальной инфраструктуры (энергетика, авиация, телевидение и ряд других служб). Международные компании сами или напаях с ливанской буржуазией стали создавать в стране банки, посреднические и крупные торговые фирмы. Официальные власти руководствовались в своей деятельности твердыми законами, нацеленными на благоприятствование процессам торговли, транзита и туризма, способствовавшие облегчению передвижения капиталов.

Система не ограниченного национальными рамками капиталистического предпринимательства позволила своевременно реагировать на благоприятные для Ливана изменения в хозяйственной и политической конъюнктуре и извлекать из них максимальные прибыли.

Очень скоро эта политика принесла ощутимые результаты, и Ливан уже в 1950-е гг. был значительно богаче всех своих арабских соседей. Вплоть до начала 1970-х гг. Ливану удавалось поддерживать высокие темпы экономического роста, основанные на развитии сферы услуг и постоянно поднимать уровень доходов местного населения, успешно решая проблему занятости. Во всем арабском регионе эта была единственная страна, ставшая крупнейшим ближневосточным центром банковского и торгового капитала, своеобразной «мас-

терской услуг», где осуществлялся экономический и финансовых обмен между различными государствами, в том числе между богатыми нефтедобывающими арабскими монархиями и остальными странами. В этот период в Ливане была создана мощная и современная инфраструктура: целая сеть местных и автомобильных дорог, Бейрутский международный аэропорт, морской порт, электросеть, было отстроено большое количество школ, больниц и т.д.

Выбор Ливана нефтедобывающими государствами и западными промышленными странами в качестве посреднического центра объясняется не только политикой невмешательства государства в экономику, но и политической стабильностью, существовавшей в тот период в стране, активной научной деятельностью многих иностранных университетов, что благоприятно сказывалось на формировании региональных и международных отношений.

Однако опасность быстрому и динамичному экономическому развитию этой крошечной по нашим меркам страны (по площади Ливан в 4,5 раза меньше Московской области) таилась в уникальном этническом и конфессиональном составе ее населения, который, в свою очередь, предопределялся уникальной географией этой страны. По всей ее территории тянутся два параллельных горных хребта (горы Ливана и Антиливана) – первый проходит вдоль моря, а второй отделен от первого узкой долиной, которые разрезают страну на вертикальные полосы. В целом ряде мест отроги хребта врезаются прямо в море, расчлняя, в свою очередь, приморскую равнину на отдельные участки в виде ячеек своеобразной решетки. По образному выражению одного из самых авторитетных в мире историков-международников Питера Кальвокоресси, вся страна представляет собой «лоскутное одеяло», состоящее из общин, «уживавшихся друг с другом благодаря политическому искусству и терпимости, поставленным на службу ее материальным интересам». Это «лоскутное одеяло» возникло под влиянием как географических условий, так и исторических причин, и его целостность всегда была залогом выживания всего государства.

Такой специфический рельеф местности, а также выгодное стратегическое положение этой территории способствовали возникновению небольших приморских городов-поселений, первое упоминание о которых восходит еще к началу V тыс. до н.э. наследниками этих поселений стали рожденные в III тыс. до н.э. на базе ханаанской культуры прославленные финикийские города-государства: Библ,

Сидон, Тир. Обязанные своим процветанием морю, морским промыслам, а главное – торговым экспедициям, предпринимавшимся за тысячи километров от родных берегов, финикийцы не стремились расширить границы своего обитания в глубь суши, поскольку по мере продвижения, они наталкивались на суровый Ливанский хребет. Поэтому отчасти и по этой причине на территории современного Ливана в древности так и не сложилось крупное, сильное и самостоятельного государство. Напротив, в разные исторические эпохи эта территория подвергалась сильному влиянию древних мировых держав, которые соперничали друг с другом.

Благодаря своему географическому положению и особенностям исторического развития, Ливан являлся местом прибежища различных религиозных групп, культурно-исторические традиции которых находили свое отражение в формировании определенных общин. Ко времени арабского завоевания (635–640 гг.) в труднодоступных ливанских горах обосновались преследуемые господствующей византийской церковью раскольники (несториане, монофизиты, монофелиты), а также те, кто исповедовал православие, а в конце VII в. в горах Северного Ливана нашли прибежище эмигрировавшие из Сирии марониты. Позже в ливанские горы потянулись и исламские сектанты. На севере Ливана осела преследуемая мусульманскими ортодоксами (арабами-суннитами) община, исповедующая ислам шиитского толка, которая в XIV в., столкнувшись с гонениями египетских мамлюков (суннитов), вынуждена была отступить в долину Бека, а затем расселилась на юге Ливана. В XI в. в Ливане обосновались члены особой секты шиитов-исмаилитов – друзы.

В XVI в., в период господства в Восточном Средиземноморье Османской империи, на территорию Ливана стали активно проникать западноевропейские католические миссионеры. Под предлогом покровительства христианам, они убедили часть духовенства и паствы восточных церквей заключить унию с Римом, признать верховный авторитет папы и организовать новые религиозные общины униатов. В XIX в. бурную активность развернули в Ливане протестанты, которые смогли рекрутировать верующих для нескольких своих ответвлений, прежде всего баптизма.

В результате этих длительных исторических процессов на территории современного Ливана сложилась такая ситуация, при которой одна и та же этническая общность – ливанские арабы, говорящие на одном диалекте арабского языка – образовала множество религи-

озных общин, которые, в свою очередь, стали главным структурным компонентом ливанского общества, его своеобразной основой, диктующей социальные нормы, регулирующей связи с внешним миром и другими структурными компонентами.

Количество общин в Ливане столь велико, что ориентироваться в одних только названиях (не говоря уже о нюансах религиозной догматики) достаточно сложно. Основных религиозных общин в Ливане насчитывается 17, крупнейшими из которых являются марониты, сунниты, шииты, православные, друзы и греко-католики.

Влияние общин на внутривластную и экономическую жизнь Ливана всегда было огромно. При этом каждая община практически повторяла государственную систему, формируя свое достаточно обособленное и автономное социальное пространство, подчиняя и воздействуя на отдельного члена общины через свои управленческие структуры, органы образования, социальные и медицинские службы. Каждая община имеет свой верховный орган – совет или ассамблею, в которую входят не только религиозные деятели, но и социальная и политическая элита; общины располагают своими средствами массовой информации, фондами, культурными центрами и т.д. Они влияют на развитие членов общины через свои культурные схемы, социальные и политические модели, которые охватывают все уровни: регион, семью, школу, политические партии и т.д.

Подобная общинная социализация, приобщение к обществу посредством усвоения навыков, обычаев, культурных традиций отдельным человеком, влияет и диктует, как думать и действовать отдельному индивиду, который в конечном итоге больше ощущает близость и солидарность по отношению к сообщинникам, чем к согражданам.

Таким образом, ливанская модель общины представляет собой сформировавшийся не только религиозный, но и социальный институт и является своеобразным государством в государстве.

В период мандатного управления Францией (1922–1943 гг.) и после достижения страной политической независимости ливанское общество находилось под очень сильным воздействием европейских политических традиций, переняв в значительной степени континентальную модель правовой системы, однако и после этого оно продолжало сохранять свою общинную структуру и клановые связи, перенеся в современную политическую жизнь собственную модель религиозно-общинного представительства. В этой модели особую роль играли вожди крупных клановых объединений, таких как Арсланы,

Джумблаты и др., которые имели, по сути дела, своих постоянных представителей в ливанском парламенте, где они отстаивали интересы своего рода. Так, за период с 1921 по 1972 гг., т.е. на протяжении пятидесятилетней истории ливанского парламента, монополию на представительство в нем сохраняли 294 семейства и родовых клана. Причем 68 из них были представлены от 5 до 20 раз, в том числе семейство аль-Хури из горного Ливана (где проживают в основном христиане-марониты) – 20 раз, три семейства – 16 раз, одно – 14 раз и пять – 13 раз, остальные 111 семейств – от 2 до 4 раз и 115 – только один раз. В Северном Ливане в районе Аккар (большинство населения которого – сунниты) за всю историю парламента привилегия быть избранным распространялась только на 4 семьи – аль-Али, ар-Раси, аль-Мараби и ад-Дагер.

В арабских странах было несколько примеров организации системы органов государственной власти на конфессиональной основе. Например, в Сирии и Ираке до 1950-х гг. в Палату депутатов избиралось определенное количество представителей от различных религиозных общин. В Ираке, например, 6 мест резервировалось за христианами; в Сирии согласно избирательному закону 1949 г. в парламента избиралось 86 мусульман, 15 христиан, 1 иудей и 6 представителей бедуинских племен. В Иордании и в настоящее время согласно избирательному закону 1986 г. 104 депутатских места нижней палаты парламента разделены между основными этноконфессиональными группами страны: 92 закреплены за мусульманскими кланами, 9 – за христианами, 3 – за представителями черкесской и чеченской общин. Представители бедуинских племен избираются в парламента от трех специально выделенных для них округов.

Однако классическим образцом конфессиональной системы, которая на уровне высших постов государственной власти продолжает действовать до настоящего времени, является Ливан.

Становление независимого ливанского государства, с учетом вышеизложенной специфики, было процессом крайне сложным и противоречивым, отражавшим не только демографическую и этноконфессиональную структуру страны, но и ее политическое развитие, особенности которого заключались в том, что до 1920 г. Ливан как политическая общность не существовал вообще.

Общие принципы построения государственной системы были сформулированы только в период французского мандата. Тогда по переписи населения, проведенной в 1932 г., христиане составляли

большую часть населения, примерно 52%, а мусульмане – около 48%. При этом наиболее многочисленной была маронитская община, члены которой составляли 28,8% всего населения, далее следовали сунниты – 22,4%, затем шииты – 19,6%, православные – 9,8% друзы – 6%, греко-католики – 6%.

Поскольку христианская часть населения преобладала, а между Францией и ливанскими христианами (в особенности маронитами) исторически сложились более тесные отношения, держава-мандатарий стремилась создать привилегии именно для христианской части с тем, чтобы в дальнейшем сохранить возможность своего влияния на внутреннюю и внешнюю политику Ливана.

Ливанские христиане (в большинстве своем представители крупной буржуазии) со своей стороны поддержали конфессиональный принцип построения государства, опасаясь влияния Сирии, Иордании и других мусульманских стран этого района. Они считали конфессиональную основу ливанского государства своеобразной гарантией безопасности своих интересов. Мусульманская община, в свою очередь, традиционно выступала за присоединение к Ливану районов, населенных мусульманами, и добивалась их возвращения «в лоно арабской нации», т.к. считала, что создание независимого ливанского государства в границах 1920 г. увековечит политическое господство христиан.

Чтобы создать независимую ливанскую государственность, понадобился компромисс в виде конфессионального принципа, который и был впервые юридически закреплен в ливанской конституции 1926 г., которая предусматривала, что должно быть обеспечено «справедливое представительство общин в правительственном и государственном аппарате».

Эта конституция разрабатывалась Францией в соответствии с условиями получения мандата, согласно которым в трехлетний срок держава-мандатарий должна была представить органический статут для Сирии и Ливана. В соответствии с этим положением французский Верховный комиссар внес в 1926 г. на рассмотрение ливанского Совета представителей (парламента) разработанный французскими властями проект конституции, который и был утвержден в том же году.

Конституция Ливана появилась на свет в период наиболее высокого подъема национально-революционной борьбы в Сирии, встречавшей сочувствие и среди населения Ливана. Введение основного закона преследовало цель предотвратить революционный взрыв в Ливане. Конституцией устанавливался республиканский строй с двухпалатным

парламентом; президентом, избираемым парламентом; и Советом министров, ответственным перед парламентом. Особые статьи конституции гарантировали права державы-мандатария. Уже в 1927 и 1929 гг. в конституцию были внесены изменения, имевшие своей задачей усилить власть президента, в чем была заинтересована Франция.

Вместо двухпалатного парламента, в котором наряду с назначаемым Сенатом существовала полностью выборная и поэтому более независимая Палата депутатов, была учреждена одна палата, 1/3 членов которой назначалась президентом по представлению и с одобрения державы-мандатария.

Таким образом, правительство располагало сильной опорой уже в самом парламенте. Кроме того, была ограничена законодательная инициатива парламента в финансовых вопросах, расширены права президента в этой области и его указное право. В 1929 г. было расширено право роспуска парламента президентом, удлинен срок полномочий президента с 3 до 6 лет. Все эти изменения были приняты парламентом под прямым давлением французских властей, которые тем не менее приостановили действие конституции декретом Верховного комиссара в мае 1932 г. Согласно этому декрету президент не избирался, а назначался самим верховным комиссаром.

После провозглашения независимости Ливана и проведения парламентских и президентских выборов в 1943 г. из конституции были устранены статьи о правах державы-мандатария, ограничивавшие суверенитет Ливана. Выборы в Ливане (август 1943 г.) принесли победу представителям буржуазно-националистических кругов, стремившихся избавиться от французского мандата. Наибольшее число депутатских мест получил тогда конституционный блок, созданный в 1943 г. Бешаром аль-Хури и представлявший в основном христианское население страны. В 1947 г. было отменено право президента назначать часть членов Палаты депутатов, которая таким образом стала полностью выборной, и были внесены другие изменения в отдельные статьи конституции.

Подтверждение конфессиональной системы устройства государства в дальнейшем нашло свое отражение в Национальном пакте 1943 г. – устном «джентльменском» соглашении, заключенным между первым президентом независимого Ливана, которым стал Бешар аль-Хури, христианин-маронит по вероисповеданию, и ее первым премьер-министром Риадом Сольхом, мусульманином суннитом. Этот Пакт стал на практике неписанной частью конституции страны

об основных принципах государственного устройства. Согласно этому была утверждена определенная пропорция представительства в государственном аппарате от различных религиозных общин. Наиболее важный пост – пост президента, обладающего широкими конституционными полномочиями, – отдавался крупной христианской общине – маронитам; пост премьер-министра – суннитам; пост председателя парламента – шиитам; посты заместителя премьер-министра и заместителя председателя парламента – православным. Соответствующее соотношение было установлено для представительства религиозных общин в парламенте, правительстве, во всех министерствах и ведомствах (ливанский ученый М. Риск даже ввел специальный термин для характеристики такого устройства этой страны – «конфессиональный парламентаризм»).

По существу, Национальный пакт был компромиссом между верхушкой маронитской и суннитской общин, доминировавших в политической жизни страны. Накануне получения страной независимости эта система государственного конфессионализма в целом отражала соотношение сил, которое сложилось к тому времени между многочисленными и различными религиозными, социальными и политическими группировками, существовавшими в ливанском обществе.

На принципах конфессионализма строилась также и избирательная система страны, и внутренняя структура парламента, который избирался по принципу представительства от религиозных общин (общее число депутатов парламента не было постоянным и перед каждыми выборами определялось специальным законом), и где соотношение христиан и мусульман должно было составлять 6:5. Например, с 1960 по 1976 гг. состав парламента обновлялся четыре раза, но в нем обязательно присутствовало 30 маронитов, 11 православных, 6 греко-католиков, 4 армяно-григориан, 1 армяно-католик, 1 протестант и 1 представитель иных меньшинств, т.е. всего 54 христианина и 45 мусульман – 20 суннитов, 19 шиитов и 6 друзов.

Что касается ливанского правительства, то оно обычно состояло из 14 министров. В таком кабинете обычно было 3 суннита, 3 маронита, 2 православных, 2 католика, 2 шиита и 2 друза.

В стране действовала мажоритарная избирательная система относительного большинства, т.е. избранным являлся тот кандидат, который получил наибольшее количество голосов. Однако уникальной особенностью ливанской системы, отличавшей ее от других избирательных систем, являлось то, что она была призвана обеспечить пред-

ставительство не только по территориальному, но прежде всего по религиозному принципу. В каждом избирательном округе избиралось не просто предписанное ему законом количество депутатов, а таких депутатов, вероисповедание которых совпадало с вероисповеданием большинства жителей этого округа.

Все избирательные округа (всего их было 26) делились на две категории: округа, от которых избирались депутаты одного вероисповедания (10 округов); и округа, от которых избирались депутаты различных вероисповеданий (16 округов). Как в первом, так и во втором случаях число кандидатов значительно превышало число мест, на которые происходило избрание, т.к. в каждом округе обычно конкурировали два-три списка кандидатов в депутаты. Такой порядок приводил к тому, что борьба за избрание в парламент разворачивалась не в собственно избирательном округе, а внутри той или иной общины данного округа.

Ливанский ученый Эдмон Раббат, характеризуя эту избирательную систему, говорил, что граждане Ливана могут участвовать в общественной жизни только через свои соответствующие общины, и в этих условиях любое чувство национальной солидарности проявляется лишь через эти промежуточные и неизбежные элементы. Ливанец смотрит на мир сквозь призму своей общины: он должен принадлежать к ней, чтобы родиться, жить и умереть.

Говоря об основных правовых нормах, фиксирующих государственно-правовое положение религиозных общин в Ливане, следует обратить внимание на то, что главные из них, а именно нормы, касающиеся распределения государственных постов между религиозными общинами, находились в явном противоречии со статьей 12 конституции, которая гарантировала «всем ливанцам доступ ко всем публичным должностям в соответствии с их заслугами и способностями». Коллизия состояла в том, что согласно конфессиональному распределению государственных постов, представители отдельных религиозных общин могли занять лишь те посты, которые предоставлены их религиозной общине. Ввиду этого тот или иной человек нередко назначался на пост министра или избирался в парламент не благодаря своим личным качествам, а в первую очередь в силу того, что этот пост или место предназначается общине, к которой он принадлежит.

Узаконенная конституцией и Национальным пактом конфессиональная система вела к политическому и социально-экономическому обособлению религиозных общин, позволяла господствовавшей из

них перераспределять национальный доход в свою пользу. Этот фактор отрицательно влиял на процесс национальной интеграции, способствовал диспропорциональному развитию районов страны и обуславливал ослабление ливанского государства, которое сформировалось как своеобразная федерация религиозных общин.

Каждая община представляла собой полуавтономный политический организм и для укрепления своих позиций нуждалась в союзниках. Так, чтобы сохранить свое привилегированное положение, христианская община, традиционно связанная с Западом, искала союза с этими государствами, в противовес чему мусульманское население в основной своей массе добивалось более тесных отношений с арабскими и мусульманскими странами.

Эта ситуация несла в себе опасность постепенного нарастания серьезных противоречий в социально-экономической и общественно-политической сферах, усугублявшаяся общим обострением политической ситуации на Ближнем Востоке, связанном с арабо-израильским противостоянием.

К этому тонкому хитросплетению конфессиональных и экономических противоречий в 1948 г. добавились проблемы беженцев из Палестины, которых к 1975 гг. насчитывалось около 400 тысяч человек, живших в специальных лагерях для беженцев.

В 1975 г. в Ливане началась многолетняя гражданская война между христианскими и мусульманскими формированиями, которая с небольшими перерывами продолжалась до 1989 г., унесла более 170 тысяч жизней ливанцев и нанесла огромный материальный и экономический ущерб стране (практически полностью была разрушена инфраструктура, в руинах лежали около 50 тысяч домов, вырос внешний долг, усилилась инфляция).

В эту войну оказались втянутыми не только все ливанские общины, но и некоторые соседние страны, а также отряды Палестинского движения сопротивления (ПДС), также находившиеся в тот момент на территории Ливана. При этом палестинский фактор стал ускоряющим элементом расширения и углубления масштабов ливанского конфликта.

Через вопрос о присутствии в стране сил ПДС преломлялись все другие проблемы. Связано это было с тем, что начиная с 1968 г. страна стала объектом постоянных провокаций и вооруженных нападений со стороны Израиля. Под предлогом борьбы с «палестинскими террористами» израильская армия наносила удары по югу страны и лагерям па-

лестинских беженцев. Мирное ливанское население было вынуждено покинуть Южный Ливан и переселяться в другие районы. По некоторым данным, уже к 1970 г. юг страны покинуло свыше 50 тысяч жителей.

Главную роль в реальной политической жизни Ливана в течение гражданской войны стали играть не государственные учреждения, а политические партии, имевшие свои вооруженные формирования, общины и различные военизированные группировки. Институт ливанского государства практически утратили свое значение, так как больше не соответствовали новому соотношению сил в стране.

В результате вторжения израильских войск на территорию Ливана в июне 1982 г. произошла новая вспышка в ливанском конфликте, которая привела к жестокому военному столкновению между израильской армией и объединенными силами сирийской армии, палестинскими военными отрядами и некоторыми ливанскими военными формированиями. Эта открытая агрессия Израиля и оккупацию южных ливанских районов способствовала дальнейшему росту конфессионализма в политической жизни страны, вызвав масштабную внутреннюю миграцию населения, связанную с израильской политикой по перемещению на юг страны христианского населения. В середине 1980-х гг. внутренний кризис достиг своего апогея. Центробежные тенденции под влиянием внутренних дезинтеграционных процессов и внешнего вмешательства еще более усилились и дошли до ставшего очевидным процесса образования конфессиональных кантонов, политически и экономически изолированных друг от друга (христианского, шиитского, друзского и т.д.), в результате чего ливанское государство того периода стали называть «ливанскими государствами» и «разделенными ливанскими эмиратами».

Многолетняя гражданская война, сопровождавшаяся глубоким социально-экономическим кризисом, не только спровоцировала практически полный паралич государственной власти, но и привела к глубоким изменениям в конфессиональной и социальной структуре ливанского общества. Этот кризис определялся, прежде всего, активными миграционными процессами, которые повлияли на места расселения конфессиональных общин, на занятость их членов, разрушая рынки труда и социальную стратификацию в обществе.

Сократилась численность христианского населения и увеличилась численность мусульман (по оценке населения, проведенного в 1994 г., шииты составили 35% населения, сунниты – 25%, друзы –

5%; в итоге общее количество членов мусульманских общин составило большинство населения страны – 65%).

Прирост мусульманского населения был обусловлен и присутствием палестинских беженцев, численность которых к концу 1980-х гг. достигла 302 тыс. человек (и продолжала увеличиваться в 1990-е гг., достигнув 376 тыс. в 2000 г.). При этом многие палестинцы воспользовались Декретом о натурализации и приняли ливанское гражданство. Кроме палестинцев в Ливане постоянно увеличивалось и число сирийцев – трудовых мигрантов (не считая контингента сирийских войск, который по согласованию с руководством Ливана был введен в страну в 1976 г. для разграничения враждующих группировок).

Таким образом, в годы гражданской войны в Ливане происходили существенные изменения в социально-демографическом и этноконфессиональном составе населения, которые были связаны с активностью миграционных процессов, увеличением численности мусульманского и уменьшением христианского населения, появлением новых социально-активных групп и изменением социальной стратификации всего ливанского общества.

Практически все внутренние силы, вовлеченные в ливанский кризис, понимали, что конфессиональная система исчерпала ресурсы своего функционирования, что назрела острая необходимость проведения реформ. Конфликтующие стороны (политические партии, выражавшие интересы различных этноконфессиональных групп, и вооруженные отряды) в большинстве своем признавали, что эта борьба носит не столько религиозный, сколько политический характер, но выходы из сложившегося положения предлагались далеко не одинаковые. И только в конце 1980-х гг. при активной поддержке мирового сообщества и при непосредственном участии «Комитета трех» Лиги арабских государств (Алжира, Саудовской Аравии и Марокко) удалось выработать Хартию национального согласия Ливана. Этот документ был принят депутатами ливанского парламента 22 октября 1989 г. на встрече в Эт-Таифе (Саудовская Аравия) и затем ратифицирован на заседании ливанского парламента. Хартия (в дальнейшем получившая название «Таифские соглашения») провозгласила Ливан «целостным государством с единым центром» и объявила гражданскую войну законченной. Подчеркивая необходимость разоружения всех вооруженных формирований на территории Ливана и воплощение в жизнь резолюции 425 ООН «О выводе израильских войск» с юга Ливана, Хартия одновременно предусматривала и поэтапный отход от конфессиональной системы устрой-

ства государства и реформирование государственной власти. За представителями трех основных религиозных общин (христиане, сунниты и шииты) закреплялись теперь только высшие государственные посты (президента, премьер-министра и председателя парламента), а представительство мусульман в Палате депутатов (парламенте) уравнивалось с представительством христиан.

В ноябре 1989 г. в Ливане были восстановлены конституционные институты, а в сентябре 1990 г., когда Таифские соглашения стали законом Ливана, в конституцию 1926 г. были внесены существенные поправки, которые трансформировали форму правления этой страны из президентской республики в парламентскую.

Теперь согласно конституции власть главы государства существенно ограничивалась за счет значительного расширения полномочий законодательного органа власти – Палаты депутатов, которая избирает большинством в 2/3 президента республики.

В настоящее время Ливан, согласно конституции, представляет собой парламентскую республику с ответственным перед парламентом правительством и сильной властью премьер-министра.

В сентябре 1992 г. с учетом внесенных в конституцию существенных поправок в Ливане прошли выборы в парламент (количество депутатов которого было увеличено со 108 до 128 за счет увеличения числа мест для мусульман), в результате которых впервые за всю историю государственного развития Ливана Палата депутатов была сформирована из равного количества христиан и мусульман, а в октябре того же года было сформировано новое правительство.

Президентом Ливана стал христианин Ильяс Храуи, председателем парламента – лидер шиитского движения Набих Берри, а премьер-министром был избран суннит Рафик Харири – известный миллионер и меценат, который являлся уже представителем новой политической элиты и приход которого во власть породил надежды на восстановление довоенного процветания Ливана.

Правительство Р. Харири своей главной задачей провозгласило экономическое восстановление страны. Финансовая логика экономического плана премьер-министра состояла в больших займах на реконструкцию разрушенного войной Бейрута и вызвала одобрение Всемирно банка. Огромный дефицит бюджета, как ожидалось, должен был быть в конечном итоге компенсирован за счет высокого экономического роста. Благодаря тесным связям Рафика Харири с иностранными лидерами – от Саудовской Аравии до Франции – Ливан смог уже в 1994 г. выйти на

мировые рынки, выпустив первые на Ближнем Востоке еврооблигации, а также стабилизировать ливанский фунт.

Выборы в парламент 1996 г. продемонстрировали новые положительные тенденции в динамике внутривнутриполитической жизни ливанского общества, а именно выявили в ливанской политике новых лиц, пришедших в парламент из крупного бизнеса и делового мира и не ориентирующихся на религиозно-общинные интересы. И хотя в парламенте, по оценкам известного ливанского политолога Керима Пакрадуни (в прошлом одного из видных политических деятелей и идеолога христианской партии «Катаиб»), около 40% парламентариев представляли традиционные кланы, уже не они определяли лицо ливанской элиты.

24 мая 2000 г. состоялось еще одно важное событие, имевшее для Ливана далеко идущие последствия: израильский премьер-министр Эхуд Барак начал вывод войск с территории южного Ливана, а в 2005 г. свой воинский контингент (под давлением международного сообщества и после принятия специальной резолюции ООН) вывела и Сирия.

Таким образом, в Ливане в 2000 г. сложились довольно благоприятные условия для дальнейшего процесса трансформации конфессиональной системы и создания новых органов государственной власти, отвечающих изменившейся внутривнутриполитической ситуации.

6 января 2000 г. был принят Закон «О выборах депутатов парламента», который по-новому определил избирательные округа и количество парламентских мандатов, определяемых в соответствии с законом от каждого округа. При этом все избиратели одного избирательного округа должны были голосовать за кандидата от этого округа независимо от их конфессиональной принадлежности.

В мае – июне 2005 г. в Ливане состоялись очередные выборы в Палату депутатов. Места в парламенте по конфессиям и избирательным округам распределились следующим образом.

Округ	Общее количество мест		
	христиане	мусульмане	всего
Бейрут	10	9	19
Бекаа	9	14	23
Горный Ливан	25	10	35
Северный Ливан	15	13	28
Южный Ливан	5	18	23
Итого	64	64	128

В конфессиональном отношении парламент Ливана представлен:

Конфессия	До 1989 г.	После 1989 г.
Марониты	30	34
Греки ортодоксы	11	14
Греки католики	6	8
Армяне ортодоксы	4	5
Армяне католики	1	1
Протестанты	1	1
Другие христиане	1	1
<i>Итого христиан</i>	54	64
Сунниты	20	27
Шииты	19	27
Друзы	6	8
Алавиты	0	2
<i>Итого мусульман</i>	45	64
Всего	99	128

Однако дальнейший политический процесс был фактически прерван убийством в 2005 г. премьер-министра Рафика Харири и начавшейся волной нового противостояния между конфессиями, а также периодически возникавшего правительственного кризиса.

После отставки ливанского правительства во время январского политического кризиса 2011 г. пост премьер-министра занял суннит Наджиб Микати, которого считают сторонником шиитской «Хизбаллы». Противники назначения Микати премьером даже заговорили о том, что в Ливане произошел государственный переворот.

Этот правительственный кризис начался накануне публикации Специальным трибуналом по Ливану результатов расследования убийства в 2005 г. премьер-министра Рафика Харири. Правительство национального единства, которое создавалось несколько месяцев, просуществовало в Ливане чуть больше года. 11 министров от оппозиции, представлявшие в кабинете шиитскую радикальную группировку «Хизбалла», шиитскую партию «Амаль», христианское Свободное патриотическое движение, а также один из беспартийных сторонников президента Ливана объявили 12 января 2011 г. о том, что складывают с себя полномочия. Уход в отставку свыше 1/3 кабинета автоматически означал отставку всего правительства. Именно это и привело к очередному обострению внутривнутриполитической ситуа-

ции в стране. Более того, накануне своего решения оставить министерские портфели, представители блока «8 марта» выдвинули премьер-министру Сааду Харири ультиматум, потребовав свернуть сотрудничество с Трибуналом. Премьер это требование проигнорировал и, находясь в США, проводил переговоры по данному вопросу с американскими чиновниками, саудовским королем Абдаллой и президентом Франции Н. Саркози.

Дело в том, что международное следствие пришло к однозначному выводу: организаторами теракта в Бейруте в 2005 г. были члены военного крыла «Хизбаллы». В этой связи нельзя не учитывать влияние внешних сил на ситуацию в стране. Важнейшая роль в этих процессах принадлежала Сирии. После явного антисирийского вывода Трибунал первого созыва был распущен, а результаты расследования фактически аннулированы. Произошло это в том числе по причине потепления отношений между Саудовской Аравией и Сирией, означавшее определенное дистанцирование Сирии от Ирана, а потому получившее поддержку США. Давление на «Хизбаллу» через вердикты Трибунала сирийцы рассматривали как угрозу своему влиянию в регионе. В последние годы Сирия усиливала свои позиции за счет ливанских друзей, которые консолидировались с «Хизбаллой» и стали верными союзниками Сирии. Поэтому Б. Асад потребовал от ливанской стороны прервать сотрудничество с Трибуналом по Ливану и отвергнуть обвинительное заключение, на что С. Харири пойти не смог.

В политической системе Ливана к этому времени уже сформировались и начали довольно активно действовать две коалиции («Коалиция 8 марта» и «Коалиция 14 марта»), которые уже вышли за чисто конфессиональные рамки (на стороне «Хизбаллы» выступает часть друзей, суннитов и алавитов). Интересы, которые объединяют входящие в коалиции группы, лежат в рамках двух различных политических стратегий. Условно говоря, это стратегии на развитие демократии и союз с Западом и стратегии на усиление ислама во внутривнутриполитической жизни и союз с Ираном и другими мусульманскими странами. Поэтому конфликт носит политический характер, но одновременно отражает весь спектр региональных противоречий и новую расстановку сил.

При этом кандидатура суннита Микати на пост премьер-министра стала определенным компромиссом между этими двумя группировками. Кандидат от «Хизбаллы» В. Джумблат не мог быть утвержден

в должности премьера (для этого пришлось бы менять еще и конституцию страны, к чему Ливан пока не готов). С другой стороны, С. Харири не мог пойти на явную сделку с «Хизбаллой» и отказаться от итогов расследования. Несмотря на то, что новый премьер официально представляет блок «8 марта», он суннит. Это позволяет не нарушать юридические основы ливанской государственности.

Шиитская проблема в Ираке

Развитие в Ираке шиизма как конфессиональной системы, распространение шиитского толка ислама среди широких масс населения, становление иракского шиитского общества происходили в значительной мере под воздействием ряда внешних, имевших большую историческую значимость факторов эпохи Нового времени.

В ряду событий, повлиявших в дальнейшем на конфессиональный облик арабов южных районов Месопотамии, находятся, несомненно, утверждение у власти в Иране в 1501 г. династии Сефевидов, провозгласивших шиизм официальной религией страны, и совпавшая по времени консолидация суннитской Османской империи, которую ее видные политические руководители Селим I (1512–1520) и Сулейман Великолепный (1520–1566) вознамерились превратить в мировую державу.

Эти события порождали качественно новую ситуацию в Ираке: ему суждено было стать ареной борьбы двух соперников. В не прекращавшихся на протяжении XVI–XVII вв. конфликтах между османами и Сефевидами и турецкий султан, и иранский шах выступали как покровители ислама и конфликт между ними приобретал характер суннитско-шиитского противостояния. В течение более чем трех веков преобладающее влияние на Ирак оказывал сефевидско-шиитский Иран.

С оккупацией турецкими войсками в 1533 г. Багдада Ирак стал турецкой территорией, однако вплоть до XIX в. власть Стамбула здесь была чисто номинальной, она не распространялась на всю страну, особенно на ее южные районы. Причина этого крылась прежде всего в большой удаленности Ирака от центра османской власти, что использовалось Ираном, оказывавшим постоянное давление на Ирак.

С XVIII в. большое количество учащихся и богословов из Ирана хлынуло в Ирак после захвата суннитами-афганцами в 1722 г. шиитской святыни – иранского города Исфаган, сопровождавшегося вы-

теснением из страны сотен семей улемов, многие из которых мигрировали в Ирак. Сюда же сместился и центр шиитского богословия, сначала в Кербелу, а затем в Эн-Неджеф.

В конце XVIII в. иранские богословы-мигранты уже заняли прочное место в Кербеле, Эн-Нджефе, Багдаде и Басре. Они весьма умело использовали период нестабильности, наступившей в связи с утверждением в Ираке в 1747 г. власти мамлюков, продолжавшейся до 1831 г. В Кербеле и Эн-Неджефе иранские религиозные семьи потеснили арабских богословов и стали доминирующей силой в религиозных кругах. К середине XIX в. иранские улемы в Ираке уже держали под своим контролем школы и большую часть доходов, поступавших из шиитских благотворительных фондов Ирана и Индии и других источников, служивших для них мощными рычагами воздействия и на турецкие, и на «свои», каджарские, власти.

На процесс распространения в Ираке ислама шиитского толка оказала также влияние политика самоусиления османского государства, к проведению которой оно приступило в 1830-е гг. Новый курс турецких властей был направлен на централизацию империи, на попытки Стамбула установить жесткий контроль над всей территорией страны. Достижение этой цели требовало подчинения племен, составлявших в Ираке подавляющую часть населения. С 1831 г. Стамбул выдвинул программу перевода кочевников на оседлость, что по представлению османской властей должно было привести населения Ирака к большей подчиненности центру. Развитие земледелия в зоне оседания арабских кочевых племен турецкое правительство рассматривало также как путь к существенному увеличению сельскохозяйственной продукции и налоговых поступлений, потребность в которых быстро возрастала в связи с вовлечением Османской империи в мировую капиталистическую экономику.

В течение XIX в. подавляющее большинство иракских племен в центре и на юге перешло к оседлому образу жизни и занятию земледелием. Этот процесс находил свое отражение в быстром росте числа городов в этом регионе.

Дробление конфедераций, распад племен на более мелкие образования, превращение вчерашних бедуинов в земледельцев-крестьян, закрепление к концу XIX в. большей части земли за знатными семьями племени разрушали племенной строй и порождали глубокий кризис в самом племенном обществе.

Разрушение племенной структуры, падение политической и военной власти шейхов сопровождались появлением в оседлом обществе таких фигур, как серкал (организатор работ) и сейид. Первый занял свое место в социально-экономической сфере, а второй выполнял религиозные и административные функции в племенах, оказывая существенное воздействие на обращение членов племени в шиизм.

Больше всего сейидов появилось среди оседлого населения южного и центрального Ирака. Они претендовали на свое происхождение от первого шиитского имама Али и Фатимы, дочери Пророка. Численность сейидов была довольно внушительной. Так, в племени болотных арабов шабана они составляли более 20% населения даже в середине XX в. Экономическое положение сейидов было весьма различным. Некоторые стали богатыми землевладельцами, большинство же вело скромный образ жизни, полагаясь только на получение доли от взимаемого со всех верующих шиитов религиозного налога.

Постепенно сейиды становились доверенными лицами шейхов, и уже без их участия и поддержки шейхи не могли выполнять возложенных на них османскими властями обязанностей. Все это повышало статус сейидов и усиливало их влияние на рядовых соплеменников, считавших к тому же сейидов людьми святыми, наделенными сверхъестественной силой, с помощью которой они могли исцелять болезни или навлекать несчастья, давать благословение и совершать другие магические действия.

К началу XX в. шиизм утвердился в широких массах иракского населения, но это не привело к упрощению конфессиональной ситуации в стране: отдельные племенные конфедерации, племена и даже их подразделения оказались поделенными между шиитами и суннитами. Однако преобладающей частью населения южных районов Ирака стали шииты.

Для какой-то части племен переход в шиизм был своего рода актом политической, антиправительственной значимости. Политика османских суннитских властей, направленная на превращение кочевых племен в оседлых жителей, расширение земледелия, предоставление частных прав на владение землей, увеличение сбора налогов с Ирака прождали чувство несправедливости и вызывали в племенах оппозиционные настроения, выливающиеся в акты протеста. Племена, вовлеченные в острый конфликт с властями, усматривали в шиизме оправдание своим действиям: шиитский ислам привлекал их призывами к борьбе с угнетением и тиранией.

К началу 1920-х гг. шиитское религиозное руководство достигло пика своей силы и могло успешно конкурировать с любой иракской властью в способности влиять на местное население и мобилизовать его на конкретные действия. Наличие такой практически автономной и политически активной религиозной элиты представляло определенную угрозу находившемуся в процессе своего становления иракскому государству. Поэтому каждое иракское правительство считало для себя обязательным принятие мер, направленных на подрыв силы шиитских муджтахидов и их учреждений в стране, на ослабление связей между Эн-Неджефом, Кербелой и Ираном.

Провозглашенная англичанами в 1921 г. Хашимитская суннитская монархия в Ираке просуществовала до революции 1958 г. В 1932 г. был отменен британский мандат и страна обрела формальную политическую независимость, однако Англия на основе договора 1930 г. сохранила за собой реальную власть, опираясь на суннитскую военную элиту османской выучки и членов королевской семьи.

Король Фейсал в целях ослабления оппозиционных настроений шиитских лидеров в 1923–1934 гг. депортировал из страны самых видных их иранских и арабских представителей, которые обосновались в иранском городе Кум.

Выдворение из Ирака не только религиозных лидеров, но и в целом иранцев-шиитов продолжалось на протяжении всей истории монархического Ирака и завершилось уже при баасистском режиме депортацией тысяч шиитов, обвиненных в их иранском происхождении.

Антимонархическая июльская революция 1958 г., приход к власти военных во главе с Абд аль-Керимом Касемом вызвали настороженное отношение к новой власти со стороны религиозных кругов.

Премьер первого республиканского правительства Абд аль-Керим Касем был человеком светским, однако, учитывая приверженность подавляющей массы населения страны исламу, он старался расположить к себе не только рядовых верующих, но и духовных лидеров мусульманских общин. В принятой 26 июля 1958 г. Временной конституции было закреплено положение ислама в качестве государственной религии.

Касем во всех своих выступлениях давал гарантии сохранения неизменным статуса ислама и в будущей постоянной конституции. Премьер проявлял внимание к вопросам правового положения и к состоянию финансовых дел вакфов. Багдадский шариатский колледж был преобразован в университет со специальным отделением для

женщин. Внешне отношения Касема с религиозными кругами выглядели вполне лояльными, однако внутренне они оставались достаточно напряженными.

Традиционная оппозиционность шиитов к любой власти от настороженности первых недель после июльского переворота стала быстро перерастать во враждебность к правительству Касема. Вызывалась она политикой республиканской власти, избравшей – особенно на начальном этапе становления нового режима, когда он остро нуждался в поддержке других национальных сил, – своим политическим союзником Иракскую коммунистическую партию, влияние которой на общественную жизнь страны неуклонно возрастало. Сближение режима с коммунистами вызвало негативную реакцию во многих слоях иракского общества, в том числе и среди шиитских богословов, окрестивших само правительство страны «атеистическим» и вставших по отношению к нему в резкую оппозицию.

Среди оппонентов нового режима оказалась и «Ассоциация улемов», которую возглавил молодой идеолог Мухаммед Бакир ас-Садр. Он возглавил борьбу против «атеистического» багдадского правительства, сыграв важную роль в политической мобилизации теологических кругов Эн-Неджефа.

Высшее руководство иракских шиитов вело деятельность, ориентированную на исламизацию иракского государства и общества. Они присоединились к высланному шахом из Ирана и поселившемуся в 1965 г. в Эн-Неджефе иранскому аятолле Рухолла аль-Мусави аль-Хомейни, откуда он вел активную антишахскую пропаганду, к чему весьма одобрительно относились иракские власти, имевшие ряд острых противоречий с Ираном. Пребывание аятоллы Хомейни в Эн-Неджефе совпало с деятельностью Мухаммеда Бакира ас-Садра.

Новый импульс противостоянию шиитских лидеров и государства придал приход в 1968 г. к власти в Ираке Партии арабского социалистического возрождения (ПАСВ). К руководству страной пришли представители кланов суннитских офицеров, вызывавшие у шиитов двойное к себе отношение. С одной стороны, беспощадная расправа ПАСВ с коммунистами во время их первого прихода во власть (1963 г.) совпадала с позицией шиитских лидеров. Но одновременно своими «социалистическими» лозунгами баасисты вызвали большую настороженность улемов, особенно проводившаяся ПАСВ политика секуляризации и ее прямое вмешательство во внутришиитскую иерархическую структуру.

В июне 1969 г. аятолла Мухсин аль-Хаким возглавил марш протеста от Эн-Неджефа до Багдада, получивший поддержку тысяч шиитов. Столь масштабное проявление лояльности этому духовному лидеру так обеспокоило власти, что они задержали его сына, обвинив его в «шпионаже в пользу Израиля». Однако эти угрозы не остановили движение протеста. Его участники требовали прекращения арестов и пыток, кампаний по высылке и конфискации властями собственности шиитов, обвинявшихся в оппозиционности режиму. В начале 1970-х гг. власти усилили давление на всю шиитскую общину.

В целом, с приходом к власти ПАСВ улемы столкнулись с тем, что, во-первых, режим безоговорочно заявил о себе как о светском, а это автоматически ставило в оппозицию к нему духовных лидеров и шиизма, и суннизма. Во-вторых, режим стал шаг за шагом утверждать свое право полного контроля над внутренней жизнью религиозных общин, что таило в себе серьезную угрозу разрушения их традиционных устоев и лишения улемов веками сохраняемых за ними привилегий, в том числе в финансовой сфере.

В 1969 г. аятолла Мухсин аль-Хаким предъявил серьезные претензии ПАСВ в связи с ситуацией, сложившейся в священных шиитских городах, которую он определил как «деградацию религиозных деятелей», обвинив при этом официальные власти в «отступлении от веры». В последующие годы оппозиционность шиитской религиозной верхушки возрастала, но одновременно усиливались и ответные репрессивные меры правительства, о чем свидетельствует ряд фактов. Так, в 1974 г. более 20 шиитских лидеров были обвинены в заговорах против государства и осуждены закрытым судом, пятеро из них были тайно казнены.

Иранская революция и особенно начавшаяся в сентябре 1980 г. ирано-иракская война повлекли за собой определенную трансформацию подходов иракского руководства к религиозным авторитетам. Более того, необходимо было привлечь на сторону власти всех шиитов, поскольку именно они составляли подавляющую массу рядовых солдат иракской армии.

Для укрепления связи с шиитами правящий иракский режим применял различные средства. В их числе акцентирование своей связи с шиизмом, особый упор на значимости Ирака как центра мирового шиизма, на чьей территории похоронены имам Али и его сын Хусейн и находятся ведущие шиитские центры теологии и образования. Садам Хусейн (к которому в 1979 г. перешла вся полнота власти) от-

нес всех иракцев к «потомкам имама Али», к тому же выяснилось, что генеалогия самого Саддама восходит «именно к имаму Али ибн Абу Талибу», а умалчивал он об этом «исключительно из скромности». Только в 1979 г. на религиозные цели была выделена сумма более 24 млн иракских динаров.

Во время ирано-иракской войны базой иракской вооруженной шиитской оппозиции стал Иран. Так в 1982 г. был сформирован «Высший совет исламской революции в Ираке» (ВСИРИ), представляющий собой иракскую шиитскую оппозиционную организацию, накопившую большой опыт диверсионно-террористической борьбы. Этот совет объединил около десяти шиитских партий и движений, активизировавшихся на волне революционных событий в Иране. Туда вошли такие шиитские партии как ад-Даваа аль-исламийя, Исламское действие, Исламское движение, Воины имама, Движение иракских моджахиддинов и др.

Военное крыло ВСИРИ – Корпус Бадр – было сформировано с согласия и при поддержке иранского правительства, частью его состава стали иракские военнопленные.

Шиитская вооруженная оппозиция в течение долгого времени боролась за создание исламского государства в Ираке по иранскому образцу. Опираясь на территорию Ирана, она вела диверсионно-террористическую деятельность в основном на юге Ирака и в его центральной части. Однако ни свергнуть, ни даже ослабить режим ПАСВ шиитской оппозиции так и не удалось.

На протяжении 1990-х гг. шиитское население юга Ирака было поставлено под жесткий контроль саддамовских спецслужб, подвергалось постоянным преследованиям, экономической блокаде и систематическим бомбардировкам иракских ВВС. Но наряду с карательными мерами иракское правительство в эти годы осуществляло мероприятия социального, политического и экономического порядка, направленные на ослабление влияния оппозиции и сохранение лояльности режиму шиитской части населения страны. Шииты демонстративно привлекались в управленческие структуры.

В ходе американской операции 2003 г. в Ираке основная масса шиитов заняла выжидательную позицию и не приняла участия в боевых действиях на чьей-либо стороне. Но они приветствовали свержение Саддама Хусейна силами коалиции. Перед шиитами впервые открывалась новая ситуация: возможность претендовать на приход к власти в Ираке демократическим путем – через прямые всеобщие вы-

боры. Образовавшийся в Ираке вакуум власти на местах был быстро заполнен шиитскими авторитетами, которые наладили снабжение населения продовольствием и обеспечили функционирование больниц и учебных заведений.

Крушение баасистского режима активизировало политическую деятельность шиитов. Оппозиционные шиитские лидеры стали возвращаться в Ирак, открыто стала действовать партия «Ад-Даава».

В соответствии с принятыми СБ ООН решениями США и Великобритании официально были признаны оккупирующими державами, несущими «конкретные обязательства и полномочия в соответствии с применимыми нормами международного права». Функции управления страной на период до формирования международно признанного правительства Ирака и официального принятия им властных полномочий были возложены на коалиционную Администрацию. В резолюции 1483 содержался призыв к этому органу «содействовать благополучию народа Ирака путем эффективного управления территорий, в т.ч. с помощью деятельности по восстановлению условий безопасности и стабильности, в которых иракский народ сможет свободно определить свое политическое будущее».

12 мая 2003 г. главой Администрации был назначен специальный посланник президента США П. Бремер, в обязанности которого был передан весь комплекс вопросов, связанных с поддержанием общественного порядка, восстановлением экономики, объектов социальной инфраструктуры, образования и здравоохранения.

Под эгидой данной Администрации были сформированы в качестве органов Временной коалиционной власти следующие государственные учреждения:

1. Иракская временная администрация (ИВА), которая создавалась «с помощью оккупационной Администрации и во взаимодействии со специальным представителем Генерального секретаря ООН» и была призвана «олицетворять суверенитет иракского государства» в течение переходного периода до момента формирования постоянного международно признанного правительства.

2. Временный управляющий совет Ирака (ВУС) стал центральным звеном временной администрации. Первое заседание ВУС состоялось 13 июля 2003 г. В его состав (25 человек) вошли представители ведущих политических партий и объединений страны, крупнейших этноконфессиональных групп, а также независимые общественные деятели. К полномочиям этого органа было отнесено: представ-

ление в переходный период интересов иракского народа в контакте с коалиционными властями и международным сообществом; назначение совместно с оккупационной администрацией временных руководителей министерств и ведомств; определение во взаимодействии с оккупационной администрацией основных направлений внутренней политики страны, а также утверждение основных статей государственного бюджета; назначение глав дипломатических миссий и представителей Ирака при международных организациях.

3. Переходное правительство, созданное 31 августа 2003 г., стало вторым важным органом временной администрации.

15 ноября 2003 г. Временные коалиционные власти подписали Соглашение о политическом процессе. В соответствии с ним предусматривалось, в частности, разработать и утвердить до конца февраля 2004 г. проект Основного закона Ирака (временной Конституции), на базе которого к 30 июня 2004 г. должны были быть созданы переходные органы власти, после чего учреждения временной коалиционной власти должны быть распущены.

И Временный управляющий совет, и переходное правительство были сформированы на этноконфессиональном принципе подбора руководителей: в каждый из этих органов входили 13 шиитов, 5 суннитов, 5 курдов, 1 этнический туркмен и 1 ассириец-христианин. Такой подход оккупационных сил к формированию административных органов Ирака оставался неизменным на всех последующих этапах строительства политической системы страны. Неизбежным следствием такого курса администрации стало обострение межконфессиональных противоречий, несущих в себе реальную угрозу дезинтеграции страны.

Духовные лидеры шиитов выбрали курс на сотрудничество с оккупационными властями, используя этот шанс для освобождения от многовекового господства суннитов. Их расчет строился на том, чтобы как можно скорее пройти процесс восстановления иракской государственности и экономики, затем добиваться гегемонии шиитов в новых органах власти.

29 августа в Эн-Неджефе в результате террористического акта был убит глава ВСИРИ Мохаммед Бакир аль-Хаким, виднейший духовный лидер шиитов, вместе с которым погибли еще 126 человек. Смерть Бакира аль-Хакима существенно подорвала позиции тех сил в шиитском руководстве, которые выступали за стабилизацию ситуации в Ираке на основе консолидации усилий всех заинтересованных

сторон. На первый план выдвигались воинственные религиозные лидеры, настроенные на весьма решительные действия и призывавшие иностранные войска покинуть страну.

Наиболее заметной фигурой среди таких лидеров стар Муктада ас-Садр, который возглавил движение в контролируемом им районе Багдада. Его движение открыто выступало против оккупации Ирака силами коалиции и не признавало учрежденный ею Временный управляющий совет, в противовес которому Муктада ас-Садр сформировал исламское правительство в Ираке и еще ранее создал собственные вооруженные силы – Армию имама Махди.

Срочно принятые США и Англией меры военного, финансового и политического характера дали возможность изменить ситуацию, остановить вооруженные действия иракских боевиков против иностранных войск. К 2005 г. США и Англии удалось стабилизировать свои позиции и сохранить контроль над политической ситуацией в Ираке. Их важным тактическим достижением стала договоренность с шиитской общиной и ее лидером аятоллой Али ас-Систани о предоставлении шиитам приоритета в будущей правящей администрации страны.

Вооруженные действия шиитов против оккупантов прекратились к осени 2004 г. В октябре боевики Армии Махди согласились сложить оружие при условии полной амнистии и денежной компенсации. США выделили на сотрудничество с шиитами многомиллионные суммы.

Шиитское общество – сложное, многослойное, слабо консолидированное образование. Его элита всегда была представлена религиозными и светскими авторитетами, а поэтому было бы ошибкой сводить вопрос о политической мобилизации шиитов в Ираке только к роли клерикального руководства. Этому обществу в целом и в пределах отдельных его групп присущи серьезные противоречия.

Основные внутренние расхождения в шиитской общине Ирака проходят по нескольким линиям: значительные теолого-идеологические разногласия имеются между тремя крупнейшими духовными центрами иракского шиизма – Эн-Неджеформ, Кербелой и Казымийей; сохраняются различия между проводниками влияния иранского шиизма и сторонниками арабского шиизма, самостоятельного и свободного от персидского воздействия. К этому следует добавить соперничество семей влиятельных шейхов и ведущих клерикальных деятелей, в числе которых такие известные шиитские фамилии, как аль-Хаким, Бахр аль-Улюм, Кашиф аль-Гита и др. Все они имеют в шиит-

ской общине своих сторонников и противников на персональном и клановом уровнях

К конкуренции между теологами добавляется борьба между различными политическими деятелями из числа шиитов и руководимых ими организаций – ВСИРИ, ад-Даава аль-исламийя, Партия исламского действия, Иракский союз исламских сил и др. Эта борьба – серьезный внутривнутриполитический фактор.

Итоги выборов в Законодательное собрание Ирака, состоявшиеся в январе 2005 г., оказались вполне предсказуемы. Шиитский блок Объединенный иракский альянс (во главе с духовным лидером шиитов аятоллой Али ас-Ситани) получил 140 мест из 275, на втором месте оказался Блок объединенных курдских партий (в который вошли Патриотический союз Курдистана во главе с Джалалом Талабани и Демократическая партия Курдистана во главе с Масудом Барзани), который завоевал 75 мест (набрал 25,7% голосов избирателей). Представителям еще одного шиитского блока – Иракского списка, который возглавлял премьер-министр Айяд Аллауи, – досталось 40 мест (они завоевали 13,8% голосов).

Главной проблемой выборов в иракский парламент стал их бойкот со стороны суннитских партий, что фактически выводило их за рамки легитимного политического процесса и выявило абсолютный проигрыш суннитского блока во главе с президентом Гази аль-Яваром. Из-за этого бойкота выборы в Национальное собрание не отразили в целом реальную этноконфессиональную ситуацию в стране, а что касается победивших шиитских партий, то они также были неоднородны и представлены в парламенте как сторонниками радикального направления, так и умеренными.

Новый иракский парламент избрал президента и двух его заместителей, которые затем утвердили кандидатуру премьер-министра и сформировали правительство. Новым президентом Ирака стал курдский лидер Джалал Талабани, заместителем президента – экс-президент Гази аль-Явар (суннит) и Адиль Абдель Махди (шиит).

15 октября 2005 г. в Ираке начался новый этап политико-правового развития страны: правовые основы государственного строя были закреплены новой постоянной конституцией, одобренной в ходе всеобщего референдума большинством участвовавших в голосовании. Конституция характеризует Ирак как многоэтническое и многоконфессиональное государство, которое является частью исламского мира, а его народ – частью арабской нации.

В соответствии с новой конституцией начался процесс формирования новых органов государственной власти, однако политическая ситуация продолжала оставаться нестабильной и все последующие годы и характеризовалась этноконфессиональной борьбой за власть и влияние.

В марте 2010 г. население Ирака второй раз после падения режима Саддама Хусейна получило возможность проведения выборов в парламент – это голосование многие аналитики рассматривали как «тест на демократию». Действительно, на 325 депутатских кресел претендовали 6172 кандидата, представлявших 165 политических партий и 12 предвыборных блоков. В голосовании приняли участие около 12 млн иракцев, или 62,5% общего числа зарегистрированных избирателей, в том числе около 1,4 млн граждан Ирака, проживавших за рубежом. Однако итоги этих выборов не выявили очевидного победителя и стали началом длительного и трудного процесса создания новой правящей коалиции, продолжавшейся почти 10 месяцев, что осложнило и без того непростую политическую ситуацию в Ираке.

Десятимесячная борьба за власть завершилась тем, что в декабре 2010 г. Нури аль-Малики был вновь приведен к присяге в качестве премьер-министра. Его «правительство национального единства» получило 293 из 325 мест.

Американцы фактически вывели свой воинский контингент из этой страны, после чего напряженность в стране стала нарастать, чему свидетельство – резкий всплеск террористической активности с огромным количеством жертв, где прослеживается четкая суннито-шиитская борьба за власть.

По-прежнему на повестке дня стоит вопрос об устойчивости иракского режима и его жизнеспособности, т.к. начался процесс, направленный на явное сокращение экономического и политического присутствия суннитов в дальнейшем развитии страны.

Первым сигналом такого рода было игнорирование роли А. Алауи на выборах в парламент в 2010 г. и формирование национального правительства без участия представителей его блока «Аль-Иракия», который получил на выборах больше всех голосов (премьер-министр аль-Малики не выполнил и данного им при формировании правительства обещания поделиться властью и создать совет по стратегической политике, главой которого должен был стать лидер «Аль-Иракии» Аяяд Алауи). По итогам всеобщих парламентских выборов 2010 г. впереди других организаций была поддержанная суннитами «Аль-Иракия», но шиитские партии создали более мощную коа-

лицию и фактически лишили оппонентов победы. Однако Вашингтон убедил стороны договориться о разделе власти и высших постов в государстве. Шиит стал премьер-министром, курд – президентом, а суннит – председателем парламента.

Помимо колоссальных проблем в преодолении внутреннего политического кризиса (депутаты суннитского блока, который контролирует 80 из 325 мест в парламенте, начали бойкотировать заседания), это вызвало и закономерное недовольство рядовых суннитов. Спикер парламента Нуджейфи, в свою очередь, сделал сенсационное заявление, четко обозначив угрозу распада страны и выделения в отдельное государство четырех «суннитских» провинций страны (Дияла, Салахэдин, Мосул и аль-Анбар). Спикер объяснил, что причины разочарования суннитов кроются в политике центральных властей, разрушающей межконфессиональное равновесие в стране, и потребовал распределить государственные должности в соответствии с результатами последних выборов 2010 г. Следует отметить, что автономистские тенденции характерны не только для суннитских регионов, но и для некоторых шиитских провинций иракского юга. В первую очередь, это относится к крупнейшей нефтеносной провинции региона – Басре. Фактически давно разделен по конфессиональному признаку Багдад.

В Багдаде и прилегающих к столице районах ситуация остается напряженной. В городе и его окрестностях регулярно происходят теракты, обстрелы, вооруженные нападения, захваты заложников и другие насильственные акции. Не является исключением и т.н. «зеленая зона» в центре столицы, где расположены основные высшие государственные учреждения Ирака, а также многие иностранные дипломатические представительства. 28 ноября 2011 г. в «зеленой зоне» Багдада была предпринята попытка покушения на премьер-министра страны Н. аль-Малики – заминированный автомобиль взорвался на парковке у здания парламента (погибли два человека, глава правительства не пострадал).

Нестабильная ситуация с элементами напряженности сохранялась в конце 2011 г. в крупнейшем городе иракского севера Мосуле и его окрестностях. Здесь регулярно продолжали совершаться вооруженные нападения, теракты и другие насильственные действия. В соседнем Киркуке также не прекращали теракты и вооруженные нападения, что в значительной степени было вызвано сохраняющимся в городе противо-

стоянием арабского и туркоманского населения с курдами. Кроме того, в Киркуке был отмечен рост числа похищений людей.

Борьба за национальный компромисс между всеми политическими силами для прекращения насилия является главной для достижения мира в обществе. Однако фронт этой борьбы находится в зачаточном состоянии: продолжающееся насилие в Ираке несет все новые и новые жертвы, в том числе и от рук бывших членов преступных групп.

Наряду с этим усиливаются позиции Ирана в Ираке. Так, в частности, в ноябре 2011 г. в Иране с официальным визитом находился начальник Генерального штаба Вооруженных сил Ирака генерал Б. Зибари, который провел переговоры с командованием иранского Корпуса стражей исламской революции (КСИР), обсудив вопросы развития двустороннего военного сотрудничества. В частности, речь шла о взаимодействии в вопросах обеспечения безопасности, подготовки военных кадров, проведении совместных учений и исследований в военного характера. По итогам визита Б. Зибари стороны подписали несколько меморандумов о взаимопонимании.

Осложнение ситуации в соседней Сирии и связанное с этим усиление внешнего давления на режим, правящий в Дамаске, обуславливает повышенное внимание иракского руководства к сирийскому направлению внешней политики. Важно отметить, что в отличие от большинства арабских стран Ирак не поддержал меры, принятые Лигой арабских государств по ограничению связей с Сирией. В Багдаде осудили решение ЛАГ о приостановке сирийского членства в этой межарабской организации, хотя при голосовании по данному вопросу глава иракской дипломатии Х. Зибари воздержался. Свою позицию иракское руководство объяснило тем, что решение Лиги не отвечает интересам Ирака, приведет к разрыву связей между Сирией и соседними странами, а это «еще больше усложнит ситуацию». К тому же «такое решение создает прецедент для других арабских стран и в итоге приведет к развалу самой организации». Багдад не стал отзывать своего посла из Дамаска, как это сделал ряд арабских стран, прежде всего аравийские монархии. Не приемлют иракцы и «интернационализацию» сирийского конфликта, а тем более иностранное военное вмешательство в САР. Президент Ирака Джаляль Талабани считает, что арабский план выхода из кризиса может послужить основой для разрешения ситуации в Сирии, подчеркнув, что Багдад оказывал содействие в его разработке. Глава иракского государства прямо указал «на угрозу прихода к власти в Дамаске экстремистов, которые займут враждебную позицию по отношению к де-

мократическому Ираку». Ирак воздержался при голосовании по санкциям против Сирии в ЛАГ, заявив, что не считает экономическую блокаду целесообразной мерой воздействия. Кроме того, две страны связывают тесные экономические связи. При этом лидер радикальных шиитов М. ас-Садр обвинил ЛАГ в несправедливости и расколе арабских рядов в свете последних событий в Сирии. ЛАГ, по его словам, «действует без стыда». Иначе ее позицию поддержки «так называемой сирийской революции против сирийских вооруженных сил и простых граждан» охарактеризовать нельзя. М. ас-Садр обвинил «сирийских революционеров» в том, что они используют те же методы, что и «Аль-Каида» в Ираке.

В целом благожелательная позиция Багдада по отношению к Дамаску вызвана и тем обстоятельством, что на сирийской территории находится большое число иракских беженцев. Несомненно, сказывается и давняя взаимная неприязнь между шиитским руководством Ирака и суннитской саудовской монархией, которая выступала одним из главных инициаторов ужесточения давления на сирийский режим.

Конфликтность региона

В арабских странах по существующим на сегодняшний день оценкам число этноконфессиональных групп, которые проявляют политическую активность, являющейся реакцией на социально-экономическую или политическую дискриминацию, достигло 31, что составляет более 13% от общего количества такого рода групп в мире в целом. Цели этих групп различны, а в соответствии с мотивацией деятельности их можно разделить на следующие типы:

- социокультурные группы, устремления которых направлены на достижение политической независимости путем создания собственного государства или установления политико-культурной автономии (курды, негритянский сегмент Судана, палестинцы);
- группы, усилия которых направлены на сохранение своих поставленных под угрозу доминирующих позиций в стране проживания (марониты в Ливане, шииты в Ираке, алавиты в Сирии);
- группы, которые добиваются расширения культурно-языковой автономии, признания и защиты своих прав как меньшинств (копты в Египте, друзы в Сирии).

Пример современного Ирака свидетельствует, что межэтнические противоречия (порой очень глубокие) зачастую находятся в

скрытой форме в условиях авторитарного правления и ослабление последнего (в данном случае под воздействием внешнего фактора) обуславливает, как правило, переход вышеуказанных противоречий из латентной формы в кризисную стадию, принимающую форму вооруженного конфликта.

Отход от курса на авторитарную стабильность и расширение масштабов внедрения западных моделей демократии в арабском мире будут сопровождаться обострением межэтнических противоречий, что грозит как расширением уже существующих, так и появлением новых внутренних конфликтов на межэтнической основе.

Кроме того, важно отметить еще одно социально-политическое обстоятельство, которое зачастую резко обостряет не только отношения между представителями разных религий, но и внутриисламскую враждебность – это т.н. «чересполосица» шиито-суннитской принадлежности граждан и правящих элит в целом ряде государств. Так, в Ираке исторически у власти стояли сунниты, хотя около 60% населения – шииты. Сейчас власть перешла к шиитам, а сунниты стали фактически дискриминируемым меньшинством; в Бахрейне большинство населения также шииты, а правящая династия Аль Халифа – сунниты; в Саудовской Аравии правит суннитская династия Аль Сауд, при этом в восточной провинции Эль-Хаса компактно проживает большое количество шиитов, которые дистанцированы как от власти, так и от распределения нефтяных богатств; в Сирии правящая группировка принадлежит к алавитам (очень необычное течение в исламе, которое откололось от шиизма, но ушло довольно далеко от ислама вообще), тогда как большинство населения – сунниты. Еще более сложная ситуация в Йемене, где существуют крайне запутанные отношения между шиитскими (хауси) и суннитскими кланами, к чему добавляются и исторические противоречия между двумя основными исламскими мазхабами – зейдитами и шафиитами. После объединения Южного и Северного Йемена в Йеменскую Арабскую Республику ключевые позиции в политике и экономике заняли зейдиты (с севера) во главе с А. Салехом. Южнойеменская элита (в основном шафииты) оказалась за рамками политического процесса и была сильно ущемлена за счет несправедливого распределения финансов в пользу севера и монополизации президентской семьей основных торговых сфер.

В этой связи нельзя сбрасывать со счетов и т.н. «иранский фактор», который важен в связи с тем, что экспорт исламской революции – это официальная доктрина страны, которая рассматривает в качест-

ве зоны своих интересов страны, где правят или проживают шииты, а это такие арабские страны, как Сирия, Йемен, Ирак, Ливан, Бахрейн, Кувейт, Саудовская Аравия.

3.4. Миграционные процессы в арабском регионе

Существенное воздействие на численность, состав и размещение жителей как в регионе в целом, так и в отдельных его государствах оказывает миграция населения, т.е. перемещение людей через границы тех или иных территорий, связанное, как правило, либо с постоянной переменой места жительства, либо с временной.

Многообразии видов и форм миграции отражает всю сложность и неоднозначность этого явления. Сама миграция по способу ее реализации делится на организованную, т.е. осуществляемую при участии государства, и неорганизованную (индивидуальную), которая производится силами и средствами самих мигрантов без организационной и материальной помощи государственных учреждений и органов.

Выделяют две группы перемещения жителей: внутренние и внешние (международные) миграции. Внутренняя миграция – это перемещение людей в пределах территории государства с целью постоянного или временного изменения места жительства. Внутренние миграции приобретают значение в результате развития страны, когда снижается роль сельского хозяйства и сферы услуг, происходит урбанизация. В этих условиях важную роль играют сельско-городские миграции. Существуют и другие миграционные потоки: «город-город», «село-село», «город-село», но решающего влияния на процесс урбанизации они не оказывают.

За счет различных потоков внутренней миграции растут преимущественно города стран Северной Африки и Восточного Средиземноморья. Что касается нефтедобывающих государств Персидского залива, то здесь важным фактором формирования урбанизированных центров является внешняя миграция, значительную часть которой составляет рабочая сила.

Внешняя (или международная) миграция характеризуется пересечением людьми государственной границы чаще всего с целью изменения постоянного места жительства. Этот вид миграции осуществляется двумя способами – эмиграцией (выездом из одной страны в другую на постоянное проживание) и иммиграцией (въездом в страну на постоян-

ное или временное проживание). Внешняя миграция подразделяется также на трудовую и политическую. Трудовая миграция характеризуется добровольным и легальным перемещением граждан, постоянно проживающих на территории тех или иных государств, за их пределы в другие государства с целью осуществления трудовой деятельности. Политическая миграция вызвана конфликтами, гражданскими войнами, политическими преследованиями, т.е. такими обстоятельствами, при которых граждане вынуждены искать убежище в других странах, поскольку на родине их жизни что-либо серьезно угрожает.

Существует еще и нелегальная миграция – въезд из одной страны в другую иностранных граждан и лиц без гражданства с нарушением законодательства принимающей страны, его законов о порядке въезда, пребывания, транзитного проезда и выезда иностранных граждан, а также произвольное изменение ими своего правового положения в период нахождения на территории этой страны.

Миграция может быть добровольной и вынужденной. Участниками первой категории являются люди, добровольно покидающие страну своего постоянного проживания и переезжающие на новое место жительства на территории другого государства. Вынужденная миграция – это перемещение с целью поиска убежища, причем не обязательно только политического. Мигрировать людей заставляют войны, экологические и техногенные катастрофы, экономические кризисы и т.д.

В государствах Ближнего Востока и Северной Африки присутствуют все виды миграции.

Исторически миграционные процессы на Ближнем Востоке и Северной Африке прошли несколько этапов:

– 1945 г. – конец 1960-х гг. Окончание Второй мировой войны и массовая деколонизация, когда миграция воспринималась в Европе как временная мера, вызванная необходимостью восполнить нехватку рабочих рук на национальных рынках труда. Считалось, что в интеграции мигрантов в местные общества и культуры не было нужды, т.к. предполагалось их скорое возвращение на историческую родину;

– 1970-е гг. Экономический подъем в странах Персидского залива, связанный с политикой, проводимой участниками ОПЕК. Экспортно-ориентированные государства – члены Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), испытывавшие нехватку рабочих рук в нефтяной и газовой отраслях, реализуют государственные программы, нацеленные на стимулирование внешней

трудовой миграции. Следствием этого становится увеличение численности иностранных рабочих в арабских странах Залива;

– 1980-е гг. Кризис в Заливе, связанный с ирано-иракской войной и продолжающимся арабо-палестинским противостоянием, привел к увеличению числа беженцев и временному свертыванию миграционных перемещений;

– 1990-е гг. Второй международный кризис в Заливе, вызванный последствиями аннексии Ираком Кувейта и Операцией сил международной коалиции по освобождению Кувейта. Этот период характеризуется ростом числа беженцев и массовыми изгнаниями арабских иностранных рабочих из государств Персидского залива;

– 2003–2007 гг. Третий международный кризис в Персидском заливе, возникший в связи с проведенной США совместно с силами международной коалиции операцией, направленной на свержение режима Саддама Хусейна в Ираке; сохраняющаяся нестабильность в зоне арабо-палестинского конфликта и военная кампания Израиля в Ливане весной – летом 2006 г.

Первоосновой миграции на Ближнем Востоке и в Северной Африке является совокупность факторов различного порядка – экономического, политического, военного, экологического, демографического, этнического, религиозного и пр. По этим причинам миграцию правильнее подразделять на экономическую, политическую, демографическую.

Исторически миграционные потоки из арабских стран идут в основном в трех направлениях:

– в Европу, куда в массе своей устремилось первое поколение арабских мигрантов (59%) и где теперь ищут работы и лучших условий жизни преимущественно мигранты из Северной Африки. Франция стоит на первом месте среди принимающих стран, затем идут Испания, Италия и Германия;

– в страны-нефтеэкспортеры Персидского залива, а также в Ливию;

– в Северную Америку мигрируют из всех арабских государств.

В силу своего выгодного географического положения отдельные арабские страны (Марокко, Тунис, Ливия, Ливан) широко используются для нелегального людского транзита.

Значительная часть нелегальных мигрантов прибывает на Ближний Восток и на средиземноморское побережье Северной Африки из стран Тропической Африки (ежегодно около 35 тыс. человек), из

Азии (почти столько же) и из Южного и Восточного Средиземноморья (55 тыс.).

Арабские государства с 1990 по 2005 гг. приняли в общей сложности около 7 млн международных мигрантов. Из каждого десятого шестеро направлялись в страны Персидского залива. В 2005 г. наибольшее число международных мигрантов приняли три страны: Саудовская Аравия (6,4 млн человек, или 3,3%), Объединенные Арабские Эмираты (3,2 млн, или 1,7%), Иордания (2,2 млн, или 1,2%). В 10 странах региона (Иордании, Ливане, Ливии, всех государствах ССАГПЗ) мигранты составили свыше 10% населения. Самая высокая пропорция международных мигрантов и местного населения наблюдалась в ОАЭ и Кувейте: 71 и 62% соответственно.

На миграцию рабочей силы в субрегионе Персидского залива оказывает непосредственное влияние нефтяной фактор. С открытием углеводородных запасов, началом их промышленной добычи и экспорта возникает проблема дефицита рабочей силы и необходимость ее привлечения из других стран.

Малая численность населения этих стран (во всех арабских странах Залива, включая и Ирак, насчитывается около 6,1 млн жителей); низкое качество рабочей силы; нежелание местных жителей заниматься многими видами профессиональной деятельности; религиозные традиции, не предусматривающие участие женщин в общественном производстве (при этом что женщины составляют 18–25% всего работоспособного населения); необходимость импорта квалифицированной рабочей силы наряду с иностранными технологиями для обслуживания нефтяной отрасли; высокие нетрудовые доходы коренного населения; наличие «нефтедолларов» для оплаты пришлых рабочих в сочетании с их крайней заинтересованностью в заработке – вот те причины, которые обусловили появление и быстрый рост международных миграций в районе Персидского залива. Уже в 1975 г. здесь насчитывалось 2,5–3 млн иммигрантов, а к 1990 г. – 8 млн.

Страна	Численность иностранной рабочей силы (тыс. чел.)	Доля в общей численности занятых (%)
Саудовская Аравия	4560	72
Кувейт	1020	81
Ирак	980	21

ОАЭ	930	90
Оман	210	42
Катар	190	82
Бахрейн	130	58

Миграционные процессы в арабских странах залива прошли несколько этапов:

– 1970 – начало 1980-х гг. В этот период происходит наиболее интенсивное привлечение рабочей силы из США, Европы, арабских и азиатских государств. По мере того как мировые цены на нефть росли, регион становился все более зависимым от иностранной рабочей силы. С 1975 по 1980 гг. численность иностранцев в странах регионе удвоилась. Особый упор в этот период был сделан на привлечение трудовых мигрантов из Египта, Йемена и Палестины. Иностранцы составили большинство в частном секторе экономики. Экстремальная ситуация сложилась в ОАЭ, где 99% всех занятых в частном секторе были иностранцы. Такая ситуация привела к росту безработицы среди коренного населения, что имело серьезные экономические последствия;

– середина 1980-х – середина 1990-х гг. Этот период примечателен значительным притоком трудовых мигрантов из Азии. Падение цен на нефть заставило государственный и частный сектора во всех странах региона урезать расходы. В связи с этим произошла замена арабских рабочих на менее требовательных, но одновременно и менее квалифицированных трудовых мигрантов из Азии. Следствием всего этого явилась массовая репатриация арабов на родину;

– 1990 – 2000-е гг. характеризуются ростом безработицы среди местного населения, что стало результатом внешнего фактора, с одной стороны (негативными последствиями войн в Заливе), и внутреннего – с другой (снижение в начале 1990-х гг. цен на нефть, сокращение иностранных активов, рост населения и, соответственно, увеличение предложений на рынке труда). Но к началу 2000-х гг. численность иностранцев составила в странах Залива свыше 30% от общего состава населения. Новой чертой, характеризующей третью стадию миграционных процессов в Заливе, является их «феминизация». В частности, прислуга чаще нанимается теперь в Шри-Ланке, на Филиппинах и Бангладеше.

Сложности, с которыми столкнулись арабские государства Залива, усугублены кризисом в этом регионе в 1990 г. Тех, кто поддер-

жал Ирак, – палестинцев, иорданцев, йеменцев и суданцев – насильственно выдворили из стран ССАГПЗ. В общей сложности 800 тыс. йеменцев и 200 тыс. иорданцев было изгнано из Саудовской Аравии и других стран Залива; 700 тыс. египтян вынуждены было вернуться на родину. Всего около 2 млн арабских рабочих и их семей потеряли работу в странах Залива, и новыми переселенцами стали свыше 1,5 млн человек. Таким образом, к 2002 г. арабское население в странах Залива сократилось на 25–29% по сравнению с 1975 г., когда оно достигало 72%. Эти цифры не включают нелегальных иммигрантов, число которых может быть весьма значительным.

В странах Персидского залива было создано (уже к 1990 гг.) передовое трудовое законодательство, что также стимулировало приток иностранных рабочих. В этом законодательстве гарантировано право на труд, получение пособий по безработице и нетрудоспособности, ограничен рабочий день; применяются меры по охране труда, созданию условий для нормальной работы. Это законодательство распространено и на иностранных рабочих, чей труд дополнительно регламентирован специальными правительственными постановлениями. Для урегулирования трудовых споров в системе Министерства труда и социальных дел во всех странах образованы специальные органы (посредническая палата, палата трудового арбитража), решающие спорные вопросы с участием работодателя, рабочего и государства. В Кувейте и Бахрейне предусмотрена регистрация безработных в Министерстве труда, отвечающем далее за их трудоустройство. Во всех странах созданы бюро или агентства по трудоустройству, обеспечивающие местных жителей работой бесплатно, иностранцев – за плату.

Однако категорически запрещены забастовки. Так, в Саудовской Аравии любое незаконное собрание карается тюремным заключением сроком до 2-х лет; а призыв прекратить работу – тюремным заключением сроком до 1 года. Профсоюзы везде запрещены (кроме Кувейта).

До 1950 г. основной контингент мигрантов прибывал из Ирана, Ирака и эмиратов Персидского залива в силу их географической близости. Например, в Кувейте иранцы составляли 42% от общего числа иммигрантов, саудовцы – 18%, иракцы – 17%. В 1950-е гг. росло число палестинцев (в связи с созданием государства Израиль и первой арабо-израильской войной), иорданцев, ливанцев, египтян, индийцев и пакистанцев (вследствие индо-пакистанского конфликта 1948 г.), а также европейцев. Но приезжие из Ирана и Ирака продолжали составлять большинство иммигрантов в странах Залива.

«Кузницей кадров» для всех арабских стран стал Египет с его преимущественно светской системой подготовки, особенно работников среднего звена – мастеров и инженеров. Дополнительным стимулом миграции египтян являлся высокий уровень безработицы на родине (20%).

Со второй половины 1970-х и начала 1980-х гг. изменились направление и характер миграционных потоков в страны Аравийского полуострова. Правительство аравийских монархий в результате напряженной ситуации на Ближнем Востоке постепенно сокращали египетскую, палестинскую и южнoйеменскую иммиграцию и стимулировали приток рабочей силы из Азиатско-тихоокеанского региона. В результате доля иммигрантов из арабских стран снизилась с 1975 г. по 1985 г. с 42,2% до 37,9%, а удельный вес мигрантов из Азии вырос с 9,9% до 21%. Основными странами-экспортерами стали Бангладеш, Таиланд, Филиппины, Индия, Пакистан.

Заинтересованность рабочих-иммигрантов объясняется прежде всего поисками заработка. Их ежегодные денежные переводы на родину оцениваются многими миллиардами долларов. Например, в середине 1980-х гг. денежные переводы египетских рабочих только из Ирака и Кувейта составляли соответственно в среднем 3 и 1 млрд долл. в год. А для Иордании и Йемена такие переводы давно уже стали главным источником поступления валюты. В 1990 г. в хозяйстве арабских стран Персидского залива, главным образом в нефтяной промышленности, на долю иностранцев приходилось 2/3 всех работников.

В конце 1980 – начале 1990-х гг. произошли дальнейшие существенные изменения в численности мигрантов в страны Персидского залива. Причина этого – Кувейтский кризис 1990–1991 гг. В ходе этого кризиса Ливия, Йемен и Организация освобождения Палестины (ООП) выступили на стороне Ирака. В результате была прекращена выдача виз палестинцам.

Особенно интенсивно этот процесс шел в Кувейте. В конце 1990-х – начале 2000-х г. абсолютная численность иностранной рабочей силы растет, а относительные показатели снижаются.

Особая ситуация складывается в Саудовской Аравии. В период хаджа количество иностранцев возрастает на 3 – 3,2 млн человек. Определенная их часть остается в стране в качестве уже нелегальных работников. Поэтому точно подсчитать численность иностранцев в этой стране, как и во всех прочих государствах Аравийского полуострова, достаточно затруднительно.

По последним данным численность мигрантов в Омане достигает 559 тыс. человек (23,8% населения страны), а в столице возрастает до 39,6%.

40% населения ОАЭ составляют выходцы из Индии, Пакистана, Бангладеша, Шри-Ланки и Ирана. в остальные 60% входят представители арабских, африканских, юго-восточных и западных стран. Около 90% рабочей силы ОАЭ – иностранцы. Аналогичная ситуация с некоторыми вариантами наблюдается и в других аравийских монархиях.

Постепенно власти монархий Персидского залива стали осознавать, что такое наличие иностранной рабочей силы таит в себе потенциальную угрозу социальной стабильности и создает социальную напряженность в обществе. Так, ученые Кувейтского Университета в 1997 г. провели опрос в различных странах Залива об отношении коренных жителей к иностранным рабочим (опрошено было более 30 тыс. человек). 54% опрошенных заявили, что экспатрианты представляют «угрозу их экономическому благополучию». Опасения, как оказалось, были вызваны тем, что иностранные рабочие, внесшие огромный вклад в развитие экономики, могут потребовать равную с коренными аравийцами долю «нефтяного пирога». Этот опрос выявил усилившуюся в монархиях Персидского залива психологию иждивенчества, нежелание работать и самим создавать национальные блага, а также взгляд на иностранную рабочую силу как на рабов (вспомним в этой связи, что в Саудовской Аравии рабство отменили только в 1962 г.).

К 1990-м гг. правящие режимы стали принимать определенные меры, направленные на сокращение численности иностранных рабочих. Так, в 1989 г. Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) принял совместное решение о введении во всех странах ограничений на смену мест работы иностранными рабочими и немедленной высылке их на родину после окончания контракта. Началось сокращение жилищного строительства для иностранных рабочих и было принято решение о запрете приема детей иностранных рабочих в школы.

На июльском саммите 2005 г. ССАГПЗ было принято решение о постепенном сокращении иностранной рабочей силы и запрете иностранцам работать в некоторых отраслях экономики.

Наряду с трудовой миграцией сохраняется и эмиграция по политическим, этническим и религиозным причинам. С ними связано формирование потоков беженцев. Так, после образования государства Израиль в 1948 г. около 1 млн арабов-палестинцев были вынуждены

искать убежище в соседних арабских странах. После арабо-израильской войны 1967 г. и захвата части арабских земель Израиль произвел депортацию еще одной значительной группы палестинцев. В результате в 1980-х гг. около 2 млн палестинских беженцев проживали на западном берегу реки Иордан, в секторе Газа, Ливане, Сирии. В периоды особого обострения политической борьбы и военных действий массовый характер принимали также потоки беженцев из Ливана, Ирака, Судана.

Миграционные процессы в каждой из арабских стран различаются между собой. Так, Палестина и Ливан лидируют по числу безвозвратных мигрантов; Иордания, Ливан и Сирия – государства, где имеется наибольшее число беженцев (в Иордании они составляют 81% от общего числа населения, в Ливане – 61 и в Сирии 44%) и наряду с этим множество трудовых мигрантов из Азии.

На Сирию на всем протяжении XX в. накатывались миграционные волны. В основном отсюда выезжали в США, Европу, Австралию; в 1960-е гг. началась временная трудовая миграция сирийцев в страны Залива. Она включала по преимуществу квалифицированных рабочих и технический персонал. Тем не менее рейтинг сирийской международной миграции оставался ниже других стран региона.

В Ливане наибольшее влияние на миграционные процессы оказали гражданские войны и военные столкновения с Израилем, происходившие в период с 1975 по 1990 гг. В этот период страну покинуло свыше 900 тыс. ливанцев и около 800 тыс. стали вынужденными переселенцами. С тех пор многие из тех, кто эмигрировал из страны, вернулись обратно, будучи привлеченными принятыми правительством программами по восстановлению Ливана. Вынудила выехать из Ливана в 1992–1999 гг. почти 690 тыс. человек и экономическая депрессия. Другим фактором, стимулировавшим миграционные процессы в Ливане, стал нефтяной бум 1973 г. С тех пор и до середины 1980-х гг. поток трудовых мигрантов из Ливана двигался в направлении нефтедобывающих стран Залива. Параллельно с этим не прекращалась миграция ливанцев в Западную Европу, США, Канаду и Австралию.

Израильское вторжение в Ливан в июле 2006 г. и последовавшие за этим боевые действия имели самые трагические последствия для социально-экономического развития Ливана: были разрушены инфраструктура и основные системы жизнеобеспечения, что вынудило многих ливанцев покинуть места постоянного проживания и стать либо внутренними, либо международными мигрантами.

Ливан, население которого составляет 3,6 млн человек, не справляется с решением экономических проблем собственными силами, а потому вынужден привлекать рабочую силу из-за границы. В 2003 г. по данным Международной организации по миграции (МОМ) в Ливане находилось от 200 тыс. до 1 млн временных трудовых мигрантов из Сирии, Шри-Ланки, Эфиопии, Египта, Филиппин, Индии. Почти все они проживали в Ливане нелегально, и только 87 тыс. трудовых мигрантов получили от правительства разрешение на работу.

В Ливане, кроме того, нашли прибежище 409 тыс. беженцев и перемещенных лиц (в основном палестинцев), что составило свыше 10% населения страны. В отличие от Иордании и Сирии, где беженцы наделены многими правами, в Ливане им запрещено занимать престижные должности, покупать или получать в наследство собственность; на беженцев не распространяются многие гражданские права и они находятся в целом в ведении БАПОР (Ближневосточное агентство ООН для помощи палестинским беженцам и организации работ). Ливанские законы запрещают интеграцию палестинцев в местное общество, в силу чего им отказано в получении медицинской помощи и других социальных услуг; запрещено посещать высшие и средние учебные заведения.

С середины 1970-х гг. в Ливане берет начало практика образования эмигрантских землячеств, которые в числе прочего стали оказывать политическую и финансовую поддержку своим общинам в Ливане. В 1979 г. марониты основали Всемирный союз маронитов. Аналогичный союз создали друзья, которые с 1983 г. ежегодно проводят международные съезды. Имеется Всемирный союз греко-католиков, а также Всемирный эмигрантский союз ливанских шиитов. В середине 1990-х гг. в Ливане было создано Министерство эмигрантов для установления связей с проживающими в эмиграции ливанцами (впоследствии оно слилось с Министерством иностранных дел).

Особого внимания заслуживает ситуация в Ираке. По данным ООН эту страну, население которой до 2003 г. составляло 26 млн человек, после свержения режима Саддама Хусейна покинуло в общей сложности 4 млн человек. Выехали в основном представители среднего и высшего класса, которые нашли убежище в соседних арабских государствах. Туда был переведен и их бизнес. Вместе с этой категорией международных мигрантов из Ирака выехало множество профессионалов, что значительно обеднило бизнес-среду страны. Новая волна миграции, которая включила в себя уже представителей низ-

ших классов, пошла вслед за расширением в последние годы масштабов боевых действий, умножившимися террористическими актами и межфракционной борьбой (между шиитами, суннитами и курдами). Этот миграционный поток включил в себя в основном женщин и детей, спасавших свои жизни и вынужденных искать места для более безопасного проживания.

Географическое положение Иордании, расположенной на пересечении двух главных зон нестабильности и непрекращающихся конфликтов – палестино-израильского и ливанского, превратило ее в основное прибежище для беженцев и трудовых мигрантов, покидающих эти конфликтные зоны. В дополнение к палестинцам Иордания приняла значительное число ливанцев после гражданской войны 1975–1989 гг., а также иракцев после войны в Заливе 1991 г. и кризиса, начавшегося в Ираке после 2003 г. С 2011 г. в Иорданию начали переселяться значительное число беженцев из Сирии. В целом, Иордания имеет самый высокий процент беженцев в мире: с ее населением в 5 млн человек, беженцев здесь насчитывается около 2 млн.

Несмотря на высокий уровень безработицы среди местного населения, в Иорданию ежегодно прибывает значительное число трудовых мигрантов, по большей части из Египта, а в последние годы и из Южной Азии.

Экономическое развитие Йемена находится на столь низком уровне, что жизнь семей многочисленных мигрантов, выехавших из этой страны на заработки, полностью зависит от получаемых из-за границы денежных переводов. Несмотря на введенный в 1973 г. запрет на эмиграцию, в середине 1970-х гг. около 300 тыс. человек (20% всей рабочей силы) выехало в поисках работы в страны Залива. К 1980 г. число трудовых мигрантов, временно покинувших Йемен, составило 1 млн человек, а к середине 1980-х гг. их стало еще на полмиллиона больше. После Второй войны в Заливе около 850 тыс. йеменцев были насильственно отправлены на родину, где они до сих пор, лишены работы и жилья, вынуждены жить в палаточных лагерях для беженцев. По данным ООН свыше 47% населения Йемена находится на грани нищеты и зависит почти полностью от правительственных субсидий. В настоящее время около 1,2 млн йеменцев мигрировало в поисках работы за границу.

Первая волна эмиграции из Египта приходится на 1970-е гг., когда в поисках работы мигранты устремляются сначала в Ливию, а затем в Саудовскую Аравию, позже в Ирак. Своего пика первая миграционная

волна из Египта достигает в 1984 г. Одновременно сам Египет становится прибежищем для безвозвратных мигрантов и беженцев. Большая часть последних прибыла из Судана (от 1,5 до 3 млн человек), Сомали и Палестины, осев по преимуществу в Каире. К 2003 г. общее число беженцев в Египте составило 5 млн человек; при этом из самой страны в поисках работы выехало около 2 млн временных трудовых мигрантов, половина из которых направилась в Саудовскую Аравию. Половину временных мигрантов составили квалифицированные рабочие, ученые и технические специалисты, половину – неквалифицированные и полуквалифицированные рабочие. Причинами миграции стали быстрый рост населения, порождающий проблему занятости, высокая степень безработицы. Но есть и специфически египетская причина: 72 млн жителей страны населяют менее 10% ее территории, что создает серьезные социально-экономические трудности.

Специфика мигрантов-палестинцев, вынужденных покинуть места своего постоянного проживания из-за длящихся с 1948 г. войн с Израилем, состоит в том, что не все они подпадают под ООНовскую классификацию «беженцев и вынужденных переселенцев». Таковыми считаются только те палестинцы, местожительством которых с июня 1946 г. и мая 1948 г. была Палестина, и которые потеряли свое жилье и средства к существованию в результате арабо-израильского конфликта 1948 г.

Между тем число зарегистрированных палестинских беженцев с 1950 г., когда они составляли 914 тыс. человек, возросло в 2002 г. до 2 млн человек. В двух государствах, где сосредоточено наибольшее число палестинцев, – Ливане и Иордании – им так и не было предоставлено гражданство. И такой статус сохраняется для третьего и даже уже четвертого поколения палестинцев.

В государствах Северной Африки власти в 1960–1970-е годы поощряли эмиграцию с тем, чтобы регулировать занятость. Изменившаяся затем экономическая ситуация и нехватка квалифицированных рабочих рук потребовала изменения социальной политики: была развернута кампания по возвращению эмигрантов из-за границы.

Свидетельством того, что правительства североафриканских стран начали уделять внимание проблемам миграции, служат созданные в ряде стран специальные ведомства: Офис для тунисцев за границей; действующий с 2001 г. в тесной координации с МОМ департамент миграции в министерстве труда Египта и др. структуры. Была признана также необходимость проведения реформ в сфере занятости

с целью стимулирования экономического развития, хотя миграция и является лишь незначительной частью процесса, и такие реформы уже начаты. Сделана попытка наладить сотрудничество со средиземноморскими странами, главным образом в рамках борьбы с нелегальной миграцией.

Воздействие миграционных процессов на экономическое развитие арабских стран неоднозначно. Для стран Северной Африки миграция стала способом избавления от излишков рабочей силы. В двух государствах-нефтеэкспортерах – Ливии и Алжире – давление со стороны их более бедных соседей не столь ощутимо. Для арабских стран Ближнего Востока эмиграция излишков рабочей силы преимущественно в страны Залива тоже стала благом, поскольку экономика не могла обеспечить быстро растущему населению адекватную занятость. Что касается государств аравийского полуострова, то они ввиду малочисленности собственного населения испытывают постоянную потребность в притоке иностранной рабочей силы.

Особенностью миграционной политики стран региона стало использование системы кафила, которую применяют в отношении временных трудовых мигрантов. Эта система не имеет аналогов в западном мире. Суть ее состоит в том, что мигрант получает въездную визу и разрешение на проживание только в том случае, если за него поручится любой имеющий гражданство житель принимающей страны (необязательно являющийся работодателем). Кафила, или спонсор-наниматель, отвечает юридически и финансово за въехавшего в страну мигранта, и для пущей убедительности он должен получить в государственном учреждении документ, удостоверяющий его согласие на несение соответствующих юридических и финансовых обязательств в отношении мигранта. Без такого спонсора трудовой иммигрант не может получить ни вида на жительство, ни визы. Работник полностью зависит от кафила. Миграционные законодательства аравийских монархий и некоторых ближневосточных государств предусматривают существование системы кафила на юридических основаниях.

Региональные инициативы способствуют перемещению рабочей силы по арабским странам. Так, еще в 1965 г. участники Совета арабского экономического союза подписали соглашение, обеспечивавшее свободу передвижения, найма на работу, фактически отменявшее ограничения на миграцию в регионе. В 1968 г. Арабская организация труда приняла Трудовое соглашение с целью поощрения трудовой мобильности и предоставления приоритета арабским рабочим. В 1984 г. была

принята Арабская декларация принципов движения рабочей силы. Она предусматривала развитие внутрорегионального сотрудничества в сфере миграции. Эта декларация, однако, носила во многом символический и идеологический характер и не имела практического применения, что не удивительно: ведь если взять региональную экономическую интеграцию в целом, то она находится на чрезвычайно низком уровне и даже торговля внутри арабского мира составляет только 7–10% от общего объема всей внешней торговли арабских стран.

Недавние региональные инициативы, касающиеся миграционных процессов, включают Диалог по миграции в Западном Средиземноморье в формате 5+5 (Алжир, Марокко, Мавритания, Тунис, Ливия, Испания, Франция, Италия, Мальта, Португалия). Его провела МОМ в 2002–2003 гг.

Вопросы для самоконтроля

1. Основные характеристики народонаселения арабского региона.
2. Специфика размещения населения в арабских странах.
3. Демографические показатели населения арабских стран и демографическая политика.
4. Экономически активное население и проблема занятости.
5. Проблемы трудовых ресурсов.
6. Факторы, оказывающие влияние на миграционные процессы в регионе.
7. Специфика миграционных процессов в отдельных странах.
8. Этноконфессиональная неоднородность арабского мира.
9. Христианские общины в арабском мире.
10. Иудейские общины в современных арабских странах: особенности социально-экономического положения и правового статуса.
11. Место и роль коптской общины в истории Египта в XX в.
12. Социально-экономическое и политическое положение коптов в современном Египте.
13. Социально-экономическое и политическое положение берберов в современном Алжире и Марокко.
14. Причины политизации этнического фактора в арабских странах Северной Африки в конце XX в.
15. Курдская проблема в Ираке в XX в.
16. Курды в современной Сирии.

17. Межэтнический и межконфессиональный конфликты в Ираке в 1990-е гг.
18. Роль шиитов в общественно-политической жизни Ирака.
19. Конфликт в Ливане (1975–1989), причины и последствия.
20. Конфессиональная система государственного устройства в Ливане и проблема ее реформирования.
21. Друзская община в Ливане: история и современность.
22. Маронитская община в независимом Ливане.
23. Черкесская община в Иордании.
24. Роль шиитских общин в монархиях Персидского Залива.
25. Алавиты в сирийском социуме.
26. Этнический и конфессиональный состав населения в Судане.
27. Конфликт на юге Судана: причины и этапы эволюции.

Примеры контрольных заданий

Блок 1

Что оказывает доминирующее влияние на размещение населения и его концентрацию?

Специфика возрастного состава населения, в чем она проявляется?

Что является причиной низкой экономической активности арабского населения?

С чем связана появившаяся в последние десятилетия тенденция снижения рождаемости? Почему этот процесс идет крайне медленно?

В чем причины быстрого процесса урбанизации в странах Персидского залива?

Какие факторы влияют на миграционные процессы в регионе?

Какие виды миграции присутствуют в странах Ближнего Востока и Северной Африки?

Какие экономические проблемы проистекают из специфики народонаселения арабских стран?

Блок 2

Какие этнические группы проживают на территории арабских стран?

В чем причина религиозной неоднородности арабского мира?

Особенность этногенеза берберов и курдов. В чем заключается причина консерватизма этих этнических групп?

В чем заключается «берберский вопрос» в странах Магриба?

В чем особенность этноконфессиональной ситуации в современной Сирии?

Решает ли новая конституция Ирака (2005 г.) этноконфессиональные проблемы этой страны?

Решил ли референдум по самоопределению Южного Судана (январь 2011 г.) этнические проблемы этой страны?

Блок 3

Какие факторы способствовали разделению иракских арабов на суннитов и шиитов?

В чем причины продолжающегося этноконфессионального противостояния в современном Ираке?

В чем причины гражданской войны в Ливане (1975–1989 гг.)?

Можно ли говорить о начавшемся отходе от конфессиональной системы государственного устройства в Ливане?

С чем связан процесс уменьшения христианского населения на Ближнем Востоке?

Являются ли копты автохтонным населением Египта?

В чем причины обострения мусульmano-коптских отношений в Египте в 1970-е гг.?

Ситуационный анализ (*пример*)

Развитие ситуации в Ираке (*сценарий ситуационного анализа*)

Динамика внутренних событий обусловлена комплексом процессов, получивших развитие в Ираке в результате военной операции США и оккупации страны. Вместе с тем на эту дилемму окажет прямое воздействие полный вывод или сохранение на определенный период американских войск. В свою очередь, решение о присутствии в Ираке американского вооруженного контингента зависит не только от внутреннего положения в этой стране, но и от соотношения сил в США и в мире в целом.

Приняв эти положения, участники анализа, посвященного развитию ситуации в Ираке на ближайший период, должны сосредоточиться на обсуждении следующих блоков вопросов:

Противоречия иракского общества и их возможные последствия

Можно ли считать, что иракское сопротивление идентично по своему значению вооруженной борьбе сторонников режима Саддама Хусейна? Каковы движущие силы и составляющие части сопротивления? Кто в нем задает тон? Есть ли единое руководство?

Иракское военное поле и междунраодный терроризм.

Шиитско-суннитские взаимоотношения. Может ли американская ставка на возрождение шиитов, отстраненных от политического процесса при Саддаме Хусейне, привести к созданию секуляризованного государства – если да, то при каких доступных условиях? Насколько прагматичен, в том числе в связи с наличием «иранского фактора», федеральный строй в Ираке.

Взаимоотношения арабов и курдов. Каковы возможности разрешения конфликта без территориального раскола Ирака? Насколько реальны угрозы Анкары ввести войска на север Ирака в случае, если она сочтет неприемлемой для себя модель решения курдского вопроса в Ираке? На что могли бы согласиться арабы (Багдад), курды (Анкара)?

Какие варианты развития внутрииракских событий наиболее вероятны:

– гражданская война по линии: коллаборационисты – антиоккупационные силы;

– гражданская война на чисто религиозной основе (шииты – сунниты);

– гражданская война на «смешанной» политико-религиозной основе при поддержке американцами шиитского большинства;

– периодические столкновения, которые в условиях продолжающейся оккупации не приведут к широкомасштабной гражданской войне;

– очередной переход в горячую фазу арабо-курдских отношений;

– стабильность, достигнутая за счет проведения всеобщих выборов, в результате которых большинство в законодательном органе будет принадлежать шиитам, или стабильность на базе религиозного устройства Ирака;

– стабильность, достигнутая за счет резкого увеличения числа иракцев, изъявляющих желание сотрудничать с оккупационными властями (создание новой армии, полиции); может ли этот процесс протекать быстро без дееспособной иракской политической силы, сотрудничающей с США? Каковы шансы на создание такой силы и из кого?

– Стабилизация, достигнутая за счет восстановления Ирака как важнейшего экспортера нефти на мировой рынок.

Возможности перевода решения иракской проблемы на коллективную основу

Насколько США будут готовы передавать свою роль и функции в Ираке Организации Объединенных Наций? Где пределы такой передачи и каковы ее условия? Возможна ли замена оккупационного контингента миротворческими силами ООН?

Насколько вероятна замена оккупационных вооруженных сил (коалиции, сложившейся во главе с США) НАТОвским контингентом?

Возможность увеличения числа стран – участниц коалиции при демонстративном сокращении военного присутствия США;

Возможность привлечения Соединенными Штатами для решения задач послевоенного устройства Ирака арабских стран с умеренными режимами.

Возможность «обусловленного» вывода американского контингента

Что должно повлиять на решение о выводе войск до президентских выборов в США:

- резкое увеличение числа жертв среди американских военнослужащих;
- ухудшение экономической обстановки в США;
- возможность создания «альтернативы» военному присутствию США и согласие на это Вашингтона;
- резкое падение рейтинга президента США.

Роль России в стабилизации ситуации в Ираке:

- во взаимоотношениях с США;
- во взаимоотношениях с Европейским Союзом, Англией, Францией, Германией;
- во взаимоотношениях с арабскими странами;

Какие инициативы могла бы выдвинуть Россия с целью стабильного послевоенного устройства Ирака?

Литература по 3 главе

Агавельян Ю.В. Ливанское общество в 1990-е годы: основные направления социальной политики в посткризисный период /

Ю.В. Агавельян // Ближний Восток и современность. – М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2001. – Вып. 11.

Азимов К.С. Северный Ирак: конфликт между курдами и туркоманами / К.С. Азимов // Ближний Восток и современность.– М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2003. – Вып. 19.

Андре-Жюльен Ш. История Северной Африки. Тунис. Алжир. Марокко / Ш. Андре-Жюльен; пер. с французского Р.М. Солодовника. – М.: Издательство иностранной литературы, 1961.

Беляков В. Копты – недоарабизированные египтяне / В. Беляков // Азия и Африка сегодня. – 1999. – № 6.

Загорнова Е.В. Влияние друзского рода Джумблатов на политические и социальные процессы в ливанском обществе / Е.В. Загорнова // Ближний Восток и современность. – М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2004. – Вып. 24.

Загорнова Е.В. Друзы на Ближнем Востоке: к проблеме межконфессиональных этнополитических взаимоотношений / Е.В. Загорнова // Ближний Восток и современность. – М., 2003. – Вып. 20.

Кудрявцев А.В. Мусульмано-коптские конфликты в Египте (70-годы ХХ – начало ХХІ в.) / А.В. Кудрявцев // Ближний Восток и современность. – М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2002. – Вып. 14.

Кудрявцев А.В. Христиане в Иордании / А.В. Кудрявцев // Ислам и исламизм (под ред. Е.М. Кожокина, В.И. Максименко). – М.: Российский институт стратегических исследований, 1999.

Лазарев М.С. История Курдистана / М.С. Лазарев, Ш.Х. Мгой. – М.: Ин-т Востоковедения РАН, 1999.

Люсин С.Г. Роль шиитского движения в общественно-политической жизни современного Ирака / С.Г. Люсин // Арабский мир в конце ХХ века. – М.: Институт Востоковедения РАН, 1996.

Матвеев И.А. Проблема поддержания этноконфессионального баланса и стабильности в Сирии в новых геополитических условиях / Сирия. Проблемы внутривосточной стабильности и внешней безопасности. – М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2004.

Мосаки Н.З. Курдистан: ресурсы и политика: в 2-х частях. – М.: Институт Востоковедения РАН, 2005.

Население Алжира // Алжир (справочник). – М.: Институт Африки РАН, 1997.

Ражбадинов М.З. Политический исламизм и конфессиональная проблема в Египте / М.З. Ражбадинов // Ближний Восток и современность. – М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2003. – Вып. 20.

Родионов М.А. Марониты (традиции, история, политика) / М.А. Родионов, А.В. Сарабьев. – М.: Институт востоковедения РАН, 2013.

Саутов В.Н. Алавиты у власти: тенденции внутренней эволюции и практика действия / В.Н. Саутов // Ближний Восток и современность. – М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2001. – Вып. 12.

Сергеев М.С. Берберы Северной Африки / М.С. Сергеев. – М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2003.

Скороход Л.И. Меньшинства и проблема идентичности в арабском мире / Л.И. Скороход // Арабские страны Западной Азии и Северной Африки. – М., 2002. – Вып. 5.

Толмачева Е.Г. Копты: Египет без фараонов / Е.Г. Толмачева. – М., 2003.

Этносы и конфессии на Востоке: конфликты и взаимодействие. – М.: МГИМО, Навона, 2005.

4. ДИНАМИКА ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ АРАБСКОГО МИРА В XX в.

Данная глава не претендует на полномасштабный охват всех исторических событий, характерных для этого обширного региона. Ее цель – показать общие региональные тенденции, затронувшие в той или иной степени все арабские страны. Основное внимание уделено тем событиям, которые существенно изменили облик отдельных стран или повлияли на формирование новых идеологических и политических тенденций и определили становление и динамику развития всего Арабского Востока, сделав его таким, какой он есть сегодня, а именно, по образному определению академика Е.М. Примакова разнокалиберным, разномастным, сложным, угрожающе строптивым, подчас наивным и многократно обманутым.

Нижеприведенная периодизация достаточно условна, как впрочем и все используемые в настоящее время исследователями представления об этапах развития арабского региона в новейшее время, учитывая, что изучаемые страны существенно отличаются друг от друга по многим показателям, поэтому процессы их исторического и политического развития не могут протекать одинаково и синхронно. Тем не менее с некоторой долей условности можно заключить, что для каждого из представленных исторических периодов были характерны особые черты социально-политических и экономических процессов.

4.1. Достижение политической независимости и развитие арабского мира после Второй мировой войны

В XX в. арабские страны находились в колониальной зависимости вначале от Османской империи, затем – от Англии, Франции, Италии, Испании. Ни один регион в мире не знал такого многообразия моделей колониальной политики, как Арабский Восток, что обусловило в дальнейшем и многообразие национально-освободительной борьбы, политико-государственных форм независимого развития. Так, Алжир, Ливия, Аден были колониями; Тунис, Марокко, Бахрейн, Кувейт – протекторатами; Судан имел статус кондоминиума; Сирии, Ливану, Трансиордании, Палестине была навязана мандатная система; военно-политические «союзные» договоры Египта и Ирака с Великобританией

позволяли считать эти страны лишь формально независимыми. Только Саудовская Аравия и Йемен были «свободны» от внешних форм колониального закабаления.

В 1950-е – начале 1960-х гг. в результате подъема национально-освободительного движения субъектами региональной политики стало большинство арабских стран. На путь самостоятельного развития встали Египет (формально независимый с 1922 г., но фактически – после антимонархической революции 23 июля 1952 г.), Ливия (1951 г.), Тунис, Марокко и Судан (1956 г.), Йемен (после революции 26 сентября 1962 г., хотя номинально независимый с 1919 г.), Ирак (после июльской революции 1958 г., но формально независимый с 1932 г.), Мавритания и Сомали (1960 г.), Кувейт (1961 г.), Алжир (1962 г.). При этом образцом для революций в других странах стали опыт и методы египетской революции, которая впервые поставила задачу превращения формальной независимости в фактическую. К моменту достижения государственной самостоятельности арабские страны находились на разных уровнях социально-экономического развития, но все были отсталыми аграрными странами. Ни в одной из арабских стран до начала 1960-х гг. не было развитой обрабатывающей промышленности, продукция которой поступала бы на экспорт. Имевшиеся в некоторых из них современные предприятия горно- и нефтедобывающей промышленности в подавляющем большинстве принадлежали иностранному капиталу и представляли собой фактически инородный анклав в крайне отсталой экономике. Основные показатели развития «человеческого фактора» оставались на очень низком уровне.

Обретя политический суверенитет, арабские страны оказались перед проблемой выбора пути дальнейшего развития. Столкновение политических сил, представлявших различные социально-экономические ориентации, обусловило многочисленность совершенных в тот период в арабских странах государственных переворотов (наибольшая нестабильность была характерна для режимов Сирии, Ирака, Северного и Южного Йемена).

При всем своем многообразии новые политические лидеры проводили политику, имеющую общие черты, а именно: разрыв с метрополией, национализация иностранной и национальной крупной собственности, проведение аграрной реформы, борьба с религиозными оппонентами, сотрудничество с Советским Союзом. Важно отметить, что ни в одной арабской стране трансформация режимов не происхо-

дила под религиозными лозунгами, более того, религия стала активно вытесняться из сферы политики.

Общие для всех стран тенденции послевоенного развития в арабском мире имели свою специфику. Фоном для их проявления служили идеи арабского единства, проявлявшиеся в стремлении арабских народов к объединению на основе общности исторического развития, а также наличия общего врага – Израиля. Реальный вес это течение приобретает еще в 1930-е гг. XX века, а после Второй мировой войны становится доминантой политического развития арабского мира. Большое влияние в арабском мире в это время обретают те политические деятели, которые развивали идеи арабского национализма и стремились осуществить их на практике. Среди них особое место заняли М. Афляк и С. Ад-Дин Битар, инициаторы создания в 1947 г. Партии арабского социалистического возрождения (ПАСВ). Разработанная ими программа провозглашала борьбу за освобождение народов всех арабских стран от любого вида колониального господства, за сохранение «единого независимого арабского государства с национальной арабской идеологией». Осуществление этих задач должно было обеспечить «полное возрождение арабской нации». Под идейным влиянием лидеров этой партии действовали очень многие политические группировки, созданные в 1950-е гг. в арабских странах. Важную роль в этом сыграла и первая общеарабская организация – Лига арабских государств, а реальное воплощение идея единства получила в виде создания в 1958 г. Объединенной Арабской Республики (ОАР).

Влияние Запада на политику арабских стран в 1950-е гг. продолжает сохраняться, но меняются формы такого влияния и падает его результативность. Западные страны вынуждены искать новые способы выражения своего присутствия в арабском мире. Общая политическая линия США, Великобритании и Франции, при всех разногласиях, в отношении арабского мира базировалась на стремлении втянуть суверенные государства в военные блоки, руководимые Западом, с целью не дать примкнуть арабам к советскому лагерю. Такой проект – Багдадский пакт – удалось реализовать в 1955 г. С целью установления американской монополии в ближневосточном регионе уже без посредничества Великобритании и Франции в 1957 г. была провозглашена доктрина Эйзенхауэра, которую приняли президент Ливана Шамун, король Саудовской Аравии Сауд, король Иордании Хусейн и премьер-министр Ирака Нури Саид. С момента провозглашения доктрины начинается

этап наступательной американской политики, направленной на создание антиегипетского (антинасеровского) лагеря в арабском мире.

Создание Лиги арабских государств и ее деятельность в 1950-е гг.

Серьезной причиной активизации идеологии арабского национализма стало образование в 1948 г. государства Израиль, а борьба за права палестинского народа – символом арабского единства.

Активным проводником идеи союза арабских государств и претендентом на лидирующее место в движении за арабское единство в годы Второй мировой войны выступил Египет. Внося свою лепту в провал хашимитских планов объединения в пределах Машрика (выдвигавшихся королем Иордании и премьер-министром Ирака), египетское руководство выдвинуло свой план создания федерации арабских государств. Роль координатора по вопросу единства арабских государств принял на себя египетский премьер-министр Мустафа Наххас-паша. С весны 1943 г. Каир превратился в центр политических переговоров о создании арабской федерации, завершившихся созывом в Александрии 25 сентября 1944 г. подготовительной конференции, разработавшей в ходе длительных дебатов Протокол о создании Лиги арабских государств (ЛАГ) из независимых арабских стран. Такое решение было приемлемо для всех делегаций, т.к. снимало вопрос о гегемонии в арабском мире какой-либо одной политической силы в ущерб другим. Александрийский протокол представлял собой подготовительный документ, на основе которого в дальнейшем был разработан Устав Лиги арабских государств. После обсуждения Устав был одобрен 22 марта 1945 г. на Общеарабской конференции в Каире, что ознаменовало собой образование Лиги арабских государств – региональной политической организации, открытой для всех независимых арабских стран. После ратификации Египтом, Ираком, Сирией, Ливаном, Трансиорданией, Саудовской Аравией и Йеменом Устав вступил в силу в мае 1945 г. Только эти семь арабских государств на тот момент выступали как независимые, однако суверенитет их был ограниченным и формальным в силу их особых отношений с Англией, Францией и США.

Устав ЛАГ определил целями созданной организации координацию действий арабских стран в политической, экономической, социальной и культурной сферах «в направлении тесного сотрудничества» между ними, сохранения их независимости и суверенитета. Посколь-

ку членство в Лиге было предусмотрено только для независимых арабских государств, в ее Хартии заметное место занимали вопросы отношений со странами, еще не добившимися независимости, такими как Алжир, Ливия, Палестина, Тунис. Им было разрешено участвовать в работе различных комитетов Лиги, а в случае Палестины – иметь своего представителя в Совете Лиги. Государства, входящие в Лигу и пожелавшие иметь более тесные двусторонние отношения, имели право заключать соответствующие договоры.

Первое десятилетие (1945–1955 гг.) стало временем становления самой Лиги, развитием процесса деколонизации при сохранении зависимости арабских стран от Великобритании и других западных государств, пытавшихся использовать ЛАГ в интересах своей политики на Ближнем Востоке. В эти годы произошло обострение противоречий между арабским национальным движением и сионизмом, вылившимся в затяжной арабо-израильский конфликт. Неудачи ЛАГ в предотвращении раздела Палестины, в ее попытках решить палестинскую проблему и арабо-израильский конфликт военно-силовыми методами, повлекшими за собой военное поражение арабов в войне 1948–1949 гг., привели к спаду арабского национального движения на рубеже 1940–1950-х гг. и к усилению внутренних противоречий между арабскими государствами. Такое развитие событий в регионе заставило руководство Лиги критически оценить свою политику, следствием чего было подписание 17 июня 1950 г. Договора «О совместной обороне и экономическом сотрудничестве арабских государств». В конкретный условиях начала 1950-х гг. программа действий ЛАГ по совместной обороне, предусмотренная Договором, переносила центр тяжести арабской политики ЛАГ на укрепление военного и экономического потенциала арабских стран для отражения агрессивных действий Израиля. Ее концепция в вопросе урегулирования проблемы Палестины и арабо-израильского конфликта основывалась на формуле «сила против силы». Этот же Договор 1950 г. закладывал основы для разностороннего взаимодействия арабских стран в области экономики и предусматривал создание Экономического совета на уровне министров экономики арабских стран. Этому совету, явившемуся первой постоянной межарабской организацией, начавшему свою деятельность с 1953 г., отводилась роль механизма по установлению и расширению хозяйственных связей между арабскими странами. В 1962 г. Экономический совет отделился от ЛАГ и стал самостоятельным органом – Арабским социально-экономическим советом

(АСЭС). В дальнейшем, преимущественно в 1960-е – 1970-е гг., при ЛАГ были организованы различные специализированные учреждения и агентства, такие как: Административный трибунал (1964 г.), Высший совет по аудиту, Арбитражный совет по вопросам инвестирования, Специальное бюро по бойкотированию Израиля (1951 г.), Арабская организация по вопросам охраны труда (1965 г.), Арабский центр исследования пустынь и аридных районов (1968 г.), Арабский союз радиовещания (1969 г.), Арабская академия науки, технологии и морского транспорта (1975 г.), Организация по вопросам образования, культуры и науки (1979 г.), Арабское агентство по атомной энергии (1988 г.) и др.

Образование Лиги арабских государств в 1945 г. стало важнейшим событием, повлиявшим на международные отношения и динамику регионального развития и взаимодействия отдельным арабских стран. Впервые движение за арабское единство перешло из сферы идеологии в практическую плоскость и получило политическое и организационное оформление в масштабах всего арабского региона, продемонстрировав широкое распространение идеологии арабского национализма.

Первая арабо-израильская война 1948 г. Создание Иорданского Хашимитского королевства

Англо-трансиорданский договор 1946 г. объявлял мандат Лиги наций утратившим силу. Трансиордания провозглашалась независимым королевством во главе с королем Абдаллахом. При этом в Трансиордании оставались английские войска, сохранялась английская субсидия, Арабский легион продолжал находиться под командованием английских офицеров и на содержании британского казначейства. 15 марта 1948 г. между Иорданией и Англией был заключен новый договор, согласно которому Англия могла размещать свои войска только в определенных пунктах, более точно определялось правовое положение военнослужащих английских частей и т.д.

В ночь с 14 на 15 мая 1948 г. на основании решения Генеральной ассамблеи ООН от 29 ноября 1947 г., руководство Еврейского национального совета провозгласило в Тель-Авиве создание государства Израиль. На следующий день регулярные части армий Египта, Сирии, Ливана, Ирака и Трансиордании вошли в Палестину и начали боевые действия против вооруженных сил еврейской общины. Так как наиболее

протяженный фронт находился со стороны Трансиордании, главнокомандующим был номинально назначен король Абдаллах.

Несмотря на количественное преимущество, арабам не удалось достичь поставленной цели – ликвидировать Израиль, более того, к моменту прекращения боевых действий Израиль контролировал на 30% больше территорий, чем отводилось еврейскому государству по плану раздела Палестины. Наиболее эффективной арабской силой показали себя трансирданская и иракская армии, позволившие сохранить контроль арабов над восточной частью Иерусалима, включая Старый город. Родосские соглашения, вступившие в действие 3 апреля 1949 г., закрепили контроль Трансиордании над этими территориями, при этом Абдаллах I никогда не оставлял мыслей о расширении своего государства. Используя присутствие Арабского легиона в Палестине, король Абдаллах мобилизовал все усилия для создания палестино-трансирданской федерации (еще накануне войны Амман выступил с заявлением, в котором объявил о непризнании плана ООН по разделу Палестины). Руководство Трансиордании установило тесные контакты с лидерами прохашимитских кланов на Западном берегу реки Иордан и начало подготовку к созданию гражданской администрации, подчиняющейся Амману. В середине октября 1948 г. в Наблусе сторонниками короля был создан Национальный палестинский конгресс (НПК), который выступил за создание правительства, пользующегося поддержкой Абдаллаха. 15 октября коптский епископ Иерусалима объявил Абдаллаха королем Палестины. В декабре того же года сторонники короля созвали в Иерихоне съезд НПК, на котором было принято решение об объединении обоих берегов Иордана под короной Абдаллаха.

Присоединение к Иордании части Палестины привело к резким политическим сдвигам в королевстве. Иорданская Палестина явилась наиболее развитым в экономическом отношении районом Иордании. К 400 тыс. отсталых, находящихся под влиянием феодальных верхов феллахам и кочевникам было присоединено около миллиона рабочих, ремесленников, крестьян, представителей интеллигенции и национальной буржуазии Палестины, имеющих богатый опыт антизападной борьбы.

В период с декабря 1948 г. по апрель 1950 г. палестинское руководство Западного берега и Трансиордания предприняли целый ряд политических и конституционных шагов для оформления объединения обоих берегов Иордана. 7 декабря 1948 г. решения Иерихонского

съезда НПК были официально одобрены трансйорданским кабинетом, 19 декабря – парламентом. В апреле 1949 г. король предоставил трансйорданское гражданство всем пожелавшим того палестинцам. На Западном берегу начала вводиться гражданская администрация. 26 апреля 1949 г. король Абдаллах подписал указ об изменении названия государства на Иорданию, исключив тем самым приставку «транс», подчеркивавшую расположение королевства исключительно за Иорданом. 3 мая 1949 г. было создано первое правительство Иорданского Хашимитского королевства, в которое вошли три министра-палестинца, а в апреле 1950 г. состоялись выборы в парламент, в котором каждый из берегов был представлен 20 депутатами; король также назначил 7 палестинцев в Верхнюю палату – Сенат, состоявшую из 20 человек. 24 апреля обе палаты ратифицировали объединение. Великобритания признала контроль Аммана над Восточным Иерусалимом только де-факто. Арабские страны заняли жесткую позицию по отношению к политике Иордании и стремились не допустить дальнейшего расширения ее территории на запад. После Иерихонского съезда египетский король Фарук опубликовал специальное антииорданское заявление. В 1949–1950 гг. Египет, Сирия и Саудовская Аравия два раза поднимали вопрос об исключении Иордании из ЛАГ на том основании, что аннексия Западного берега являлась нарушением Устава организации (Иорданию спасал отказ Ирака поддержать исключение, что не давало возможности выйти на требуемый для принятия решения консенсус). В результате 13 июня 1950 г. ЛАГ приняла резолюцию, зафиксировавшую, что арабская часть Палестины аннексирована Иорданием в качестве «опекаемой территории» до тех пор, пока палестинский вопрос «не будет решен полностью в интересах ее жителей».

Однако объединение не привело к консолидации сил внутри страны. Обострились отношения между представителями берегов, сторонниками короля и оппозицией. Уже в начале 1949 г. в областях Палестины, находившихся под властью Абдаллаха, начало расти недовольство его политикой подавления политических свобод, насаждения на посты в администрации Палестины своих чиновников, зависимостью от Англии. Последствия войны 1948 г. были самыми серьезными для социально-экономической ситуации в Иордании, на территорию которой переселились тысячи беженцев из Палестины: по данным ООН в июне 1950 г. на ее территории уже находилось 506

тыс. беженцев. Экономика объединенной Иордании оказалась неспособной самостоятельно справиться с возникшей ситуацией.

В феврале 1951 г. Иордания заключила с США соглашение о помощи по т.н. 4-му пункту «программы Трумэна». В обмен на определенные преференции американским компаниям Иордании оказывалась финансовая, техническая и экспертная помощь в реализации проектов развития – строительстве промышленных объектов, дорог, школ, оросительных и водоснабжающих систем и т.д. При этом политика Абдаллаха встречала большое сопротивление в парламенте. Ряд депутатов потребовал в ноябре 1950 г. проведения реформ и расширения политических свобод. Резким обвинениям подверглась деятельность командующего Арабским легионом Глабб-паши – фактического диктатора Иордании. Депутаты осуждали нежелание правительства выступить против английского вмешательства в дела страны. Сопротивление членов парламента политике короля достигло высшей точки в мае 1951 г., когда парламент отклонил представленный правительством проект бюджета. Используя это в качестве предлога, король 3 мая 1951 г. распустил парламент. 20 июля 1951 г. король Абдаллах был убит членом экстремистской организации, объединившейся вокруг муфтия Иерусалима Хаджа Амина аль-Хусейни. Новым королем Иордании 6 сентября 1951 г. официально был провозглашен старший сын Абдаллаха Талал бен Абдаллах.

Курс нового короля с первых же дней заметно отличался от прежней иорданской политики. Талал старался дистанцироваться от Великобритании, поощрял силы, выступавшие против каких-либо планов арабского объединения. В ноябре 1951 г. он нанес продолжительный визит в Саудовскую Аравию, продемонстрировав королю Абдель Азизу ибн Сауду намерение строить отношения с Саудовской Аравией на основе взаимных интересов, а не на междинастийной вражде. В продолжение начатого курса сближения с арабскими государствами король Талал подписал 22 марта 1952 г. Договор о коллективной обороне стран-членов ЛАГ. Одновременно начались преобразования и внутри страны: 7 ноября 1951 г. Палата депутатов одобрила новую конституцию (вступила в силу 2 января 1952 г.), важным нововведением которой стала подотчетность правительства Палате депутатов.

11 августа 1952 г. на совместном заседании две палаты парламента низложили короля Талала (у которого обострилась душевная болезнь, которой он страдал) и провозгласили королем его старшего сына Хусейна, которому на тот момент было неполных семнадцать лет. По-

сколько Хусейн еще учился в колледже в Великобритании, править страной поручили Регентскому совету в составе виднейших иорданских политиков. 2 мая 1953 г. король Хусейн принял присягу в качестве полноправного короля Иорданского Хашимитского Королевства.

Новый король начал свое правление с того, что отстранил от власти консервативных политиков; в правительство на ключевые посты пришли деятели умеренно либерального толка. В обществе установилась атмосфера относительной свободы слова, начался рост критики и оппозиционных настроений. Однако в сфере экономики ситуация оставалась прежней: Иордания не могла выйти даже на минимум хозяйственной самостоятельности и продолжала зависеть от внешних (в основном британских) источников финансирования.

19 января 1957 г. в Каире был заключен Пакт арабской солидарности, который предусматривал ежегодную помощь Иордании со стороны Египта, Сирии и Саудовской Аравии в размере 12,5 млн ег.ф. Опираясь на этот пакт, Иордания расторгла 13 марта 1957 г. англо-иорданский договор 1948 г., а иорданское правительство резко осудило доктрину Эйзенхауэра.

Серьезным фактором внутривосточной жизни оставалась палестинская проблема: после каждой стычки в приграничной полосе страну сотрясали демонстрации и кампании протеста. В апреле 1957 г. в армейских кругах была предпринята попытка переворота, совершенная группой «свободные офицеры», созданной по примеру египетской. Всю ответственность за дестабилизацию страны руководство Иордании возложило на «мировой коммунизм» и прежде всего СССР и «его агентов» в Сирии и Египте. Однако в течение последующего года стране удалось укрепить внутреннее положение, выйти на относительно ровные отношения с Египтом и Сирией, восстановить тесные связи с хашимитским Ираком. Неизбежным результатом апрельского переворота явились перемены во внешнеполитическом курсе Иордании. В августе 1957 г. кабинет Хашима объявил о признании в качестве «правительства» Китая правительство Чан Кай Ши и установил с ним дипломатические отношения, а 19 ноября подписал договор о дружбе.

14 февраля 1958 г. Иордания и Ирак провозгласили образование Объединенного Арабского королевства (ОАК), целью создания которого было противостояние Объединенной Арабской Республике (ОАР), созданной в том же месяце. Однако это объединение просуществовало недолго и распалось в июле 1958 г. в результате антимо-

нархической революции в Ираке, установившей в стране республику и расторгнувшей федеративный договор. Распад Федерации стал поводом для Англии к переброске войск в Иорданию (16 июля), а за день до этого американская морская пехота высадилась в Ливане. СССР потребовал от ООН принятия неотложных мер по пресечению агрессии. 2 ноября 1958 г. последний английский солдат покинул иорданскую территорию.

В условиях прекращения чередовавшихся политических кризисов правительство приступило к претворению в жизнь многочисленных проектов развития в экономической, социальной и культурной сферах. Были установлены дипломатические отношения с Советским Союзом (1964 г.) и другими социалистическими странами.

Революция 1952 г. в Египте

Арабский мир в XX в. пережил несколько социально-политических революций, изменивших, иногда коренным образом, арабское общество. Первой такой революцией стала июльская революция 1952 г. в Египте, которая свергла монархический режим короля Фарука и впервые поставила задачу превращения формальной независимости в фактическую. Поэтому ее опыт, формы и методы политической борьбы, особенности организации и руководства движущих сил стали в той или иной мере образцом для других революций в регионе.

К моменту окончания Второй мировой войны Англия все еще сохраняла господствующее положение в Египте. Англо-египетские отношения юридически основывались на договоре от 26 августа 1936 г., заключенном сроком на 20 лет. Сразу же после 9 мая 1945 г. всеобщим требованием египетского народа стали отмена этого договора и вывод английских войск из Египта. В течение 1945–1946 гг. в Египте непрерывно происходили демонстрации, митинги и другие анти-английские выступления, в результате которых Англия начала передислокацию своих войск и отвод их из Каира, Александрии и других районов в зону Суэцкого канала. В мае 1948 г. Египет вместе с шестью другими арабскими странами вступил в войну с Израилем. Правительство рассчитывало на легкую победу в войне, однако Египет оказался не подготовлен к боевым действиям. Армия была плохо оснащена и слабо обучена. У арабских армий не было единого командования и общего оперативного плана. В результате израильская ар-

мия поодиночке разбила вооруженные силы отдельных арабских государств (в июле – октябре 1948 г.)

Народные массы восприняли поражение египетской армии как национальное бедствие. По всей стране прошли массовые антиправительственные демонстрации, недовольство распространилось и на армию. Из всех оппозиционных организаций наибольшую активность проявила ассоциация «Братья-мусульмане», роль которой в политической жизни страны в этот период быстро возрастала. Когда в январе 1950 г. на парламентских выборах победила партия Вафд, англо-египетский конфликт вновь приобрел решающее значение для внешней политики Египта. Начались переговоры с Великобританией, которые продолжались около шестнадцати месяцев (до сентября 1951 г.) и завершились безрезультатно. В ходе переговоров англичане утверждали, что египетская армия неспособна самостоятельно защищать зону канала и поэтому необходима система совместной обороны; что военные базы в Египте должны контролироваться англичанами не только в военное, но и в мирное время; что воздушная оборона Египта может быть осуществлена только с помощью английской авиации. Англичане отказались признать принцип эвакуации, заявив, что не будут вести переговоры о сроках эвакуации английских войск из Египта. Обсуждение суданского вопроса еще больше отдалило позиции сторон. Египетская делегация требовала объединения Египта и Судана, выдвинув лозунг «единства долины Нила». Англичане заявляли, что Судану нужен десятилетний переходный период, в течение которого должна сохраняться английская оккупация.

Движение за прекращение затянувшихся переговоров и денонсацию договора 1936 г. ширилось в течение 1951 г., достигнув в августе наибольшего размаха. 26 августа, в пятнадцатую годовщину подписания договора, во всех крупных городах Египта были организованы митинги, на которых представители всех партий подвергли критике нерешительность вафдистов. 15 октября 1951 г. египетский парламент после выступления премьер-министра Мустафы ан-Наххаса постановил в одностороннем порядке денонсировать договор 1936 г. и конвенцию 1899 г. об установлении режима кондоминиума в Судане. Король Фарук был провозглашен королем Египта и Судана, в Каире был создан «суданский кабинет».

Английское правительство ответило на решение египетского парламента о денонсации договора 1936 г. вооруженной агрессией. Английские войска, стоявшие в лагерях, оккупировали города зоны

Суэцкого канала: Порт-Саид, Исмаилию, Суэц, Эль-Кантару. Англия начала переброску своих войск и к началу 1952 г. их численность достигла 85 тыс. человек. Англичанам начали оказывать сопротивление рабочие, находившиеся в этом районе, а также быстро создаваемые партизанские отряды. В январе 1952 г. после поджога свыше 700 зданий в центре Каира, большая часть которых принадлежала иностранцам, правительство Наххаса ушло в отставку. С 27 января по 23 июля в Египте сменилось шесть кабинетов. Проявлением глубокого кризиса правящей верхушки было решение одного из очередных правительств распустить палату депутатов; однако затем было принято решение отложить проведение выборов, назначенных на май 1952 г., а затем отложить их на неопределенный срок. В этих условиях в ночь с 22 на 23 июля 1952 г. тайная организация «Свободные офицеры» захватила власть в Каире. За несколько часов армия установила контроль над важнейшими ключевыми пунктами города, был арестован весь старый генералитет. Переворот был завершён через три дня – 26 июля – в Александрии, когда по требованию армии король Фарук отрекся от престола и в тот же день покинул страну. Англия уже не была заинтересована в сохранении Фарука на троне, т.к. его новый титул сделал невозможным любое соглашение по Судану.

Во главе государства встал преобразованный Исполнительный комитет (ИК) организации «Свободные офицеры» – Совет руководства революции (СРР) во главе с Гамалем Абдель Насером. Номинальным руководителем организации стал генерал-майор Мухаммед Нагиб, который был известным человеком, пользовался авторитетом среди офицеров как автор ряда работ по военным вопросам и как один из генералов, которые отличились в войне 1948–1949 гг.

Революция 23 июля стала поворотным пунктом в новейшей истории Египта и открыла эпоху независимого развития страны. У молодых офицеров на первом этапе не было какой-либо определенной доктрины или ясной политической программы, однако вопрос о полной и безусловной эвакуации английских войск из Египта стал осью всей политики нового режима.

Наиболее важным мероприятием нового режима стал закон об аграрной реформе, принятый 9 сентября 1952 г. Закон устанавливал максимум землевладения в 200 федданов, предусматривал некоторое снижение арендной платы, упорядочение заработной платы сельскохозяйственных рабочих, а также создание кооперативов. 10 декабря была отменена конституция 1923 г., а 17 января 1953 г. была объяв-

лена декларация главнокомандующего о роспуске политических партий и конфискации их имущества и о создании единственной официальной политической организации – Организации освобождения. 17 июня 1953 г. генерал Нагиб ликвидировал регентский совет и объявил о свержении королевской династии Мухаммеда Али. 18 июня Египет был провозглашен республикой, а 18 июля президентом Египетской Республики был назначен генерал Нагиб.

С середины 1953 г. все отчетливее стали вырисовываться расхождения, существовавшие между руководителями нового режима. Буржуазно-либеральная группа во главе с Нагибом, пользовавшаяся поддержкой у руководителей партий Вафд и Братья-мусульмане, считала революцию завершённой и выступала за отмену военного положения, введение новой конституции и восстановление парламентского строя. 29 марта 1954 г. СРР было принято решение поставить во главе правительства Насера, который одновременно стал военным губернатором Египта.

19 октября 1954 г. в Каире было заключено англо-египетское соглашение о зоне Суэцкого канала, которое предусматривало эвакуацию английских войск из Египта в течение 20 месяцев со дня его подписания. Через десять дней было подписано соглашение с США об экономической помощи Египту в размере 40 млн долл., которые и были предоставлены Каиру в ноябре 1954 г. Однако, что касается крупномасштабной помощи Египту в размере 200 млн долл., переговоры о которой велись еще с ноября 1952 г., то решение о ее предоставлении США увязывали с планами создания блоковых структур на Ближнем Востоке. В связи с негласным одобрением США будущего Багдадского пакта и фактической переориентацией американской ближневосточной политики с Египта на Ирак в конце 1954 г. крупномасштабная помощь Египту так и не была предоставлена. Египет и США вступили в полосу конфронтации. Ужесточение политики США в этом районе привело к их отказу и от финансирования жизненно важного для египтян проекта строительства Асуанской плотины.

В октябре 1954 г. после покушения на Насера, организованного «Братьями-мусульманами», Нагибу инкриминировали участие в заговоре, в ноябре он был арестован и отправлен на виллу в предместье Каира – аль-Мараг.

28 марта 1955 г. Насер, исполнявший обязанности президента, впервые сформулировал шесть принципов египетской революции: ликвидация империализма; ликвидация феодализма; уничтожение

капиталистических монополий и их политического засилья; установление социальной справедливости; создание сильной национальной армии; установление подлинно демократической системы. 13 июня 1956 г. последний английский солдат покинул Египет. 23 июня 1956 г. путем плебисцита была утверждена Конституция Египетской Республики, президентом был избран Насер.

К этому времени в целом уже сформировалась внешнеполитическая программа Египта, заключающаяся в позитивном нейтралитете и неучастии в военных пактах. Насер выступил с резкой критикой созданного в феврале 1955 г. Багдадского пакта и отверг официальное предложение о заключении турецко-египетского военного союза.

Провозглашение независимости Туниса и Марокко. Дустуровский и марокканский социализм

Летом 1940 г. Тунис перешел под власть правительства Виши. В ноябре 1940 г. страну оккупировали итало-германские войска. Воспользовавшись ослаблением французских позиций, тунисский бей Монсеф создал правительство во главе с Мухаммедом Шеником, которое приступило к реформам, подрывавшим режим протектората. Но с приходом англо-американских войск в мае 1943 г. власть французской администрации была восстановлена, М. Шеник смещен, а бей Монсеф низложен. После Второй мировой войны Франция полностью восстановила свои позиции в Тунисе. Многократные обещания французских государственных деятелей допустить тунисцев к управлению Тунисом практически свелись к отмене реакционных законов, введенных правительством Виши и реформам 1945–1947 гг., которые не затрагивали основ режима протектората. Вся полнота власти сохранялась в руках генерального резидента и колониальной администрации. На всех ответственных постах находились французские чиновники, пользовавшиеся различными привилегиями и составлявшие большинство административно-управленческого персонала в протекторате (в 1946 г. из 28,6 тыс. чиновников Туниса 16,8 тыс. были французами). Руководствуясь тактикой движения к независимости по этапам, партия Новый Дустур выдвинула программу внутренней автономии, семь пунктов которой были сформулированы Х. Бургибой в апреле 1950 г. Осуществить ее лидеры партии предполагали путем компромисса и сотрудничества с Францией.

Однако эта политика «почетного компромисса» с Францией сначала была одобрена, а затем (в начале 1952 г.) отвергнута ее правительством, что послужило в Тунисе сигналом к началу вооруженного сопротивления. Партизанская война имела здесь ограниченный характер и в основном контролировалась партией, которая не рассчитывала разбить колониальную армию, находившуюся в стране, но использовала угрозу насилием как средство давления на Францию. 3 июня 1955 г. было подписано соглашение о внутренней автономии Туниса. Тунис был признан автономным государством, полностью суверенным в своих внутренних делах.

Новый Дустур рассматривал внутреннюю автономию как этап на пути к независимости. Результаты выборов 2 января 1956 г. во Франции и образование правительства Ги Молле создали благоприятную почву для возобновления переговоров о дальнейшем развитии франко-тунисских отношений на основе уважения суверенитета друг друга. Эти переговоры происходили в Париже в феврале – марте 1956 г. и привели к подписанию 20 марта 1956 г. протокола о признании Францией независимости Туниса. 25 марта 1956 г. прошли выборы в Национальное учредительное собрание, победу на которых одержал Национальный фронт, возглавляемый партией Новый Дустур (он получил 98,9% голосов избирателей и все места в Национальном учредительном собрании). 14 апреля 1956 г. председатель партии Хабиб Бургиба сформировал первое правительство независимого Туниса.

Характерной чертой нового политического строя Туниса было фактическое установление режима личной власти президента. Обладая большим авторитетом и личным престижем и совмещая посты председателя партии и главы правительства, Хабиб Бургиба занял особое положение в государстве, сосредоточив в своих руках огромные полномочия. Де-факто в стране складывалась президентская республика во главе с Бургибой уже с 1956 г., который строил ее здание «изнутри». Однако прежде чем взяться за кардинальное изменение государственного устройства (т.е. за упразднение монархии), он приступил к созданию социальной инфраструктуры будущей республики, осуществив целый комплекс реформ, прямо или косвенно направленных на ограничение общественной роли религии. Элементами психологической подготовки населения к перевороту стали такие меры, как лишение членов царствующего дома их личных привилегий (31 мая 1956 г.), опубликование декрета, разрешавшего правительству самостоятельно издавать законы от имени бея (6 августа 1956 г.);

ропуск бейской гвардии (февраль 1957 г.). Бей Сиди Ламин без разрешения главы правительства уже не мог не только выезжать за границу, но даже совершать поездки по стране.

25 июля 1957 г. в торжественной обстановке Национальное учредительное собрание приняло резолюцию, именем народа упразднившую монархический режим и провозгласившую Тунис республикой. Президентом республики Национальное учредительное собрание избрало Хабиба Бургибу, объединившего полномочия главы государства и главы правительства, сохранив при этом пост председателя партии. Таким образом, ликвидация монархического строя была проведена как очередная операция по упорядочению государственного управления. 1 июня 1959 г. была издана Конституция, в соответствии с которой президент страны наделялся чрезвычайно широкими полномочиями.

Идеологической основой широких социально-экономических и культурных преобразований правительства Бургибы стала доктрина «дустуровского социализма», возникшая под влиянием социал-реформистских теорий Западной Европы. В 1964 г. партия Новый Дустур была переименована в Социалистическую Дустуровскую партию (СДП). Доктрина «дустуровского социализма» официально была изложена Бургибой 11 марта 1962 г. на заседании Национального совета Нового Дустура. На VII съезде партии 19–22 октября 1964 г. Бургиба конкретизировал свое понимание социализма, имевшее много общего с воззрениями европейских социал-демократов. Наряду с концепцией «национального единства», в основе которой лежит тезис о классовом партнерстве, на передний план он выдвинул чисто специфические формы социализма, почерпнутые им самим из опыта национального строительства Туниса. Социализм в его понимании отождествлялся с практикой государственного регулирования экономики, а также различными способами развития кооперативного движения. Доктрина «дустуровского социализма» признавала принцип неприкосновенности частной собственности, считая, что при государственном руководстве частный капитал выполняет общественные функции.

В целом, эта система служила формой власти бюрократии, точнее – партократии. Происходившая при Бургибе трансформация президентской республики в «президентскую монархию» сопровождалась – и даже была вызвана – бюрократизацией самой партии. «Дустуровский социализм» не признавал частную собственность как источник эксплуатации человека человеком, а проповедовал идею ее «социальной функции», вполне укладывающуюся в систему взглядов

буржуазной идеологии. Тем не менее если использование права частной собственности противоречило национальным интересам, то допускалось ее ограничение или национализация. Идеологи СДП выступали, таким образом, не против частной собственности как источника эксплуатации, а против бесхозяйственности и нерационального использования ресурсов. Неотъемлемым признаком социализма идеологи дустуровского социализма считали наличие смешанной экономики, «сосуществование», гармоничное развитие государственного, кооперативного и частного секторов, равновесие между которыми должно было поддерживать государство.

Политическая борьба в 1961–1963 гг. и ликвидация всякой легальной оппозиции в конечном итоге привели к утверждению в Тунисе однопартийного республиканского режима, основанного на системе личной власти. Деятельность Национального собрания и высших органов СДП – Национального совета и съезда партии – приобрела в известной мере формальный характер: она все более и более стала сводиться к утверждению решений, принимаемых в высших партийно-правительственных инстанциях.

До конца 1980-х гг. все политическое развитие и политическая система Туниса были связаны с именем Бургибы и возглавляемой им Социалистической Дустуровской партии. При этом харизматический лидер стал неотъемлемой частью политической культуры и цементирующей частью всей политической системы, а герой национально-освободительной борьбы, бессменный политический лидер и президент Х. Бургиба – олицетворением тунисской нации. С 1961 г. политика неприсоединения стала краеугольным камнем тунисской внешней политики. Однако своеобразие этой политики заключалось в том, что Тунис не только отказывался от союзов с великими державами, но и не примыкал ни к одному из малых блоков, образовавшихся в Африке, сохраняя нейтралитет между прозападной Монровийской группой и противостоявшей ей Касабланкской группой африканских государств. Он активно участвовал в преодолении разногласий между этими двумя группами и в создании в 1963 г. Организации африканского единства (ОАЕ).

Марокко, также как и Тунис, после капитуляции Франции в июне 1940 г. перешло под власть правительства Виши и стало использоваться державами «оси» как продовольственная, сырьевая и стратегическая база. Ослабление экономических связей с метрополией привело к увеличению роли США в экономике Марокко. В ноябре 1942 г. англо-

американские войска высадились в Северной Африке, что привело практически к полному прекращению связей Марокко с Францией. Союзники разгромили и изгнали с Африканского континента фашистские войска. 22 января 1943 г. во время Касабланкской конференции президент США встретился с марокканским султаном и попытался заинтересовать его выгодами американо-марокканского сотрудничества. Эта беседа породила у султана иллюзии о возможности новых форм сотрудничества с капиталистическими странами и положила начало проникновению американского капитала в Марокко.

В 1944 г. в Марокко возникла и активно включилась в борьбу за независимость буржуазная Партия независимости (Хизб аль-истикляль), которая в свою программу внесла лозунг суверенитета Марокко. Руководство этой партии находилось в руках молодых образованных марокканцев, вышедших из среды городской буржуазии (фаси). 11 января 1944 г. партия Истикляль вручила султану, французской администрации и англо-американскому командованию манифест, требовавший независимости, предоставления султану возможности создания новых институтов управления, объединения всего Марокко. Французские власти отдали приказ об аресте лидеров национального движения. Вспыхнувшие в связи с этим арестом волнения были жестоко подавлены.

В послевоенный период в политической и экономической жизни Марокко произошли большие изменения. Страна стала объектом американской экспансии и приняла «план Маршалла». Французы предприняли попытку либерализовать политический режим протектората, чтобы ослабить растущее освободительное движение. Одним из методов было проведение косвенных выборов в марокканский Правительственный совет – орган, который имел чисто консультативный характер, и только по экономическим вопросам. Ограниченная избирательная система была на руку городской коммерческой и промышленной буржуазии, которая после Второй мировой войны присоединилась к партии Истикляль. В результате Истикляль заняла руководящее положение в марокканских секторах торгово-промышленной палаты в нескольких городах, а в 1948 г. одиннадцать членов партии вошли в состав Правительственного совета, где они и составили сплоченный блок, угрожавший всевластию французского генерального резидента в Марокко. В 1950-е гг. коммерческая элита Феса, Рабата, Касабланки и других городов принимала активное участие в национально-освободительном движении.

Накануне достижения политической независимости, несмотря на противоречия и отсутствие полного единства между различными политическими партиями и организациями в стране, конкуренцию и борьбу за влияние, несогласованность действий и идеологические разногласия, тем не менее, сложился союз антиколониальных сил. Своеобразие этого союза заключалось в том, что все политические силы объединились вокруг султана Мухаммеда Бен Юсуфа, который с середины 1940-х гг. начал играть активную роль в патриотическом движении Марокко. С 1943 г. он открыто присоединился к борцам за независимость. В 1945 г. во время встречи в Париже с генералом де Голлем султан подчеркнул, что настало время предоставить Марокко возможность политической эмансипации, и предложил заключить новое соглашение, основанное на равенстве сторон. В 1947 г., выступая в Танжере, он вновь потребовал независимости для Марокко. Его позиция стала настолько мешать правящим кругам метрополии, что они пошли на организацию в 1953 г. реакционного переворота, имевшего целью сместить не устраивавшего их султана и поставить на его место свою марионетку Мухаммеда бен Арафу. Однако стихийно сложившееся движение за восстановление на троне султана сделало его личность своеобразным символом марокканского суверенитета. А это, в свою очередь, позволило ему выдвинуться на первый план политической жизни в стране и обрести огромный авторитет у своих подданных, который долгие годы стремились подорвать власти протектората. Поэтому султан занял ведущее место в расстановке политических сил в стране на завершающем этапе борьбы за независимость.

2 марта 1956 г. были подписаны декларация о независимости Марокко и протокол о франко-марокканских отношениях в переходный период. Был отменен Фесский договор 1912 г. о протекторате. Марокко получало право вести самостоятельную внешнюю политику и формировать национальную армию. В ряде отраслей должно было осуществляться франко-марокканское сотрудничество.

Отмена протектората не повлекла за собой падения монархии. Напротив, ее глава – султан Мухаммед Бен Юсуф оказался самой значительной фигурой на политической арене Марокко. Его имя, ассоциировавшееся у марокканцев с вновь обретенным суверенитетом шерифской империи, его статус главы правоверных в стране и прерогативы шерифа – потомка Пророка – придавали султану огромный, ни с чем не сравнимый авторитет. Естественно, что в данных условиях ему стала принадлежать и инициатива во всех крупных мероприя-

тиях, влиявших на политическое развитие независимого Марокко, и именно он во многом задал то направление политического развития, которому следует монархический режим и в настоящее время.

С первых дней после достижения независимости султан решил выступить в роли «модернизатора» страны, обновителя политических учреждений и обычаев Марокко. Вместе с тем он стремился сохранить и традиции. В августе 1957 г. султан принял королевский титул и стал называться Мухаммедом V. Тем самым было положено начало той социально-политической ориентации, которой Марокко следует и сегодня: сочетанию традиций и современности, социальной архаики и политического модерна. Для верующих мусульман Мухаммед V был религиозным главой, для феодалов – первым среди аристократов-шерифов, для националистов – борцом за независимость, возродившим погнанный колонизаторами суверенитет Марокко. Однако в условиях Марокко задача преобразования традиционных структур представляла собой особую трудность, поэтому все реформы проводились более осторожно, чем в соседних странах, их осуществление было более замедленным, и носили они гораздо более ограниченный характер.

С момента достижения политической независимости и до конца 1962 г. Марокко представляло собой абсолютную монархию. Законодательная власть была безраздельно сосредоточена в руках короля, который назначал также членов правительства и функционирующей при троне консультативной Ассамблеи. Хорошо ориентируясь в политической обстановке, сложившейся в Марокко на последнем этапе борьбы за независимость и после ее достижения, а также в других арабских государствах, он понимал, что монархический режим в традиционной форме существовать уже не может. Поэтому в политике Мухаммеда V стали сосуществовать две тенденции, носившие тактический характер: консолидация монархического режима и его демократизация сверху.

Со смертью Мухаммеда V завершился первый этап в политическом развитии независимого Марокко. Власть в стране перешла к его сыну Мауля Хасану, вступившему на престол под именем Хасана II. 2 июня 1961 г. Хасан II издал в качестве временного акта краткий основной закон Марокко, в котором заявлялось, что страна идет по пути установления конституционной монархии, и декларировались некоторые гражданские права и свободы. 7 ноября 1962 г. в Марокко состоялся референдум по вопросу о конституции, разработанной лично Хасаном II. 14 декабря указом короля конституция вступила в силу и

Марокко было провозглашено «конституционной, демократической и социальной монархией». Согласно конституции Марокко стало представлять собой конституционную монархию с очень сильной королевской властью.

С 1973 г. в ранг государственной политики была возведена концепция «марокканского исламского социализма», автором которой считается король Хасан II (отсюда другое ее название – «хасанизм»). «Исламский социализм» был призван, по мнению его теоретиков, исправить недостатки капиталистического и социалистического общества. Вместе с тем он признавал социальное неравенство естественным и неизбежным. Премьер-министр Марокко Ахмед Осман заявлял в 1973 г., что задача «марокканского исламского социализма» состоит в «равномерном распределении национальных богатств страны, гарантирующем обогащение бедных без обеднения богатых». Присутствие религиозного элемента, таким образом, не допускает социально-экономических антагонизмов и вытекающих из них трудностей, открывает путь к прогрессу. «Исламский социализм», как и «дустуровский социализм», отрицал существование в обществе антагонистических противоречий и классовой борьбы и выступал против «физического насилия», признавая лишь методы «убеждения». Теоретически «исламский социализм» отвергал как капитализм, так и социализм, провозглашая своей целью построение «особой модели» общества, лишенного социальных антагонизмов и обеспечивающего достижение социально-экономического прогресса. На деле сущность выдвинутых королем принципов заключалась в обосновании с помощью мусульманских ценностей необходимости регулирования политических и социально-экономических процессов в Марокко, развивающемуся по капиталистическому пути, сглаживая остроту противоречий такого развития.

Суэцкий кризис 1956 г. и его последствия

В середине 1954 г. во внешней политике Египта наметились серьезные изменения. Прежде всего, эти изменения касались развития отношений с арабскими соседями и Западом. Лозунг арабского единства был перенесен в сферу политической практики. Египет предпринял шаги к созданию независимого арабского военно-политического блока, основанного на Пакте о коллективной безопасности ЛАГ. В июне были проведены переговоры с руководителями

Саудовской Аравии, в ходе которых стороны заявили, что Египет и Саудовская Аравия отвергают всякое участие в средневосточных организациях под контролем Запада и выступают против всякого участия арабских стран в турецко-пакистанском союзе. В августе 1954 г. были начаты египетско-иракские переговоры, благодаря которым Египет надеялся сгладить противоречия, существовавшие между двумя странами по вопросу о создании регионального военного блока и угрожавшие привести к расколу арабского мира. В октябре 1955 г. по инициативе Египта были подписаны оборонительные соглашения с Сирией и Саудовской Аравией; в апреле 1956 г. к оборонительному союзу присоединился Йемен.

27 марта 1954 г. было подписано торговое соглашение между Египтом и СССР. Египетская миссия в Москве и советская в Каире преобразовывались в посольства. В апреле 1955 г. Египет принял участие в исторической Бандунгской конференции. В 1953–1956 гг. Египет установил дипломатические и торговые отношения с Чехословакией, Румынией, Польшей, ГДР и КНР. Наиболее важным и решительным шагом египетского правительства в этот период следует считать заключение в сентябре 1955 г. торгового договора с Чехословакией о поставках вооружения для армии в обмен на хлопок и рис, что было крайне негативно и резко воспринято на Западе. Предлагалось даже применить против Египта политические и экономические санкции. Со срочной миссией в Каир прибыл помощник государственного секретаря США Дж. Аллен: ему была поручена миссия убедить Насера отказаться от закупок оружия у социалистических стран. Однако Насер воспринял этот демарш как попытку вмешательства во внутренние дела и стремление свернуть его с независимого внешнеполитического курса.

Сознавая неудачу попыток изменить политику Египта, Англия возлагала надежды на Ирак, поддерживая там режим Нури Саида. Летом 1956 г. английский кабинет пришел к мнению, что следует перейти к решительным мерам по отношению к Насеру. Еще в 1955 г. стал обсуждаться план участия США и Англии в строительстве новой Асуанской плотины. Летом проект был уже почти согласован: доля Англии составляла 14 млн долл; США давали 56 млн долл., а Международный банк реконструкции и развития (МБРР), тесно связанный с американским правительством, – 200 млн долл. Однако в июле 1956 г. США и Великобритания отказали Египту в займе, предполагая, что это нанесет Насеру должный финансовый и моральный удар.

26 июля 1956 г. Насер на большом митинге в Александрии объявил декрет о национализации Компании Суэцкого канала и заявил, что доходы от канала пойдут на осуществление проектов экономического развития. Суэцкий канал был частью египетского государства (англо-египетское соглашение 1954 г. признало Суэцкий канал «неотъемлемой частью Египта»), однако на него распространялось действие двух совершенно различных документов – Соглашения о концессии и Международной конвенции о свободе судоходства. Это послужило началом тройственной агрессии против Египта, хотя Насер провозгласил, что акционеры и держатели акций получают компенсацию и Египет будет выполнять конвенцию 1888 г.

В ночь с 29 на 30 октября 1956 г. (после многочисленных дипломатических ухищрений Англии и Франции по «интернационализации» канала) Израиль напал на Египет, а 2 ноября израильские войска полностью оккупировали Синайский полуостров и район Газы. Англо-французская авиация подвергла бомбардировке Каир, Александрию и города зоны канала.

1 ноября открылось чрезвычайное заседание ГА ООН, где была принята резолюция о прекращении огня и отводе войск агрессора, а также санкционировано создание чрезвычайных вооруженных сил ООН и ввод их в Египет. 4 ноября Советское правительство обратилось к Израилю, Франции и Великобритании с нотой, в которой выразило решительный протест по поводу нарушения норм международного права и предупредило о том, что возможно «применением силы сокрушить агрессоров и восстановить мир на Востоке». Это изменило ход событий: 6 ноября английское правительство уведомило ООН о своем решении прекратить огонь, а 7 ноября военные действия были повсеместно остановлены. 7 ноября ГА ООН приняла резолюцию об отводе войск агрессоров, а 22 декабря Египет покинули последние подразделения англо-французских войск. В марте 1957 г. израильские части вернулись на линию перемирия.

События в районе Суэца резко повысили авторитет Насера, сделав его самым популярным лидером арабского мира, признанным руководителем «арабского национализма». Так, в конце октября и в начале ноября 1956 г. мощная волна манифестаций протеста против агрессии прокатилась по всему Ираку. Народное недовольство было столь сильным, что Нури Саид был вынужден заявить о готовности возглавляемого им правительства оказать Египту военную и иную помощь и порвать дипломатические отношения с Францией. Он даже

обязался не принимать участия в заседаниях Багдадского пакта, на которых будут присутствовать представители Англии. Иордания также разорвала традиционные связи с Великобританией и отвергла субсидии, которыми они сопровождались, денонсировала договор и вступила в Египетско-сирийский союз 1955 г. (в который входили также Саудовская Аравия и Йемен).

1 января 1957 г. был издан декрет президента Насера об аннулировании англо-египетского соглашения 1954 г. о зоне Суэцкого канала.

Разорвав отношения с Англией и Францией, Насер национализировал (поэтапно) их собственность в Египте и принял в 1957 г. закон о «египтизации», устранявший иностранный капитал вообще из банков, страхового дела и оптовой торговли. Упор был сделан на развитие экономических связей с СССР и Восточной Европой.

Создание Багдадского пакта. Революция 1958 г. в Ираке

В июне 1941 г. англичане оккупировали все крупные города в Ираке и важные стратегические пункты. На территории страны была размещена стотысячная оккупационная армия. В октябре 1941 г. правительство возглавил проанглийский деятель Нури Саид. Эта оккупация продолжалась до осени 1947 г. и была использована правительством Великобритании и местной агентурой для упрочения своих позиций в стране. В январе 1943 г. иракское правительство официально объявило войну Германии и Италии, однако в военных действиях Ирак непосредственного участия не принимал. Английское командование использовало территорию Ирака для размещения своих войсковых частей, для связи с соседними странами и транзита военного снаряжения. Во время арабо-израильской войны 1948–1949 гг. в Ираке было введено военное положение, а пришедший к власти 6 января 1949 г. премьер-министр Нури Саид открыто заявлял, что цель его правительства – бороться против коммунизма.

В начале 1950-х гг. освободительное движение в Ираке приобрело новые качественные особенности: возникали и развивались многочисленные партии и демократические организации: Единый народный фронт, Социалистическая партия арабского возрождения (Баас), Союз демократической молодежи, Национальный союз студентов и др. Консолидировала свои силы и проанглийская элита: в ноябре 1949 г. организационно оформилась суннитская партия Нури Саида – Конституционный союз. Усилившееся в 1950-е гг. проникновение

США во все сферы жизни Ирака привело в 1953 г. к образованию в правящем лагере немногочисленной, но влиятельной группы «независимых» политиков во главе с Фадылем аль-Джамали, ориентирующейся на США. В Ираке усиливались антиправительственные и антианглийские выступления, происходила частая смена кабинета министров, несколько раз вводилось военное положение.

Усиливавшееся американское проникновение и борьба за власть в правящем лагере ослабляли английские позиции в Ираке. Заинтересованность же Англии в сохранении этой страны под своим контролем росла с каждым годом, особенно после потери Палестины, Египта, а затем и Судана. С Ираком английское правительство связывало свои надежды на восстановление и упрочение британских позиций в ближневосточном регионе и рассматривала его в сложившихся условиях в качестве главной стратегической базы. Немалая роль в реализации этих планов отводилась иракской проанглийской верхушке – премьер-министру Нури Саиду, регенту Абдул Иллаху, а с мая 1953 г. – королю Ирака Фейсалу II.

Приближение даты окончания действия англо-иракского договора 1930 г. (срок его действия истекал в октябре 1957 г.) выдвинуло в начале 1950-х гг. перед английской дипломатией на первый план задачу нового оформления подчиненного положения Ирака. Однако английское правительство понимало, что уже невозможно продлить договор 1930 г. или заключить новый обычным порядком, т.е. с последующим утверждением его иракским парламентом. По замыслу английской дипломатии этой цели мог отвечать «оборонительный блок» ближне- и средневосточных государств с обязательным участием в нем Ирака.

Рост влияния левых сил активизировал деятельность проанглийских сил: в августе 1954 г. к власти снова пришел Нури Саид, который сформировал кабинет, состоящий почти полностью из членов Конституционного союза. 12 сентября 1954 г. Нури Саид провел новые выборы в парламент, после чего в стране развернулась кампания массовых репрессий. 7 ноября 1954 г. была закрыта иракская миссия в Москве и последовало заявление министерства иностранных дел Ирака от 3 января 1955 г. о перерыве в ирако-советских дипломатических отношениях.

24 февраля 1955 г. был подписан турецко-иракский договор о взаимном сотрудничестве, положивший начало Багдадскому пакту. Окончательно Багдадский пакт оформился позднее, после присоеди-

нения к турецко-иракскому союзу Англии (5 апреля), Пакистана (23 сентября), Ирана (3 ноября). Одновременно с заявлением правительства Англии о присоединении ее к ирако-турецкому пакту в Багдаде было объявлено об окончании действия договора 1930 г. и о подписании нового англо иракского соглашения «О подготовке к взаимной обороне, о совместном обучении и сотрудничестве», предусмотренных пактом от 24 февраля 1955 г. Это соглашение было подписано 4 апреля 1955 г. и предусматривало обязательное сотрудничество договаривающихся сторон (и всех участников Багдадского пакта) в защите Ирака от внешней агрессии, совместную разработку военных планов, обучение английскими инструкторами иракских воинских частей и общую ответственность Англии «за поддержание иракской армии в полной боевой готовности». Английское правительство обязалось по требованию иракского правительства предоставлять в его распоряжение свои вооруженные силы для защиты от агрессии, а также оказывать Ираку помощь в организации вооруженных сил (военно-воздушных) и противовоздушной обороны. Английские военно-воздушные силы могли пользоваться иракскими аэродромами, формально передаваемыми в ведение иракских властей.

С первых дней существования пакта английское правительство развернуло подрывную деятельность в Иордании, Сирии и Ливане, направленную на установление там проанглийских режимов. В частности, английская дипломатия настойчиво добивалась сближения между Ираком и Иорданией. 24 июня 1957 г. было подписано ирако-иорданское коммюнике, которое гласило, что обе стороны намерены осуществить на практике положения «Договора о братстве и союзе» 1947 г. В коммюнике также говорилось о намерении сторон эффективно сотрудничать в подавлении «подрывных движений, угрожающих безопасности арабского мира».

17 мая 1958 г. на состоявшемся в Багдаде совещании членов военной комиссии Багдадского пакта было принято решение о поддержке в Ливане проамериканского режима Шамуна-Сольха в его борьбе против восставшего ливанского народа. Иракское правительство, которое с 18 мая 1958 г. возглавил один из ближайших соратников Нури Саида – Ахмед Мухтар Бабан, выделило в распоряжение президента Шамуна значительные суммы денег, оружие и боеприпасы и начало вербовку добровольцев для защиты Ливана от «коммунистической угрозы». В мае – июне 1958 г. правительство Бабана перебросило в Ливан на самолетах около тысячи иракских солдат и офицеров. В начале июня 1958 г.

Шамун обратился к правительству арабской федерации за военной помощью, ссылаясь при этом на обязательства Ирака и Иордании по Пакту коллективной безопасности арабских государств. После консультаций, проведенных с министрами федерального кабинета, его глава Нури Саид ответил Шамуну согласием предоставить правительству Ливана необходимую военную помощь.

Эта попытка иракского руководства, прежде всего премьер-министра Нури Саида, использовать иракскую армию для расправы с восставшим против тирании Шамуна ливанским народом вызвала давно назревавший социальный взрыв. Командиры бригад – полковники Абдель Керим Касем, Абдель Салям Ареф и другие члены организации «Свободные офицеры», действуя в контакте с Высшим национальным комитетом Фронта национального единства, решили свергнуть правительство Нури Саида. На рассвете 14 июля 1958 г. обе бригады вступили в Багдад, захватили стратегические пункты столицы и окружили королевский дворец. Король Фейсал II, эмир Абдул Иллах и Нури Саид были убиты. По призыву революционного командования и Высшего национального комитета Фронта к восставшим частям присоединилось население Ирака, которое приняло активное участие в ликвидации разрозненных очагов сопротивления. В результате феодально-монархический режим был свергнут и провозглашена республика. В состав правительства наряду с офицерами были включены руководители входивших во Фронт буржуазных партий: Независимости, Партии арабского социалистического возрождения (ПАСВ) и Национально-демократической. Первое правительство республиканского Ирака возглавил руководитель организации «Свободные офицеры» Абдель Керим Касем; его заместителем и министром внутренних дел стал Абдель Салям Ареф.

По своему характеру июльская революция в Ираке была буржуазно-демократической, народной. Она положила конец полукOLONIALному режиму, отстранила от власти правящую элиту и создала условия для проведения независимой внешней политики, преобразований в экономической и социальной областях. Однако нежелание национальной буржуазии проводить такого рода преобразования ослабляло социальную опору новой власти и ограничивало ее возможности. Более того, страх перед возможными народными выступлениями побудил новое руководство страны установить в стране «переходный период», позволивший избежать создания буржуазно-демократических институтов (парламента и других выборных орга-

нов государственной власти). «Переходный период» был установлен в июле 1958 г. правительством Касема, сохранен правительством ПАСВ (Ахмедом Хасаном аль-Бакром) и продлен правительством Арефа – Баззаза. Слабость и непоследовательность иракской национальной буржуазии сказались не только на глубине преобразований, осуществляемых внутри страны, но и на внешнеполитической линии республиканских правительств Ирака в 1958–1965 гг.

С международной точки зрения революция 14 июля 1958 г. нанесла серьезный удар британской политике на всем Ближнем и Среднем Востоке, учитывая, что в Багдаде находились все нити тайной британской дипломатии в этом регионе и штаб-квартира Багдадского пакта. 14 июля 1958 г. правительство Касема декларировало верность Иракской Республики принципам Устава ООН и решениям Бандунгской конференции, заявило о своем желании укреплять дружеские связи с арабскими государствами, установить дипломатические и деловые отношения со всеми правительствами Запада и Востока на условиях полного равенства, невмешательства во внутренние дела друг друга и взаимной выгоды. 15 июля правительство приняло решение о выходе из арабской федерации и сняло с себя все обязательства, предусмотренные ирако-иорданской декларацией от 14 февраля 1958 г. Иракские представители были отозваны из комиссий Багдадского пакта, а премьер-министр и министры отказались принимать участие в заседаниях и сессиях его совета.

26 июля 1958 г. была принята временная конституция Иракской Республики, провозгласившая целый ряд буржуазных свобод и уравнявшая в правах арабов и курдов. 30 сентября 1958 г. был принят закон об аграрной реформе, ограничивший феодальное землевладение; тогда же были легализованы отряды народного сопротивления, массовые организации и профессиональные союзы; из страны были выдворены около 300 иностранных торгово-промышленных компаний.

К концу 1958 г. Ирак установил дипломатические отношения с большинством стран мира и заключил ряд торгово-экономических соглашений. 24 марта 1959 г. республиканское правительство официально порвало с Багдадским пактом, что автоматически прекратило действие англо-иракского соглашения от 4 апреля 1955 г. 30 июня 1959 г. последние группы английских солдат и офицеров покинули иракскую землю. 14 мая 1959 г. Касем заявил о выходе Ирака из сферы действия «доктрины Эйзенхауэра». 2 июня были аннулированы все соглашения с США. В марте 1959 г. между СССР и Ираком было заключено согла-

шение об экономическом и техническом сотрудничестве, которое в последующие годы было дополнено другими соглашениями.

Однако проводимая Касемом политика балансирования между правыми и левыми силами, а также активная деятельность Великобритании, подталкивающая правительство Ирака к борьбе с прогрессивными настроениями, деятельность агентов нефтяных компаний, провоцировавших выступления против коммунистов и демократов, обострение курдского вопроса привели к свержению 8 февраля 1963 г. правительства Касема и приходу к власти лидеров правого крыла ПАСВ.

4.2. Становление государственности и укрепление политической независимости в 1960-е гг.

Арабский национализм и социализм

1960-е гг. стали для арабских стран периодом кардинальных перемен. В это время арабский мир еще находился под сильным влиянием антиколониальных и освободительных идей, степень следования которым в значительной мере предопределяла успех той или иной политической партии или движения. Однако революционный романтизм постепенно идет на убыль, арабский национализм постепенно отказывается от революционных социальных преобразований, «страновой национализм» начинает преобладать над идеей «общеарабского единства». Это было характерно не только для Египта, но и для других арабских режимов. Несмотря на заверения в готовности отстаивать единство арабского мира, расширились противоречия между отдельными странами, вступившими на путь независимого развития.

В это десятилетие в наиболее развитых странах арабского мира общенациональные задачи в основном уже были решены. Главной особенностью этого периода становится перемещение акцентов в область социально-экономических проблем, поиск новых экономических и социальных ориентиров, что неизбежно вело к усилению социальной дифференциации и обострению социальных противоречий. Совокупность сложных внешних и внутренних противоречий предопределила роль государства в качестве важного звена формирующегося общественного механизма экономического развития. Государство усиливает контроль над жизнью общества, используя при этом самые разнообразные рычаги воздействия, складываются мощные бюрократические группировки (включая как гражданскую, так и воен-

ную бюрократию), монополизировавшие политическую жизнь. Все возрастающую роль в общественной жизни начинает играть военная прослойка – офицерский корпус как наиболее организованная и сплоченная сила общества. Во многих странах она становится основной опорой режима, главным элементом элиты, контролирующей государственный аппарат. В таких странах, как Алжир, Ливия, Египет, Сирия, Ирак, Судан, офицеры составили высший слой новой правящей элиты, которая складывалась в 1960-е гг.

Из трех основных лозунгов арабских революционных демократов – единство, свобода и социализм – на первое место в это время был поставлен социализм. В Египте, Алжире, Сирии, Ираке, Южном Йемене, Ливии в 1960-е гг. в результате внутренней борьбы к власти пришли революционные демократы, которые официально провозгласили строительство социализма в своих странах. Притягательность социализма была столь велика, что необходимость социалистического выбора была объявлена даже в тех странах, где у власти находились буржуазия или феодалы (Тунис и Марокко). Строительство социализма характеризовалось огосударствлением экономики, проведением широкомасштабных социальных преобразований, а в политике – созданием новых партий типа широкого национального фронта (Арабский социалистический союз – в Египте и Сирии, Фронт национального освобождения – в Алжире, Партия арабского социалистического возрождения – в Сирии и Ираке, Йеменская социалистическая партия), которые концентрируют в своих руках всю полноту власти.

В это же время Саудовская Аравия, уже вышедшая на авансцену ближневосточной политики, стала главным центром противостояния арабскому социализму. Ее правящая элита, пытаясь подорвать влияние Египта, Сирии, Ирака, искала пути и методы, чтобы сплотить страны с умеренными консервативными режимами. Идею военных пактов с участием западных держав возродить не пытались, поскольку она сильно себя дискредитировала. Чтобы противопоставить какие-то привлекательные лозунги идеям арабского национализма и социализма, совмещенные с социальными преобразованиями, Саудовская Аравия обратилась к исламу: король Фейсал выдвинул план создания «исламского пакта», рассчитывая противопоставить его Лиге арабских государств. Арабо-израильская война 1967 г. способствовала реализации этой идеи. Борьба против экспансионистской политики Израиля стала необходимым элементом внешнеполитического

курса для тех правительств, которые претендовали на лидерство в мусульманском мире.

Важнейшим событием периода 1960-х гг., оказавшим сильное воздействие на дальнейший ход исторического процесса не только в арабском регионе, но и в Африке южнее Сахары, стала победа алжирского народа в борьбе за независимость.

Национально-освободительная борьба алжирского народа за независимость. Смена власти в 1965 г.

Алжир был самой крупной и наиболее важной колонией Франции в Африке и из всех стран Магриба испытал самую долгую и жестокую колонизацию, длившуюся 132 года. Европейцы были отделены от коренного населения социально-политическим барьером: они пользовались всеми правами французских граждан, которых алжирцы были лишены, а также многочисленными преимуществами при приеме на работу, продвижении по службе и т.д. Алжирцы юридически рассматривались не как граждане Франции, а как ее «подданные». Их правовое положение регулировалось особым «туземным кодексом», согласно которому любой чиновник колониальной администрации от администратора коммуны до генерал-губернатора Алжира пользовался по отношению к алжирцам всей полнотой гражданской, полицейской и судебной власти одновременно. Так называемые территории Юга (т.е. районы Сахары) управлялись офицерами расквартированных там французских войск в соответствии с законами военного времени.

В мае 1945 г. в Восточном Алжире произошло стихийное, неподготовленное и неорганизованное восстание, непосредственным поводом к которому послужил провокационный расстрел полицией в городах Сетифе и Гельме демонстраций алжирцев по случаю Дня победы над гитлеровской Германией (8 мая 1945 г.). Восставшие нападали на европейских служащих, чиновников и полицейских, жгли фермы колонистов, разрушали линии связи. перебросив на восток страны значительные силы армии, авиации, флота и полиции, колонизаторы жестоко расправились с восставшими: было убито свыше 40 тыс. алжирцев, при этом национальное движение понесло сильный урон, а ассоциация «Друзья манифеста и свободы» была распущена 15 мая 1945 г.

Активизация политической жизни начинается в Алжире в конце 1945 г., когда возобновляют свою деятельность улеме и сторонники

«Манифеста», которые реорганизовались в новую партию – Демократический союз алжирского манифеста (ДСАМ). Эта партия стремилась к национальному самоопределению Алжира путем постепенных реформ, не порывая связей с Францией. В июне 1946 г. ДСАМ получил на выборах в Учредительное собрание Франции 11 депутатских мест из 13 предоставленных коренному населению Алжира и выдвинули свой проект конституции Алжира (предусматривавший создание в стране автономной республики), который был отклонен.

Отклонение Учредительным собранием Франции проекта ДСАМ способствовало усилению влияния в стране сторонников немедленного отделения Алжира от Франции. В ноябре 1946 г на базе подпольной Партии алжирского народа была создана новая партия – Движение за торжество демократических свобод (ДТДС), которое потребовало немедленной ликвидации колониального режима. Вопрос о будущем Алжира оно предлагало передать на рассмотрение Учредительного собрания Алжира, а отношения Алжира с Францией – определить в рамках двустороннего договора. На выборах в Национальное собрание Франции 10 ноября 1946 г. ДТДС завоевало 5 мест из 15, предоставленных коренному населению Алжира.

Опыт национально-освободительного движения до и во время Второй мировой войны, а также уроки, извлеченные алжирским народом из поражения майского восстания 1945 г., настоятельно диктовали необходимость единства всех сил, участвовавших в освободительной антиколониальной борьбе. Обострение национально-политических и социально-экономических противоречий способствовало расширению антиколониального движения и вовлечению в него большинства представителей практически всех слоев населения страны. Главной националистической партией Алжира оставалось ДТДС, массовую базу которого составляли широкие слои населения, но идеологическое и политическое руководство находилось в руках мелкобуржуазного ядра. Расширение ее социальной базы и рост политической зрелости рядовых активистов побуждали руководство партии обновить программу и тактику действий. В апреле 1953 г. на своем съезде партия высказалась за выработку социально-экономической программы, отказ от шовинистических перегибов (европейцы были признаны «составной частью алжирского народа»), единство действий всех национальных партий, союз с прогрессивными силами Франции. Однако, саботируя выполнение решений съезда, председатель партии Мессали Хадж, вступил в борьбу с большинством акти-

вистов партии, что привело к ее расколу в июле 1954 г. на «мессалистов» и «централистов» (сторонников ЦК партии). Выход из кризиса был найден в объединении наиболее активных борцов за независимость Алжира вокруг подпольной специальной организации – боевиков партии. В марте 1954 г. они создали Революционный комитет единства и действий, который начал подготовку вооруженного восстания против колониального гнета. В октябре 1954 г. комитет преобразовался во Фронт национального освобождения (ФНО). ФНО, в свою очередь, реорганизовал вооруженные отряды своих приверженцев, создав из них отдельную структуру – Армию национального освобождения (АНО) численностью в 3 тыс. бойцов.

По сигналу ФНО в ночь на 1 ноября 1954 г. вспыхнуло восстание алжирского народа против французского господства. Повстанцы быстро установили контроль над рядом районов в горных массивах Ауреса и Кабилии, совершали нападения на учреждения колониальной администрации, французских солдат и полицейских. Население единодушно поддержало патриотов: в течение последующих месяцев многие алжирцы вступили в ряды АНО. Французские власти приняли ряд мер для немедленного подавления восстания. В Алжир были переброшены крупные соединения французской армии. Жестоко расправляясь с мирным населением, они разрушали деревни и осуществляли массовые депортации жителей, стремясь изолировать их от повстанцев. 5 ноября 1954 г. была запрещена деятельность обеих фракций МТЛД. В августе 1955 г. восстание охватывало уже всю северо-восточную часть страны, а к октябрю – всю страну.

В августе 1956 г. в долине Суммам (в области Кабилия) состоялся съезд повстанческих командиров и руководителей ФНО. На съезде были определены организация и система командования АНО, уточнены политическая программа ФНО и его цели. После Суммамского съезда начался новый этап развития алжирской революции: АНО быстро и успешно наращивала свою военную мощь. В деревнях создавались новые органы управления – народные собрания; тысячи алжирцев, особенно из числа молодежи, вступили в ряды муджахидов – регулярный бойцов АНО. Самые широкие слои населения стали принимать активное участие в действиях мусабилей – вспомогательных бойцов, обычно возвращавшихся к мирному труду после завершения операции.

Война в Алжире дорого обошлась Франции (не менее 1 млрд старых, т.е. 1 тыс. новых, франков в день) и потребовала от нее трудных решений, в т.ч. и международных: в частности, Франция вынуж-

дена была, чтобы не распылять своих усилий на сохранение своего «присутствия» в других местах, предоставить в марте 1956 г. независимость Тунису и Марокко. Осенью 1958 г. новый президент Франции генерал де Голль потребовал капитуляции алжирских повстанцев, которую те решительно отвергли. Состоявшиеся в этом же году в Танжере и Тунисе конференции лидеров ФНО и правящих партий Туниса и Марокко приняли решение об усилении помощи борющемуся Алжиру и о формировании алжирского правительства. 19 сентября 1958 г. в Каире было создано Временное правительство Алжирской Республики (ВПАР), а Национальный совет алжирской революции (НСАР) стал играть роль временного парламента Алжира, контролирующего деятельность ВПАР. В 1958–1960 гг. ВПАР было официально признано правительствами более чем 30 афро-азиатских и социалистических стран.

В марте 1961 г. Франция объявила о начале переговоров с ВПАР, которые начались в мае того же года. Переговоры дважды (в июне и в августе 1961 г.) прерывались из-за стремления французской стороны навязать алжирцам неприемлемые условия соглашения (например, отторжение Сахары, сохранение привилегий европейцев, разоружение АНО). Однако всеобщие забастовки и непрекращавшиеся бои с партизанами, а также открытое осуждение алжирской политики Франции на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН в 1960 и 1961 гг. вынудило правительство де Голля искать пути к мирному исходу затянувшегося конфликта. Несмотря на срыв официальных переговоров, франко-алжирские контакты не прекращались, при этом Франция старалась оказать давление на ВПАР, вынудив его к максимальным уступкам. В конце концов, после долгих проволочек представители Франции подписали 18 марта 1962 г. в небольшом городке Эвиане франко-алжирские соглашения о прекращении военных действий.

1 июля 1962 г. в Алжире был проведен референдум: 99% принявших участие в голосовании высказались за независимость страны. 3 июля Франция официально признала независимость Алжира, а 5 июля ФНО объявил днем независимости.

Первая конституция независимого государства была принята в 1963 г. Учредительным собранием и утверждена путем референдума 8 сентября. По конституции главой исполнительной власти и главой государства провозглашался президент республики, избираемый на 5 лет всеобщим и тайным голосованием по назначению ФНО, которая стала «единственной авангардной партией Алжира» и должна была

«осуществлять цели народной демократической революции и строить в Алжире социализм». Первым президентом республики 15 сентября 1963 г. был избран Ахмед Бен Белла.

Один из острых вопросов, вставших перед правительством Бен Беллы, состоял в срочной необходимости удовлетворить требования участников освободительной войны. В начале послевоенного периода недостаточно оперативное решение проблем, связанных с судьбами бывших бойцов-муджахидов, вызвало недовольство в их среде: весной 1963 г. имели место открытые выступления во многих городах. 6 августа 1963 г. Национальным собранием был принят важный законопроект, предусматривавший первоочередное трудоустройство 300 тыс. бывших бойцов, создание под управлением муджахидов сельскохозяйственных кооперативов, ряд привилегий при получении жилья, выдаче лицензий на открытие кафе, различных киосков, на приобретение такси и т.д.

Другой важной задачей первого правительства независимого Алжира стало привлечение трудящихся к участию в общественной жизни. Формой такого участия стала система самоуправления. Зародившись вначале как революционная инициатива сельскохозяйственных и промышленных рабочих для борьбы с экономической разрухой и саботажем со стороны бывших колонизаторов, самоуправление стало составной частью общей политики партии ФНО и правительства, направленной на то, чтобы управлять страной через систему народных собраний. Выбор социалистического пути развития, оказавший воздействие на политическое сознание участников освободительной борьбы, получил первое и конкретное воплощение именно в системе самоуправления, появившейся в 1963 г. и сыгравшей важнейшую роль в становлении новой властной структуры, укрепив вертикаль власти и заложив основы новой системы управления. Этот феномен с момента возникновения стал явлением не только социально-экономическим, он приобрел идеологические, политические, а впоследствии и правовые аспекты.

Отсутствие сложившейся развитой системы государственного управления в стране накануне завоевания независимости и элемент стихийности в образовании новых форм государственной власти (система самоуправления) обусловили выдвижение на авансцену политической жизни военных – участников национально-освободительного движения при сотрудничестве массовой организации – ФНО, который являлся главным двигателем борьбы за незави-

симось. На протяжении периода независимого развития военные занимали видное место в государственно-политической иерархии.

Однако в деятельности ФНО в первые годы после завоевания независимости возникло много трудностей. Социальная и политическая неоднородность, присущая любому широкому национальному объединению, при возникновении которого главенствует цель – сплочение под лозунгами антиколониальной борьбы большинства населения страны вскоре дала о себе знать. Программа, тактика, организационные структуры, вся практическая деятельность ФНО, успешно служившие в годы вооруженной борьбы за независимость, теперь нуждались в пересмотре с учетом нового этапа в развитии. Социальные противоречия и неустойчивая обстановка в стране обострили разногласия внутри Фронта национального освобождения: когда жизнь выдвинула ряд новых сложных проблем, к их разрешению представители различных социальных групп стали подходить с противоположных позиций. Стремление увлечь разнородные слои, входящие в состав сил, рассматриваемых правящим режимом в качестве своей социальной опоры на пути к социализму, не потеряв при этом политическую власть, обусловило проявление четкой тенденции к складыванию авторитарного режима, чему в немалой степени способствовали и специфические экономические условия Алжира.

В этом противостоянии победила армия. 19 июня 1965 г. в результате государственного переворота власть в Алжире перешла в руки Революционного Совета, который возглавил полковник Хуари Бумедьен, занимавший в прежнем правительстве пост первого заместителя председателя Совета министров и министра национальной обороны. 10 июля был объявлен состав нового правительства, которое возглавил сам Хуари Бумедьен, сохранивший за собой пост министра обороны. При этом Революционный совет провозгласил «верность революции».

В 1966–1971 гг. были национализированы до 80% промышленного производства, все иностранные предприятия, упорядочена система самоуправления, проведены аграрная реформа и индустриализация, выстроены более 600 предприятий. Национализация нефти и газа в 1971 г. позволила Алжиру резко увеличить валютные поступления в казну и, соответственно, расходы на социальные нужды: образование, здравоохранение, жилье, занятость. В 1974 г. в ООН Алжир выступил с инициативой установления «нового мирового экономического по-

рядка», т.е. за равноправные отношения Востока и Запада, а также за признание национальных прав арабов Палестины.

Завершающим этапом политического развития Алжира этого периода стало принятие в ноябре 1976 г. новой конституции страны, закрепившей итоги социально-экономического развития страны.

Реформы короля Саудовской Аравии Фейсала. Создание Организации Исламской Конференции (ОИК)

В 1960-е гг. в аравийских монархиях ускорился начатый в предшествующее десятилетие распад традиционного общества. Создание высокомонополизированной нефтяной промышленности сопровождалось быстрым расширением активности иностранного капитала, учреждением многочисленных филиалов иностранных компаний, банков и торговых учреждений. В Саудовской Аравии процесс ускоренной модернизации общества был связан с деятельностью короля Фейсала (правил в 1964–1975 гг.). Если его предшественник использовал нефтяные доходы на непроизводительное потребление (строительство дворцов, содержание гарема, приобретение сокровищ и предметов роскоши), то Фейсал выдвинул программу реформ, в основе которых лежала идея использования нефтяной ренты для коренной реорганизации национальной экономики, создания транспортной и производственной инфраструктуры и диверсифицированной национальной промышленности.

Обширный комплекс преобразований был призван, с одной стороны, обеспечить предпосылки для ускоренного капиталистического переустройства и на этой основе форсированного и устойчивого развития страны, а с другой – разрядить обстановку, чтобы избежать обострения социальных противоречий. Основное внимание было обращено на создание самостоятельной национальной экономики, основой которой стал нефтяной сектор, и на создание современных социальных условий для большинства населения королевства.

Король Фейсал заложил основы индустриализации и национальной нефтяной промышленности. 1960-е гг. – период качественных изменений в отношениях Саудовской Аравии и нефтяного монополиста Арамко. В 1962 г. была создана государственная компания Петромин, на которую возлагалась задача реализации государственных проектов в области минеральных и нефтяных ресурсов, импорт всего минерального сырья, разведка полезных ископаемых и создание

компаний для участия во всех стадиях добычи, транспортировки и сбыта нефти и ее производных в стране и за ее пределами. Петромин стал основным агентом саудовского государства в нефтяных делах, но, что еще важнее, новая компания начала самостоятельно осуществлять новые проекты, связанные с нефтью, и участвовать на равных с западными компаниями в существующих проектах.

Быстрыми темпами развивалась инфраструктура: шоссейные дороги, аэродромы, порты, телефонная и телексная сети связи, спутниковая связь, электростанции и заводы по опреснению морской воды. В годы правления короля Сауда за год строилось около 130 км дорог с твердым покрытием, а при Фейсале – по 600–900 км ежегодно. Была создана национальная авиакомпания «Саудия». Все большее распространение получало кооперативное движение, особенно в промышленных центрах. В определенной степени власти использовали традиции взаимопомощи бедуинов, придав им современную оболочку и связав с благотворительными обществами, истоки которых восходят к Корану. Все кооперативы субсидировались государством через министерство труда и социальных дел. В конце 1960-х гг. была принята 20-летняя программа, которая предусматривала постепенный перевод на оседлость бедуинские семьи. В городах строились дороги, школы и больницы. Расходы на образование при Фейсале выросли в 10 раз. В 1956 г. в стране только 5% населения был грамотными, а спустя двадцать лет – уже около 40%.

Можно утверждать, что в социальной сфере король стал подлинным создателем современной системы образования и медицинского обслуживания, поднятой в королевстве на огромную высоту. Важно также отметить, что все реформы проводились без революционных потрясений при сохранении стабильности и социального мира в обществе. Этому способствовали широкие меры по социальной защите малообеспеченных слоев населения, которые стали важной составной частью политики Фейсала, – пособия и гранты на строительство жилья, поддержку хозяйства земледельцев, бесплатное обучение в школах и университетах.

Одновременно с модернизацией страны принимались все доступные меры для упрочения ислама в Саудовской Аравии: активно строились новые мечети (к 1975 г. их было более 20 тысяч); служителей для них готовили десятки духовных училищ и три исламских университета. Вместе с тем король оттеснил от государственного управления представителей религиозных кругов с ярко выраженной

фундаменталистской ориентацией, сделав ставку на взаимодействие с умеренными представителями духовенства, которые с пониманием относились к потребностям модернизации и проведения реформ при сохраняющейся исламской доминанте.

Постоянно усиливавшаяся конфронтация между прогрессивными республиками и «умеренными», как они сами себя называли, монархиями, привела к тому, что арабские страны к середине 1960-х гг. отчетливо разделились на два лагеря. Восьмилетняя гражданская война в Йемене (1962–1970) стала характерным примером этого раздела. «Священный союз» арабских монархий возглавила Саудовская Аравия, а лагерь прогрессивных сил – революционный Египет. В личности Насера и в арабском социализме Фейсал усматривал серьезную опасность для политического строя Саудовской Аравии и для мусульманской религии; в распространении атеизма и коммунизма он видел значительно большую угрозу, чем в политике Израиля. Однако в 1960-е гг. инициатива продолжала оставаться в руках насеровского Египта, и Фейсал, пытаясь компенсировать свою слабость в арабском мире, сосредоточил усилия на панисламской концепции сотрудничества мусульманских государств.

Поражение арабских армий, особенно египетской и сирийской, в «шестидневной войне» 1967 г. резко изменило политическое положение и имело далеко идущие последствия: на первое место снова выходит задача решения общенациональных проблем. Насер был вынужден отказаться от притязаний на руководящую роль в арабском мире. На Хартумском совещании в верхах (август 1967 г.) состоялось примирение короля Фейсала с президентом Египта. Саудовская Аравия (вместе с Кувейтом) приняла обязательство оказать «прифронтовым» государствам финансовую помощь, чтобы возместить урон, нанесенный войной. Взамен Насер должен был прекратить опасную пропагандистскую войну против аравийских монархий. В результате Фейсал стал оказывать большое воздействие на развитие политической обстановки в арабском мире. Оказывая серьезную финансовую помощь Египту и Сирии, саудовский король сделал ставку на египетского президента. В феврале 1974 г. Египет восстановил дипломатические отношения с США, разорванные при Насере. Сразу после этого Саудовская Аравия оказала ему дополнительную финансовую помощь для закупки вооружений в США.

В августе 1969 г. был совершен поджог главной мусульманской святыни Иерусалима, находящейся в оккупированной его части – ме-

чети аль-Акса, что вызвало взрыв возмущения во всем мусульманском мире. Король Саудовской Аравии пригрозил объявить джихад, если Израиль не освободит мусульманскую часть Иерусалима. В сентябре 1969 г. в Рабате (Марокко) по инициативе Саудовской Аравии состоялась первая встреча глав государств и правительств 24 мусульманских стран. Основным решением этого совещания было укрепление солидарности стран традиционного распространения ислама перед лицом экспансии Израиля и оказание помощи арабскому народу Палестины, а также освобождение арабской части Иерусалима. На этом же совещании было принято решение о создании Организации исламской конференции (ОИК) – объединения мусульманских государств на основе единой веры. ОИК стала единственной мусульманской международной организацией, действующей на межправительственном уровне. Главной целью ОИК было объявлено поощрение и укрепление мусульманской солидарности и сотрудничества между государствами-участниками в экономической, культурной, научной и других сферах. Однако в центр активности организации с самого начала была поставлена задача оказания помощи и поддержки арабскому народу Палестины в его борьбе против Израиля, а также освобождение арабской части Иерусалима и находящихся там мусульманских святынь. Эти вопросы неизменно ставились и обсуждались в качестве главных на всех конференциях и совещаниях организации.

Палестинское движение сопротивления и создание Организации освобождения Палестины

1960-е гг. ознаменовались усилением борьбы палестинского народа в общеарабском освободительном движении. Эти годы были отмечены качественными изменениями самого характера палестинской революции, ее движением к зрелости и единству. Если в предшествующее десятилетие Палестинское движение сопротивления (ПДС) пребывало в состоянии шока после войны 1948–1949 гг. и главную роль для него играл процесс собирания рассеянных и неорганизованных сил, то в 1960-е гг. наступил этап организационного и идейно-политического становления ПДС, сопровождаемый переломом в самосознании народа Палестины. В октябре 1964 г. Каирское совещание глав арабских государств приняло решение о создании Организации освобождения Палестины (ООП), призванной выражать интересы палестинского народа.

Поражение арабских армий в «шестидневной войне» окончательно убедило палестинцев в необходимости ведения борьбы за освобождение прежде всего своими силами. Организация освобождения Палестины (ООП) обрела характер национального фронта, в состав которого вошли большинство боевых и политических организаций палестинцев. Быстро росла численность и укреплялись позиции новых палестинских организаций, в первую очередь Фатха. Кроме того, смена руководства ООП, избрание председателем Исполкома ООП Ясира Арафата, состоявшееся на V сессии Национального совета Палестины в феврале 1969 г., в немалой степени способствовали переходу ООП к более реалистичному и конструктивному курсу.

Растущее влияние ООП вызвали недовольство консервативных режимов региона. Первый широкий заговор против ПДС был организован в Иордании, где палестинцы во второй половине 1960-х гг. составляли большинство населения. Обеспокоенный ростом влияния палестинцев в Иордании, а также выдвигаемыми некоторыми экстремистскими палестинскими группировками лозунгами, в которых содержались призывы к свержению короля Хусейна, королевский режим 17 сентября 1970 г. спровоцировал верные ему бедуинские части на вооруженное нападение на дислоцированные в Аммане отряды палестинцев. Через пять дней вся страна была охвачена междоусобной войной. Неподготовленность и нескоординированность действий различных палестинских формирований предопределили неудачу боевых действий ПДС.

Реакция большинства арабских стран на иорданские события была выжидательной. Только Сирия сконцентрировала свои танковые части на границе с Иорданией, но так и не решилась ввести их на иорданскую территорию. Миротворческую инициативу взял на себя Гамаль Абдель Насер. При его непосредственном участии 28 сентября 1970 г. было подписано Каирское соглашение о прекращении огня. Ту же цель преследовало и заключение 13 октября 1970 г. палестино-иорданского соглашения в Аммане.

Несмотря на определенное политическое значение, эти соглашения не положили конец палестино-иорданскому антагонизму, достигшему критической стадии. После смерти Насера, горячего поборника идеи арабского единства, выступавшего основным гарантом соблюдения соглашений, стороны возобновили боевые действия в северной части Иордании в январе 1971 г. Регулярные иорданские части вошли в Амман и Джераш, где осенью 1970 г. была провозглашена

Палестинская республика. 25 января 1971 г. иорданские власти запретили палестинцам проведение антиизраильских военных операций с иорданской территории. В июле 1971 г. пал последний очаг палестинского сопротивления – г. Аджлун.

В ходе трагических событий в Иордании, во время которых погибло около 15 тыс. палестинцев, все базы ПДС на территории королевства были ликвидированы, а вооруженные формирования федаинов были вынуждены перебраться на территорию Ливана и Сирии.

Революция 1969 г. в Ливии

В 1967 г. в Ливии разразился политический кризис, составной частью которого стал правительственный кризис как результат нежелания монархии осуществлять социально-экономические и государственные преобразования. С мая 1969 г. страна оказалась фактически без парламента. В связи с престарелым возрастом короля Идриса I усилилась борьба за власть между придворными группировками, за каждой из которых стояла определенная западная держава, которая оказывала соответствующее влияние на короля.

В условиях Ливии, где национально-освободительное движение было недостаточно организовано и монархический режим подавлял малейшие проявления массового недовольства, единственно сплоченной силой, способной успешно выступить против монархии, была армия. Еще в начале 1960-х гг. в ливийской армии зародилась и начала функционировать нелегальная Организация свободных офицеров юнионистов-социалистов (ОСОЮС), созданная по примеру египетских «Свободных офицеров». В 1964 г. был сформирован центральный комитет ОСОЮС, представленный исключительно военными. Задачи, которые ставили перед собой ливийские «свободные офицеры» (свержение монархического режима, искоренение вековой отсталости, освобождение от военно-политического и экономического господства Запада, установление социальной справедливости для широких народных масс, борьба за арабское единство, обеспечение законных прав арабского народа Палестины), и их основные лозунги (свобода, единство, социализм) пользовались большой популярностью среди демократических сил ливийского общества.

1 сентября 1969 г. ОСОЮС, поддержанная ливийской армией, свергла монархию и провозгласила Ливийскую арабскую республику (ЛАР). Вся власть в ЛАР перешла в руки Совета Революционного ко-

мандования (СРК) – так стал называться после государственного переворота ЦК ОСОЮС. Председателем СРК стал Муаммар Каддафи, которому 8 сентября 1969 г. был присвоен чин полковника. Он же был назначен главнокомандующим ливийскими вооруженными силами. Приход к власти «свободных офицеров» был неожиданным не только для короля Идриса I, находившегося в это время на отдыхе в Греции, но и для западных держав. Их открытому вооруженному вмешательству во внутренние дела Ливии (к чему призывал король Идрис) помешало присутствие в Средиземном море кораблей советского военно-морского флота, а также готовность вооруженных сил освободившихся арабских стран в любой момент оказать поддержку ЛАР. Необходимо также отметить, что вооруженное вмешательство, которое могло бы привести к выводу из строя нефтяных скважин и нефтепроводов и к прекращению экспорта ливийской нефти, не устраивало международные нефтяные монополии, не без основания опасавшиеся за судьбу своих капиталовложений в нефтяную промышленность Ливии.

Свержение монархии дало возможность приступить к конкретным социально-экономическим преобразованиям и, прежде всего, решению вопроса о ликвидации иностранных военных баз и выводе иностранных войск с территории Ливии. Английские базы были ликвидированы уже 28 марта 1970 г., а США – 11 июня. Важным шагом СРК было расторжение соглашения с Англией о создании в Ливии противоракетной системы ПВО. В марте 1970 г. СРК издал закон о создании ливийской национальной нефтяной корпорации, которой было предписано проводить курс на ограничение деятельности иностранных нефтяных компаний и развивать национальный сектор нефтяной промышленности. В июле 1970 г. СРК принял закон «О возвращении ливийскому народу узурпированной собственности», в соответствии с которым была национализирована без выплаты компенсации вся собственность, принадлежавшая итальянцам. Кроме земель и ферм, отобранных у итальянцев и переданных в распоряжение кооперативов и народных комитетов, в том же году был создан комитет по проведению аграрной реформы и использованию заброшенных земель. Были национализированы не только собственность и земли итальянцев, но и лиц, лишенных ливийского гражданства.

В годовщину революции, 1 сентября 1970 г., Каддафи объявил о намерении добиваться следующих целей: осуществление проектов промышленного и сельскохозяйственного развития, реорганизация

административных органов, подготовка и публикация нового законодательства, отмена всех титулов и привилегий, национализация банков и нефтяных компаний, изгнание из страны итальянцев, установление твердых цен на нефть. После этого были изданы десятки декретов, касавшихся самых различных сторон жизни ливийского общества. Курс был взят в сторону социальных преобразований в интересах широких народных масс и ограничение деятельности и собственности буржуазии и феодалов. Однако в это время появились противоречия внутри СРК, прежде всего по вопросам дальнейшего внутривнутриполитического и экономического развития. Борьба шла между теми, кто хотел видеть Ливию буржуазной парламентской республикой, и теми, кто выступал за дальнейшее продолжение радикальных революционных преобразований. Самый острый кризис СРК испытал в августе 1975 г., когда один из близких друзей ливийского лидера, член СРК майор Омар Мохейши, предпринял неудавшуюся попытку переворота, бежал в Тунис, а затем обосновался в Египте. Тогда же СРК обнародовал целую серию декретов, предусматривавших смертную казнь для тех, кто попытается свергнуть режим.

Таким образом, первый этап ливийской революции (1969–1973 гг.), ставший, по сути, переходным, характеризовался антифеодальными и антиимпериалистическими мероприятиями нового руководства. В то же время отсутствие продуманной стратегии развития, весьма скептическое отношение как к западным моделям демократии, так и к коммунистическому режиму, а также тот факт, что те или иные решения зачастую принимались на основе чисто прагматического и субъективного подхода, имели и свои отрицательные стороны. В этом ведущие лидеры СРК увидели главное: насеровская модель экономического и социального развития, взятая ими за основу революционных преобразований после 1969 г., исчерпала себя, необходима выработка нового подхода к дальнейшему развитию страны.

4.3. Развитие арабского мира в 1970-1980-е гг.: прагматизм в политике, противоречия, конфликты

В 1970-е гг. социалистическая ориентация как тип развития в арабском мире переживает кризис: от группы стран этого типа отходят Египет, Сомали, изменяется ситуация в Ираке, претерпевает значительную эволюцию внутренняя и внешняя политика Дж. Нимейри

в Судане. Происходят изменения в социально-экономической политике Алжира и Сирии, где социалистический путь развития сталкивается с большими трудностями, преимущественно в экономической сфере. К этому времени уже выяснилось, что попытки использовать советский опыт, кредиты и квалифицированную помощь из стран социалистического лагеря не выводят из состояния периферийного развития и не приводят к появлению общества равных возможностей. Происходит поворот вправо в одних арабских странах и кризис реформистской модели в других, идет процесс отрицания тех революционных перемен, которыми ознаменовались 1950–1960-е гг. Антизападные лозунги у многих политических деятелей превратились в чистую риторику, на деле стала проводиться политика фактического сближения как с бывшими метрополиями, так и с США.

В условиях усилившихся социально-экономических противоречий и хозяйственных диспропорций в период 1970-х гг. в ряде стран (Египте, Тунисе, Сирии) наметился переход к политике экономической либерализации, предусматривающей отход от государственного дирижизма и ориентацию на использование смешанных форм предпринимательства в целях более полной мобилизации потенциала частнохозяйственного уклада. Дестабилизирующим не только экономическое, но и политическое положение фактором с конца 1970-х гг. стало снижение цен на нефть и, как следствие, уменьшение доходов нефтедобывающих государств, что негативно сказалось на всех других арабских государствах. Кризисные явления, в свою очередь, вели к растущей роли оппозиционных сил, усилению этнических и конфессиональных противоречий.

В межарабских отношениях преобладали центробежные тенденции. Произошел фактический раскол Лиги арабских государств, ее штаб-квартира была переведена из Каира в Тунис. Отсутствие доминирующего арабского блока, формирование «центров силы» различной политической ориентации и обострение борьбы за лидерство, рост местного национализма и амбиций отдельных арабских руководителей привели к росту конфликтности в ближневосточном регионе. Свою лепту в обострение межарабских отношений внесли внутривосточный конфликт, проблема Западной Сахары, мирный договор Египта с Израилем, ирано-иракская война, палестинская интифада. Углубились контрасты между отдельными субрегионами: наиболее динамично стали развиваться монархии Персидского залива, в литературу прочно вошло разделение арабских стран на «богатые» и «бедные».

Характерной чертой этого периода становится подъем политического ислама, изменившего ситуацию в большинстве стран, чему способствовала революция 1979 г. в Иране.

«Исправительное движение» в Сирии. Приход к власти Хафиза Асада

23 февраля 1966 г. в Сирии был совершен военный переворот, в результате которого традиционные лидеры Партии арабского социалистического возрождения (ПАСВ) М. Афляк и С. ад-Дин Битар и их сторонники были отстранены от руководства. «Движение 23 февраля», как стал называться приход к власти левых баасистов, стало логическим завершением длительной и сложной борьбы, которая шла внутри ПАСВ между правыми силами в общеарабском руководстве и левыми в сирийском региональном руководстве. Власть в стране перешла в руки Временного сирийского регионального руководства. 1 мая 1969 г. была обнародована временная Конституция страны. Она провозглашала Сирию «демократической, народной и социалистической» республикой. Однако слабость и нерешительность части руководства ПАСВ, растущее недовольство народа из-за провалов во внешней и внутренней политике страны, обострение отношений с соседними государствами привели к возникновению т.н. «Исправительного движения», которое возглавил министр обороны Хафиз Асад. 13 ноября 1970 г. «Исправительное движение», поддержанное вооруженными силами страны, взяло власть в свои руки. Армия стала ведущим фактором внутривнутриполитической жизни, определявшим основные направления ее внутреннего и внешнего курса после достижения независимости. При этом позиции алавитов в государственном аппарате правящей партии, армии, общественных организаций заметно усиливались. Так, численность алавитов в руководстве ПАСВ выросла с 14% в начале 1960-х гг. до 21% в конце 1970-х. Что касается армии, то к началу 1980-х гг. 18 из 25 высших офицеров сирийской армии были алавитами. Механизм власти в САР предусматривал сильное президентское правление с преимущественной опорой на армию и спецслужбы.

Коррекция прежнего курса проявилась в политике начавшейся либерализации экономической жизни, что диктовалось сложной внешнеполитической ситуацией, и в соответствии с этой политикой в стране были созданы так называемые «свободные зоны», целью кото-

рых было всемерное привлечение в экономику иностранного и частного национального капитала.

В политической сфере стояла задача создания в Сирии Фронта прогрессивных политических сил, в рядах которого сплотились бы все выражающие интересы народа партии и общественные организации, т.к. военная фракция не имела широкой поддержки в гражданских кругах, а также стояла задача формирования постоянно действующего органа государственной власти – парламента. В этом отношении изменение деятельности ПАСВ действительно исправляло положение, восстанавливая нормы многопартийности, и придавало законность деятельности нового руководства. Формирование Прогрессивного национального фронта (который должен был усилить роль ПАСВ в сирийском обществе) завершилось подписанием вошедшими в него партиями и движениями Хартии ПНФ 7 марта 1972 г. При этом в состав ПНФ, кроме ПАСВ, вошли лишь те политические партии и организации, которые по многим параметрам своего исторического прошлого и условиям своего возникновения и деятельности могли рассматриваться в качестве близких к ПАСВ, это – Арабский социалистический союз, Сирийская компартия, Движение юнионистов-социалистов и Движение арабских социалистов. То, что все партийные группировки, вошедшие в состав ПНФ, были все еще достаточно тесно связаны с отдельными национальными и конфессиональными группами населения Сирии, определило немалое сходство выдвигаемых ими программных установок. Они были активные поборники идеи социальной справедливости, выступали с позиций антиимпериализма, антисионизма и арабского единства. Высшим руководящим органом этой коалиции стало Центральное руководство (ЦР) Фронта. ПНФ выступала только с единым списком, в рядах которого всегда лидировал ПАСВ. Таким образом, вводимая сирийскими властями многопартийность, была ограниченной, дирижистской и не отменяла монополию на власть ПАСВ. Доминирующая роль в процессе принятия наиболее важных политических решений отводилась узкой группе лично близких Х. Асаду лиц из числа высокопоставленных военных и представителей партийного аппарата.

В результате осуществления политики либерализации экономическая и политическая ситуация к концу 1970-х гг. стала основой развернувшейся в стране в 1978–1982 гг. острой политической борьбы. На позиции режима с конца 70-х гг. начали наступление фундаменталисты, что привело к беспрецедентным столкновениям суннитского

населения с силами правопорядка в 1982 г. в городе Хаме. Братья-мусульмане требовали внести существенные поправки в законы о национализации, отменить закон об аграрной реформе, ввести иной порядок внешнеторговых операций и отменить контроль над ценами. Антиправительственные выступления были со всей жестокостью подавлены властями, Братья-мусульмане были разгромлены и перешли к подпольной и нелегальной деятельности.

Правовые основы государственного строя Сирийской Арабской Республики (САР) установила Конституция, одобренная в ходе всенародного референдума и вступившая в силу 13 марта 1973 г. (сдьмая по счету с 1943 г.). САР провозглашалась «суверенным социалистическим народно-демократическим государством» с «социалистической плановой» экономикой, «преследующей цель ликвидации всех форм эксплуатации». Центральное место в государственном механизме Сирии занял президент республики, что нашло свое выражение в совокупности осуществляемых им полномочий, которые охватывали практически все сферы государственной деятельности.

В 1990-е гг. сирийская политическая система практически не претерпела существенных изменений. В стране сохранился авторитарный политический режим, на вершине властной пирамиды господствовали выходцы из алавитской общины, которые создали сильный и разветвленный военно-бюрократический аппарат, внутри которого существовали тесные кланово-конфессиональные и родственные связи. Можно говорить о том, что завершился этап становления алавитов как общины, способной обеспечивать себе привилегированное положение в сирийском обществе.

Смерть Х. Асада в 2000 г. не создала внутривластной неустойчивости и вакуума власти. Сплотившаяся вокруг его сына Башара Асада правящая партия не позволила изменить сложившееся в стране соотношение сил и продемонстрировала, что не собирается расставаться с властью. В свою очередь, прошедший в САР общенародный референдум подтвердил сделанный выбор: 95% принявших участие в голосовании отдали свои голоса Б. Асаду.

Война 1973 г. и ее последствия. Заключение мирного договора между Египтом и Израилем

В начале 1970-х гг. Египет и Сирия готовились к военным шагам по возвращению захваченных Израилем земель. С этой целью 6

октября 1973 г. с участием военных контингентов из других арабских стран они начали войну против Израиля. В арабском мире эта война получила название «Октябрьской», в Израиле – «война Судного дня». Она вылилась в крупнейшее арабо-израильское сражение в истории конфликта по масштабам и применению вооружений и техники. Советский Союз приложил максимум усилий, чтобы достичь договоренности с США о принятии совместной резолюции в ООН с требованием прекратить насилие. 22 октября 1973 г. СБ ООН принял резолюцию № 338, в которой содержался призыв к противоборствующим сторонам прекратить огонь.

Арабские страны, в свою очередь, собрались на чрезвычайной сессии Организации арабских стран-экспортеров нефти (ОАПЕК), где было принято решение ежемесячно сокращать производство «черного золота» на 5% в качестве инструмента давления на Запад с целью добиться освобождения оккупированных Израилем арабских земель. Кроме того, были прекращены поставки нефти в США и Голландию. Тогда же ОАЭ профинансировали Сирию и Египет с тем, чтобы эти страны смогли оплатить закупки необходимого им оружия.

Последствия октябрьской войны 1973 г. для ситуации на Ближнем Востоке в целом трудно переоценить. Прежде всего, в результате этой войны произошли существенные сдвиги в морально-психологическом настрое арабов, которые избавились от комплекса несокрушимости военной мощи Израиля. Кроме того, на деле была доказана эффективность общеарабских совместных действий, выразившихся в нефтяном эмбарго против стран Запада. Хотя в дальнейшем нефтяное эмбарго арабов было отменено, эти сплоченные действия арабских нефтепроизводителей показали серьезную зависимость Запада от стран-нефтеэкспортеров. В атмосфере подъема идей пан-арабизма после Октябрьской войны ряд арабских режимов пошел на национализацию западных нефтяных монополий.

После Октябрьской войны 1973 г. возникли предпосылки для пересмотра ряда тех стратегических установок Палестинского движения сопротивления (ПДС) и Организации освобождения Палестины (ООП), в которых отвергалось политическое решение палестинской проблемы, а именно утвердилась идея учреждения национальной власти на любой части палестинской территории, освобожденной от оккупации Израиля. Была принята поэтапная программа, означавшая переход к созданию в Палестине независимого государства не вместо Израиля, а рядом с ним.

Она получила поддержку арабских стран и была подтверждена на их саммите в Рабате (Марокко) в октябре 1974 г.

Визит А. Садата в ноябре 1977 г. в Иерусалим вызвал подлинный шок в арабском мире. Этот визит и переговоры с израильским правительством свидетельствовали о кардинальных изменениях в египетском подходе к проблеме ближневосточного урегулирования. Реакция консервативных арабских режимов на отход Египта от общеарабского фронта борьбы с Израилем была сдержанной и ограничилась выражением словесного неодобрения действий Садата. Ответ радикальных арабских режимов был энергичным и действенным: 2 декабря 1977 г. по инициативе Сирии был образован Фронт противодействия, в который, кроме Сирии, вошли Алжир, Ливия, НДРЙ и ООП.

4 января 1978 г. состоялась встреча Садата с президентом США Д. Картером. В августе 1978 г. госсекретарь США С. Вэнс посетил Ближний Восток для вручения Садату и Бегину приглашения Картера прибыть в Кэмп-Дэвид для трехсторонних переговоров. Встреча проходила с 5 по 17 сентября 1978 г. в обстановке строжайшей секретности: на протяжении всего этого времени мировое сообщество практически ничего не знало о ходе и содержании переговоров. 17 сентября 1978 г. переговоры завершились подписанием двух документов: «Рамки мира на Ближнем Востоке» и «Рамки для заключения мирного договора между Египтом и Израилем». В соответствии с «Рамками мира на Ближнем Востоке» Израиль отказался предоставить суверенитет Западному берегу реки Иордан и сектору Газа. Израиль обещал после пятилетнего переходного периода предоставить палестинцам, проживающим на захваченных территориях, «автономию» с сохранением оккупации. В течение пяти лет Египет, Иордания и Израиль должны были согласовать окончательный статус этих территорий.

Важным итогом данного соглашения стало изменение формата ближневосточного урегулирования, которое раньше осуществлялось при обязательном участии Советского Союза. Такой курс Египта был обусловлен поворотом политического вектора развития страны, разрывом с наследием Насера и прекращением сотрудничества с СССР. Садат использовал накопленный капитал отношений с Москвой, чтобы в обмен на ее вытеснение получить с помощью США наилучшие условия примирения с Израилем и добиться за это экономических дивидендов от Вашингтона. В Израиле восприняли ситуацию как шанс вывести сильнейшую арабскую страну региона из конфронта-

ции с Израилем путем возвращения Египту Синая в обмен на сохранение Израилем контроля над Западным берегом и сектором Газы.

26 марта 1979 г. в Вашингтоне был подписан мирный договор между АРЕ и Израилем на основе кэмп-дэвидских документов.

Отсутствие единства помешало арабским лидерам выработать конструктивную линию в отношении садатовского режима на багдадских совещаниях в верхах (1978 и 1979 гг.) В итоге характер санкций против Египта во многом определился позицией арабских монархий во главе с Саудовской Аравией, которые стремились к умеренным решениям. На совещании министров иностранных дел исламских стран в марокканском городе Фесе по инициативе Саудовской Аравии были приняты резолюции о «замораживании» членства Египта в ОИК в связи с подписанием им сепаратного мирного договора с Израилем. Единым фронтом выступили арабы и в вопросе об Иерусалиме. На второй конференции ОИК на высшем уровне, состоявшейся в феврале 1974 г. в пакистанском городе Лахоре, они единодушно проголосовали за резолюцию с требованием вернуть Восточный Иерусалим арабам.

Переход к «прямой демократии» в Ливии.

«Джамахиризация» страны

Еще в начале 1970-х гг. в Ливии начали появляться массовые издания, в которых теоретические взгляды М. Каддафи на дальнейшее социально-экономическое и политическое развитие страны стали называться «третьей мировой теорией». Главной задачей было объявлено построение «подлинного социалистического общества на основе принципов ислама». Основным принципам насеровской модели Каддафи противопоставил концепцию коллективной социальной организации, которая в отличие от прежней элитистской и бюрократической модели выдвинула на передний план, по крайней мере в теории, контроль масс над принятием решений, их осуществлением и управлением. Эта новая модель копировала уже не насеровский Египет, а умму пророка Мухаммеда и представляла собой, по признанию самого Каддафи, «форму социализма, соответствующего умме».

В конце 1970-х гг. были опубликованы три части «Зеленой книги» М. Каддафи, в которой были изложены основные принципы народной власти, которые заключались в следующем: в политике – народные конгрессы, в экономике – соучастие в труде вместо эксплуа-

тации человека человеком, в социальной сфере – свобода личности как главный критерий человеческих взаимоотношений. Новая «модель демократии», сформулированная Каддафи, была преподнесена лидером ливийской революции как «единственный социализм», основанный на естественных законах, predeterminedенных Богом, но искаженных с возникновением классового общества.

Отход от насеровской модели начался уже в 1973 г. Выступая 15 апреля 1973 г. на митинге, М. Каддафи провозгласил начало «культурной революции», в рамках которой предстояло осуществить программу из пяти пунктов: отмены старых законов, вооружения народа, борьбы с противниками революции, проведения культурной и административной революций. А уже к сентябрю 1974 г. было создано 2000 народных комитетов, формально взявших на местах власть в свои руки. Параллельно с созданием народных комитетов шло постепенное складывание другого главного элемента джамахирийской системы – народных конгрессов. 6 ноября 1976 г. во время 3-го конгресса Арабского социалистического союза (АСС), созданного в 1972 г. в качестве единственной политической партии, олицетворявшей республику (по типу АСС Египта), он был переименован во Всеобщий народный конгресс (ВНК). При этом рамки Союза окончательно размывались: его членом мог стать любой ливиец и даже любой арабский гражданин. Высшим органом муниципальных структур АСС объявлялись местные народные конгрессы, рассматривавшиеся в качестве фундамента джамахирийской политической системы. При этом сам ВНК – не законодательный орган, а национальное собрание, в котором участвуют секретариаты местных народных собраний, исполнительные комитеты народных комитетов каждой области, секретариаты различных профессиональных организаций. Собираясь ежегодно, ВНК формулирует политику посредством поправок или объединения предложений, представленных местными народными собраниями.

С 28 февраля по 2 марта 1977 г. в г.Сабха проходила чрезвычайная сессия Всеобщего Народного Конгресса, на которой была принята декларация «Об установлении в Ливии прямого народовластия», в которой говорилось, что Священный Коран является основой законодательства, а прямое народовластие – основой политического строя и осуществляется через народные собрания, народные комитеты, профсоюзы и Всеобщий народный конгресс. Ливийская Арабская Республика была переименована в Социалистическую Народную Ливийскую Арабскую Джамахирию (СНЛАД). Новая Декларация заменила

собой конституционную декларацию 1969 г. Было объявлено о роспуске СРК, правительства и других центральных институтов (министерств и ведомств). Вместо них создавались новые структуры, соответствовавшие джамахирийской системе. Был образован Генеральный секретариат ВНК как орган коллективного руководства, Генеральным секретарем ВНК был избран М. Каддафи. Вместо правительства создавался Высший народный комитет (ВНКОМ); министерства были заменены народными секретариатами, во главе которых стали формироваться органы коллегиального руководства – бюро. Декларация провозглашала замену армии «вооруженным народом», что затем было провозглашено в качестве политической задачи, решению которой будет посвящено несколько лет.

Несмотря на значительные социально-экономические преобразования, проведенные в конце 1970-х гг. в интересах широких народных масс под лозунгом превращения «наемных работников в партнеров», революционное руководство так и не смогло разрушить сложившиеся экономические связи. Местная буржуазия сумела быстро сориентироваться и перестроиться и продолжала препятствовать новому курсу развития страны, мешала выполнению планов экономического развития. В этой обстановке необходимо было принимать меры по расширению политической и социальной опоры режима. Этому могло бы способствовать создание массовой партии, но ливийское руководство отвергало партийность. Тогда возникла идея образовать повсеместно «органы революционного насилия» – ревкомы – как структуру, призванную решить проблему соотношения классовых сил в пользу новой власти и ставшую, по сути, основным оплотом режима. Первые революционные комитеты начали создаваться в Ливии еще в 1976 г., но массовое их возникновение относится к 1977–1978 гг., когда в стране явно обострилась внутривластная обстановка. На первом съезде молодых революционеров в 1979 г. ревкомы были объявлены «побудителями масс» и «контролерами революции». Они формировались в основном из молодых людей, доказавших свою приверженность идеалам джамахирии; на них была возложена функция чистки комитетов и контроля за их работой.

В 1979 г. на внеочередной сессии ВНК М. Каддафи предложил переизбрать состав Генерального секретариата, в который входили исторические вожди революции, объявил, что он и его ближайшие сподвижники отказываются от всех постов с тем, чтобы решать «стратегические вопросы построения народной власти», не занимая

никаких должностей. Это был беспрецедентный шаг, не имеющий аналогов в истории арабских стран: формально пятерка вождей перестала участвовать в управлении государством. Фактически революционное руководство стало высшим политическим органом страны, вырабатывающим и определяющим внешнюю и внутреннюю политику Джамахирии и осуществляющим контроль за деятельностью ВНК и ВНКОН. Каддафи стал именоваться «лидером ливийской революции», в руках которого сосредоточивалась вся полнота власти. В таком виде новая модель ливийского общества продолжала функционировать и развиваться, не претерпевая кардинальных изменений.

Гражданская война в Ливане 1975–1989 гг..

Израильская агрессия в Ливан

Заметно осложнил межарабские отношения внутриливанский конфликт, перешедший в 1975–1976 гг. в вооруженную стадию. Поводом для него послужило нападение 13 апреля 1975 г. правых христиан – членов партии Катаиб – на автобус с палестинскими беженцами (в Ливане проживало около 230 тыс. палестинских беженцев, а начиная с 1968 г. размещались вооруженные палестинские формирования).

Глубинные же причины вспыхнувшей в апреле 1975 г. гражданской войны в Ливане крылись в обострении религиозно-этнических и межобщинных разногласий, которые усугублялись палестинским присутствием и периодическим военным вмешательством Израиля.

В январе 1976 г. на территорию Ливана в целях содействия разьединению противоборствующих сторон были введены воинские подразделения палестинской организации ас-Саика и Армии освобождения Палестины, дислоцированные на сирийской территории. В июне 1976 г. Сирия без согласования с ливанским президентом ввела в Ливан свой воинский контингент. Ввод сирийских войск в Ливан еще более осложнил ситуацию, вызвав недовольство как палестинцев, находящихся в Ливане, так и ливанских правохристианских сил. Более того, произошли столкновения сирийцев с отрядами Палестинского движения сопротивления и Национально-прогрессивных сил (НПС) Ливана. Соседние арабские страны с настороженностью встретили этот шаг Сирии. Египет выразил протест и разорвал с Сирией дипломатические отношения. В дальнейшем при посредничестве Саудовской Аравии отношения между Египтом и Сирией были урегулированы, а конференция глав арабских государств, состоявшаяся в Каире

в октябре 1976 г., признала законным присутствие в Ливане сирийских войск численностью 30 тыс. человек. ЛАГ выдала мандат на пребывание этих войск в Ливане в качестве составной части межарабских сил сдерживания, позднее переименованных в межарабские силы по поддержанию мира в Ливане.

Координация усилий арабских государств в ходе ливанского кризиса не означала, однако, создания общеарабского фронта. Ирак выступил против решений, принятых в Каире. Более того, он сохранил в Ливане свой воинский контингент численностью 1,5 тыс. человек, не включив его в состав межарабских сил; обострились отношения между Сирией, с одной стороны, и ООП и Национально-патриотическими силами Ливана – с другой; сохранились и принципиальные разногласия между Египтом и Сирией, получившие новый импульс после визита Садата в ноябре 1977 г. в Иерусалим.

Ливанские события ослабили позиции арабов в ближневосточном конфликте и отвлекли их внимание от египетско-израильских соглашений. Израиль, в свою очередь, не оставлявший планы аннексировать Южный Ливан, вновь попытался их реализовать в 1978 г. В марте 1978 г. израильские войска оккупировали юг Ливана до реки Литани. На этот раз израильское нападение пришло в противоречие с политикой США, которые готовясь к заключению кэмп-дэвидских соглашений, не были заинтересованы в новой дестабилизации обстановки. Учитывая реакцию Вашингтона, а также будучи не в силах игнорировать резолюцию № 425 СБ ООН, потребовавшую вывода израильских вооруженных сил, Израиль ушел из Южного Ливана, передав контроль над этой территорией в руки своих правохристианских союзников, которых представлял майор Хаддад. Последний по согласованию с израильским генеральным штабом ввел свои отряды в Южный Ливан и объявил о создании там «самостоятельного государства». 4 июня 1982 г. Израиль приступил к широкомасштабной армейской операции на ливанской территории под кодовым названием «Мир Галилеи», стремясь выполнить триединую задачу: ликвидировать ПДС в Ливане военными средствами, оказать давление на ливанские власти в вопросе ближневосточного урегулирования, нанести поражение оставшимся здесь сирийским войскам.

Акция армии Израиля встретила осуждение мирового сообщества, однако позиция Вашингтона воспрепятствовала эффективному использованию механизма ООН для прекращения агрессии. Израильское вторжение не получило должного противодействия и со стороны

арабских режимов, не сумевших оказать Ливану никакой реальной поддержки. Единую позицию по вопросу о прекращении израильской агрессии не смогли выработать и в Европейском сообществе. Оборона Западного Бейрута продолжалась 78 дней: против регулярной израильской армии сражались палестинцы и ливанцы. Сирийская армия, получив от израильтян на ранней стадии операции ряд мощных ударов на земле и с воздуха, проявляла пассивность. В конечном итоге палестинские подразделения вместе с лидером Я. Арафатом вынуждены были эвакуироваться из Бейрута, а штаб-квартира ООП была переведена в Тунис.

В августе 1982 г. в Ливан были введены многонациональные силы (в основном США), которые оставались здесь до марта 1984 г.

17 мая 1983 г. Израиль и США навязали Ливану т.н. «соглашение о мире» – кабальный документ, ущемляющий суверенитет страны. Соглашение предусматривало вывод израильских войск в течение 8–12 недель, а также содержало положения о характере размещения ливанских сил на юге страны, что по закону должно было относиться только к компетенции ливанского правительства. Бейрут согласился на ряд заведомо невыполнимых условий, в том числе на предотвращение присутствия на ливанской территории «элементов, враждебных Израилю». Этот пункт прямо противоречил Каирским договоренностям 1969 г., согласно которым Ливан рассматривался базой для палестинской революции. Однако парламент отказался ратифицировать это соглашение, а 5 марта 1984 г. оно было отменено ливанским правительством.

После вывода в 1982 г. из Ливана палестинских отрядов обстановка в стране еще более осложнилась вследствие обострения отношений между израильтянами и шиитским населением южных районов. Иран, со своей стороны, использовал агрессию Израиля против Ливана как повод для отправки в долину Бекаа контингента стражей исламской революции, который оказывал ливанцам не только военную, но и гуманитарную помощь.

Под давлением левых сил было достигнуто соглашение о национальном примирении: стороны признавали невозможным вмешательство любого иностранного государства во внутренние дела Ливана. Войска США и НАТО покинули страну.

Неся большие потери, Израиль в январе 1985 г. был вынужден вывести свои войска из большей части Южного Ливана, оставшись в «зоне безопасности» вдоль границы, где ситуацией владел генерал

Антуан Лахад, возглавивший в 1984 г. армию Южного Ливана. Массовый антипалестинский настрой населения Ливана вынудил ливанский парламент денонсировать в мае 1987 г. Каирское соглашение. Однако это не привело к ожидаемой стабилизации положения.

Особая роль в ливанском конфликте принадлежала Сирии. В 1982–1983 гг. Сирия, воспользовавшись затруднениями ООП в Ливане, попыталась усилить свое влияние внутри ПДС, что вызвало негативное отношение со стороны руководства ООП и лично Ясира Арафата. В 1983 г. отношения между Сирией и ФАТХом были прерваны. Для противодействия Израилю, Сирии и поддерживаемому ею движению Амаль ООП заключила союз с проиранской организацией Хизбалла. С мая 1985 г. начались кровопролитные столкновения между палестинцами и Хизбалла, с одной стороны, и движением Амаль – с другой. Таким образом, в ливанский конфликт косвенно оказался вовлеченным Иран, основными целями которого были создание с помощью проиранских организаций своей базы для распространения идей Хомейни на весь арабский Восток и внесение раскола в ряды арабских государств.

Вступление весной 1987 г. в Западный Бейрут сирийских войск временно положило конец столкновениям. Реакцией Израиля на усиление военного присутствия Сирии в Ливане было очередное вторжение на его территорию, осуществленное в мае 1988 г.

В мае 1989 г. под эгидой ЛАГ был создан «Комитет трех», в который вошли король Марокко Хасан II, президент Алжира Шадли Бенджедид и король Саудовской Аравии Фахд. Комитет был призван выработать формулу такого урегулирования в Ливане, которая бы предусматривала территориальную целостность и суверенитет этой страны; национальное примирение, которому помогла бы конституционная реформа; учет интересов разных сторон, вовлеченных в конфликт; поиск компромиссных решений в ходе политического урегулирования; неприемлемость военных методов и немедленное прекращение огня. По инициативе комитета в саудовском городе Эт-Таифе была организована конференция ливанских парламентариев, которые подписали Хартию национального согласия, предусматривавшую в том числе постепенный, но полный демонтаж принципа конфессионализма при формировании государственного аппарата.

Договор в Эт-Таифе положил конец длительной гражданской войне. Будучи по сути сложной совокупностью компромиссов, этот договор получил одобрение практически всех ливанских общин.

В марте 1991 г. парламент Ливана объявил о роспуске всех вооруженных формирований в стране. Право на организацию милиций оставалось только за движением Хизбалла, принявшим на себя ответственность за восстановление юга Ливана и борьбу с израильской оккупацией. Впоследствии методы этой борьбы еще не раз осложняли отношения между Ливаном и Израилем, однако распустить окрепшие шиитские формирования правительство не могло. Они тесно вплелись в политическую и социальную жизнь страны, а решение проблемы оккупации юга Ливана стало отдельным треком ближневосточного урегулирования. Признанием возросшего влияния шиитов в Ливане стало и предоставление им Хартией трех (из девяти) дополнительных мест в парламенте и расширение полномочий спикера парламента, который избирался из числа шиитов.

Конфессиональная система государственного устройства была частично демонтирована поправками к Конституции (1991 г.) и к избирательному закону (1992 г.), но в усеченном виде продолжает существовать и в настоящее время.

Ирано-иракская война 1980-1988 гг.

Центральное место во внешнеполитической стратегии правящей в Ираке Партии арабского социалистического возрождения (ПАСВ) занимал регион Ближнего и Среднего Востока, особенно зона Персидского залива. Именно здесь баасисты усматривали для себя возможность утвердиться в качестве ведущей политической силы. Однако эти амбиции наталкивались на наличие в данной зоне других центров силы – Ирана и Саудовской Аравии. Борьба за лидерство в районе Персидского залива стала определяющей линией в региональной политике Ирака в 1970-е гг. Главным препятствием на пути достижения этой цели являлся Иран, с которым у Ирака традиционно существовали весьма напряженные отношения, отражавшие соперничество двух стран за доминирующую роль в районе Персидского залива, религиозные противоречия, взаимные территориальные претензии.

Благоприятно складывались для иракского руководства происходившие во второй половине 1970-х гг. перемены в расстановке сил в регионе. Выход Египта из конфронтации с Израилем, падение шахского режима в Иране были наиболее крупными вехами этих изменений, на фоне которых укрепившийся баасистский режим в Ираке начал открыто претендовать на роль лидера в арабском мире. Первым

шагом в этом направлении, по представлению иракского руководства, должно было стать утверждение гегемонии Ирака в зоне Персидского залива. Подходящим моментом для решения этой задачи лидеры Ирака посчитали антишахскую революцию в Иране, которая по их представлению настолько ослабила Иран, что лишила его способности помешать Ираку достичь поставленной цели. Между обеими странами нарастала напряженность, которая осенью 1980 г. вылилась в вооруженный конфликт. Ряд исследователей считают, что иракцы, вовлекаясь в конфликт, неправильно оценили военный потенциал иранцев после смены режима в Тегеране. Сказался и спор в отношении приграничных территорий. Военные столкновения шли с различной интенсивностью, изматывая обе стороны и приводя к большим потерям среди мирного населения.

Война не оправдала многих прогнозов: предсказания о падении режимов в случае разрушения нефтяной промышленности обеих стран, о поддержке иранцев иракскими шиитами и соответственно иранскими арабами – действий Ирака, а также о серьезном осложнении на мировом рынке нефти и о неизбежном втягивании в войну соседних арабских государств. Война продемонстрировала прочность обоих режимов, более глубокую привязанность народов Ирана и Ирака на основе национально-государственной принадлежности, а не этнической или религиозной общности.

Преимущества, которых Ирак добился на первом этапе войны, были им полностью утрачены в результате наступательных операций иранских войск в течение 1982–1986 гг. К лету 1982 г. Ирак был вынужден отвести свои войска с иранской территории. Военно-стратегическая инициатива перешла к иранцам, которые на отдельных участках вторглись на иракскую территорию. В 1984 г. военные действия распространились на акваторию Персидского залива. Иракцы объявили зоной военных действий прибрежные воды Ирана и стали наносить удары по следующим в иранские порты танкерам и сухогрузам, а также по нефтяным терминалам на острове Харк, рассчитывая полностью блокировать экспорт иранской нефти. В качестве ответной меры иранцы прибегли к нападениям на танкеры, вывозящие нефть из арабских стран Персидского залива, а также стали задерживать и подвергать досмотру гражданские суда в зоне Залива. Тогда под предлогом обеспечения свободы судоходства в июле – августе 1987 г. в акваторию Залива были направлены эскадры боевых кораблей США, Англии и Франции.

Определенному укреплению позиций Ирака содействовал ряд внешних факторов, важнейшим из них стало усиление проиракского крена в подходе США к вопросам ирано-иракского конфликта, переход американской администрации на более жесткие позиции в отношении Ирана. Конкретным проявлением этого курса стали прямые вооруженные акции США против иранских объектов в Персидском заливе, расширение функций ВМС США в этом районе. В неблагоприятном для Ирана направлении складывался региональный баланс сил. Seriously ухудшились его отношения с ведущими странами Персидского залива – Саудовской Аравией и Кувейтом. Эр-Рияд, длительное время державшийся в стороне от ирано-иракского конфликта, принял решение о разрыве дипотношений с Тегераном.

После начала конфликта неоднократно предпринимались попытки мирного урегулирования конфликта через посредничество миссии мусульманских, арабских, неприсоединившихся государств, а также ООН и лично генсекретаря ООН. Совет Безопасности ООН с 1980 по 1987 гг. принял восемь резолюций по вопросам, касающимся ирано-иракского конфликта. В резолюции СБ № 598, принятой 20 июля 1987 г., было зафиксировано требование, чтобы в качестве первого шага на пути к урегулированию путем переговоров Иран и Ирак немедленно прекратили огонь, остановили все военные действия на суше, на море и в воздухе и незамедлительно отвели все войска к международно признанным границам. Несмотря на признание обеими воюющими сторонами этой резолюции, у них обозначились различные подходы к достижению урегулирования. Иран выступал за безотлагательное прекращение огня и начало претворения в жизнь плана Генерального секретаря ООН по выполнению этой резолюции, Ирак же добивался прямых переговоров с Ираном при содействии Переса де Куэльяра, на которых следовало бы обговорить все основные аспекта мирного урегулирования еще до прекращения огня. В результате последующих контактов удалось добиться согласия обеих сторон на прекращение огня с 20 августа 1988 г. и вступление затем в прямые переговоры 25 августа 1988 г. Такие переговоры начались в указанный срок в Женеве на уровне министров иностранных дел при участии генерального секретаря ООН.

В конце лета 1990 г. ситуация стабилизировалась. Ирак вывел свои войска с иранской территории, стороны условились признавать зафиксированное алжирскими соглашениями 1975 г. прохождение границы между ними по тальвегу реки Шатт иль-Араб.

Война причинила Ираку огромный экономический ущерб. Ирак обратился к ряду стран, прежде всего к арабским нефтедобывающим государствам зоны Персидского залива, за помощью и получил займы на 22 млрд долл. Однако эти займы не могли стабилизировать экономическое положение в стране. Ситуация усугублялась быстрым сокращением объема товаров первой необходимости, ростом цен на них, инфляцией и, как следствие, снижением жизненного уровня населения. Стало обнаруживать себя недовольство населения войной и политикой, проводимой ПАСВ в экономической и социальной сферах. Осуществляя баасизацию иракского общества, нейтрализуя оппозицию и ликвидируя противников, руководство Ирака установило свою диктатуру в стране. В годы войны с Ираном в Ираке окончательно утвердилась однопартийная система, завершилось становление диктатуры Саддама Хусейна. Являясь генеральным секретарем регионального руководства ПАСВ Ирака, председателем Совета революционного командования (СРК), президентом республики и главнокомандующим вооруженными силами, Саддам Хусейн сосредоточил в своих руках всю полноту государственной, партийной и военной власти. Он лично решал вопросы правосудия и кадров высших ступеней государственного и партийного руководства, принимал все основные решения в политической и экономической жизни страны, окончательно утверждал законы и другие государственные акты.

В условиях военного положения ПАСВ удалось полностью контролировать обстановку в обществе и укрепить свои позиции в стране. В результате сочетания методов жесткого контроля за политической жизнью в Ираке, применения террора и репрессий с определенной гибкостью и уступками, правящая элита смогла устранить серьезную опасность со стороны оппозиции и добиться безраздельной монополии на власть.

Палестинская интифада и провозглашение Палестинского государства.

Начало арабо-израильских переговоров в Мадриде

В 1970-е гг. национально-освободительная борьба палестинцев вступает в качественно новую фазу. Военное поражение ПДС в Иордании в 1970–1971 гг. вызвало его идейно-политический кризис. В условиях наметившейся в политике президента Египта А. Садата тенденции к поискам сепаратного урегулирования на Ближнем Востоке

при односторонней опоре на США ПДС было поставлено перед необходимостью выработки новой стратегической и тактической линии. Углубление идеологических и организационных разногласий между различными группировками, входившими в ПДС, привело к усилению экстремизма. Террористические акции палестинцев подрывали авторитет ПДС на международной арене. В руководстве ООП довольно скоро осознали бесперспективность подобных методов борьбы. К началу октябрьской войны 1973 г. большинство руководителей ПДС осудили терроризм и стали выступать за политические способы решения палестинской проблемы.

Важной вехой в жизни ПДС стала состоявшаяся в январе 1973 г. в Бейруте XI сессия Палестинского национального совета (ПНС). Она приняла решение о необходимости тесных контактов ПДС с палестинцами на оккупированных территориях, где с этой целью была создана массовая политическая подпольная организация – Палестинский национальный фронт (ПНФ). С этого момента начинается усиление влияния ООП на Западном берегу и в секторе Газа.

Выражением возросшего политического веса ООП в исламском мире стали решения, принятые арабскими совещаниями на высшем уровне, проходившими соответственно в ноябре 1973 г. в Алжире и в октябре 1974 г. в Рабате, и конференцией глав государств и правительств мусульманских стран, состоявшейся в феврале 1974 г. в Лахоре (Пакистан). На этих форумах ООП была признана единственным законным представителем арабского народа Палестины. Осенью 1976 г. ООП стала полноправным членом ЛАГ, а в 1977 г. – ОИК.

Во второй половине 1980-х гг. руководство ООП, обеспокоенное отсутствием какого-либо прогресса в решении палестинских проблем, предприняло решительные шаги, направленные на активизацию ближневосточного урегулирования и привлечение внимания международной общественности к своим национальным вопросам. В декабре 1987 г. на оккупированных территориях Западного берега и в Газе началось народное восстание – «интифада». Одновременно палестинское руководство осуществило ряд серьезных мер на политическом фронте. В ноябре 1988 г. состоялось заседание Национального Совета Палестины (НСП) в Алжире, в ходе которого было объявлено об учреждении Государства Палестины со столицей в Иерусалиме в соответствии с нормами международного права. Был принят соответствующий документ – Декларация независимости государства Палестины. Таким образом, создавалась качественно новая ситуация, от-

крывавшая путь к переговорам по ближневосточному урегулированию. В 1988–1990 гг. появился целый ряд новых инициатив различных стран, большинство из которых предусматривало созыв авторитетного международного форума, который должен был бы инициировать мирный переговорный процесс.

В конце 1990 – первой половине 1991 гг. имел место продуктивный обмен мнениями между руководителями СССР и США по вопросам ближневосточного урегулирования и была достигнута принципиальная договоренность в отношении совместной инициативы созыва международной конференции по Ближнему Востоку.

Конференция состоялась в Мадриде 30 октября – 1 ноября 1991 г. В ее работе приняли участие президент СССР М.С. Горбачев и президент США Дж. Буш. На первом этапе развития мирного процесса было обеспечено довольно плотное практическое взаимодействие двух коспонсоров. Это, в частности, относилось к координации деятельности двусторонних переговоров и подготовке многосторонних переговоров по ключевым региональным проблемам.

Влияние распада Советского Союза на развитие мирного процесса и в целом на эволюцию ближневосточной ситуации было неоднозначным. С одной стороны, уменьшилось воздействие политико-идеологических штампов и схем на формирование внешнеполитического курса в регионе Ближнего Востока. Новое российское руководство отказалось от деления государств по принципу «прогрессивности» режимов. Улучшились отношения России со странами Персидского залива, Марокко и другими государствами; быстрыми темпами шло развитие связей с Израилем. Вместе с этим объективно снижалась роль нашей страны в качестве потенциального экономического и финансового донора. В целом же за Российской Федерацией было сохранено место коспонсора мирного процесса, что выразилось, в частности, в том, что именно в Москве в январе 1992 г. начались многосторонние мирные переговоры.

В мае 1992 г. состоялись первые заседания рабочих многосторонних групп: в Вашингтоне – по контролю над вооружениями и разоружению; в Оттаве – по беженцам; в Вене – по водным ресурсам; в Брюсселе – по экономическому сотрудничеству; в Токио – по окружающей среде. Работа двусторонних треков, проходившая в Вашингтоне, после довольно энергичного начала стала терять динамику и к середине 1993 г. по существу зашла в тупик. Между тем в столице Норвегии в обстановке секретности с конца 1992 г. начались перего-

воры между израильтянами и представителями ООП. Именно они дали в израильско-палестинских отношениях первые ощутимые результаты. В августе 1993 г. было объявлено о достижении важных политических договоренностей, за которыми закрепилось название «Осло – 1». В рамках этих договоренностей было осуществлено следующее: 10 сентября 1993 г. Израиль и ООП обменялись письмами, в которых ООП признала право Израиля на существование, а Израиль признал ООП в качестве законного представителя палестинского народа. 13 сентября 1993 г. в Белом доме в присутствии президента США Б. Клинтона и министра иностранных дел РФ представители ООП и Израиля подписали «Декларацию принципов о временных мерах по самоуправлению». В ходе церемонии Председатель ООП Я. Арафат и премьер-министр Израиля И. Рабин впервые обменялись рукопожатиями. Генеральная Ассамблея ООН осенью 1993 г. поддержала Декларацию принципов. Была принята резолюция «Ближневосточный мирный процесс», в которой приветствовалось развитие событий. Вместе с тем впервые после 1988 г. было отложено принятие резолюции об интифаде.

После сложных и напряженных переговоров 4 мая 1994 г. в Каире состоялось подписание соглашения по началу осуществления проекта самоуправления палестинцев в секторе Газы и районе Иерихона («Соглашение Газа-Иерихон»). Принятым документом предусматривался «ускоренный и плановый» вывод израильских войск из этих районов в течение трех недель начиная с момента подписания соглашения. Летом 1994 г. Я. Арафат переехал из Туниса в Газу и возглавил Палестинскую администрацию.

В 1994–1999 гг. продолжались палестино-израильские контакты, направленные на выработку и документальное закрепление договоренностей по ключевым вопросам переходного периода, а также определения сроков начала переговоров по окончательному статусу. Как и в случае с подготовкой Декларации принципов, особое значение имел конфиденциальный канал связи между двумя сторонами в столице Норвегии. Поэтому разработанный в 1994–1995 гг. документ – «Временное соглашение по Западному берегу и сектору Газы» – называют также «Осло – 2». Соглашение было подписано в Вашингтоне 28 сентября 1995 г. премьер-министром Израиля И. Рабином и Председателем ООП Я. Арафатом. Этот документ, состоящий из основного текста и 7 приложений, был призван определить порядок реализации Декларации принципов; в нем четко была зафиксирована дата начала переговоров

об окончательном статусе – 4 мая 1996 г. Однако дальнейшее развитие событий на палестинском направлении происходило в очень сложных условиях. 4 ноября 1995 г. был убит И. Рабин, личность которого ассоциировалась с достижением серьезного продвижения в мирном процессе. Тем не менее выполнение положений Временного соглашения было продолжено. В период с 13 ноября по 27 декабря 1995 г. израильские войска покинули шесть городов на Западном берегу. В январе 1996 г. состоялись выборы в Палестинский Совет. Начался качественно новый этап развития ситуации на территории Палестины. Был образован орган самоуправления, легитимность которого признавали израильтяне. Вместе с тем экономическая ситуация на палестинских территориях была крайне тяжелой (низкие темпы развития, высокий уровень безработицы и др.), что создавало благоприятную среду для пропаганды экстремистских взглядов.

29 мая 1996 г. Ликуд Б. Нетаньяху одержал победу на выборах в Израиле и стал премьер-министром. Он занял гораздо более жесткую позицию в вопросе ближневосточного урегулирования, и в частности в переговорах с палестинцами, что, в свою очередь, активизировало радикальные элементы в среде палестинцев, которые начали кампанию в пользу возобновления вооруженной борьбы против Израиля. В феврале 1997 г. палестино-израильские переговоры были приостановлены в связи с тем, что израильтяне приступили к строительству новых поселений в пригороде Иерусалима; кроме того, Израиль к этому времени не выполнил ряд зафиксированных во Временном соглашении обязательств по передислокации на территории Западного берега.

Весной 1997 г. на территории Израиля экстремистскими элементами была осуществлены крупные теракты. Израильское правительство в связи с этим обратилось с жестким требованием к руководству ПНА принять решительные меры по пресечению деятельности радикальных группировок. Переговоры на палестино-израильском направлении были прерваны.

«Жасминовая революция» в Тунисе 1987 г.

К середине 1970-х гг. в Тунисе сложилось противоречие между «либерализмом» экономики, становлением новых социальных слоев современного капиталистического общества и авторитарно-бюрократическими рамками, в которые ставил общественную жизнь однопартийный режим. О масштабах этого противоречия говорило

то, что выход из него наметился в результате масштабного общественного подъема, сочетавшего забастовочное рабочее движение и либерально-демократическую оппозицию. Это привело к кризису 1978 г., отступлению режима в 1981 г. на позиции «политического плюрализма» и в конечном счете к концу однопартийной системы.

Вопрос о переходе к многопартийной политической системе был в Тунисе уже в начале 1980-х гг. настолько актуальным, что, несмотря на сопротивление со стороны некоторой части старого дустуровского руководства, XI съезд Социалистической дустуровской партии (СДП) в апреле 1981 г. заявил о возможности введения в стране политического плюрализма, обусловив его необходимостью «признания фундаментальных основ режима, отказа от всякого враждебного ему идеологического послушания». Однако декларируемая властями либерализация не создавала благоприятной обстановки недустуровским политическим силам принимать участие во внутривластных акциях и мероприятиях общенационального характера. Выборы в парламент в 1986 г. явились ярким тому подтверждением. СДП, выступавшая в блоке с профсоюзами и рядом продустуровских общественных организаций, смогла обеспечить себе все 125 парламентских мест.

7 ноября 1987 г. в Тунисе произошел переворот, получивший название «жасминовая революция», в результате которого на смену тяжелобольному 84-летнему Х. Бургибе пришел Зин аль-Абидин Бен Али, занимавший в то время пост премьер-министра. Бен Али объявил о взятии на себя функций президента (одновременно он занял пост председателя правящей партии). Состоявшиеся в апреле 1989 г. президентские выборы утвердили его в качестве главы государства. В Тунисе началось рождение «второй республики», режим которой до 2011 г. олицетворял ее президент Бен Али.

События 1987 г. знаменовали собой вступление Туниса на путь последовательной и целенаправленной реформы политической системы. Инициатором этого процесса выступила армия, однако выход армии на авансцену политической жизни не сопровождался явлениями, идентичными тем, которые в тех же обстоятельствах становились правилом в других арабских странах. В Тунисе армия не стремилась прервать начавшуюся после обретения независимости традицию государственного строительства, а сохраняла уже сложившиеся институты государственной власти и выказывала подчеркнутое уважение к традиции государственного устройства. Переворот, таким образом, произошел в

рамках дустуровского режима, поэтому все принципиальные основы государственной и политической системы остались неизменными.

На первых порах своей президентской деятельности Бен Али не отказался полностью от идеологических ориентиров, выдвинутых в свое время дустуровской партией, и не отрекся от идеи построения «социализма по туниССкому образцу», а напротив, настойчиво подчеркивал свою преданность прежней практике политического действия, которую, тем не менее, следовало в определенной мере исправить. В экономической сфере Бен Али начинает активизировать курс на структурную перестройку экономики, интенсификацию промышленного производства и развитие экспортных отраслей обрабатывающей промышленности при широком привлечении частного национального и иностранного капитала. Основой экономической стратегии развития становятся либерализация экономики, приватизация нерентабельных предприятий госсектора и развитие частного предпринимательства. Такие меры привели к значительным положительным сдвигам в экономической сфере: с 1987 г. годовой прирост ВВП составлял в среднем 4–5%, экспорта – 6%, уровень капиталовложений – 26%. В период с 1986 по 1996 гг. дефицит бюджета снизился с 5 до 3%, инфляция уменьшилась с 9 до 5%, уровень внешней задолженности за это же время снизился с 60 до 51%. В дальнейшем Бен Али начал осуществлять реформы, положившие начало новому этапу развития и политической системы Туниса и изменению политического климата, основное направление которого было определено в Декларации 7 ноября 1987 г.: «Народ достоин политической жизни, основанной на многопартийной системе и множественности массовых организаций». Социалистическая дустуровская партия была переименована в Демократическое конституционное объединение. Руководство партии и государства хотело, таким образом, с одной стороны сохранить историческую преемственность, оставив в названии привычное «конституционный» («дустурий»), напоминая о пути страны к независимости и времени создания суверенного национального государства, но, с другой стороны, подчеркнуть обновленный характер партии определением «демократический». Кроме того, СДП стала «объединением», формально открытым для всех сил.

Изменения в приоритетах государственной политики применительно к конституционному механизму Туниса нашли отражение, во-первых, в Конституционном законе № 88 от 25 июля 1988 г., внесшем существенные изменения в действующую Конституцию; во-вторых, в

Органическом законе № 88-32 о политических партиях от 3 мая 1988 г; в-третьих, в Национальном пакте, подписанном 7 ноября 1988 г. представителями ведущих легальных политических партий, профсоюзов и других массовых общественных организаций.

Следует отметить, что начавшийся процесс движения Туниса в сторону становления системы многопартийности содержал в себе две в целом противоположные тенденции: «рационалистического реформирования» общества, берущего начало в эпоху первых контактов с Западом и появления Движения младотунисцев, и движения в сторону партикуляризма, возникшего в начале XX века и связанного с условиями формирования той политической элиты, которая была воплощена в созданной Х. Бургибой партии Новый Дустур. Взаимодействие и борьба этих тенденций и определила особенности и специфику становления в Тунисе многопартийной системы.

Внесенные в Конституцию поправки лишь в незначительной степени меняли существовавшее ранее положение, т.к. основным законом по-прежнему наделял президента Туниса чрезвычайно широкими полномочиями, предоставляя ему основные рычаги законодательной и исполнительной власти. Став центральным звеном в государственно-политическом механизме Туниса, глава государства, по существу, подчинил себе два других высших органа государства – парламент и правительство. Несмотря на существование в стране около десяти политических партий, механизм управления продолжал сохранять преимущественно однопартийный характер, поскольку центральные и местные государственные органы власти и управления практически контролировались Демократическим конституционным объединением (ДКО).

Важным этапом формирования нового облика тунисской политической системы явилось принятие Национального пакта (7 ноября 1988 г.), под которым поставили свои подписи руководители основных политических партий, общественных и профсоюзных организаций. Сразу после подписания Национального пакта в 1988 г. президент утвердил и экономическую программу Туниса, получившую название «новая стратегия», главная задача которой – создание сильной, ориентированной на экспорт экономики, основанной на свободном предпринимательстве, в том числе и иностранном. Программа предусматривала также почти полную либерализацию цен и импорта (что было уже осуществлено в 1994 г. почти на 85%).

По принятому 29 декабря 1988 г. новому избирательному кодексу 2 апреля 1989 г. и 20 марта 1994 г. в Тунисе впервые (с 1974 г.) од-

новременно проводились президентские и парламентские выборы. Их итоги свидетельствовали о том, что политической элите страны удалось в значительной мере найти выход из кризиса правления Х. Бургибы и сохранить доминирующие позиции в обществе (в чем и заключалась основная цель проводимых реформ). Оба раза Бен Али был избран президентом, получив практически 100%-ю поддержку избирателей (по 99,3% от числа участвовавших в голосовании), причем выступая в роли общего кандидата всех «национальных сил», поддержанный всеми политическими партиями.

Привлекая к сотрудничеству оппозиционные партии и жестко контролируя их деятельность, тунисский президент в значительной мере укреплял в стране позиции традиционно правившей там сахельской элиты. Ведь в целом тунисские партии и движения, которые были легализованы в стране, представляли собой самостоятельное продолжение тех группировок в рядах дустуровской партии, которые на определенных этапах эволюции этой партии покидали ее ряды. В целом же, в 1990-е гг. оппозиция теряла свое влияние в массах, т.к. почти все партии не имели четкой и хорошо разработанной программы, а вся их политическая деятельность сводилась к критике правительства и лозунгам о социальной справедливости.

Президент Зин аль-Абидин бен Али сначала проводил более гибкую политику по отношению к исламистам, чем его предшественник, решив сделать официальный ислам своим союзником. Став президентом, он амнистировал осужденных за религиозную деятельность, заявил об арабо-мусульманской направленности своей политики, разрешил телевизионную трансляцию молитв и привлек представителя исламистов к подписанию Национального пакта. В этот период Управление религиозных культов из состава МВД было передано в аппарат премьер-министра. Расширился состав Высшего религиозного совета при президенте страны, было создано Министерство по делам религии, вновь открылся духовный университет «Аль-Зитуна». Важной целью национальной политики становится деполитизация мечетей и невмешательство религиозных деятелей в формирование политической позиции граждан. Отделение религии от политики как один из принципов современной политической системы Туниса было закреплено в принятом 3 мая 1988 г. Законе № 34 о мечетях. Этот закон устанавливает запрет на проведение в мечетях любых собраний и манифестаций не культового назначения. Нарушители этого запрета, а также лица, призывающие в мечетях к свержению законной госу-

дарственной власти, наказываются лишением свободы и крупными денежными штрафами.

Переломным моментом в отношениях между властями и исламистами стал 1989 г., когда на парламентских выборах исламисты получили в отдельных регионах от 13 до 20% голосов. Тогда власти запретили партии религиозной ориентации, а после инцидента в феврале 1991 г. (группа молодых исламистов взяла штурмом штаб-квартиру партии ДКО в столичном квартале Баб Суика) режим начал настоящую охоту на исламистов. В мае 1991 г. тунисские спецслужбы раскрыли подготовку исламистами государственного переворота. Последовали массовые аресты среди исламистов, особый размах приняли судебные процессы: практически все руководство исламистов (кроме эмигрировавшего руководителя партии Р. Ганнуши) было осуждено на различные сроки заключения, вплоть до пожизненного. Таким образом лишившись основного руководящего состава, движение перестало представлять политическую угрозу. В этот период от исламской партии Ан-Нахды отходят ранее симпатизировавшие ей оппозиционные партии. По обвинениям в подрыве безопасности государства и попытке покушения на президента республики перед судом предстали около 300 сторонников Ан-Нахды. Примечательно, что их дела были рассмотрены на открытых процессах в присутствии иностранных журналистов.

Объявив войну исламистам, Бен Али действовал по двум направлениям: с одной стороны, он безжалостно расправлялся с активистами Ан-Нахды, с другой – принял целый ряд социальных мер, прежде всего начал реформу национального образования и широко-масштабную программу по развитию отдаленных регионов страны. Параллельно с этим тунисский режим выдвинул лозунг «религия для всех», что подразумевало, что ни одно политическое движение не может устанавливать монополию на ислам. Бен Али заявил, что «только государство и оно одно должно заботиться о расцвете и развитии ислама». Отделяя ислам от политики, Бен Али вновь начал придавать значимость исламу, возвращая ему, прежде всего, социально-просветительские функции: религиозные организации, не занимающиеся политикой, издают школьные учебники и книги для детей; снова поднят авторитет главной мечети Аз-Зейтуны, готовятся кадры имамов; с началом процесса «Обновление» в Тунисе было построено более тысячи мечетей.

Таким образом, подчеркивая в своей повседневной деятельности приверженность исламу и мусульманским традициям, тунисский режим проводил жесткий курс на его отделение от политики и направлял религиозную деятельность в культурно-просветительскую сферу.

В целом, политическая система Туниса 1990-х гг. характеризовалась достаточной стабильностью. В 1996 г. Тунис стал ассоциированным членом Европейского союза. В то же время в стране существовала сильная президентская власть, опирающаяся на армию и полицию, численность которой увеличилась почти в четыре раза за время правления Бен Али. Правящая партия ДКО всеми средствами проводила своих представителей на ответственные посты и способствовала сращиванию государственного аппарата с правящей партией. Умело контролируя политический процесс в сочетании с проведением последовательного курса на экономическую либерализацию и достаточно благоприятной экономической конъюнктурой, действующей власти удавалось удерживать основные рычаги управления, причем доказывая это в «конкурентной борьбе» с другими силами.

Интеграционные процессы в арабском мире

Стремление к преодолению противоречий в арабском мире в 1970-е гг. находило выражение в попытках государственного объединения. 9 ноября 1970 г. правительства ОАР, Ливии и Судана подписали в Каире Тройственную декларацию об объединении. 21 ноября 1970 г. к ним присоединилась Сирия.

17 апреля 1971 г. во время встречи ливийского, сирийского и египетского руководителей в Бенгази была провозглашена Федеративная Арабская Республика (ФАР) в составе Египта, Сирии и Ливии. Предусматривалась интеграция трех стран в политической, экономической и военных областях, а также создание унифицированной структуры государственных органов. Судан отказался войти в федерацию из-за обострения отношений с Египтом и Сирией. Суданское руководство обвинило Египет и Сирию в стремлении занять главенствующие позиции в федерации. По причине серьезных разногласий между Египтом, Сирией и Ливией относительно перспектив развития ФАР это государственное образование вскоре распалось.

В 1972 г. между Египтом и Ливией начались переговоры о возможном объединении. Однако соперничество и тяга к лидерству

оказались сильнее стремления к единству. Переговоры закончились неудачей.

Значительных успехов на пути региональной хозяйственной интеграции достигли члены созданного в мае 1981 г. под эгидой ЛАГ Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ). Ведущую роль в этой организации стала играть Саудовская Аравия. При этом не только стремление к экономической интеграции и координации усилий для решения национально-государственных задач стало определяющим мотивом для поиска путей более тесного сближения арабских государств Персидского залива. Катализатором процесса их объединения послужило опасное развитие политической обстановки в ближневосточном регионе в 1970-е гг., угрожавшее безопасности и стабильности умеренных монархических режимов. Речь шла, в первую очередь, о важнейшем факторе, способствовавшем реализации идеи объединения арабских государств Персидского залива. Им стала их реакция на антишахскую революцию в Иране и последующую экспансионистскую деятельность Исламской Республики Иран (ИРИ). Внешняя опасность тесно переплеталась с факторами внутренней дестабилизации в этих странах. Захват исламскими фундаменталистами в конце 1979 г. главной мечети в Мекке, антиправительственные выступления в Саудовской Аравии и на Бахрейне, осложнение внутривосточного положения в Кувейте, Катаре и других государствах региона вызвали опасения у правящей элиты этих стран относительно стабильности существующих там режимов. В тот период ИРИ не только инспирировала антиправительственную деятельность религиозных организаций в соседних странах, но и открыто декларировала необходимость свержения там «проимпериалистических» режимов. Кроме того, ввод советских войск в Афганистан, а также усиление советского влияния в ряде соседних стран, таких как Эфиопия и Южный Йемен, означали возрастание угрозы советского проникновения в регион Залива. Эти события поставили под сомнение не только стабильность монархических режимов, но и способность Запада поддерживать ее. Подписанием Египтом мирного договора с Израилем усилило разногласия между арабскими странами, а вспыхнувший в 1980 г. вооруженный конфликт между Ираном и Ираком еще больше обнажил уязвимость малых государств этого региона, т.к. военные действия могли в любой момент распространиться и на другие страны региона. Вместе с тем он связал руки двум региональным центрам силы и заметно ослаблял их. В этих усло-

виях Саудовская Аравия предприняла шаги, призванные укрепить ее лидирующие позиции среди аравийских монархий.

Заявление о создании ССАГПЗ было принято 4 февраля 1981 г. на первом совещании министров иностранных дел Саудовской Аравии, Кувейта, ОАЭ, Омана, Катара и Бахрейна в Эр-Рияде. В нем отмечались общие, объединяющие всех членов организации черты, к числу которых были отнесены «особый характер связывающих их уз, схожесть политических режимов, ощущение ими единства судьбы и цели, а также важности координации их действий в различных областях и, в частности, в социально-экономической сфере». В документах высших форумов Совета сотрудничества указывалось на независимый характер Совета, его равноудаленность от международных полюсов силы и особо подчеркивалась способность государств Залива самим без вмешательства извне обеспечить свою безопасность.

В 1984 г. государства – члены Совета разработали единую оборонную стратегию в качестве долговременной программы действий в военной области, не связанной, как подчеркивали руководители Совета сотрудничества, с «региональной политической конъюнктурой». Были созданы объединенные вооруженные силы «Щит полуострова», передававшиеся в подчинение Генеральному секретариату Совета сотрудничества, предназначенные главным образом для обеспечения политической стабильности режимов. Каждая страна-участница должна была вносить в бюджет взнос, покрывающий расходы на собственный воинский контингент данной страны, включенный в состав этих сил. В дальнейшем неоднократно обсуждался вопрос о заключении единого соглашения о безопасности, на чем настаивала Саудовская Аравия. Коррективы в оборонную, как и в региональную, политику аравийских монархий в целом внесла «война за Кувейт» 1990–1991 гг. В 1990-е гг. страны ССАГПЗ стали уделять больше внимания проблеме повышения своей обороноспособности как на национальном уровне, так и в рамках всей организации.

Объединительные движения в Машрике оказали свое позитивное воздействие и на развитие ситуации в североафриканских арабских странах, в которых в предшествующие десятилетия преваляющей была идея создания Великого Арабского Магриба, имеющая давние корни. Важным импульсом, ускорившим движение стран Магриба к более прочному объединению, стали значительные социально-политические и экономические перемены, которые затронули практически все страны этого региона в конце 1980-х гг. Глубокий

кризис, разразившийся в Алжире в октябре 1988 г., имел своим следствием демократизацию внутривнутриполитической жизни этой страны, закрепленную в принятой в 1989 г. новой Конституции. 7 ноября 1987 г. к власти в Тунисе пришел новый президент Зин аль-Абидин Бен Али, провозгласивший курс на демократизацию общественно-политической жизни и сразу приступивший к его проведению. На путь исправления допущенных ранее ошибок в 1987 г. вступила Ливия, уделив первостепенное внимание проведению реформ в сфере экономики, направленных на восстановление частного сектора и нормализацию рыночных отношений. Перемены демократической направленности затронули и Марокко, где они были вызваны, прежде всего, озабоченностью правящей династии судьбой монархии. Что касается Мавритании, то здесь усилия правительства направлялись на стабилизацию политического положения и преодоление кризиса в экономике. Первостепенное значение для нее имели получение помощи от арабских и западных государств, урегулирование западносахарской проблемы, проведение мер по либерализации экономики.

17 февраля 1989 г. на встрече руководителей Алжира, Марокко, Туниса, Ливии и Мавритании в Марракеше (Марокко) был подписан договор о создании Союза арабского Магриба (САМ). Вступая в Союз, каждая из пяти стран рассчитывала на достижение в рамках объединенной организации собственных политических или экономических целей. Вместе с тем создание САМ явилось стабилизирующим фактором, снизившим остроту напряженности в отношениях между странами региона и позволившим перейти от открытой конфронтации между некоторыми участниками Союза к поиску компромиссных решений. В течение первых лет после создания Союза приоритетное место в деятельности его руководящих органов было отведено наиболее болезненным, общим для всех стран-членов Союза проблемам продовольственного обеспечения, безработицы и внешней задолженности.

О развитии тенденции к единству свидетельствовало и возвращение Египта в арабские ряды. Оно было узаконено решением внеочередной сессии Совета ЛАГ в Аммане в ноябре 1987 г., которая, отказавшись от традиционного принципа консенсуса, предоставила каждой стране право самостоятельно решать вопрос о восстановлении дипломатических отношений с Египтом. На Амманском совещании впервые с 1982 г. присутствовали главы всех арабских государств и правительств, а также представитель ООП. Изменение отношения к Египту было вызвано как коррективами, внесенными пре-

зидентом Хосни Мубараком во внешнеполитический курс страны, так и стремлением многих арабских государств заручиться поддержкой Египта в сложной обстановке. Несмотря на сохранение военно-экономической привязки к США и договор с Израилем, египетское руководство существенно изменило подход к общеарабским проблемам. Египет стал выступать с резкой критикой израильской политики. Во время агрессии Израиля против Ливана египетский посол был отозван из Тель-Авива, были заморожены торговые и культурные связи Египта с Израилем.

Возвращение Египта в арабские ряды позволило ему выступить в роли создателя третьей крупной региональной группировки арабского мира – Совета арабского сотрудничества (САС) – в составе Египта, Ирака, Иордании, ЙАР. Соглашение об учреждении САС было принято 16 февраля 1989 г. на совещании глав четырех государств в Багдаде. В совместном заявлении подчеркивалось, что новое объединение не подменяет собой Лигу арабских государств, а действует исключительно в ее рамках. Целью новой организации провозглашалось повышение уровня социально-экономического развития входящих в Совет стран, активизация сотрудничества между ними, отказ от вмешательства во внутренние дела друг друга.

Однако САС просуществовал недолго: кувейтский кризис 1990 г. качественно изменил расстановку сил в регионе: Египет принял участие в военных действиях против Ирака на стороне многонациональных сил. Иордания и ЙАР поддержали Ирак. Наложённые на Ирак международные санкции привели эту страну к изоляции, в условиях которой об участии Ирака в деятельности какой-либо арабской организации не могло быть и речи.

Тем не менее образование внутрорегиональных группировок, которые объединили 15 арабских государств, охватывающих 3/4 территорий стран – членов ЛАГ и аккумулировавших около 4/5 их совокупного населения, свидетельствовало о постепенном переходе арабских государств от утопичных планов реализации арабского единства путем декретируемого государственного слияния к более реалистичным проектам, в основе которых лежало поэтапное углубление экономических связей.

4.4. Арабский мир после краха биполярной системы. Эпоха глобализации и демократизации

После крушения биполярной системы в 1990-е гг. арабские страны оказались в сложной не только экономической и финансовой, но и политической ситуации. На Ближнем Востоке пошатнулась складывавшаяся в течение десятилетий система политического баланса сил: арабские страны лишились политической, военной, экономической и моральной поддержки извне, возник колоссальный стратегический дисбаланс в пользу США и Израиля, что обострило старые и вызвало к жизни новые конфликты. Арабский мир столкнулся со сложными проблемами как внешнего порядка, так и внутреннего, связанного с перестройкой экономики и всех хозяйственных связей, объективной сменой поколения харизматических лидеров, усилением влияния ислама на политическую жизнь отдельных стран и региона в целом, фактическим тупиком в палестино-израильском урегулировании. Все эти процессы в арабских странах вызвали глубокие изменения в государственно-политической системе, затронув структуру и деятельность всех институтов путем преобразования существующих и создания новых звеньев управленческого аппарата. Изменения в каждой стране имели, безусловно, свои отличия и особенности, определяемые достигнутым уровнем социально-экономического развития. Однако общее направление этих реформ – попытка демократизации общественно-политической жизни арабских обществ, проистекающая из необходимости адаптации правящих режимов к новым реалиям. Проявилось это, прежде всего, в создании фасада формальной демократии, а именно: в принятии новых конституций, введении многопартийности, провозглашении свободы печати, равного и прямого избирательного права, расширении законодательных полномочий парламентов и т.д. В монархиях начался процесс постепенного делегирования правящими семьями своих властных полномочий консультативным советам (которые стали выборными) и принятие адаптированных к местным условиям социальных новаций. Однако специфика этих процессов заключалась в том, что они обеспечивали главенствующее положение в политической системе арабских стран правящим партиям и кланам, не меняя, по сути, механизма управления, который продолжал сохранять преимущественно однопартийный характер, а все экономические рычаги концентрировались в руках правящей семьи и приближенной к ней элиты.

В начале XXI в. обнажились многие социальные проблемы, которые так и не были решены в арабском регионе в период его независимого развития. Это прежде всего огромное социальное расслоение (при тотальной зависимости правящих элит от Запада), коррупция, безработица (особенно среди молодежи), которая в отдельных странах достигала 40%. В этих условиях панарабские лозунги о «борьбе с колониализмом» и «арабском единстве» окончательно утратили свою актуальность, им на смену пришли новые глобальные технологии, которыми активно пользуется арабская молодежь.

Доминирующей тенденцией начала нового века стали усиление т.н. политического ислама и активный выход на политическую арену исламских партий. Став фактически единственной оппозиционной силой (в условиях авторитарных режимов), исламские движения превратились в средство разрешения возникавших проблем и получили широкую массовую поддержку во многих странах (Братья-мусульмане в Египте, Хизбалла в Ливане, ХАМАС в Палестине).

В новых исторических условиях акцент межарабского сотрудничества резко смещается с общеарабской региональной составляющей на субрегиональную, в которой участвуют не все арабских страны, а только некоторые из них (как правило, соседствующие), входящие в один субрегион. Характерным примером такого рода сотрудничества является регион Средиземноморья, где идут интеграционные процессы с участием арабских государств.

Для этого периода также стало характерным расширение масштабов влияния на регион Запада, в частности выдвинутой идеи «демократизации Большого Ближнего Востока», которая зародилась в результате поисков США путей выхода из иракской войны и была впервые сформулирована Дж. Бушем в ноябре 2003 г. С этого времени с подачи Вашингтона стала разворачиваться инфраструктура т.н. «инициативы ближневосточного партнерства». Несмотря на изменение тональности, принципиальных подвижек в ближневосточной политике США не произошло, о чем свидетельствует американское вето на резолюцию СБ ООН, требующую полного замораживания строительства еврейских поселений на Западном берегу, а также в Восточном Иерусалиме.

Начало XXI в. ознаменовалось еще большим расширением масштабов вмешательства в дела региона внешних сил, прежде всего США, после фактической оккупации Ирака в 2003 г., которая стала логическим завершением ухудшения американо-иракских отношений после кувейтского кризиса.

Кувейтский кризис 1991 г.

Окончание войны с Ираном рождало у иракского народа надежду на мирное развитие, решение стоящих перед страной многоплановых социально-экономических и политических задач. Однако надеждам этим не суждено было сбыться: летом 1990 г. иракское руководство второй раз за десятилетие ввергло страну в военную авантюру, обернувшуюся трагедией для народа.

Давние притязания Ирака к Кувейту в середине июля 1990 г. переросли в конфликт. 15 июля 1990 г. министр иностранных дел Ирака Тарик Азиз направил Генеральному секретарю Лиги арабских государств Шадли Гулайби меморандум, в котором обвинял Кувейт в том, что он воспользовался тем, что Ирак был поглощен военными действиями с Ираном, и разместил свои военные сооружения, посты, предприятия нефтяной промышленности и плантации на иракской территории. В меморандуме Кувейт и Объединенные Арабские Эмираты также обвинялись в демпинге нефти на мировых рынках, так как превысили установленные для них ОПЕК квоты. Это привело к падению цены за баррель нефти с 13 до 11 долларов, в результате чего Ирак потерял в период с 1981 по 1990 гг. 89 млрд долларов. Кроме того, Кувейт обвинялся в том, что разместил нефтедобывающую технику в южной части иракских нефтепромыслов в Румейле и выкачал там за тот же период нефти на 2400 млн долларов. Ирак просил списать его долги за этот период и разработать арабский план с тем, чтобы возместить Ираку ущерб, нанесенный в ходе военных действий. В ответ на обращение Кувейта, предложившего создать комитет для решения вопроса о демаркации границ между двумя странами в соответствии с существующими соглашениями и документами, где также утверждалось, что добыча нефти на нефтепромыслах в Румейле ведется в пределах территории Кувейта, министр иностранных дел Ирака направил еще один меморандум в ЛАГ 21 июля 1990 г., в котором обвинял Кувейт в «разграблении богатств Ирака». Начавшиеся благодаря посредническим усилиям Египта и Саудовской Аравии переговоры в Джидде не дали результатов из-за нежелания Ирака пойти на компромисс. 2 августа 1990 г. иракские войска оккупировали соседний Кувейт.

Сразу после вторжения в Кувейт было создано т.н. «временное свободное правительство Кувейта», а 8 августа было объявлено, что Кувейт становится неотъемлемой частью Ирака.

С началом иракской акции против Кувейта руководство Саудовской Аравии, Кувейта и всех членов ССАГПЗ обратилось в ООН, к

правительствам США, держав Западной Европы, другим членам мирового сообщества за военной и политической помощью с целью вернуть статус-кво в регионе.

Совет безопасности ООН принял 11 резолюций, направленных на урегулирование кризиса в Персидском заливе политическими средствами, но они не дали результата. 6 августа 1990 г. СБ ООН ввел финансовый, торговый и военный бойкот Ирака. Именно в этот момент иракское руководство поспешило нормализовать отношения с Ираном. 15 августа С. Хусейн официально заявил о принятии иранских условий мирного урегулирования и признании статьи алжирского соглашения 1975 г. между двумя странами о совместном использовании вод реки Шатт эль-Араб. Предлагалось немедленно обменяться всеми военнопленными. 17 августа 1990 г. Ирак начал вывод своих войск с иранской территории и в течение пяти дней освободил 2660 км² занятых ранее иранских земель. 10 сентября впервые после начала ирано-иракской войны Иран посетил министр иностранных дел Ирака Тарик Азиз, встречавшийся с президентом Ирана Х. Рафсанджани и министром иностранных дел А. Велаяти. В середине октября 1990 г. Ирак и Иран восстановили дипломатические отношения и обменялись временными поверенными в делах.

29 ноября 1990 г. СБ ООН принял резолюцию 678, предусматривавшую в случае невыполнения Ираком положений ранее принятых резолюций до 15 января 1991 г. «использовать необходимые средства... и восстановить международный мир и безопасность». Претендуя на роль выразителя интересов всей арабской нации, С. Хусейн выдвинул идею увязки урегулирования «проблемы Кувейта» с разрешением палестинского вопроса, «немедленным и безусловным выводом израильских войск с оккупированных арабских территорий». Тогда силы антииракской коалиции, получившие мандат ООН, 16 января 1991 г. начали против Ирака военные действия, получившие название «Буря в пустыне», длившиеся шесть недель. Совпадение позиций арабских правящих кругов и членов НАТО, признающих необходимость любыми средствами бескомпромиссно и безотлагательно решить этот вопрос, привело к беспрецедентному вмешательству международных сил в кризис в зоне Залива. В регионе был сосредоточен значительный военный контингент из войск США и членов блока НАТО. Коалиция объединила около 30 стран, но решающая роль в ней принадлежала США, войска которых нанесли военное поражение Ираку. Иракские войска были выведены с террито-

рии Кувейта. 26 февраля 1991 г. президент Ирака объявил по багдадскому радио, что иракские войска в соответствии с резолюцией № 660 СБ ООН завершат свой уход из Кувейта, а Кувейт перестает быть частью Ирака.

Агрессия Ирака против Кувейта дорого обошлась иракскому народу. Только легко учитываемые прямые потери (а к ним относятся суммы, недополученные в результате наложенных на Ирак санкций ООН) в 1990–1994 гг. составили не менее 60 млрд долл. Операция «Буря в пустыне» привела не только к разрушению военных объектов, но и нанесла огромный ущерб экономической инфраструктуре страны: заводам, дорогам, мостам, жилым зданиям; погибли тысячи мирных жителей. Катастрофические последствия войны в сочетании с экономической блокадой и политическими санкциями должны были, как полагали аналитики, привести к падению иракского режима. Расчет не оправдался: режим Саддама Хусейна не только устоял, но и существенно укрепился в условиях экономической блокады. Более того, страна быстро наращивала экономические темпы развития: уже спустя два года после прекращения огня в Ираке практически не оставалось внешних свидетельств недавних боевых действий.

Война в Заливе имела определенные последствия и для всего арабского мира. Хотя все арабские страны заявили, что принципиально отвергают всякое вторжение, поведение некоторых из них в ходе войны обнаружило, что в целом они встали на сторону Ирака. При этом речь шла не просто о расколе между правительствами, но и о нарушении единства в среде арабских народов как в регионе в целом, так и в пределах отдельных стран и даже в политических движениях в каждой стране.

Объединение Йемена. Гражданская война между Севером и Югом

22 мая 1990 г. в Санае было объявлено о добровольном объединении двух частей Йемена и создании единого йеменского государства – Йеменской Республики (ЙР). Формально после образований ЙР все посты в государстве были поделены поровну между представителями двух элит, а временный парламент был сформирован путем механического слияния законодательных органов ЙАР и НДРЙ. Но фактически север оказался в привилегированном положении: Али Абдалла Салех (президент Йеменской Арабской Республики) стал председателем Президентского совета – своеобразного коллективного

главы государства, а Али Салем аль-Бейд (Генеральный секретарь ЦК Йеменской социалистической партии) – его заместителем. Кроме того, в проекте Конституции, одобренном впоследствии на всенародном референдуме, предусматривалось, что выборы парламента будут всеобщими, прямыми и равными, а новые парламентарии сформируют Президентский совет, члены которого, в свою очередь, выберут своего главу. Учитывая, что население Севера около 10 млн чел., а юга – около 3 млн, было ясно, что и парламент и Президентский совет будут неизбежно «северными» по составу.

Уже в первый год единства южная политическая элита утратила иллюзии относительно намерений А. Салеха и его окружения сохранить паритет власти. По мере слияния государственных институтов южане все более разочаровывались в сделанном шаге. Северяне же вели планомерный сознательный курс на их вытеснение из руководящих сфер, чему способствовало численное преимущество севера.

В конце 1991 г. социально-экономическое положение в стране резко ухудшилось из-за поддержки Саной Багдада во время кризиса в Персидском заливе, что привело к всплеску безработицы до 35% всего трудоспособного населения и усилению инфляции до 100%. Резко обострилась проблема внешней задолженности, достигшей к октябрю 1991 г. 7,8 млрд долл., причем 2/3 суммы приходилось на страны Восточной Европы. Саудовская Аравия сразу выдворила со своей территории более миллиона рабочих-йеменцев и прекратила оказывать ему всякую финансовую помощь. Экономический кризис ухудшил и внутривнутриполитическую ситуацию, последствием чего стал рост влияния на йеменцев, особенно городские низы и сельское население, правой оппозиции, представленной исламскими фундаменталистами в союзе с феодально-племенными элементами. Это было тем более опасно, что режим никогда не мог открыто применять насилие для подавления оппозиции, поскольку та поддерживалась богатыми саудовцами, а главное – опиралась на хорошо вооруженные ополчения горных племен, война с которыми для центрального правительства была не по силам. Это неизбежно привело бы к уходу оппозиции в подполье в городах и могло бы повлечь за собой начало боевых действий племен против правительственных войск.

На парламентских выборах 27 апреля 1993 г. правящая «северная» партия Высший народный конгресс (ВНК) получила 121 (из 301) место, исламская партия Йеменское единение в защиту реформ (ЙЕР) – 62 места, Йеменская социалистическая партия (ЙСП) («южная»

партия) – 56 мест, остальные 62 места были распределены между другими партиями (прежде всего, БААС) и независимыми кандидатами. Новое коалиционное правительство было образовано четырьмя этими партиями.

В 1993 г. аль-Бейд и его сторонники стали открыто обвинять А. Салеха и его окружение в узурпации власти в стране и невыполнении первоначальных обязательств, предусмотренных соглашениями о единстве. Северянам вменялось в вину и то, что они попустительствовали террористической деятельности против функционеров ЙСП, в которой обвинялись исламские радикалы и в результате которой погибли десятки видных деятелей социалистической партии. С другой стороны, и ВНК стала все чаще заявлять о намерении ЙСП расколоть единство страны.

Йеменский конфликт стал результатом сработавшей одновременно совокупности внешних и внутренних факторов: ростом внутриполитической борьбы между ВНК и ЙСП, дополнявшейся исторической племенной враждой, нефтяной проблемой (основные месторождения нефти находились на спорной территории между севером и югом); политики Саудовской Аравии, активно поддерживавшей исламистов, прекращения финансовой помощи зарубежных инвесторов и др. Рост противоречий между севером и югом страны привел в мае 1994 г. к гражданской войне. В начале июля Правительство Саны восстановило единство страны силой, а руководство южан бежало за границу. Война между политическими элитами севера и юга была кровавой, но не стала подлинно гражданской, т.к. в ней не приняли участие многие племена.

После окончания гражданской войны перед руководством ЙР стали две задачи: достижение национального согласия и восстановление экономики страны, прежде всего южных провинций. Первым шагом на этом пути стало принятие новой конституции в 1994 г., а в 1995 г. начались экономические реформы, целью которых было снижение инфляции, увеличение иностранных инвестиций, приватизация, сокращение дефицита бюджета. Однако проведение этих реформ без достаточного финансового обеспечения только ухудшило положение населения: выросли цены, увеличилась безработица, что периодически приводило к массовым беспорядкам в различных районах страны.

В 1999 г. в стране были проведены первые прямые всеобщие президентские выборы. Победу на них одержал Али Абдалла Салех, получивший 96,3% всех голосов избирателей. Бывший тогда президент

США Билл Клинтон похвалил Йемен за его «демократические достижения», когда А. Салех посетил США в апреле 2000 г. ЙСП в мае 2000 г. была официально легализована властями. Созданное правительство более чем наполовину составили люди моложе 40 лет, представляющие правящую партию ВНК. Правительство поставило перед собой цель проведение в первоочередном порядке административной реформы и рыночных преобразований, обуздание инфляции и борьбу с коррупцией. Новый премьер Абдель Кадер Баджамаль пообещал обеспечить в стране «закон и порядок», добиться экономического подъема на 5% за год и ослабить финансово-административные рычаги.

Децентрализация выборных местных органов власти давно была в политической повестке дня Йемена, но выборы местных советов откладывались в течение первых 10 лет существования республики. После публичных дебатов парламент принял Закон № 2/2000 «О местных органах власти», который подтвердил принцип выборности местных советов, но разрешил президенту назначать председателей этих советов и не гарантировал полномочия советов по принятию важнейших решений. 20 февраля 2001 г. состоялись первые выборы в местные органы власти. Правящая партия и ее сторонники, поддерживающие президента Али Абдаллу Салеха, подверглись ожесточенной критике со стороны оппозиции (включая свергнутую в результате гражданской войны 1994 г. левую ЙСП и крайне правую фундаменталистскую исламистскую партию Ислах) за методы проведения кампании. В результате ряд партий вообще отказался от участия в выборах. Победу на выборах в местные органы власти одержала правящая партия Всеобщий народный конгресс, набравшая свыше 60% голосов избирателей. Следующая за ней партия Ислах (партия Йеменское единение за исламскую реформу) под руководством шейха Аль-Ахмара официально собрала 26%, а правившая вместе с ВНК в период 1990–1994 гг. ЙСП набрала около 14%. Процедура выборов сопровождалась кровавыми столкновениями, в которых участвовали силы безопасности.

Победившая партия объявила выборы шагом на пути к демократии, проигравшие обвинили власти в грубых нарушениях правил голосования и подтасовке данных и призвали оспорить результаты, назвав их антидемократическими. В обществе назревал протест, вызванный масштабами коррумпированности и неэффективностью государственного механизма, законодательства, перекосами в распределении постов, гипертрофированными службами безопасности. Параллельно с выборами в местные органы власти проходил референ-

дум, на котором были утверждены поправки к конституции, срок полномочий президента был продлен с 5 до 7 лет, что обеспечило президенту Салеху возможность править до 2013 г., после его переизбрания в 2006 г.

Государственный переворот в Алжире 1992 г. и его последствия

В 1970-е гг. Алжир добился серьезных успехов в своем социально-экономическом развитии. Высокие доходы от нефти и газа позволяли успешно справляться с внутренними проблемами, а жесткие меры режима Х. Бумедьена практически нейтрализовали любую оппозицию. Однако уже в конце 1970-х гг. стало ясно, что реализация избранной стратегии на практике привела к серьезным отраслевым диспропорциям, падению эффективности производства, снижению обеспеченности страны продовольствием, повышению ресурсоемкости национального дохода и, главное, болезненно сказалась на проведении в жизнь программ социального развития. В начале 1980-х гг. по Алжиру прокатилась волна массовых выступлений.

Начавшаяся реформа правящей партии Фронт национального освобождения (ФНО) и другие меры, предпринятые правительством, не получили необходимой поддержки «снизу». Общественное сознание связывало их с ростом безработицы, увеличением имущественного неравенства, снижением жизненного уровня, инфляцией и др. Коррупция, фаворитизм и бюрократизм, разъедавшие госаппарат АНДР и партаппарат ФНО стали особенно заметны на этом фоне.

Крупнейшие за всю историю независимого развития Алжира выступления (спровоцированные резким падением мировых цен на углеводороды, доход от которых составлял более 90% ВВП Алжира) начались в октябре 1988 г. в столице и других городах и сопровождались политическими требованиями, в частности расширением демократических свобод. Октябрьские волнения заставили руководство страны принять ряд мер политического характера, в т.ч. внести поправки в конституцию и принять в июле 1989 г. закон, легализовавший в стране многопартийную систему. К концу 1990 г. в Алжире уже было зарегистрировано около 40 политических партий. Наиболее влиятельной и многочисленной стала партия – Исламский фронт спасения (ИФС), возглавляемый Аббаси Мадани. Политический кризис, вызванный победой ИФС в первом туре парламентских выборов, привел 11 января 1992 г. к отставке президента Шадли Бенджедида, находившегося на

этом посту с 1979 г. На этом настоял Высший совет национальной безопасности (ВСНБ), основную роль в котором играли силовые структуры. Одновременно были аннулированы результаты первого тура выборов в парламент. Был учрежден Высший государственный совет (ВГС), который установил в стране 3-летний «переходный период». В ответ на это Исламский фронт спасения развернул в стране массовый террор, опираясь на глубоко законспирированное вооруженное подполье. Последовали введение чрезвычайного положения, роспуск ИФС и депортация в концлагеря Сахары до 20 тыс. исламистов, которые, в свою очередь, оказали серьезное сопротивление властям, переросшее в полномасштабную гражданскую войну.

В январе 1994 г. была проведена общенациональная конференция, которая рассмотрела и утвердила новые формы управления страной на следующий период (1994–1996). Вместо коллегиального органа управления страной был избран президент, которым стал генерал Ламин Зеруаль (новый президент оставил за собой пост министра национальной обороны). Основной задачей Л. Зеруаля после его прихода к власти стало воссоздание государственных институтов, упраздненных в ходе военного переворота 1992 г. Прежде всего произошла смена кабинета министров; был сформирован Национальный переходный совет (НПС) – временный парламент, заменивший Национальный консультативный совет, действовавший в период ВГС. Л. Зеруалю потребовалось почти два года, чтобы провести в ноябре 1995 г. всеобщие президентские выборы и тем самым легализовать себя на этом посту. В июне 1997 г. состоялись выборы в парламент и была сформирована его нижняя палата – Национальная народная Ассамблея (ННА). Осенью того же года прошли выборы в местные органы власти, которые стали последним этапом воссоздания структур государственной власти Алжира. Вновь избранные губернаторы вошли в состав Совета наций и образовали, таким образом, верхнюю палату парламента. В 1999 г. новым избранным президентом Алжира стал Абдельазиз Бутефлика, который во многом способствовал примирению различных политических сил, прекращению огня и переключению общества на проблемы восстановления экономики.

Последующие парламентские выборы в Алжире (2002 и 2007 гг.) подтвердили наметившуюся политическую тенденцию на сосуществование во властных структурах различных партийных группировок, в т.ч. и умеренных исламских партий. Переизбранный с подавляющим преимуществом голосов в 2004 г. президент страны

А. Бутефлика претендует на то, чтобы быть надпартийным лидером, неоднократно заявляя, что он является «президентом всех алжирцев». Годы нахождения у власти президента Бутефлики показали, что ему в целом удалось построить взвешенные отношения с различными группами населения, в том числе с военной верхушкой.

Военная операция США против Ирака. Становление новой иракской государственности

20 марта 2003 г. началось вторжение в Ирак англо-американского корпуса, к которому примкнули отдельные подразделения других государств, хотя официально ни ООН, ни НАТО в этой операции не участвовали. Подавляющее превосходство американцев позволило им за месяц установить контроль практически над территорией всего Ирака, при этом страна подверглась разрушению, а население понесло большие потери.

22 мая 2003 г. Совет безопасности ООН единогласно одобрил резолюцию 1483, в которой с учетом сложившейся ситуации сформулировал общие подходы международного сообщества к проблеме дальнейшего послевоенного обустройства Ирака и основные принципы его политического развития. В соответствии с принятыми СБ ООН решениями США и Великобритания официально были признаны оккупирующими державами, несущими «конкретные обязательства и полномочия в соответствии с применимыми нормами международного права». Функции управления страной на период до формирования международно признанного правительства Ирака и официального принятия им властных полномочий были возложены на коалиционную Администрацию. 12 мая 2003 г. главой Администрации был назначен специальный посланник президента США П. Бремер, в обязанности которого был передан весь комплекс вопросов, связанных с поддержанием общественного порядка, восстановлением экономики, объектов социальной инфраструктуры, образования и здравоохранения. Под эгидой данной Администрации были сформированы в качестве органов Временной коалиционной власти следующие государственные учреждения: Иракская временная администрация (ИВА), Временный управляющий совет Ирака (ВУС), Переходное правительство и Фонд развития Ирака.

Однако после оккупации иракцы, практически не оказавшие сопротивления регулярной армии союзников, начали против них мас-

штабную партизанскую войну; страну захлестнула волна насилия и кровопролития. Американцев встретили как агрессоров, тем более что в стране так и не было обнаружено тайных складов запрещенного вооружения. В этот период неизбежные трения между арабами и курдами, суннитами и шиитами, а также другими общинами страны в отдельных районах выступили на первый план, однако основной водораздел прошел между всеми иракцами, с одной стороны, и оккупационными силами – с другой, и это выявило полную неподготовленность американцев к дальнейшему управлению Ираком. Иракцы, быстро прекратив праздновать свержение Саддама Хусейна, самостоятельно начали искать новых политических лидеров. Вакуумом власти быстрее и успешнее всех воспользовались духовные лидеры различных конфессий. Саддам Хусейн создал в стране светскую диктатуру, но с ее падением выяснилось, что самыми авторитетными людьми в Ираке являются священнослужители, которые не питают особых симпатий к Западу. Это поставило перед американцами сложнейшую задачу послевоенного обустройства Ирака – налаживание диалога с представителями различных этнических и конфессиональных групп населения, в т.ч. с теми, кто проживает за рубежом, вовлечения в политический процесс всех влиятельных сил Ирака и нахождения компромисса между ними в новых структурах государственной власти.

Несмотря на сложную внутривластную обстановку и многочисленные теракты, новая временная конституция Ирака была принята 8 марта 2004 г. Временным Управляющим Советом Ирака в качестве документа, который должен был действовать в течение всего переходного периода. Практически сразу после ее принятия в Ираке начались вспышки насилия, имевшие вначале два основных очага: суннитский и шиитский. Оплотом суннитского очага стал город эль-Фаллуджа, где воевали бывшие баасисты, сторонники Саддама Хусейна, бывшие военнослужащие иракской армии, Республиканской гвардии и др., которые понимали, что в новой политической системе они больше не будут занимать лидирующих позиций и теперь могут оказаться в положении конфессионального меньшинства.

Для шиитов образование нового правительства и выборы в Национальное собрание стали благоприятными событиями, т.к. в результате этого они могли получить свои собственные органы власти. В городе Эн-Наджафа находится духовная академия шиитов и ее руководители – богословы, юристы, проповедники – составляют элиту шиитского общества (наиболее авторитетный из них – аятолла Али

ас-Систани, живший в Иране в эмиграции и вернувшийся в Ирак). Поэтому они поддержали инициативу американцев, направленную на создание новых органов государственного управления. Однако этой традиционной духовной корпорации шиитов фактически бросил вызов молодой лидер Муктада ас-Садр, сумевший создать «армию мах-ди» и поднять мощное восстание против американцев.

Тем не менее на основе Временной конституции началось формирование органов государственной власти переходного периода, который закончился принятием уже постоянной конституции 15 октября 2005 г. и формированием на ее основе постоянных органов государственной власти. Конституция вводила двухпалатный законодательный орган, состоящий из Совета представителей и Совета союза. В Совет представителей избирается один депутат от каждых 100 тыс. жителей страны на основе всеобщего, прямого и тайного голосования. Эта палата представляет все население страны и избирается сроком на 4 года. Кандидат в Совет представителей должен быть иракцем, обладающим полными правами. Важно подчеркнуть, что Закон о выборах направлен на доведение процента представительства женщин в Совете представителей не менее 1/4 от общего числа его членов. Совет союза формируется из представителей районов и провинций, не входящих в состав районов. Исполнительная ветвь власти Ирака включает в себя Президента Республики и Совет министров.

В систему органов государственной власти входят также региональные органы управления.

Последние выборы в Совет представителей Ирака состоялись 7 марта 2010 г. На 325 депутатских мандатов претендовали 6218 кандидатов, представляющих 86 политических партий и объединений. Выборы прошли в 18 провинциях страны, поделенных на 10 тысяч избирательных округов. За рубежом проголосовало 275 тыс. иракцев. Наибольшая явка, почти 37 тыс., была зарегистрирована в Сирии. В Багдаде к урнам для голосования пришли 53% зарегистрированных избирателей. Всего до выборов было допущено 18,9 млн граждан страны. Наибольшее количество голосов набрал возглавляемый бывшим временным премьер-министром Ирака Айядом Аллауи блок «Иракский список». Чуть меньше получила коалиция «Правовое государство», возглавляемая премьер-министром Ирака Нури аль-Малики.

Важным шагом в становлении политической системы Ирака стали выборы в провинциальные органы государственной власти, состоявшиеся 31 января 2009 г. Кандидаты представляли более чем

200 партий, 75% которых были вновь образованные. Выборы проходили в 14 из 18 провинций. В трех провинциях, контролируемых курдами, и Киркуке выборы не проводились.

Выборы в парламент иракского Курдистана, проходившие одновременно с выборами Президента Курдистана, состоялись 25 июля 2009 г. 11 мест регионального парламента Курдистана оспаривали 507 кандидатов из нескольких политических партий, коалиций и союзов. Это были первые прямые выборы президента Курдистана.

Парламентские выборы в Курдском автономном районе завершились победой правящего альянса, сформированного двумя крупнейшими курдскими партиями – Демократической партией Курдистана (ДПК) и Патриотическим союзом Курдистана (ПСК). Этот союз заручился поддержкой 57% избирателей. По официальным данным на президентских выборах Масуд Барзани получил поддержку почти 70% населения Курдистана. Предвыборная ситуация в Курдистане характеризовалась большой напряженностью, однако важно отметить, что ни одна партия или коалиция, участвовавшие в выборах, не выдвигали лозунга независимости Курдистана.

Военная операция Израиля в Ливане. Усиление политической роли Хизбаллы

На общей ситуации в регионе в конце 1990-х – начале 2000 гг. негативно сказывались события на ливано-израильской границе. Израиль и Ливан обвиняли друг друга в срыве имевшихся договоренностей. В феврале 2000 г. израильтяне предприняли «акцию возмездия» в отношении шиитской организации Хизбалла, боевики которой убили пятерых израильских солдат. В ответ Израиль нанес удар по трем ливанским электростанциям. Израильская артиллерия вела огонь по нескольким деревням, расположенным в «зоне безопасности». Вслед за этим последовала новая акция Хизбаллы и были ранены израильтяне. Сложившееся положение вызывало растущее беспокойство арабских стран. Было принято решение о том, что очередная сессия Совета министров иностранных дел Лиги арабских государств будет проведена не в штаб-квартире этой организации в Каире, а в Бейруте. Такого рода демарш был призван показать солидарность арабских стран, их неприятие израильской линии в ливанском кризисе.

Параллельно с этими событиями вновь возник вопрос о выводе израильских сил с территории Ливана. 5 марта 2000 г. правительство

Израиля приняло на этот счет соответствующее решение, заявив, что вывод войск будет осуществлен не позднее июля 2000 г. В мае – июне 2000 г. Израиль вывел свои войска почти со всей ливанской территории (оставив за собой небольшой, но стратегически важный район Шебаа на стыке территории Израиля, Сирии и Ливана). В связи с этим шагом возник целый ряд проблем, в частности, связанных с поддержанием порядка и обеспечением безопасности в тех районах, которые ранее контролировались израильскими военными и Армией Южного Ливана. Одним из вариантов было расширение функций подразделений ООН, располагавшихся в Ливане. По этому вопросу велась интенсивная работа, в том числе в рамках ООН.

После убийства 14 февраля 2005 г. известного ливанского политика Рафика Харири США и Евросоюз усилили давление на Дамаск по вопросу его военного присутствия в Ливане. Кроме того, в самом Ливане образовался широкий антисирийский лагерь («Движение 14 марта»), объединивший суннитов, друзов и ряд маронитских политиков, во главе которого встал сын Р. Харири – Саад Харири. Они требовали вывода из страны сирийских войск и отставки «ставленника Дамаска» – президента Эмиля Лахуда. В апреле 2005 г. сирийские войска были выведены с территории Ливана.

На парламентских выборах, состоявшихся в июле 2005 г., «Движение 14 марта» завоевало большинство мест в высшем законодательном органе и провело через парламент своего премьера: им стал Фуад ас-Синьора, который сформировал свой кабинет министров. Однако в этот период в Ливане не прекращалась волна насилия, вызванная еще большей поляризацией общества после выборов и связанная в том числе с борьбой за президентское кресло; одновременно активизировались и палестинские беженцы. При этом Хизбалла начала диктовать «Движению 14 марта» условия, на которых группировка согласна участвовать в диалоге о достижении национального примирения: руководство Хизбаллы выдвинуло ряд требований, касавшихся расширения участия этой организации в парламенте и в правительстве.

Вывод сирийских войск из Ливана, на котором так настаивал и Израиль, не привел к улучшению ливано-израильских отношений. 12 июня 2006 г. Израиль приступил к широкомасштабной операции на территории Ливана, поводом к которой послужило похищение двух израильских военнослужащих, что было расценено Израилем как нападение на суверенное государство. Бейрут, в свою очередь, расценил израильские действия как агрессию и обратился за помо-

щью к международному сообществу. Официальными целями израильской кампании были названы: возвращение похищенных заложников, установление перемирия между Ливаном и Израилем, вывод военизированных подразделений Хизбаллы с юга Ливана, установление контроля ливанской армии над этим районом. Эта боевая кампания длилась 34 дня, бои происходили по фронту около 100 км и на глубину в 30 км, при этом Израиль задействовал самые передовые вооружения. В результате этого погибло около 1,5 тыс. человек с ливанской стороны и 150 – с израильской.

11 августа 2006 г. СБ ООН принял резолюцию 1701, в которой призвал «к полному прекращению боевых действий, немедленному прекращению Хизбаллой всех нападений и немедленному прекращению Израилем всех наступательных военных операций», а также потребовал немедленного прекращения огня и постановил ввести в зону конфликта миротворческий контингент ООН; подтвердил требование своих прежних резолюций о разоружении всех вооруженных групп в Ливане. В начале сентября Израиль снял морскую и воздушную блокаду Ливана, которая осуществлялась с целью «пресечь поставки Хизбалле оружия».

В результате этой войны значительная часть ракетного потенциала Хизбаллы была уничтожена израильской армией; от мирового сообщества удалось добиться решения о разоружении Хизбаллы и вытеснении ее вооруженных отрядов с юга Ливана, о передаче 30 км зоны на границе с Израилем под контроль миротворческих сил ООН и ливанской армии. Тем не менее Хизбалла сумела выстоять против опытной и технически прекрасно оснащенной израильской армии, сохранить свой военный потенциал, хотя и существенно подорванный. При этом ее авторитет среди населения Ливана и в других арабских странах заметно возрос.

После прекращения военных действий Хизбалла перехватила инициативу и ее лидер Х. Насралла выступал уже не как лидер шиитов Ливана, а как один из политических лидеров страны. Начало 2007 г. ознаменовалось в Ливане очередным витком эскалации внутривнутриполитической напряженности. В январе Хизбалла организовала в Бейруте массовую забастовку с требованием отставки кабинета министров. Очередной внутривнутриполитический кризис в Ливане наступил после истечения срока полномочий президента Э. Лахуда. В стране фактически образовался вакуум власти: в течение нескольких месяцев не могли избрать президента страны. В основе противоречий –

требование оппозиции по кардинальному изменению системы государственного управления с перераспределением власти между христианскими и мусульманскими общинами.

Доминирующая коалиция «Движение 14 марта» во главе с С. Харири опиралась на поддержку значительной части мусульман, друзов и маронитов; ее активно поддерживали США, Саудовская Аравия и Египет. Их оппоненты – прежде всего Хизбалла – получают поддержку у Сирии и Ирана. Правительственная коалиция в первой половине 2008 г. настаивала на избрании президентом страны командующего армией Мишеля Сулеймана, однако оппозиция увязывала этот шаг с изменением закона о выборах и изменением системы распределения мест в парламенте. Позиции сторон оказались настолько противоположными, что стране пришлось более полугодя жить без президента. Мучительный процесс избрания новым главой государства Мишеля Сулеймана и формирования «правительства национального единства» (согласно достигнутому в катарской столице соглашению в правительстве должны быть представлены 16 министров – от правящего большинства, 11 – от оппозиции, три – назначаться президентом) свидетельствует о том, что конфессионализм по-прежнему представляет собой неотъемлемое явление ливанской политической жизни.

Кризис переговорного процесса в палестино-израильском урегулировании. Приход к власти в секторе Газа ХАМАС

В 1998 г. еще одну очередную попытку разблокировать ситуацию на палестино-израильском направлении предприняли американцы. Она дала достаточно позитивные результаты. 23 октября 1998 г. Я. Арафат и Б. Нетаньяху подписали в резиденции «Уай Плантейшн», расположенной на реке Уай (штат Мэриленд, США), документ, призванный обеспечить выполнение Временного соглашения по Западному берегу и сектору Газы от 28 сентября 1995 г. Документ получил название по месту подписания «Меморандум Уай-Ривер» и определял порядок дальнейшей передислокации израильских войск. Палестинцы приняли на себя обязательство осуществить все необходимые шаги для предотвращения актов террора и враждебных действий против израильских граждан и их имущества. Со своей стороны и израильская сторона обязалась предпринимать меры для предотвращения подобного рода актов против палестинцев. Была достигнута договорен-

ность не допускать подстрекательской деятельности каких-либо организаций или отдельных лиц.

В соответствии с этим документом Израиль возобновил передислокацию своих войск, хотя после выполнения первой фазы передислокации дальнейшее выполнение договоренностей было приостановлено. В ноябре 1998 г. начал работу аэропорт, а в декабре в Газе была открыта промышленная зона. Центральный Совет Палестины разработал текст послания Я. Арафата на имя американского президента по вопросу об отмене антиизраильских статей Палестинской Национальной хартии. 14 декабря 1998 г. в присутствии Б. Клинтона, посетившего Газу, Национальный Совет Палестины утвердил этот документ.

В конце 1998 – начале 1999 гг. в связи с истечением трехлетнего срока, отводившегося Временным соглашением для мероприятий переходного периода (4 мая 1999 г.), палестинское руководство стало прорабатывать план одностороннего провозглашения независимого Палестинского государства. Я. Арафат при этом подчеркивал, что ответственность за неудачу решить проблемы переходного периода лежит на Израиле, который проявлял нежелание идти на какие-либо компромиссы в ходе переговоров. Израильтяне эти доводы отводили, предупреждая, что односторонние шаги палестинцев вызовут далеко идущие встречные действия Израиля, подорвут весь наработанный переговорный потенциал. Россия в качестве коспонсора мирного процесса стремилась найти компромиссное решение создавшейся ситуации, выступая с инициативой продлить переходный период с тем, чтобы, не покидая переговорное пространство, стороны могли прийти к решению всех спорных вопросов. Аналогичную позицию заняли американцы и европейцы. 23 марта 1999 г. на встрече Евросоюза в Берлине было принято заявление, в котором указывалось на право палестинцев на самоопределение вплоть до создания собственного государства.

17 мая 1999 г. в Израиле в результате досрочных выборов главы правительства и членов парламента создалась качественно новая ситуация, в значительной степени повлиявшая на развитие переговорного процесса. Новым премьер-министром вместо Б. Нетаньяху стал лидер Партии труда (Авода) Израиля Э. Барак, который обещал обеспечить энергичное продолжение поисков компромиссов с арабами на всех направлениях. Одним из первых реальных результатов формирования нового климата в мирном процессе стало подписание Э. Бараком и Я. Арафатом 4 сентября 1999 г. в египетском городе Шарм аль-Шейх израильско-палестинского Меморандума по вопросам, свя-

занным с выполнением Временного соглашения, которые ранее не удавалось согласовать. После завершения в запланированном объеме передислокации израильских войск под полным или частичным контролем Палестинской национальной администрации должно было находиться порядка 40% территории Западного берега (сектор Газы, кроме районов израильских поселений и приграничной полосы, был уже ранее передан под юрисдикцию ПНА).

11–24 июля 2000 г. в Кэмп-Дэвиде под эгидой президента США Б. Клинтона были проведены встречи Я. Арафата и премьер-министра Израиля Э. Барака по проблематике окончательного статуса палестинских территорий. Важным итогом переговоров было то, что впервые узловые вопросы, касающиеся будущего устройства Палестины, включая определение статуса Иерусалима, стали предметом детальных обсуждений. По ряду направлений наметилась положительная динамика (в частности, в вопросе передачи израильцами ПНА по меньшей мере 90% оккупированных земель). Имевшиеся противоречия наиболее острый характер приняли в вопросе определения статуса Храмовой горы – ключевого в религиозном и политическом отношении места Иерусалима, где расположены святыне места как мусульман, так и иудеев. Обе стороны твердо и однозначно настаивали на своем суверенитете над Храмовой горой.

Кризис переговорного процесса постарались использовать в своих политических интересах экстремистские элементы. На палестинских территориях усилилась агитация радикальных организаций, в первую очередь Хамаса и Исламского джихада, критиковавших «соглашательскую линию» Я. Арафата и призывавших к возобновлению силовых акций против израильцев. В Израиле некоторые влиятельные религиозные партии и оппозиционные деятели выступили с резкими обвинениями в адрес Э. Барака. Ему инкриминировалось игнорирование национальных интересов страны и «излишняя уступчивость» палестинцам. В этот момент один из лидеров израильских сторонников жесткой линии в отношении палестинцев А. Шарон с группой своих сторонников посетил Храмовую гору. Последовала крайне негативная реакция палестинцев и в целом арабов. Впервые за длительный период на территории Израиля и ПНА начались вооруженные столкновения. Переговоры ООП с правительством Э. Барака были сорваны. Приход к власти в Израиле в феврале 2001 г. А. Шарона стал началом нового витка напряженности и второй интифады. А. Шарон начал свою деятельность на этом посту с подтверждения

своей «традиционной», крайне жесткой позиции по всему комплексу проблем палестино-израильских отношений.

Новый формат переговоров по урегулированию палестино-израильского конфликта был предложен в 2002 г. четверкой международных посредников – США, ЕС, ООН и Россией. В разработанной квартетом «Дорожной карте» уже со всей определенностью была поставлена цель поэтапного продвижения к созданию независимого демократического палестинского государства, которое будет существовать в мире и безопасности с Израилем и другими соседями.

Смерть Ясира Арафата в ноябре 2004 г. содействовала усилению напряженности в регионе, осложнив борьбу между многими течениями в Палестинском движении сопротивления и между разными лидерами и предлагаемыми ими концепциями выхода из ближневосточного тупика. Главой ПНА был избран давний соратник Я. Арафата Махмуд Аббас. В январе 2006 г. состоялись парламентские выборы в ПНА (в многопартийных выборах участвовали 77% зарегистрированных избирателей, а за их проведением следили свыше 850 международных наблюдателей). На этих выборах исламской партии ХАМАС удалось получить 74 из 132 депутатских мандатов, что означало потерю правящей партией ФАТХ монополии на власть. ХАМАС считал курс ФАТХ на переговорах с Израилем капитулянтским и выступал за твердость в борьбе за права палестинцев. Острой критикой коррупции в эшелонах власти и в структурах ФАТХ движению удалось привлечь на свою сторону большое число сторонников и симпатизирующих. Кроме того, оно наладило систему оказания всесторонней помощи малообеспеченным слоям населения, используя для этого мечети и другие религиозные учреждения.

Создать коалиционное правительство не удалось; оно было сформировано из министров ХАМАС, возглавил его Исмаил Хания. В своем выступлении в Законодательном совете ПНА И. Хания заявил, что новое правительство категорически отказывается признать многочисленные соглашения, подписанные Я. Арафатом с руководством Израиля. Председатель ПНА М. Аббас в ответ на это подчеркнул, что не сможет принять представленную политическую платформу нового правительства и пригрозил, что, если позиции кабинета нанесут ущерб национальным интересам палестинского народа, он расформирует его. Первые столкновения между отрядами ФАТХ и ХАМАС начались уже в апреле 2006 г., когда противостоящие стороны забросали друг друга бутылками с горючей смесью,

после чего начали наращивать мощь своих силовых структур. Переговоры между ФАТХ и ХАМАС с разной степенью интенсивностью продолжались летом и осенью 2006 г., при этом боевики обеих организаций продолжали нападать друг на друга и совершать антиизраильские теракты. В мае 2007 г. начались уже масштабные уличные столкновения между боевиками двух партий, которые привели ХАМАС к полному контролю над сектором Газа и фактически к трансформации конфликта из межнационального (между Израилем и палестинскими арабами) в межконфессиональный – между приверженцами ислама и всеми остальными.

На Западном берегу позиции ФАТХ оказались надежнее ввиду наличия там влияния давних противников исламизма (коммунистов и левых националистов), объективно – союзников ФАТХ, и по причине существования здесь более развитой экономики и занятых в ней социальных сил – квалифицированных рабочих и служащих, предпринимателей и торговцев, заинтересованных в сохранении мира.

В ответ на непрекращавшиеся обстрелы израильской территории в декабре 2008 г. Армия обороны Израиля провела военную операцию «Литой свинец» против движения ХАМАС в Газе. 18 января 2009 г. после трех недель боев, в том числе с обстрелом и бомбардировкой густонаселенного центра Газы, с вводом танков и бронетранспортеров на улицы городов сектора, Израиль объявил об окончании операции. ХАМАС понес огромные потери, как и мирное население сектора. Однако, несмотря на понесенный ущерб, ХАМАС сохранил свои кадры и структуру, свою способность воевать, а главное – свое политическое влияние и политический потенциал.

После операции «Литой свинец» в январе 2009 г. в Каире под давлением арабских стран и международного сообщества при посредничестве египтян ХАМАС и ФАТХ вновь предприняли попытку договориться о создании переходного правительства. Однако это не принесло никаких результатов.

Достижение договоренностей по-прежнему тормозится. В декабре 2010 г. администрация США проинформировала руководство ПНА о провале усилий, направленных на то, чтобы Израиль ввел новый мораторий на строительство жилья в еврейских поселениях на Западном берегу реки Иордан. ПНА, со своей стороны, считает замораживание обязательным условием прямого диалога с Израилем. Об этом в очередной раз заявил глава ПНА М. Аббас после встречи с президентом Египта Х. Мубараком в ноябре 2010 г.

4.5. Генезис «арабских революций» 2011 г.

2011 г. навсегда войдет в историю как год «арабской весны». Волнения, начавшиеся в Тунисе, охватили весь Арабский Восток, обнажив огромный пласт проблем, и ввели его в состояние нарастающей нестабильности, последствия которой вышли далеко за рамки региона. В большей или меньшей степени беспорядками оказались охвачены более десяти государств (как ни странно, практически единственной спокойной территорией в арабском мире оставалась Палестинская национальная автономия). В отдельных странах форма проявления протеста была различной: от масштабных народных выступлений по всей стране, начавшихся с публичных самосожжений (Тунис, Египет), до просьбы, обращенной к королю, разрешить создание политической партии (Саудовская Аравия). Однако даже такое «скромное» волеизъявление продемонстрировало размах недовольства по всему арабскому миру.

Поэтому в январе 2011 г. для мирового сообщества оказался неожиданным не столько сам арабский бунт, сколько его размах, а также то, что эти события совершенно не вписались в принятые относительно арабского мира стереотипы. Аналитиками неоднократно рассматривались сценарии развития событий, при которых в ряде стран региона (особенно в Египте) власть сменилась бы в результате покушения, совершенного исламистами, или в ходе военного переворота. Однако никто всерьез не рассматривал вероятность того, что Хосни Мубарак уйдет в отставку в результате массового народного протеста.

Выдвигалось множество гипотез о причинах и механизмах осуществления этих волнений, при этом версии колебались от конспирологических до чисто экономических или геостратегических. Связано это с тем, что при ближайшем рассмотрении этих событий заметен их крайне сложный и комбинированный характер. Трактовать причины кризиса на Ближнем Востоке и в Северной Африке упрощенно и легковесно было бы серьезной ошибкой. Они не поверхностные, а фундаментальные, затрагивающие и базис, и надстройку общества.

Мотивы социального взрыва

Причины возникновения протестного движения в каждой арабской стране были различны, как различны и сами арабские страны, ибо единой арабской нации не существует. Однако можно говорить о

схожести психологических особенностей арабских народов. Вот что говорит об этом известный писатель Набиль Ясин в каирской газете «Аль-Хаят»: «Ближний Восток – район исторического противостояния. Мечтания, иллюзии воспринимаются здесь как истины. Идеализм олицетворяет защиту прошлого как формы существования и самобытности, защиты от мира, который своим материализмом угрожает религии и национальной сущности. Как можно оправдать наличие более 7 трлн долларов арабских средств в международных банках, когда арабы умирают от голода, холода, насилия и гнета, страдают от безработицы, неразвитой системы здравоохранения и образования, архаичного транспорта, до сих пор используют для передвижения верблюдов, лошадей и тачки и располагают примитивными почтовыми услугами. Если говорить о правах человека и политических свободах, то следует упомянуть политических заключенных, узников совести, аресты журналистов и общественных деятелей... что действительно верно в призывах арабских режимов – это признание того, что мы сами заинтересованы в реформировании, признание того, что ситуация в арабском мире сложилась катастрофическая. Реформа является насущной необходимостью в силу того, что режимы культивируют отсталость как средство сохранения власти. Мы остро нуждаемся в коренных, радикальных переменах в полном смысле слова. Нам необходимы перемены сверху донизу». Поэтому безусловно важной стала психологическая подоплека этих событий, связанная с постепенным преодолением арабами «политического комплекса неполноценности» или, как его иногда называют, – «комплекса вечно проигравших». Данный процесс получил резкое ускорение в 2006 г. в результате первой в новейшей истории «великой победы» арабов из шиитской организации Хизбалла над Израилем в ходе его нападения на Ливан, а затем стойкого противостояния в 2008 г. палестинцев, объединенных в организацию ХАМАС, массированному израильскому рейду в секторе Газа.

Определенной подоплекой этих событий стала давно назревавшая демографическая проблема. Когда Мубарак пришел к власти, население Египта было вдвое меньше. В стране очень большое население (более 74 млн человек) при крайне ограниченных ресурсах. Египет при Мубараке стал крупнейшим в мире импортером пшеницы (по большей части из США), а продукты первой необходимости ежегодно в больших масштабах дотиrowались из бюджета. Под демографическим давлением правительство Египта в последние десятилетия вынуждено было вдвое

поднять темпы жилищного строительства, удвоить количество автомобильных и железных дорог и значительно расширить орошаемые площади. С 1990-х гг. уровень жизни начал понемногу возрастать, однако обеспечить всех работой государство было не в состоянии. Особенно плохо пришлось молодым выпускникам вузов, когда они столкнулись с т.н. «технологической безработицей» – проблемой, которая затрагивает сегодня молодежь по всему миру, но арабские страны – в большей степени в связи с узким рынком труда.

Так, по данным тунисской прессы, процент безработных среди молодежи в возрасте 18–29 лет составлял в 2009 г. 49%. Почти каждый второй выпускник, получивший диплом о высшем образовании, не смог найти работу. Для сравнения: в 1999 г. число безработных с дипломом было в два раза ниже – 22%. По некоторым данным, к началу революции в Тунисе выпускники вузов и профессионально-технических училищ составляли более 60% от общего числа безработных. Безработица среди молодежи достигла 42,8% в Египте, 30,4% – в Тунисе, 24,4% – в Сирии, 30% – в Ливии. Все это в последние годы будило в умах арабской молодежи протестные настроения.

Вспышкой для этих настроений стал мировой экономический кризис. Еще с 1970-х гг. XX в. арабский регион был признан ООН «районом дефицита продовольствия» и многие страны вынуждены были брать займы и выплачивать проценты по этим займам, реструктурировать долги. При этом условием получения займов от МВФ и Всемирного банка было осуществление радикальных реформ в экономике, а именно: уменьшение роли государственного сектора; снижение дефицита государственного бюджета за счет экономии на социальных расходах; отказ от регулирования внутренних цен; повышение роли частного бизнеса.

Итоги этих реформ были далеко не однозначны. Изучив последствия подобных программ, эксперты ООН пришли к выводу, что в результате подобной экономической политики «многие усилия стран по повышению качества жизни были сведены на нет. В развивающихся странах в результате этих структурных реформ появилась социальная категория «новые бедные». Это государственные служащие и рабочие предприятий госсектора, потерявшие работу после ликвидации убыточных или мало доходных предприятий, сокращений в государственной администрации, ликвидации дотаций и субсидий научным, культурным, спортивным и прочим социальным учреждениям и организациям. Процент среднего класса, который теоретически должен

был постоянно расти в процветающем или более или менее стабильном государстве, постоянно снижался за счет роста процента беднейших слоев.

Другая грань этих реформ – огромное социальное расслоение, коррупция и дальнейший рост безработицы. Причем в рамки категории «обездоленные» попала не просто большая, а очень большая, подавляющая часть населения.

Растущее недовольство населения стран южного побережья Средиземного моря стимулировал кризисный 2009 г.: резко снизились иностранные инвестиции, повысились мировые цены на основные продукты питания, жизненный уровень населения значительно ухудшился. Рост цен на продовольствие снизил возможности государственного субсидирования цен на хлеб и основные продукты питания самых бедных слоев населения.

Одновременно с этим сравнительно немногочисленная благополучная часть общества пользуется абсолютно запредельными благами. Подобная абсолютно разбалансированная социально-политическая система порождает безудержную коррупцию и моральную деградацию безответственной части правящего класса.

Во всех арабских странах зрело недовольство и господствующими диктаторскими кланами, которые вызывающе обогащались, погрязли в коррупции и подавлении свободы личности. В более общем плане во всех странах речь шла о ликвидации монополии узкой правящей группы на власть и экономические блага.

Во всех этих странах начался процесс делегитимизации правящего семейства или клана через народное волеизъявление. Эти кланы, продвинув на высшие должностные посты в государстве своих детей и ближайших родственников, стояли у власти не одно десятилетие, используя для этого формально легитимные электоральные процедуры. Наличие в арабских странах таких кланов превращало, по сути, политический режим в «наследственную республику».

Так, с начала 1990-х гг. клан Бен Али и Лейлы Трабелси в Тунисе контролировал практически весь банковский сектор, отельный и туристический бизнес, сектор телекоммуникаций и значительную долю государственного сектора экономики. Более того, используя популярный на Западе лозунг «соблюдения прав женщин с целью достижения ими равноправия в политике и экономике» для продвижения своих целей, жена президента Туниса основала и возглавила целый ряд фондов и ассоциаций и через лояльных ей лиц фактически управ-

ляла Национальным союзом тунисских женщин, Комитетом по правам женщин и контролировала другие общественные организации. Аналогичные кланы держали власть и в других странах: клан Мубараков в Египте (с 1981 г.), клан Каддафи в Ливии (с 1969 г.), клан Али Абдаллы Салеха в Йемене (с 1990 г., а по сути – с 1978 г., когда он был избран президентом ЙАР), клан Асада в Сирии (с 1970 г.) и т.д. Авторитарные режимы долгое время создавали видимость социальной стабильности, а руководители, фактически утратив связь с народом, игнорировали нарастание серьезных экономических и социальных противоречий. Систематически использовались политические репрессивные механизмы, особенно режим чрезвычайного положения, ограничивавший права и свободы: в Египте – с 1981 г., в Сирии – с 1963 г., в Алжире – с 1992 г. Во всех остальных странах режим чрезвычайного положения существовал *de facto* в силу той роли, которую играет армия в государственном механизме и больших полномочиях главы государства. Речь идет, прежде всего, об определенных ограничениях свободы слова, печати, возможностей проведения митингов и демонстраций, деятельности политических партий, журналистских организаций и т.д. За это одна из самых европеизированных арабских стран – Тунис – неоднократно подвергалась критике со стороны многих западных оппонентов.

До недавнего времени никто из критиков Бен Али не отрицал, что большая часть населения Туниса согласна с определенными ограничениями, поскольку главными для них была стабильность и экономический рост в стране. Однако глобальный экономический кризис, затронувший все сферы жизнедеятельности, включая индустрию туризма, серьезно повлиял на ухудшение экономической ситуации и обострил, прежде всего, социальные проблемы, которые зрели уже давно. В свое время известный в Тунисе ученый Абдельбаки Хермасси, размышляя об успехах Туниса, очень правильно отметил, что «...люди будут судить о своем руководстве по тем возможностям в жизни, которые оно им предоставляет». Как раз реализации своих возможностей во всех областях молодое поколение и оказалось лишенным. Отсюда понятен основной лозунг демонстрантов – «Ирхаль!» («Уходи!») – и требование политических свобод. Вполне допустимо трактовать это требование как стремление к демократизации арабских обществ, хотя главное для участников манифестаций было скинуть именно этот клан без конкретизации своих дальнейших требований.

Опора на лидера как гаранта стабильности режима в условиях социального взрыва привела к тому, что он сконцентрировал на себе всю накапливавшуюся годами протестную энергию значительной части общества, став абсолютным антигероем. Произошла некая персонификация всей широкой гаммы и объективных, и субъективных факторов, приведших к революциям. Идея низвержения политических сфинксов стала мощной силой, объединившей под одним знаменем зачастую весьма неоднородную массу протестующих и на первом этапе придавшей восстанию определенную осмысленность.

Во многих странах на фоне этих событий усилились этнические и конфессиональные противоречия, которые стали еще одной гранью этих революций. Ни одна из арабских стран не является абсолютно гомогенным политическим образованием. Национально-этнические и религиозно-общинные отношения, взятые в их историческом разрезе, выступают одним из структурных элементов их современного политического процесса, что позволяет различным политическим силам при умелом обращении с этноконфессиональным фактором манипулировать сознанием приверженцев одной веры или представителей той или иной этнической группы, создавая дополнительные трудно-разрешимые политические ситуации.

Кроме того, важно отметить еще одно социально-политическое обстоятельство, которое зачастую резко обостряет не только отношения между представителями разных религий, но и внутриисламскую враждебность, – это т.н. «чересполосица» шиито-суннитской принадлежности граждан и правящих элит в целом ряде государств:

– в Ираке исторически у власти стояли сунниты, хотя около 60% населения – шииты. Сейчас власть перешла к шиитам, а сунниты стали фактически дискриминируемым меньшинством;

– в Бахрейне большинство населения шииты, а правящая династия Аль Халифа – сунниты;

– в Саудовской Аравии правит суннитская династия Аль Сауд, при этом в восточной провинции Эль-Хаса компактно проживает большое количество шиитов, которые дистанцированы как от власти, так и от распределения нефтяных богатств;

– в Сирии правящая группировка принадлежит к алавитам (очень необычное течение в исламе, которое откололось от шиизма, но ушло довольно далеко от ислама вообще), тогда как большинство населения – сунниты.

Еще более сложная ситуация в Йемене, где существуют крайне запутанные отношения между шиитскими (хауси) и суннитскими кланами, к чему добавляются и исторические противоречия между двумя основными исламскими мазхабами – зейдитами и шафиитами. После объединения Южного и Северного Йемена в Йеменскую Арабскую Республику ключевые позиции в политике и экономике заняли зейдиты (с севера) во главе с А. Салехом. Южнотийменская элита (в основном шафииты) оказалась за рамками политического процесса и была сильно ущемлена за счет несправедливого распределения финансов в пользу севера и монополизации президентской семьей основных торговых сфер.

В этой связи нельзя сбрасывать со счетов и т.н. «иранский фактор», который важен в связи с тем, что экспорт исламской революции – это официальная доктрина страны, которая рассматривает в качестве зоны своих интересов страны, где правят или проживают шииты, а это Сирия, Йемен, Ирак, Ливан, Бахрейн, Кувейт, Саудовская Аравия.

Общие черты социального взрыва

С угрозой дестабилизации политической ситуации и смены власти в каждом государстве боролись самостоятельно, исходя из наличия внутренних ресурсов, исторического опыта и профессионализма высшего руководства. Как следствие, результаты так же стали различными. Наихудший сценарий реализовался в Ливии, где выступления приняли характер полномасштабной гражданской войны, в которой оказалось задействовано и мировое сообщество в лице ООН, которая приняла 17 марта 2011 г. резолюцию 1973, установившую над Ливией т.н. «бесполетную зону» и открывшую возможности для внешнего вмешательства в этот конфликт.

При всех особенностях этих революций в арабских странах они продемонстрировали и общие моменты, которые позволяют говорить о промежуточных итогах этих событий.

Во-первых, события в арабских странах продемонстрировали, что революции происходят не там, где есть бедные, а там где есть недовольные. Арабские страны отличаются разным уровнем социально-экономического развития. Масштабные волнения прокатились не только по т.н. «проблемным» странам, но и по таким относительно благополучным (Ливия, Бахрейн), где на протяжении десятилетий практикуется широкая система социальных дотаций (в частности, нет

платы за жилье и электроэнергию, нуждающиеся семьи получают дотации деньгами, государство выдает сертификаты на получение автомобилей с большой скидкой, можно получить беспроцентный кредит на жилье, образование и медицина – бесплатные и т.д.).

В этой связи важно отметить, что лозунги демонстрантов сводились не только к экономическим, но в большей степени к политическим требованиям. Одним из главных лозунгов всех движений была борьба с коррупцией. В руках Бен Али и его клана было сосредоточено почти 40% валового национального продукта; клан Трабелси фактически подчинил экономику страны своим интересам и контролировал банковский сектор, профсоюзы, многочисленные женские ассоциации, отельный и туристический бизнес, сектор телекоммуникаций и львиную долю государственного сектора экономики. Ливия — североафриканский рекордсмен по части коррупции (семья Каддафи владела совокупным капиталом в 70 млрд долларов). Эта страна занимает в рейтинге 146-е место, находясь на одной ступеньке с Ираном и Йеменом, из 178 (Тунис — 59-е, Египет — 98-е, Марокко — 85-е, Алжир — 105-е).

Современные события в арабских странах оказались намного более стихийными и намного менее управляемыми, чем подобные события в прошлом (в том числе и события в этом же самом регионе, происходившие в 1950–1970-х гг.). В движениях не было иерархического руководства, не существовало харизматических личностей, не было никаких политических структур, которые организовали демонстрации. И в этом смысле они походили на классический народный бунт. Движущей силой во всех движениях была молодежь, которая стала совершенно новой, не оформленной идеологически политической силой. Арабский социум сильно изменился за последние десятилетия: наряду с поколениями, воспитанными в традициях преклонения перед харизматическими лидерами, появились новые, образованные и информированные поколения, ощущающие себя не подданными, а гражданами, которые хотят сами решать проблемы своих стран, а не возлагать надежды на мудрость «отца нации».

События в Тунисе, а затем в Египте начались с судьбы «маленького человека»: молодой правозащитник из Александрии Халед Саид в июне 2010 г. был арестован службой безопасности и погиб в тюрьме. Когда 30-летний Ваэль Гоним основал на Facebook страницу «Мы все Халед Саид», за несколько дней к ней присоединились более ста тысяч египтян. Именно эта молодежь (образованная, но разночинная,

являющаяся зачастую представителем депрессивных регионов или оттесненных от властных структур групп населения) сформировала запрос на модернизацию и допуск широких слоев населения к участию в политическом процессе.

Была продемонстрирована самостоятельная роль Интернета и средств массовой информации, которые сыграли большую роль в процессе самоорганизации общества. Неслучайно первым в череде революций стал Тунис – первая арабская страна, подключившаяся к сети Интернет, где в настоящее время доступность сети и мобильной связи сравнимы с европейскими странами при достаточно высоком образовательном уровне тунисцев.

В условиях широкого распространения информационных технологий привычные методы управления политическими процессами уже не срабатывают. Общество открывает для себя новые возможности самоорганизации. В отличие от первоочередных средств, необходимых для существования (продуктов питания, например), эти средства постоянно падают в цене, и на фоне постоянно увеличивающегося количества социальных сетей и расширяющихся возможностей подключения к ним становятся доступными для широких слоев населения даже в сравнительно бедных странах. Конечно, не в каждой бедной египетской семье есть персональный компьютер с выходом в Интернет. Однако специалисты отмечают, что в Египте очень много дешевых интернет-кафе, где египетские юноши могут читать сетевые призывы к протестам. По данным «New York Times» в 2009 г. около 800 тыс египтян, большинство из которых молодежь, были пользователями «Facebook» или «Twitter».

Компания, занимающаяся разработкой браузера для сотовых телефонов, КПК и смартфонов, провела исследование на предмет активности интернет-пользователей в Египте и других странах, охваченных «арабской революцией». По данным компании, за год – с февраля 2010 г. по февраль 2011 г. – число посещений наиболее популярных на Ближнем Востоке интернет-ресурсов увеличилось на 233%, количество уникальных пользователей возросло на 142%. Но самое главное, что наибольший рост пережил уровень обмена информацией – объем переданных данных увеличился на 259%.

Первые коллективные забастовки египтян были организованы именно через интернет-ресурсы. Когда же власть спохватилась и отключила доступ к подобным серверам, момент был упущен, вся ак-

тивность сосредоточилась уже на площади Тахрир и заработали другие механизмы организации – сбор после пятничной молитвы и т.д.

Определенную роль в мобилизации населения сыграли и СМИ, прежде всего очень популярный в арабских странах катарский телеканал «Аль-Джазира», который развернул беспрецедентную критику внутренней и внешней политики «обанкротившихся режимов» и настойчиво навязывал арабскому населению мысль о «неизбежности перемен», однако практически не освящал события, связанные с вводом Саудовских войск на территорию Бахрейна.

Ни одна из революций не проходила под исламскими лозунгами, более того, исламские партии и их лидеры в ходе выступлений не только не смогли даже частично взять ситуацию под свой контроль, но вообще вели себя довольно невнятно. Не проявилась в этих событиях и Аль-Каида, развеяв таким образом миф о своей революционности, и только к концу 2011 г. стала активно выступать в поддержку сирийской оппозиции.

В ходе разразившихся революций в арабском мире своеобразно проявила себя «общеарабская солидарность». Руководство практически всех арабских государств долго избегало занимать четкую позицию в отношении вспыхивавших то в одной, то в другой стране бунтов. Выдерживая паузу, арабские лидеры руководствовались своими интересами из боязни эффекта домино, стремились минимизировать влияние событий у соседей на свои страны путем раздачи символических, по сути, подачек населению и, лишь когда осознавали, что процесс стал необратимым, начинали публично поддерживать победителя. Исключением, возможно, стала лишь относительно благополучная Саудовская Аравия, которая, традиционно опекая аравийские монархии, демонстративно направила военную помощь в охваченный беспорядками Бахрейн.

Роль внешнего фактора

По мере нарастания протестных выступлений в арабских странах само изменение ситуации в регионе открывало для многих региональных и внерегиональных игроков новые возможности, которые «подстраивались» под ситуацию и начинали манипулировать ею и продвигать свои интересы.

Причем этот фактор для Сирии стал более значимым, чем в других арабских странах, т.к. союзнические отношения Сирии с Ираном, ее политика в Ливане, поддержка Хизбаллы и радикальных палестин-

ских группировок, включая ХАМАС, делали эту страну фактически последним оплотом противостояния США и Израилю в регионе.

Реакция Совета безопасности на события в арабском мире привлекли внимание к довольно неоднозначной роли, которую играет в этом регионе Организация Объединенных Наций. Немало вопросов вызвала позиция Совета безопасности в связи с гражданской войной в Ливии. Конечно, удар по Ливии можно было нанести и без санкции Совета безопасности, как это было сделано в случае с Ираком, тем не менее было предпочтительнее заручиться поддержкой Совета. Здесь возникла юридическая неувязка, поскольку п. 7 статьи 2 Устава ООН запрещает Организации «вмешательство в дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию любого государства». Эту неувязку обошли, включив в преамбулу резолюции 1973 Совета Безопасности положение о том, что происходящее в Ливии представляет угрозу международному миру и безопасности (без объяснения какую конкретно угрозу). В предыдущей резолюции 1970 СБ ООН, которой были введены санкции против Ливии, такое упоминание вообще отсутствует, и в силу этого ее принятие противоречит Уставу, которым СБ должен бы был руководствоваться в своей деятельности.

Особенностью резолюции 1973 являлась ее поразительная нечеткость. Речь идет, прежде всего, о включении в нее по требованию Соединенных Штатов п. 4, который уполномочивает государства-члены «принимать все необходимые меры... для защиты гражданского населения».

1 июля 2011 г. официальный представитель Государственного департамента М. Тонер заявил, что Администрация Президента не считает предоставление вооружения оппозиции нарушением решений СБ. Игнорировал эмбарго и Катар. Как признал 27 июля начальник генштаба сил оппозиционного Переходного национального совета Абд аль-Фаттах Юнес, эта страна направила мятежникам вооружение и средства разминирования. Никакой реакции со стороны СБ на эти действия Дохи и Абу Даби не последовало.

Очень важно подчеркнуть, что в резолюциях 1970 и 1973 отсутствовало требование к сторонам конфликта прекратить огонь и урегулировать проблему путем переговоров. В них содержался лишь непонятно к кому обращенный призыв «положить конец насилию» (пункт 1 резолюции 1970) и невнятное положение, гласящее, что Совет безопасности «отмечает» решения Генерального секретаря ООН направить в Ливию своего Специального посланника и создать в це-

лях содействия диалогу Комитет высокого уровня (пункт 2 резолюции 1973), а также подчеркивается (там же) «необходимость активизации усилий по поиску такого выхода из кризиса, который отвечал бы законным требованиям ливийского народа» (без пояснения, что означает термин «законные требования»).

Сложившаяся ситуация, безусловно, нанесла серьезный ущерб авторитету ООН. На протяжении более шести десятков лет, прошедших со времени ее создания, деятельность Совета безопасности далеко не всегда была эффективной, он нередко оказывался не в состоянии реагировать на возникавшие угрозы, немало его резолюций не выполняется. Но при этом он действовал как орган, стремящийся устранить угрозы миру и безопасности, пресекать акты агрессии, добиваться соблюдения международной законности. Сейчас ситуация меняется: в деятельности Совета появились двойные стандарты. Организация даже на попыталась решить конфликт мирным путем, хотя возможности такие были: Африканский Союз выдвинул свою «дорожную карту» урегулирования конфликта.

Совершенно иную позицию Совет безопасности занял в связи с событиями в Йемене, ограничившись принятием 24-го июня 2011 г. заявления председателя с призывом к сторонам «проявлять максимальную сдержанность и начать всеохватывающий политический диалог».

И уж совсем индифферентно отнесся Совет безопасности к подавлению с помощью саудовской армии выступлений шиитов на Бахрейне.

Изменилась роль и Лиги арабских государств (ЛАГ). В настоящее время эта организация объединяет монархии и постреволюционные государства, нефтяных олигархов и беднейшие государства мира, страны, настроенные на реформирование политической и экономической жизни, и консервативные режимы. С этим обстоятельством связан целый ряд противоречивых действий ЛАГ. Этот факт, в частности, стал прямым отражением миссии наблюдателей в Сирии, которые так и не смогли в полном объеме выполнить свою задачу и прийти к консолидированному мнению относительно оценки ситуации в стране, а все стороны сирийского конфликта оказались недовольны ее деятельностью.

Саудовская королевская семья стремится играть все более значительную роль в ЛАГ: так, принятое 12 ноября 2011 г. решение Лиги о приостановке членства в ней Сирии и введении в отношении Дамаска политических и экономических санкций стало в значительной степени результатом инициатив Саудовской Аравии, при этом в документе ЛАГ не было ни слова о том, что Дамаск выполнил боль-

шинство условий организации по урегулированию конфликта. Налицо и политический раскол в ЛАГ. Так, Египет и Алжир отказались отзывать своих послов из Дамаска, как того требовало решение, принятое ЛАГ. Против резолюции, приостанавливающей членство в этой организации Сирии, голосовали Ливан и Йемен, Ирак при этом «воздержался». Сирийские власти отметили, что «данное решение ЛАГ говорит о том, что организация отказывается от возможности участвовать в урегулировании ситуации в Сирии».

Беспрецедентным было решение ЛАГ по Ливии, когда эта межарабская организация ввела фактически режим изоляции одной арабской страны и еще попросила международное сообщество о вмешательстве. Даже когда президент Египта Анвар Садат заключил в 1979 г. мир с Израилем ЛАГ всего лишь объявила весьма неуверенный бойкот Египту, при этом далеко не все арабские страны разорвали с Каиром дипломатические отношения, хотя тогда речь шла о «сепаратной сделке с сионистами и продаже арабских интересов и палестинского народа». Достаточно вспомнить резню коммунистов, устроенную Саддамом Хусейном в 1970-х гг.; расстрел Мубараком восстания в январе 1986 г.; бомбардировки сирийских «Братьев-мусульман» в Хомсе, Хаме и Алеппо в 1986 г. и другие акции насилия в отдельных арабских странах. Более того, ЛАГ не изгнал из своих рядов Ирак, который в 1990 г. оккупировал соседний Кувейт и подверг тотальному насилию целую арабскую страну.

В целом, события «арабской весны» привели к резкому перекосу баланса сил в ЛАГ, где теперь доминируют аравийские монархии, что свидетельствует о дисбалансе сил в регионе. Крупнейшая организация арабского мира стремительно теряет свой авторитет, превращаясь в инструмент достижения конкретных целей конкретными политиками, отменив при этом принцип консенсуса в принятии решений. Ослабленные внутренними проблемами Алжир, Судан, Йемен, Ливан и Ирак не могут оказывать должного сопротивления инициативе ССАГПЗ, перед лицом финансовых обещаний Катара и Саудовской Аравии другим арабским странам.

Очередной XXIII саммит ЛАГ в Багдаде, который прошел 29 марта, подтвердил серьезный раскол в этой организации: приехали только 12 из 22 глав государств. Суннитские лидеры всех стран Персидского залива проигнорировали мероприятие.

Одновременно с расколом региональной организации усиливаются противоречия и между отдельными странами региона. Обостри-

лась историческая внутрирегиональная конкуренция за влияние между отдельными государствами, которая часто приводит к вмешательству во внутренние дела – вплоть до поддержки оппозиционных группировок и террористических организаций. Не в последнюю очередь события в Ливии были обусловлены именно этой конкуренцией, прежде всего историческим противостоянием нефтяных монархий и светских государств.

На этом фоне обострились и противоречия между двумя крупными державами региона: Саудовской Аравией и Ираном. Несмотря на кажущийся региональным характер ирано-саудовского противостояния, оно затрагивает стратегические направления мировой политики и экономики. Многие индустриальные державы мира фактически зависимы от углеводородов из региона Ближнего Востока. Их будущее напрямую связано с тем, в чьих руках сосредоточен контроль за добычей и транспортировкой нефти и газа.

Спустя год после начала «арабской весны», эксперты все более пристальное внимание стали обращать на Катар, который к этому времени уже считал себя фактической движущей силой всех произошедших на Ближнем Востоке событий. За последние несколько лет маленький эмират стал обладателем сотен миллиардов долларов (еще в 2001 г. Катар имел внешнюю задолженность) благодаря своей уникальной программе сжиженного природного газа (СПГ). Ежегодно растущие доходы от экспорта СПГ уже поставили эмират во главу рейтинга государств по объему ВВП на душу населения по итогам 2011 г., а также способствовали тому, что Катар был признан страной с самой динамичной экономикой в период 2000–2010 гг.

О роли «Аль-Джазиры» в серии волнений, мятежей и переворотов уже написаны десятки статей, поэтому отметим только, что без особого освещения со стороны «Аль-Джазиры» прошло саудовское вторжение в Бахрейн весной 2011 г., волнения шиитов Восточной провинции Саудовской Аравии и выступления интеллигенции в Эр-Рияде и Джидде в марте – апреле 2011 г. Канал не освещал новости о попытке военного переворота в Катаре в марте 2011 г. и покушения на эмира в начале сентября 2011 г., пусть даже эти новости были просто слухами. О самом Катаре «Аль-Джазира» старательно молчит, равно как и о его соседях по ССАГПЗ. Зато Египет, Ливия и Сирия находились в вещании по телеканалу в ежеминутном режиме, причем многие «картинки» прокручивались по несколько раз в день.

На территории Катара в 40 км от Дохи расположена крупнейшая база ВВС США Аль-Удейд, и именно с этой базы поставлялось вооружение ливийским повстанцам весной – летом 2011 г., включая автоматическое оружие, гранатометы и ракеты земля – земля для уничтожения танков.

События на Ближнем Востоке и в Северной Африке усилили и претензии Турции на роль лидера исламского мира и стали причиной изменения внешнеполитического курса официальной Анкары на восточном направлении. На протяжении последних лет и вплоть до наступления «арабской весны» внешняя политика Турции базировалась на концепции «стратегической глубины», разработанной нынешним министром иностранных дел Турции Ахмедом Давутоглу и эффективно воплощаемой в жизнь руководством правящей Партии справедливости и развития (ПСР). Базовыми принципами этой концепции являлись «ноль проблем с соседями» и «создание зоны стабильности и безопасности вокруг Турции». Следуя в русле этих принципов, Турция за короткий период времени сумела если не разрешить, то как минимум нивелировать существовавшие в течение десятилетий проблемы с Сирией, Ираном и Ираком и интенсифицировать экономические и политические связи со странами Большого Ближнего Востока. Эта политика способствовала росту популярности Турции в арабском мире, вследствие чего оппозиционные силы Туниса и Египта стали рассматривать ее в качестве модели будущего политического устройства своих стран.

После начала политических потрясений на Ближнем Востоке руководство ПСР посчитало, что в новых геополитических реалиях внешнеполитические принципы Давутоглу больше не соответствуют стратегическим интересам страны. Вместо того чтобы попытаться выступить посредником между оппозицией и правящими режимами, турецкие власти встали на сторону протестующих и способствовали формированию на территории Турции оппозиционных группировок сначала Египта, а затем Ливии и Сирии.

Особенно отчетливо изменение внешней политики Турции проявилось в позиции, занятой турецкими властями по отношению к Сирии. После начала массовых протестов против баасистского режима официальная Анкара заняла сторону оппозиции и выступила с призывами к Башару Асаду уйти в отставку.

Политика официальной Анкары на Ближнем Востоке, где Турция, по словам Реджепа Тайипа Эрдогана, сыграет «роль, которая изменит ход истории и поможет перестроить регион с чистого листа»,

вызывает рост напряженности как внутри самой Турции, так и за ее пределами. Действия турецкого руководства в отношении Сирии обострили ее отношения с Ираном, руководство которого уже предупредило Турцию, что в случае вооруженного вмешательства Турции в Сирию Иран не останется в стороне и предпримет ответные действия.

Перспективы стабилизации на Ближнем востоке и в Северной Африке остаются крайне неопределенными. Даже в тех странах (Тунис, Египет), где революции произошли первыми и увенчались достижением видимых искомым целей – свержением авторитарных лидеров, ситуация еще далека от полной нормализации и вспышки общественного недовольства периодически прорываются снова. Пассионарный потенциал арабского общества остается достаточно высоким.

На данном историческом этапе итогом революционных по своей сути выступлений (вызванных, в первую очередь, социально-экономическими причинами), может стать главным образом трансформация надстроечного уровня, не затрагивающая базис общества. Первопричины социальной несправедливости – реального генератора протестных настроений, по всей видимости, останутся нетронутыми, а это означает, что от повторения народных выступлений никто не застрахован.

Вопросы для самоконтроля

1. Обострение положения в Палестине в годы и после Второй мировой войны. Кризис британской мандатной политики. Образование государства Израиль и его последствия для региона.

2. Создание Лиги арабских государств (ЛАГ), ее роль и значение

3. Сущность и содержание «арабского социализма», причины популярности социалистической идеологии в арабских странах.

4. Объединение Аравии под властью ибн Сауда. Создание королевства Саудовская Аравия, особенности его развития в 1930–1950-е годы XX в. Специфика реформирования саудовского общества и «саудовская модель» экономического развития.

5. Революция 1952 года в Египте, ее последствия для регионального развития. Этапы развития республиканского Египта.

6. Создание Багдадского пакта. Революция 1958 г. в Ираке: особенности и последствия.

7. Египет при А. Садате: проблемы экономического, внутривосточного и социального развития.

8. Особенности достижения политической независимости Тунисом и Марокко. «Дустуровский» и марокканский социализм.
9. Национально-освободительная война в Алжире, специфика становления самостоятельного алжирского государства.
10. Особенности социально-политического и экономического развития Ливии после революции 1969 г.
11. Ирано-иракская война (1980–1988 гг.): причины и последствия.
12. переворот 1987 г. в Тунисе. Новый курс президента Зин аль Абидина Бен Али.
13. Особенности развития САР после «исправительного движения» 1970 г.
14. Особенности строительства социализма в Алжире. Политический кризис 1988 г., причины государственного переворота 1992 г.
15. Кризис в Заливе 1990–1991 гг., его последствия.
16. Специфика объединения Йемена. Война между Севером и Югом, ее последствия.
17. Мадридский ближневосточный процесс. Проблемы государственного строительства Палестинской национальной автономии (ПНА).
18. Причины военной операции США против Ирака в 2003 г. Проблемы в становлении новой иракской государственности.
19. Причины протестных волнений 2011 г.
20. Последствия «арабской весны» для региональных и международных отношений.

Примеры контрольных заданий

Блок I

В чем причины популярности идей «арабского единства» после Второй мировой войны?

Как изменилась расстановка сил в регионе после первой арабо-израильской войны (1948 г.)?

Являлся ли путь развития, выбранный Египтом, безальтернативным?

В чем причины активизации политической деятельности европейских государств и США на Ближнем Востоке после Второй мировой войны?

Почему в общественной жизни арабских стран в 1960-е гг. большую роль начинает играть военная прослойка?

Как повлияло создание ОИК на региональное соотношение сил?

Блок 2

В чем причины охлаждения арабских стран к идеям социализма в 1970-е г.?

В чем заключаются причины отсутствия динамики в интеграционных процессах в арабском мире? В чем отличие интеграции арабского мира от интеграционных процессов в других регионах?

Повлияла ли революция 1979 г. в Иране на политическую ситуацию в арабских странах?

Можно ли говорить о полном крахе переговорного процесса в арабо-израильском конфликте и тупике ближневосточного урегулирования?

Справедливо ли утверждение, что кувейтский кризис 1991 г. стал первопричиной событий в Ираке 2003 г.?

Возможен ли союз между ФАТХ и ХАМАС? В чем заключаются принципиальные разногласия между ними?

Блок 3

Почему существует множество гипотез о причинах и механизмах волнений в арабских странах (от конспирологических до геополитических)?

Можно ли считать, что США в какой-то мере спровоцировали события в арабских странах?

Объясните выступления в арабских странах в свете взаимодействия глобализации и исламской культуры

Почему «Арабская весна» не вызывает оптимизма в российских научных и политических кругах?

Как Россия определяет свое место в событиях «арабской весны»? Противопоставляет ли себя Россия Америке или видит в США партнера и союзника?

Политика России по презентации своей позиции на информационном фронте. С чем связана критика ближневосточной политики России и антироссийская кампания в западных СМИ?

Ролевая игра (пример)

Столкновение мнений по вопросу о причинах «арабской весны» и дальнейшей трансформации политических и государственных структур арабских стран, их модернизации и роли ислама в этих процессах.

Тезисы первого игрока:

Постреволюционные арабские страны переживают этап своего возрождения. Системный кризис, которым были вызваны протестные движения, остался позади. Исламские партии, пришедшие к власти в результате первых свободных и демократических выборов и заметно усилившие свое влияние, смогли стабилизировать политическую ситуацию. При этом нет оснований для противопоставления деятельности мусульманских партий демократическим процессам. Арабские народы только недавно вступили на путь модернизации, они ищут пути вхождения в общий мировой процесс без потери своей культуры и идентичности. Необходимо предоставить арабским народам самостоятельность в выборе моделей политического и культурно-социального развития.

Тезисы второго игрока:

В регионе Ближнего Востока создан неустойчивый и противоречивый баланс интересов и сил между различными фракциями, которые так или иначе являются продуктом эпохи предыдущего правления. Из недр общества вышли на арену и все громче заявляют о себе новые силы, часто позиционирующие себя как исламские, они радикально настроены. При этом страны региона рискуют вообще отказаться от идеи устойчивого развития и вступить в новый виток замедления роста и опасности утраты стимулов к развитию.

Есть опасность того, что новые режимы сами пойдут по пути монополизации власти, свертывания демократических свобод и нарушения гражданских прав. Оказавшись перед угрозой утраты власти в результате неоправдавшихся ожиданий населения и невыполненных обещаний, они вернуться к прежним методам правления.

Идет резкая активизация салафитских групп, которые противопоставляют себя умеренным исламским движениям.

Серьезные изменения – не в лучшую сторону – международного климата. Речь идет, прежде всего, о возросшем влиянии военной силы в реализовавшейся тенденции к интервенционализму со стороны ряда стран Запада

Дискуссия по выступлениям участников игры.

Ситуационный анализ (пример)

Политические перспективы исламских партий, пришедших к власти на волне протестных движений

Блок 1. Основные тенденции в развитии политической ситуации в арабском регионе

1. Причины радикализации исламских движений и активизации салафитских и других экстремистских группировок.

2. Этнические и конфессиональные противоречия. Положение этноконфессиональных меньшинств. Главные очаги и организационные носители исламистской идеологии и центры диверсионно-террористической войны. Взаимосвязи между ними. Образуют ли они единую сеть или множество матричного типа.

3. Взаимодействие умеренных и радикальных исламских группировок: их цели и задачи; светская оппозиция (системная и внесистемная), ее роль в революционных движениях 2011 г.

4. Деятельность Турции, Ирана, Саудовской Аравии и Катара по продвижению своих интересов в арабском регионе

5. Что представляют собой экономические и политические программы исламских партий? Начался ли процесс реализации заявленных программ? Отношение общества к новым конституциям и новым государственным структурам.

Блок 2. Отдельные кейс-стади

1. Тунис
2. Египет
3. Ливия
4. Йемен
5. Бахрейн
6. Ирак
7. Сирия

Блок 3. Синтезирующий кейс-стади. Можно ли утверждать, что рассмотренные страны находятся, в целом, в сходном политическом положении или налицо различия и разнонаправленность государственно-политических тенденций? Правильно ли считать, что имеется единый центр экстремистского исламизма, координирующий активность всех (большой части) организаций, дестабилизирующих современную обстановку в арабских странах или таких центров несколько? Можно ли в принципе уничтожить группы воинствующих исламистов, на чем базируется их высокая выживаемость? Степень заинтересованности

различных государств в реализации своих политических интересов в арабских странах, перспективы реализации этой заинтересованности.

Литература по 4 главе

Александров И.А. Монархии Персидского залива: этап модернизации / И.А. Александров. – М.: Дело и сервис, 2000.

Арабская весна 2011 года. Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. – М.: URSS, 2011.

Арабский мир после арабской весны. Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. – М.: URSS, 2012.

Беляев И.П. Египет: время президента Насера / И.П. Беляев, Е.М. Примаков. – М.: Наука, 1974.

Ближний Восток, арабское пробуждение и Россия: что дальше / под ред. В.В. Наумкина. – М.: Ин-т Востоковедения РАН, 2013.

Васильев А.М. История Саудовской Аравии (1745 г. – конец XX в.) / А.М. Васильев. – М.: Классика плюс, 1999. – 670 с.

Видясова М.Ф. Джихад без войны. Тунисский опыт модернизации и политическое наследие Хабиба Бургибы (1903–2000) : в 3-х т. / М.Ф. Видясова; отв. ред. Л.А. Фридман ; ИСАА при МГУ им. Ломоносова. – М.: Гуманитарий, 2007.

Видясова М.Ф. Политический ислам в странах Северной Африки / М.Ф. Видясова, Орлов В.В.. – М.: ИСАА при МГУ, 2008. – 507 с.

Егорин А.З. История Ливии. XX век / А.З. Егорин. – М.: Ин-т Востоковедения РАН, 1999. – 562 с.

Звягельская И.Д. Государство Израиль / И.Д. Звягельская, Т.А. Карасова, А.В. Федорченко. – М.: МГИМО, 2005. – 559 с.

Ланда Р.Г. История Алжира. XX век / Р.Г. Ланда; Ин-т востоковедения. – М.: Наука, 1999. – 306 с.

Пырлин Е.Д. 100 лет противоборства: генезис, эволюция, современное состояние и перспективы решения палестинской проблемы / Е.Д. Пырлин. – М.: РОССПЭН, 2001. – 478 с.

Сергеев М.С. История Марокко. XX век / М.С. Сергеев. – М.: Ин-т Востоковедения РАН, 2001. – 356 с.

Для заметок

Сапронова Марина Анатольевна

**АРАБО-МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР:
история, география, общество**

Учебное пособие

Корректурa и верстка
Л.Ш. Давлетшиной

Дизайн обложки
М.А. Ахметова

Подписано в печать 23.12.2013 г.
Бумага офсетная. Печать ризографическая
Формат 60x84 1/16. Гарнитура «Таймс». Усл.печ.л. 20,93
Уч.-изд.л. 19,65. Тираж 200 экз. Заказ 66/8

Казанский университет

420008, г. Казань, ул. Профессора Нужи́на, 1/37
тел. (843) 233-73-59, 292-65-60